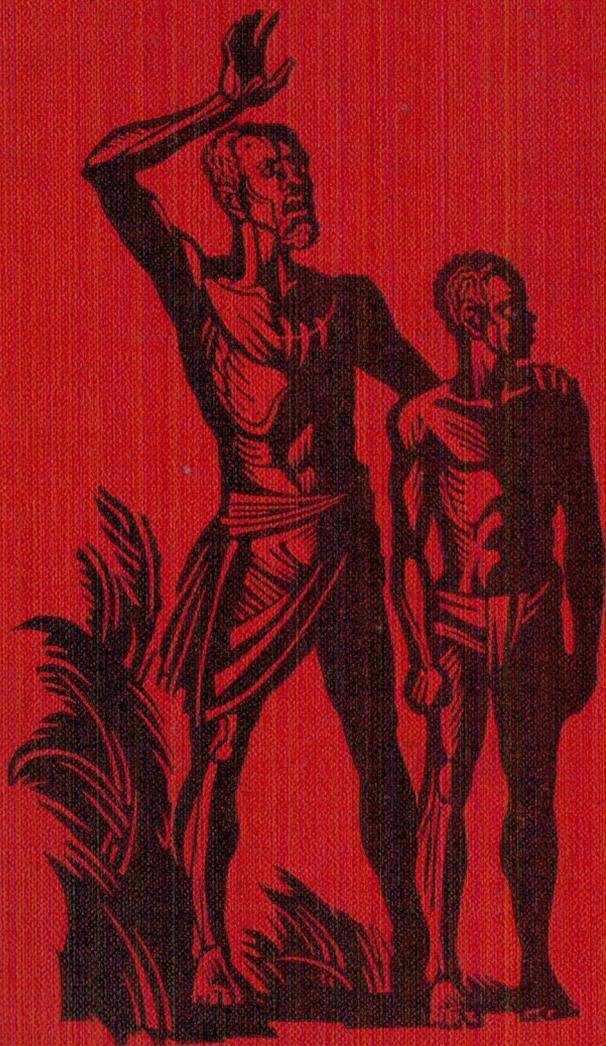

АЙИ КВЕИ АРМА ЦЕЛИТЕЛИ

АЙИ КВЕИ АРМА
целители

AYI KWEI ARMAH

the healers

LONDON HEINEMANN 1979

АЙИ КВЕИ АРМА целители

РОМАН

Перевод с английского Андрея Сергеева

МОСКВА «ПРОГРЕСС» 1982

Предисловие В. Иорданского

Редактор А. Файнгар

Арма А. К. Целители: Роман. Пер. с англ.— М.: Прогресс, 1982.—328 с.

Действие нового романа ганского писателя, известного нашему читателю романом «Осколки» (М., 1976), происходит во второй половине XIX в., когда английские колонизаторы, в попытке захватить территорию Золотого Берега, встретили отпор со стороны государства Ашанти. Люди, называющие себя «целителями», призывают африканцев покончить с внутренними распрями и сплотиться для отпора иноземным поработителям.

Своеобразна манера повествования: автор мастерски пользуется приемами устной литературной традиции гриотов — народных сказителей и историков для воссоздания прошлого Африканского континента.

© Ayi Kwei Armah 1978

© Предисловие и перевод на русский язык издательство «Прогресс», 1982

А $\frac{70304-453}{006(01)-82}$ 114—82

470300000

ПОИСК ПРОШЛОГО

Поход на столицу королевства Ашанти¹ — Кумаси начался 7 января 1874 года, но, переправившись через реку Пра, английская колонна остацовилась. У местечка Асаман, напротив деревни Прасо, саперы приступили к сооружению моста, который бы позволил быстро переправлять артиллерию и солдат. Командующий колонной генерал-майор Гарнет Уолсли направил в Кумаси ультиматум, в котором угрожал нападением, если верховный вождь королевства — асантехене Кофи Карикари не согласится выплатить контрибуцию в 50 тысяч унций золота и освободить всех захваченных ашантийцами в недавних войнах пленных. Кроме того, Гарнет Уолсли требовал права в сопровождении 500 солдат и офицеров посетить Кумаси, где будет подписан договор между двумя сторонами. Договор кабальный.

Трудно поверить, что генерал не понимал неприемлемости своих условий. Вероятно, он сознательно провоцировал войну. Когда асантехене попытался сохранить мир, завязав с англичанами переговоры, сэр Уолсли предъявил новый, еще более наглый и оскорбительный ультиматум. Он обязывал ашантийцев немедленно передать британской казне половину контрибуций, а также выдать в качестве заложников королеву-мать, наследника королевского трона и четырех последних принцев крупнейших княжеств. Ответом на эти требования могла быть только война.

31 января спешно собранная ашантийская армия встретила наступающую британскую колонну у деревушки Амоафо, примерно в миле от города Бекван. Асантехене поручил командовать войсками вождю из Мампона Квабене Двумо, обойдя видного военачальника Аманква Тиа. Ашантийцы мужественно защищались, но две английские семифутовые пушки решили исход дела.

¹ В тексте романа автор слегка видоизменил некоторые названия и имена.

Доказали свое превосходство над ашантийскими заряжающимися с дула мушкетами и скорострельные британские ружья.

Последнее крупное сражение произошло у деревни Одасу, в непосредственной близости от Кумаси. На этот раз ашантийцев вел в бой Асамоа Нквапта, полководец, не знавший в прошлом поражений. И снова техническое превосходство британского оружия оказало решающее влияние на исход боя. Вечером 4 февраля английская колонна вступила в столицу, брошенную всеми ее жителями. Генерал Уолсли ознаменовал победу тем, что взорвал королевский дворец и поджег город.

Таковы исторические события, составляющие канву романа ганского писателя Айи Квеи Армы «Целители». Это было время, когда в Лондоне после некоторых колебаний решили приступить к захвату всей территории Золотого Берега и лишь искали предлога для начала военной акции. Викторианская Англия находилась в зените могущества. Напротив, наиболее крупное государственное формирование в этом районе Африканского континента — королевство Ашанти еще не смогло завершить объединения всех ветвей народа акан под единой властью. Многие вассалы государя-асантехене не примирились с недавней утратой самостоятельности. Внутренние раздоры подрывали фундамент молодого государства.

Что привлекло внимание писателя к поворотному моменту национальной истории? Видимо, прежде всего его напряженность, его насыщенность бурными событиями, в которых с особенной полнотой раскрывались людские характеры. Но, думается, на сделанный Айи Квеи Армой выбор могло повлиять еще одно соображение. Дело в том, что еще не так давно в трудах буржуазных ученых часто звучали утверждения, что африканские народы вообще не знали истории. Подразумевалось, что существующие на континенте общества не развивались, а замерли на крайне низкой ступени эволюции, что культура африканских народов бедна и ущербна. Колониалистская пропаганда с такой настойчивостью и усердием насаждала эти взгляды, что определенный след в сознании африканской интеллигенции они оставили.

Как ни абсурдны подобные «теории», они требовали опровержения, причем не голословного. Ложь нельзя разрушить простым отрицанием, следовало восстановить

подлинный ход истории. К тому же в африканском обществе интерес к собственному прошлому всегда оставался огромным, и Айн Квеи Арма понимал, как важна возможность ощутить величие родной истории.

Прошлое Африки нуждалось в защите от колониальной пропаганды. В то же время его следовало освободить от пелены мифа.

В древних африканских обществах существовал своего рода «культ истории». При королевских и княжеских дворах держали хранителей старых преданий, причем, если память подводила придворного и он искажал легенду, его ожидало суровое наказание. В глазах африканцев прошлое не исчезало в дали веков, а оставалось живым, непосредственным участником происходящих событий.

В давние времена, когда хотели повлиять на будущее, зачастую набрасывали покров забвения на прошлое. В истории королевства Ашанти есть такой эпизод: когда в конце XVII века определился круг племен, составляющих ядро нового государственного образования, их вожди приняли решение под страхом смерти запретить пересказ племенных легенд и сказаний. Сохранившаяся традиция сообщает, что посоветовал эту меру друг государя Осей Кофи Туту — оконфо (жрец) Аноче.

Вероятно, мудрецу, о котором в народной памяти сохранились многочисленные легенды, было нелегко склонить вождей к отказу от прошлого своих племен. От них требовалось забыть предания, воспевающие героические деяния пращуров, которым поклонялись не только они, но весь народ. Возможно, жрецу пришлось прибегнуть и к принуждению. Но он, очевидно, был убежден, что в новом государстве единый народ должен проникнуться сознанием общности исторических судеб, что давние племенные мифы могут лишь ослабить еще непрочный союз.

Конечно, в древних африканских обществах понимание истории было своеобразным: в народной памяти миф срастался с фактом. Отсутствие письменности у большинства африканских народов было одной из причин того, что сведения о прошлом окутывались нестрем туманом полужафтастических, полуреальных преданий. Поэтому попытки восстановить ход истории континента паталкиваются на труднейшую проблему: как выделить истину из массы противоречивых устных сказаний, отделать

историческую правду от укоренившегося в народном сознании мифа.

В этом деле поиску ученого может помочь интуиция художника. Автор «Целителей» изучил все, что известно историкам об интересующем его времени. И вот его работа перед читателем.

Айи Квеи Арма родился в 1939 году в Такоради. Этот город на западе Ганы — морские ворота страны. На его улицах можно встретить коренастых плотных фанты из окрестных деревень, худых, высоких моси из далекой Верхней Вольты, наследственных матросов — круменов — из Либерии, бродячее, шумное племя которых поставляет рабочие руки капитанам едва ли не всех судов, обслуживающих западное побережье Африки. В Такоради с детства узнают, как велик мир, как непохожи друг на друга люди. Здесь издавна почитались не преклонение перед обветшалыми традициями, а самостоятельность личности, ее независимость и смелость.

Свободный дух Такоради, столь отличающий этот город от бюрократизированной Аккры и традиционалистского, верного прошлому Кумаси, дорог Айи Квеи Арме. Вероятно, он предопределил пристальный интерес юноши к судьбе личности в современной Африке, к ее внутренним противоречиям, к противоречиям общества, в котором она живет. В вольной атмосфере города закалилась честность, которой отмечен бескомпромиссный, трезвый взгляд Айи Квеи Армы на окружающую его действительность.

След на мировоззрении писателя оставило и время его возмужания. Это были трудные годы. Позади осталась эпоха подъема антиколониального движения. В Гане оживились реакционные элементы, спекулирующие на ошибках и просчетах демократического правительства. Они выступили закулисными вдохновителями военного переворота, на долгие годы затормозившего социальное, экономическое и культурное развитие страны. К власти пришла клика, распродававшая национальное достояние иностранным монополиям, торопившаяся побыстрее набить себе карманы. В удушающей атмосфере коррупции многих охватывали пессимизм, отчаяние.

Уже первый роман Айи Квеи Армы «Прекрасные еще не родились» (1968) вызвал волну откликов. Критики единодушно отмечали своеобразие таланта молодого автора, но их оценки самого произведения заметно различались — от восторженных до резко отрицательных. Многоплановый, посвященный острым проблемам, вокруг которых в Африке шли бурные споры, роман сам оказался в центре оживленной полемики.

Протест автора против политической демагогии казался крайностью и ошибкой тем, кто опасался, что писатель своей критикой может перечеркнуть и значение освободительных демократических идей, на которых спекулировали некоторые беспринципные политики. Его беспощадное разоблачение коррупции иными читателями истолковывалось как проявление недоверия вообще к политическим лидерам континента. Описание драматических судеб людей, гибнущих духовно из-за неспособности примирить верность отцовским традициям с требованиями современности, выглядело, по некоторым оценкам, слишком пессимистичным.

Надо сказать, что об этом интересе Айи Квеи Армы к судьбам личности в современном африканском обществе писали многие критики и исследователи его творчества. Чем же было обусловлено писательское внимание именно к этой проблеме? Дело в том, что крутой социально-культурный поворот, пережитый в последние десятилетия обществами Тропической Африки, сказался и на положении личности. В ходе распада родо-племенного строя разрывались кровные узы, связывающие человека с его общиной, и впервые личность оказывалась одинока. Но не только одинока, а и самостоятельна. Теперь ей самой предстояло принимать многие из тех решений, которые в недавнем прошлом принимались за нее старейшинами. Эта независимость в мире, который был нов, изменчив, непонятен, часто жесток, далеко не каждому казалась благом. Люди, о которых писал Айи Квеи Арма, иногда не выдерживали ее бремени.

Суровое суждение о первой книге молодого писателя вынес выдающийся нигерийский писатель Чинуа Ачебе. Выступая в 1973 году с лекцией «Африка и ее писатели», он сказал о романе: «Герой, бледный, пассивный и безымянный, бредет в мучительном полусне, по шею увязнув в отчаянии и человеческом дерьме, которого,

пожалуй, чересчур много в книге... По его Гана неузнаваема». Чинуа Ачебе высказал в лекции предупреждение, что Арме «грозит серьезная опасность разбазарить огромный талант и энергию». Он предостерегал молодого писателя от разлагающего влияния экзистенциалистской философии.

В замечаниях Чинуа Ачебе много верного, по некоторые его оценки проистекали из глубоких различий двух дарований — его и Армы. В то время как Ачебе стремится к предельной точности и ясности слова, Арма охотно прибегает к поэтическим метафорам, к гиперболизации. Нигерийский писатель дорожит верностью воссоздания социальной действительности. Напротив, ганский романист, чуткий к паболевшим общественным проблемам, предпочитает разворачивать сюжет своих произведений в мире, который он сам произвольно лепит как из отдельных элементов действительности, так и из собственных художественных обобщений. Наконец, дарование Чинуа Ачебе, при всей критической трезвости писательского взгляда на жизнь, по природе своей оптимистично. Первые романы Айн Квеи Армы выдержаны скорее в сумеречных тонах.

Чинуа Ачебе говорил о первом романе ганского писателя — «Прекрасные еще не родились», но и второй роман Айн Квеи Армы — «Осколки» (1970), — и третий — «Почему мы столь благословенны» (1972) — подтвердили, что творческая манера, круг его интересов остаются прежними. Английский литературовед Г. Гриффит отмечал, что эти «...романы кажутся замкнутыми в личном мире, и, хотя они приобретают большую цельность и силу благодаря тому, что как бы пропущены через индивидуальное сознание героя, стремящегося понять свое время, горечь и одиночество этого персонажа возрастают с каждым новым романом, так что произведения писателя иногда выглядят вехами на дороге, ведущей к навязчивым идеям и отчаянию». Попытавшись объяснить, чем вызваны эти настроения у автора, талант которого он высоко ценит, Г. Гриффит продолжал: «С самого начала романы Армы имеют дело с людьми, которые отказываются жертвовать своей личной порядочностью и удовлетворяться выродившейся расхожей моралью... Представляется ли угроза в форме семейного давления, как в «Прекрасные еще не родились», в традиции, принявшей новый облик

социальных требований, как в «Осколках», или в обязанности быть активным и «идейным», как в «Почему мы столь благословенны», центральные герои Армы борются за то, чтобы сохранить зыбкую власть над индивидуальной правдой и личным достоинством». И терпят поражение.

Разумеется, все эти проблемы отнюдь не обязательно должны разрешаться так драматично, как это происходит в романах молодого Армы. В частности, многие из вопросов, волнующих ганского писателя, подняты и в произведениях Чинуа Ачебе. Но сколь отличен подход Ачебе к этим животрепещущим темам! Тогда как герои Ачебе, и отрицательные и положительные, тысячами нитей связаны с обществом, в котором живут, против недостатков которого восстают или на которых паразитируют, герои романов Армы внутренне одиноки, нити, соединяющие их с другими людьми, либо надорваны, либо разорваны вообще. Вот почему они остаются наедине с подтачивающим их духовные силы отчаянием. Именно против этой ущербности мировидения и предостерегал маститый писатель своего молодого коллегу, предлагая задуматься над отношением к жизни.

И в самом деле, источник пессимизма Айи Квеи Армы — в горечи молодости, обманувшейся в своих ожиданиях. Читая первые произведения ганского автора, прежде всего открываешь его собственные ум и характер. Ему свойственны многие прекрасные черты — нетерпеливое желание понять смысл происходящих событий, честность, которая нетерпима к любому обману — и к дифирамбам, и к клевете. Его гибкий и сильный ум пытается заглянуть в будущее, но оно скрыто за занавесом, с которого на писателя, как ему кажется, смотрят наглые, хищные лики казнокрадов, насильников, палачей. Лики страшного, погрязшего в жестокости общества.

Талант писателя с особой полнотой раскрывается в обличении самодурства во всех его ипостасях. Писатель видит, как цинична бесконтрольная власть, как стремительно она разрушает или растлевает тех, кто оказывается в сфере ее притяжения. Один военный переворот сменяет в Гане другой, одни генералы сменяют других. Но реальных перемен не происходит, произвол самодуров остается. Айи Квеи Арма пишет: «Новые

люди возьмут в свои руки власть, позволяющую грабить богатства нации и использовать их для собственного удовольствия. Этого, конечно, следовало ожидать. Новые люди используют власть в стране, чтобы избавиться от мужчин и женщин, говоривших пелестные для них вещи. В этом не будет ничего необычного. Это будет продолжением гапского образа жизни».

И писателю рисуются впереди «бесконечные дни, одинаковые дни, тянущиеся в будущее, которому не видно конца».

Когда Арма писал эти слова, ему еще не было тридцати лет, его родина переживала период разгула реакции. Да и только ли в Гане оказались растоптаны идеалы эпохи борьбы за независимость? Во многих странах континента империализм продвигал к власти такие зловещие фигуры, как «император» Центральной Африки Жан-Бедель Бокасса I или угандийский палач Иди Амин, как добрый десяток других тиранов помельче. Эти сумерки не только молодому Айн Квев Арме, но и целому ряду писателей старшего поколения начинали представляться бесконечной, беззвездной ночью.

В такой обстановке обращение африканской интеллигенции к истории обретает особый смысл. Кто мы? Действительно ли африканские народы без роду и племени? Может быть, какое-то неведомое проклятие обрекло африканские народы на отсталость, на культурную скудость? Такие вопросы издавна занимали мысль африканской интеллигенции, а на пороге 70-х годов интерес к ним стал особенно пристальным.

В 1955 году сенегальский историк Шейк Анта Диоп издал книгу «Негрские нации и культура». Уже на первых ее страницах он бросал вызов западной науке, отрицавшей самобытность и вклад африканских народов в мировую культуру. Шейк Анта Диоп писал: «Если верить западным трудам, то напрасно было бы искать даже в глубине тропического леса хотя бы одну цивилизацию, которая была бы творением негров. Согласно обществу западных ученых, эфиопская и египетская цивилизации, вопреки твердому свидетельству древних, цивилизации Ифе и Бенина, бассейна Чада, Ганы, так называемые новосуданские (Мали, Гао и т. д.), Замбези (Мопомотапа), Конго на экваторе и другие были созданы мифическими белыми, которые позднее исчезли как сон

оставив негров развивать формы, организацию, технику и т. п., которые белые изобрели».

Сенегальский ученый в полный голос обвинял западную африканистику в том, что она служит колониализму и его интересам. Ее цель, утверждал историк, состоит в том, чтобы «заставить негра поверить в то, что он никогда не создавал ничего стоящего, даже из того, что у него есть». Так колеблющимся облегчался отказ от всяких национальных устремлений, а в тех, кто уже обманут, укреплялась готовность к покорности.

Шейк Анта Диоп посвятил свой труд восстановлению правды об африканской истории, раскрытию созидательного, творческого начала у африканских народов. Его книга вызвала бурную полемику, которая и по сей день полностью не затихла. Многие гипотезы автора оказались слишком дерзкими и не выдержали строгого научного анализа. Тем не менее его заслуга в воспитании чувства национальной гордости, прежде всего среди африканской интеллигенции, остается огромной. На родине писателя — в Сенегале и в ряде других стран Западной Африки его влияние вызвало к жизни целое поколение историков, этнографов, филологов, искусствоведов, приступивших к всестороннему изучению прошлого и народной культуры континента.

Чем же был вызван огромный общественный резонанс книги Диопа? Да тем, что пронизывающий ее гордый, независимый дух отвечал настроениям тысяч и тысяч африканцев. Они видели, сознавали, что приближается к концу историческая борьба за свободу, и эта уверенность в скорой победе окрашивала в оптимистические тона общественное понимание народной истории, народной культуры.

Прошло тринадцать лет, и в 1968 году на книжных полках появилась еще одна попытка истолкования африканской истории. Роман «Обреченные на насилье» принадлежал перу молодого малийца Ямбо Уологема.

В центре повествования — судьбы империи Накем, возникшей где-то на Африканском континенте в начале XIII века. Некоторые критики романа сближали ее с западносуданской империей Мали, но для такого сопоставления нет оснований. Автор подчеркнуто избегал каких-либо параллелей с конкретной историей отдельных государств прошлого, поскольку такие параллели

противоречили бы его замыслу: внушить, что африканская история — это охватывающая и современность стихия жестокости и насилия.

Роман — темная бездна отчаяния. Ямбо Уологем рисует бесконечные картины тупых и бессмысленных зверств. Перед читателем проходят один за другим правители империи — палачи, садисты, насильники, лишённые всего человеческого. Но самое страшное — это глубокая убежденность автора в том, что бесчеловечность и есть наиболее характерный признак человека — и насильника, и его жертв. Что касается народа, живущего в неисчислимых страданиях, то он представляется Уологему пассивным, подавленным и бессильным. Ямбо Уологем писал: «В тот век феодализма большие общины рабов славили справедливость своих владык подневольным трудом и тем, что равнодушно взирали на то, как множество их братьев, обмазанных кровью зарубленных детей и беременных матерей, живыми замуровывались в стены зданий...»

Колониалистская печать бурно приветствовала роман. Ведь малийский писатель доказывал, что европейские завоеватели не несут ответственности за миллионы рабов, проданных за океан, за море пролитой крови, за отсталость и бедность африканских народов. Его «устраивал» и образ африканца, рисуемый Уологемом, — равнодушного к собственной участи, неспособного на бунт, превращенного за столетия рабства в живой труп человека. Сам писатель объяснял смысл своего произведения, говоря: «Моя цель — разрушить заблуждения африканцев, чтобы мы могли увидеть, каковы реальные проблемы». Но даже дружественно расположенный к писателю нигерийский критик А. Е. Охагбу отмечал, что реальные проблемы затуманены в романе до их полной неузнаваемости, а позиция автора приносит «психологическое удовлетворение» защитникам «цивилизаторской миссии» Запада в Африке.

В течение нескольких месяцев роман «Обреченные на насилие» находился в фокусе ожесточенных споров. Ямбо Уологем многих задел за живое. Среди африканской интеллигенции слышались голоса, которые, отменяя лицемерные восторги буржуазной печати, утверждали, что роман действительно освобождает африканскую историю от покрова фальшивых иллюзий. Такие оценки были особенно распространены в кругах интеллигенции, кото-

рая была обескуражена паступленным неоклопалли-стеской реакции и трудностями первых лет независимости. Многие видели в государях империи Накем прямых предшественников иных современных диктаторов.

Айи Квеси Арма принадлежит к тому же поколению, что и малиец Ямбо Уологем. Как же отнесся он к роману «Обреченные на насилье»? Его ответ малийскому писателю содержится в книге «Две тысячи сезонов» (1973). Это спорная и вряд ли лучшая литературная работа Айи Квеси Армы. В ней отразился жизненный опыт автора, накопленный за годы странствий за рубежом — в Алжире, Танзании, Лесото, во Франции и США, — она несет груз его размышлений. Этот исторический роман прежде всего и интересен тем, что позволяет увидеть, как напряженно, заблуждаясь, возвращаясь на верный путь, снова ошибаясь, работает мысль его автора.

В романе «Две тысячи сезонов» есть немало внешне сходных черт с «Обреченными на насилье». В частности, Арма, как и малийский романист, создает некий синтез африканской истории. Миф еще жив в народных культурах Африки, и ганский писатель черпает из этой сокровищницы многие свои идеи. Отдельные герои его романа набросаны столь широкими мазками, наделены столь обобщенными чертами, что становятся почти абстрактными олицетворениями добра и зла. В сущности, сам писатель выступает в роли мифотворца: он создает огромную, насыщенную разительными контрастами, полную драматизма картину африканского прошлого, но эта картина изображает не реальные эпизоды истории, а лишь мифологизированное, крайне субъективное ее отражение в сознании писателя.

Однако, приглядываясь к этой картине, нетрудно заметить, что она отлична от исторической панорамы, созданной Ямбо Уологемом. Арма отбросил главный тезис малийского писателя, его утверждение, что африканские народы — жертвы врожденной у каждого человека жажды насилья. Он не поверил во внушаемую Уологемом обреченность африканцев, в фатальную безысходность их доли. Мизантропическому мировидению малийского писателя Айи Квеси Арма противопоставил свое прочтение африканской истории.

В центре концепции Армы находится представление о древнем «пути» — якобы некогда существовавшем в

идеальном жизненном укладе африканских народов в далеком прошлом. Полнее всего мысли автора выражены в следующих словах романа: «Наш путь. Путь — это не случайная тропа. Наш путь начинается с ясного понимания. Это путь, направленный на сохранение знания о том, кто мы, знания лучшего способа, который мы нашли для того, чтобы каждого соединить с каждым, каждого со всеми, нас — с другими народами, всех — с нашим окружением. Если наше индивидуальное существование имеет достойную цель, то эта цель должна быть стремлением, неотделимым от пути...

Наш путь — взаимность. Путь — это целостность. Наш путь не знает угнетения. Наш путь гостеприимен к чужестранцам. Путь отбрасывает разрушителей. Наш путь производит, прежде чем потребляет. Наш путь созидает. Путь уничтожает только уничтожение».

Итак, путь, по мысли Армы, — это прежде всего определенные моральные ценности, закрепленные в традиции, в обычаях. Главное — в утверждении тех уз, которые превращают людское множество в одушевленный единой целью социальный организм — коллектив. Среди этических идеалов пути — равенство, терпимость, гостеприимство к иностранцам, исключаяющее всякое националистическое высокомерие. Наконец уважение к созиданию, ненависть к разрушению и разрушителям.

Путь в то же время движение, развитие, эволюция. Он — и направление этого движения.

Таков идеал, и некогда, верит Арма, он был жизнью. Нынешнее положение континента, выпавшие на долю африканских народов испытания он объясняет тем, что идеал был забыт, путь — оставлен. Как это произошло? Арма отвечает, что некогда в обществе, верном «пути», появились «уроды» — властолюбцы, которые, чтобы скрыть «полнейшую атрофию духа», хотели возвыситься над остальными. Думается, из жгучей ненависти писателя к самодурству прошлых и современных властителей континента выкристаллизовалась в его воображении галерея насильников, предателей, кровавых злодеев. Они продают Африку «белым хищникам» и «белым разрушителям» — арабским и европейским завоевателям. Автор создает зловещие коллективные портреты этих двух сил — «белых хищников» и «белых разрушителей».

Понятны негодование Айи Квеи Армы предательством африканской аристократии, его возмущение грабительскими набегами арабов-работорговцев, его ненависть к работодателям-европейцам, но наступает момент, когда писателю изменяет и историческое чутье, и чувство меры. Невозможно согласиться с утопией золотого века, которую он возрождает. Невозможно принять и решающую роль в историческом процессе «возмутительных уродов» — аристократии, «белых хищников» и «белых разрушителей». Превращаясь под пером писателя в абсолюты зла, эти три силы обретают обличье, которое было бы оправдано в древнем мифе, но неуместно в реальной действительности.

Надуманность исторической концепции — это еще одна черта, которая сближает роман «Две тысячи сезонов» с произведением Ямбо Уологема. Но там, где субъективизм малийского писателя беспросветно мрачен, у Армы сохраняется надежда. Там, где Уологем представляет себе народ обреченным на насилie, Арма обнаруживает безграничную способность народа к возрождению, к самоочищению. Наконец, несомненны антиколониализм и демократизм ганского писателя.

Новый роман Айи Квеи Армы — «Целители» (1979) — стал еще одним крупным шагом в сторону более объективного, более трезвого, а в конечном счете оптимистического и правдивого взгляда на историю.

Очередное произведение писателя явилось многим своими сторонами неожиданным и для его читателей, и для его критиков. Оно решительно не укладывалось в сложившийся стереотип суждений о творчестве Айи Квеи Армы. «Это писатель, — утверждал африканский исследователь Чарльз Э. Нволим, — философский пессимизм которого очевиден в каждой работе». Он обвинял Арму в том, что тот «испытывает наслаждение от сцен поражения, разочарования, обмана, утраты». Еще недавно такие упреки не были лишены основания. После выхода в свет «Целителей» они стали беспредметны.

Новый роман подтвердил, что годы, прошедшие со времени публикации «Одного тысячелетия», были для писателя периодом напряженной духовной работы, тяжелых раздумий, пересмотра некоторых прежних

представлений. Он отказывается от дидактической «тезисности», свойственной «Одному тысячелетию», отходит от характерных для этого произведения псевдоисторических абстракций. Писатель с головой погружается в одну из самых драматичных эпох своей родины — эпоху падения королевства Ашанти. С острой непосредственностью ощущает он напряженный пульс времени, когда в жизни его народа и страны наступает крутой перелом. Его воображение легко и свободно воскрешает обычаи и нравы тех лет, особенности народной культуры, народного быта.

Айн Квеи Арма не случайно столь внимателен к духовной жизни родного народа. По мнению писателя, в народной культуре заключены ценности, значение которых непреходяще. Но он никогда не унижает родного народа сюсюкающе-елейным отношением к его обрядам, традициям, фольклору. Писатель прекрасно видит, что сохраняется в народной культуре жестокого, абсурдного, свидетельствующего об ограниченности опыта и сознания общества определенной исторической эпохи.

Насыщена мрачным драматизмом сцена ордалии — испытания предполагаемого преступника «напитком правды» — ядом. Такие судилища были широко распространены в Тропической и Южной Африке. Изменяясь в деталях от района к району, они везде основывались на убежденности в том, что заключенная в яде сила способна поразить только виновного и безвредна для обвиненного несправедливо. Писатель выразительно раскрывает трагизм обряда, одного из самых страшных в прошлом человечества.

Фигура жреца Есумана — руководителя церемонии ордалии — выступает здесь на первый план. В мерцании костра вспыхивают краски на его пышном одеянии. Возбужденный вниманием толпы, он кажется себе самому значительным, могущественным. Но кто же в действительности жрец — судья, отвечающий перед народом за поддержание справедливости, или пестро разряженная, претенциозная кукла в чьих-то руках?

В народной культуре, традициях и обычаях писатель стремится уловить отголоски прошлого, которые позволили бы представить, как некогда жили люди. Этот поиск закономерен. Внимательному уму деталь орнамента или обрывок мифа могут многое поведать о давних временах.

Уже первые страницы романа содержат поэтичное описание обрядовых соревнований. Оно характерно для творческой манеры писателя, умело сочетающего образную конкретность изображения с вдумчивой аналитичностью. В юношеских состязаниях Айн Квеи Арма видит уже немалыми ощущаемое напоминание о той эпохе, когда ветви его родного народа акан еще не отпали от единого мощного ствола и фаанти, изима, аквапим, ашанти и другие образовывали общность. В том и заключается исконный смысл празднеств, думает писатель, что они вновь позволяют соединить людей.

Представление об утерянном единстве африканских народов сложилось у писателя еще в то время, когда он работал над романом «Две тысячи сезонов». Как и в том произведении, оно служит как бы идейной осью книги. В распрях и раздорах, не перестававших разъединять африканское общество, Айн Квеи Арма обнаруживает яд, который лишил империю Ашанти способности сопротивляться завоевателю.

Есть, впрочем, глубокое различие в том, как изложена дорогая автору идея в двух романах — «Две тысячи сезонов» и «Целители». В первом она выступает в легких одеждах легенды, в ореоле древнего мифа. Она прекрасна, но... не убеждает. Напротив, во втором произведении эта идея предстает как плод настойчивой работы мысли главного героя, результат его исканий, мучительных раздумий и жизненного опыта. Она органически вращена в художественную ткань романа.

«Целители» — это роман идей, размышлений о судьбах африканских народов. Свои прежние взгляды Арма выверяет на изучении конкретных исторических событий, и живая история вынуждает его отказаться от былых схем. Вытесняются со страниц романа людьми из плоти и крови и ранее дорогие писателю полумифические персонажи.

Если обращение к народной культуре позволяет писателю приблизиться к пониманию народной души, этических ценностей родного народа, то обращение к истории английского военного похода на Кумаси дает ему возможность увидеть различные слои африканского общества на историческом перепутье. Приближающаяся война отбрасывает тень на судьбы всех героев книги, одни из которых посвящают себя целиком делу народа, тогда как

другие в эту годину испытания стремятся лишь к богатству и власти.

Одна из наиболее крупных фигур романа — полководец Асамоа Икванта, носящий высшие воинские звания и титулы государства. Создаваемый Армой портрет этого выдающегося ашантийского военачальника не противоречит фактам, известным о его жизни. Возможно, что описываемый романистом конфликт между чувством долга по отношению к народу и чувством преданности королевской семье и в действительности вызвал душевный кризис, который в недалеком будущем приведет мужественного воина к самоубийству. Это случится, когда в стране, ослабленной в войне с англичанами, вспыхнут междоусобицы.

Надломленным, страдающим от преследующих его кошмаров приходит Асамоа Икванта в деревню знахарей. И там находит облегчение. Нить за нитью распутывает мудрый целитель Дамфо противоречия, которые терзают душу великого полководца. Он помогает ему подняться над личным горем, позволяет увидеть, как Икванта мог бы облегчить страдания других людей. Мудрец говорит о будущем обществе, в котором не будет королей и рабов, а кровавые обычаи исчезнут. Постепенно ум полководца выходит из узкого тупика личной судьбы, воин все чаще задумывается над испытанием, выпавшим на долю его народа и страны. И к чему возвращается былая сила.

Военачальнику-патриоту противостоит в романе пестрая плеяда вождей. Айн Квеи Арма остается верен своей ненависти к жалкой, трусливой и продажной клике, в которой некогда обнаружил «чудовищных уродов» романа «Две тысячи сезонов». Вместе с тем он полностью сменяет средства, которыми пользовался прежде при их изображении. В его описаниях африканской аристократии чувствуется знакомство со старинными гравюрами, с рассказами путешественников XVIII и XIX веков. Характеристики писателя оставляют впечатление подлинности именно благодаря найденным в старых рисунках и книгах подробностям поведения, одежды, быта.

Для художественного мышления Армы характерно пристальное внимание к социальным пружинам людских поступков. Эта черта проявляется и в создаваемом им групповом портрете африканской знати. Писатель тща-

тельно выявляет ее интересы, мотивы ее поведения — презрение к народу, властолюбие, эгоизм, корыстолюбие. Почему, в частности, терпит неудачу стратегический план кампании против англичан, разработанный Асамоа Нквантай? На решающем заседании королевского совета в Кумаси, как представляет его себе Арма, восторжествовал страх перед выдвинутой полководцем идеей народной войны. Немалую роль в поражении сыграло и предательство князя Джуабена — Асафо Аджеи, который отказался выдвинуть свои войска в тыл английской военной колонны.

Абабио, претендент на трон небольшого государства фанти — Эсуано, образует отрицательный полюс в поле складывающегося в романе эмоционального и духовного напряжения. Его немалый ум, энергия подчинены удовлетворению непомерного властолюбия. Потомок рабов, прошедших через жесточайшие унижения, он служит, в глазах писателя, иллюстрацией мысли, что властолюбие — лишь другая сторона рабской приниженности. Арма утверждает, что в обществе, где человеческое достоинство попирается, где человек не свободен, неизбежны такие люди, как Абабио, с окружающим их страшным хороводом интриг, измен и убийств.

Обращаясь к народной истории, Аيي Квеи Арма стремится рассказывать о ней, в чем-то следуя манере древних сказителей. Его речь наделена явственно ощутимым ритмом, ей присущи повторы, характерные для устного повествования, когда одни и те же фразы и выражения возвращаются снова и снова, как один и тот же узор в орнаменте. Автор-сказитель в многочисленных отступлениях комментирует описываемые события, высказывает к ним личное, всегда очень эмоциональное отношение. Его интонация никогда не становится монотонной, она изменчива, богата полутонами, выразительна, как выразительно слово страстно увлеченного человека. От страницы к странице разворачивается яркое, красочное полотно народного быта и традиций, военных походов, человеческих страстей и печалей. Сказитель, ведущий повествование, обладает острым взглядом, его язык меток, а многочисленные персонажи романа предстают перед читателем отнюдь не безликой, плотной толпой, каждый из них обладает своим голосом, неповторимой индивидуальностью.

Постепенно, как отдельные камешки в мозаике, эти образы складываются в единый народный характер — гордый, независимый, прямодушный, еще покорный прадедовским обычаям, но уже начинающий сознавать их узость. В новом отношении к народу, по всей видимости, и заключены причины, вызвавшие метаморфозу в мироощущении писателя.

Как и прежде, Арма не боится страшных сторон жизни. Более того, он идет им навстречу, как, например, в описаниях кровавого обряда человеческих жертвоприношений. Но факты, ранее создававшие в его романах атмосферу бессильного отчаяния, вдруг лишаются прежней разрушительной силы. Размышляя над историей родины, причем над ее самыми трагическими страницами, он приходит к выводу, что народ обладает всепобеждающей духовной мощью. Он обнаруживает чистоту людей, их готовность к самопожертвованию. Не случайно повествование о событиях 1874 года заканчивается на ясной и светлой ноте.

Писатель увидел новые для него стороны действительности глазами главного героя романа — юноши Денсу. В исканиях Денсу, в его стремлении к правде находит выход мысль самого автора, его собственные сомнения, колебания, прозрения.

«Годы странствий» юноши, вынужденного бежать из родного Эсуано, наполнены бурными событиями. Он узнает и близких, и врагов, и народ, и его поработителей в период кризиса, когда обнажены благородство и низость, великодушие и мелкая мстительность, великие замыслы и коварные расчеты. Вместе с Денсу наблюдая за тем, как зреет его ум, оценивает происходящее и писатель. Он как бы сверяет собственные взгляды с наблюдениями и выводами быстро мужающего юноши.

Интересен моральный критерий, с которым Денсу подходит к жизни. Этот критерий — гуманизм. Не племенные пристрастия, не ветхие обычаи, а сознание равенства людей. Юноша открывает сочувствие, сострадание, причем боль, испытываемая другими, вызывает в его сердце столь сильный отклик, что он готов на самопожертвование, чтобы помочь страждущим. Через призму гуманизма Денсу начинает оценивать сильные и слабые стороны культуры родного народа, обычаи и обряды, которые надо бы устранить или сохранить. Его личный

поиск правды становится в конце концов поиском жизненного призвания, верного принципам человечности, посвященного служению народу.

Отголосок идей, волновавших автора, когда он работал над романом «Две тысячи сезопов», слышен в мыслях учителя Денсу — целителя Дамфо. В этом человеке воплощен, по мнению Армы, идеал мудрой и свободной личности, чуткой, внимательной к людям и к миру. Он умеет слышать, видеть, замечать то, что другие не слышат, не видят и не замечают, и именно эта способность позволяет ему лечить больных, облегчать людские страдания. В целителе — дух народа, его многовековая мудрость, забытая остальными.

Не падуман ли этот романтический характер? В глухих деревнях Ганы и Берега Слоновой Кости и сегодня время от времени появляются знахари, приносящие облегчение от различных болезней. Им широко используются методы психического внушения, но также применяются целебные травы, корни, минералы. Некоторые из них — люди глубоко религиозные, верящие в то, что их умение исцелять — дар божий, свидетельствующий об их избранности. Иногда они становятся создателями религиозных движений, вовлекающих в свои ряды тысячи сторонников.

В характере Дамфо есть черты, типичные для этих религиозных вождей. Писатель, несомненно, шел от жизни, когда падал его героя обширными знаниями, высокими душевными качествами. Вместе с тем в идеализированном образе знахаря нельзя не увидеть и отражения свойств, которые сам Арма хотел бы видеть у руководителя, способного спасти народ в смутную пору безвременья. По его мнению, такой герой был необходим Африке столетие назад, когда происходило колониальное завоевание континента, но он не менее нужен и сегодня, когда место истинных народных вождей, как и в прошлом, часто бывает занято разложившимися выскочками — властолюбцами.

Африканская литература всегда была превосходным зеркалом общественной мысли. В романе Армы заметно влияние уже давно присущего части интеллигенции континента своеобразного народничества с метафизикой от культуры крестьянства к культуре героя. Подобно Протею, этот герой в мечтах популистской интеллигенции постоянно

меняет обличье, выступая или под маской военного диктатора, или под личиной просветителя, или как яростный бунтарь. Айи Квей Арма пополнил эту галерею.

В Дамфо противоречиво сочетаются свойства, которые писатель увидел в действительности, подсмотрел у людей, занимающих сходное место в обществе, и свойства, которые Арма придает целителю для того, чтобы он полнее соответствовал его взглядам на историю. И сам характер целителя оставляет поэтому двойственное впечатление: есть страницы, где он представляется надуманной, искусственной, чисто литературной фигурой, мысли которой находятся в диссонансе с мировоззрением окружающего общества, и есть страницы, где Дамфо — это сильная, своеобразная личность с наблюдательным, острым взглядом, с благородным сердцем. В нем глубоко отдается биение пульса народной жизни.

Обращение к истории в новом романе стало для Айи Квей Армы обращением к народу. В поисках его прошлого он находит мужество, самоотверженность, духовную красоту. Эти качества народа побуждают автора по-новому взглянуть не только на прошлое, но и на современность, на будущее родной страны.

В. Иорданский

ЧАСТЬ I

1. ВИХРЬ

На двадцатом году жизни молодой человек оказался в центре странных, невероятных событий. Убили его ровесника, убили жестоко, зверски. Все, кто видел его изуродованное тело, сходились на том, что убийцей двигала страсть, ненависть — так мстят из распаленной ревности.

Свидетелей преступления не находилось. Убитый был князь Аппия, наследник царского дома в Эсуано. Знающие говорили, что он должен был получить в наследство не только власть, но и фантастическое богатство. Князя убили, когда он с матерью вышел в дорогу. Мать пропала бесследно. Те, в ком не умерла надежда, мечтали, что мать таинственным образом уцелела, объявится и раскроет страшную тайну. Но обладатели горького опыта жизни считали иначе. Они утверждали, что тот, кто убил могучего князя, не мог не убить и его слабую мать.

Достаточно скоро трезвая уверенность опытных разбилась неуверенные мечты надеявшихся. Оставалось лишь два вопроса: как было совершено двойное злодейство и, в первую очередь, кто убийца?

Когда нет знания, мыслями руководит подозрение. Широко и привольно засновали страшные слухи. Одни из них, легкомысленные и вздорные, улетучивались, как только их произносили. Они порхали так быстро, что не задерживались и в легковверных ушах.

Но слухи тяжелые оседали и по многу раз поворачивались в сознание. В голове начинало кружиться, и мысли по ловкой подсказке направлялись в одну сторону. Так ни о чем не догадывающийся молодой человек оказался в центре грозного, нараставшего вихря всеобщих подозрений. Его звали Денсу.

На двадцатом году жизни, когда самое время подумать о том, как прожить эту жизнь, Денсу был вынужден обратиться к мыслям о смерти. О смерти князя Аппии. О предполагаемой смерти матери князя Арабы Джесивы. О собственной смерти — ибо вихрь подозрений

окружал его все плотнее и Денсу не знал, как вырваться.

В этом месте рассказчик, потомок мастеров краспоречья, должен сдерживать себя. Его язык слишком быстр для слушателя, он опережает мысль самого рассказчика. Рассказчик так загордился своим искусством, что язык его легок, больше, чем легок, — он пьян от радости. Рассказчик забыл правило мастеров краспоречья: необузданный, не связанный с воспоминаниями мысли язык способен рассказать лишь прерывистую, спотыкливую, нечистую, глупую сказку. Середина истории, переданной необузданным языком, врывается в уши слушателя прежде, чем начало ее могло быть хотя бы помянуто. Конец истории скомкан, уши непонимающего слушателя терзают обрывки — без связи, без смысла, без цели.

Пусть ошибка сама исправит себя. Торопливый язык забывает о связях. Пусть кропотливый ум восстановит их. Гордый язык, сын апопекских мастеров краспоречья, прежде чем поспешить с речами, вслушайся в воспоминанья мысли.

Ты не забыл, о каком времени, о каком веке ты начал так быстро рассказывать? Не заставил ли ты слушателя предположить, что твоя история могла иметь место в любое смутное время? Что это случилось вчера или в прошлом году? Или это было при жизни поэта Нпанкомана Дуа, семь столетий назад? Или это произошло десять веков назад, когда Гапа была не воспоминаньем и твои предки, мастера краспоречья, еще поли гимн духу, хранящему целостность народа? Или это относится к тому прекрасному черному времени тридцать веков назад, когда пустыня еще не стала пустыней? Или ты хочешь, чтобы слушатель знал правду: эта история не такая уж старая — ей чуть больше ста лет.

Где это все случилось? Ты рассказал слушателю, на какой именно среди многочисленных рек Африки стоит город Эсуано? Может быть, слушатель в замешательстве представил себе реки-двойняшки Мфолози, у чьих берегов Маголване, поэт крылатого серебристого голоса, пением укрощал гневного сотрясателя земли? Или, может быть, слушатель думает о реке Санкараши, или о меняющей русло Диколибе, или о яростной Лимпопо? Ты не забыл сказать слушателю, что из священных рек нашей страны ближайшая к Эсуано — Пра?

Пусть слушатель знает когда. Пусть слушатель знает где. Лишь тогда, анонский язык, рожденный для красноречья, ты можешь продолжать рассказ. Радуйся своему красноречью, не забывай о воспоминаемых мыслях, чтобы самозабвенье рассказчика не омрачило радости слушателя.

Две реки текли у Эсуано. Первая — тихая, и течение ее столь медленное, что не везде даже заметно. Ее воды были необычайно прозрачны, так что ты мог увидеть песчаное дно с разноцветными камешками, от светло-желтых до темно-темно-багровых.

Если у тебя тонкий слух и живое воображение, ты мог услышать нечто более легкое, чем ветерок: шелестенье камешков, перекатывавшихся на дне.

Правый берег прозрачной реки окаймляла узенькая полоска принесенного течением песка. Ниже Эсуано, перед впадением во вторую реку, полоска превращалась в широкий песчаный берег. Из-за того, что первая река была меньше и тише второй, из-за того, что она была такая прозрачная и красивая, люди называли ее Нсу-Бер, Река-Женщина.

Вторая река была быстрее и шире. Сквозь темную илистую воду дна было не рассмотреть. Она пошла мимо Эсуано тяжелой ночью листьев, прутьев, обломанных веток. Оба берега окаймлял не песок, а ил, густая липкая тина. Из-за того, что вторая река была большой и могучей, из-за того, что ей не хватало прелести первой, люди называли ее Нсу-Нин, Река-Мужчина.

Большую часть своего пути река-мужчина текла на север, но ниже Эсуано она круто поворачивала и текла на запад до впадения в великую реку, священную Пра.

Река-женщина не изменяла пути. Она тихо струилась на северо-запад и впадала в реку-мужчину ниже Эсуано. До великой Пра оттуда было целое утро быстрой ходьбы.

Ниже Эсуано, между рекой-женщиной и рекой-мужчиной, находился широкий полуостров, словно нарочно отрезанный от окрестностей. Земля на нем была плодородная, из речных наносов, но никто ее не возделывал. Всю ее покрывал мягкий ковер травы, совершенно зеленый. Лишь в немногих местах над ним на стройных дрожащих стеблях поднимались цветы, водянисто-синие,

ярко-желтые, бледно-лиловые. На нежной и твердой почве росла пещная и мягкая трава, и в ней ни репейника, ни колючки.

Ты мог там бродить на рассвете, тихо мечтая о будущем. Ты мог сидеть в недоступном слуху молчанье желтого солнечного полудня, размышляя о прошлом и настоящем. И в предзакатной прохладе ты мог там бегать так быстро, как требовало желанье, и ни разу не ощутить ни камешка под ногой.

Это было поле священнодействий. Сюда в конце каждого избранного года сходились люди Эсуано для торжественного поминовенья. Здесь, на траве, в последние две недели каждого избранного года юноши перед обретеньем мужского достоинства состязались в беге и играли в игры силы и ловкости.

Эти игры на две недели своей властью останавливали всякую деятельность в Эсуано. В течение последней недели воздух от напряжения звепел. Когда игры кончались, все — участники и свидетели — чувствовали себя опустошенными.

Как и когда начались эти священные поминальные игры? Об этом всегда спорили. Шло время, споры стихали. Они становились тише с каждым избранным годом.

Те немногие, кто дорожил памятью, утверждали, что в иные времена игры были иными. Дорожившие памятью рассказывали о предках, которые после мучительных странствий привели сюда наш народ из далекой дали. В Эсуано, как и в других местах на великом пути, люди находили чистую воду жизни у великой доброй земли и пускали корни. С благодарностью и с надеждой каждый избранный год они играли в священные игры, игры торжественного поминовенья.

По словам дороживших памятью, смысл этих празднеств был в том, чтобы напоминать о единстве народа. Люди не просто радовались, они торжествовали свою победу над невыносимыми испытаньями. Празднества говорили им, что, как бы ни был мучителен путь, наш народ — пока он хранит единство — будет жить, он дойдет до цели и процветанья.

Таким был первоначальный дух празднеств. Однако суровая жизнь, наша бездомность и испрестанные скитанья давно нарушили то единство, которое эти празднества хранили, утверждали и прославляли.

Истина проста: некоторые из скитальцев избрали своим домом леса в сердце материка. Это было уже разделение. Некоторые зашли далеко на восток и осели на берегах плодородной реки. Это было тоже разделение. Некоторые, зайдя на юг, свернули потом на запад и поселились в бескрайних таинственных лесах, где им, измученным, было легко спрятаться от опасностей. И это было разделение. Некоторые не свернули с пути на юг, пока море не положило конец их пути, и они остались на берегу. И это было новое разделение.

Так возник Эсуано. Так возникли другие города, разбросанные по стране: Акрононг, Домеабра, Течиман, Эпиннасе.

Правда, в начале каждого разделения люди помнили о былой целостности и робко молились о будущем единстве: ачеасе, одасо, одумасе, эддинасе, афрансе.

Да, какое-то время празднества напоминали осколкам раздробленного народа об общем происхождении. Но с годами во многих местах торжественное поминовение умерших забылось. И повсюду оно изменилось. Смысл празднеств был в прославление единства. Но проходили они во времена разделения, во времена рассеяния.

Время шло. Время взяло верх над первоначальным смыслом. В Эсуано священные игры не прекратились. Но смысл их переменялся. Во времена разделения мысль о единстве, может быть, не вполне исчезла. Эта мысль была разорвана на клочки.

Эти игры подчинили себе Денсу. С детства каждый избранный год он был их свидетелем и знал, что со временем станет участником. Игры зачаровывали его. Но при всей зачарованности что-то в них его беспокоило. Это что-то в конце концов помешало ему смотреть на приближающееся время участия с чистой, неомраченной страстью юности.

До четырнадцатилетия это что-то не прояснялось. Но в четырнадцать лет его ум взволновал вопрос. Денсу смотрел завершение игр того года. И вдруг, как искра, в его голове вспыхнул вопрос. Он был маленький, легкий, но острый, упрямый, настойчивый. Ради чего люди устроили игры?

Он почувствовал беспокойство и в теле. Вопрос, как тепло, как жар, распространялся в крови: какова цель этих игр? Волнение становилось мучительным. Денсу

желал, чтобы время убило вопрос. Вопрос жил. Он привлекал к себе все большую долю его внимания. Он требовал все большей доли его умственных сил, и Денсу начал искать ответа у тех, кто мог знать.

Большинство старших никогда не задумывались над этим вопросом. Когда Денсу спрашивал, ради чего существуют игры, некоторые отвечали, что не понимают вопроса. Другие отвечали вопросом на вопрос: почему это так его занимает? Они отвечали вопросом на вопрос, потому что в Эсуано еще сохранялись неясные воспоминания о былом единстве. Кое-кто знал истории тех времен, когда черные люди были одним народом. Но таких людей было трудно найти. Даже если их находили, они предпочитали молчать, словно вопрос посеял в их умах горечь, от которой немеет язык.

Большинство людей в Эсуано довольствовались тем, что называли себя фантсе. Они знали, что есть люди, мало чем отличающиеся от них по обычаям и языку: данчире, уасса, ассен, аовин, изема, экуапен, асанте. Но они не привыкли считать, что все эти люди — части единого целого. Смысл торжественных поминовений пропал.

И еще. Мало кто помнил, что прежде в празднествах принимали участие все жители Эсуано. Что торжества прославляли совместную борьбу всех людей ради достижения трудной цели. Но и это переменилось. Игры стали теперь испытанием личной силы и ловкости. В конце их один человек оказывался победителем, он выделялся из всех на зависть неудачливым соперникам и восхищение зрителям.

Именно это на четырнадцатом году жизни озадачило Денсу. Тревожный вопрос не покинул его сознания и на двадцатом году: в чем состоит смысл этих игр? Почему они кажутся ему лишены смысла?

В каждый избранный год весь город сходил на празднества целостности. Почему в конце этих празднеств люди славят одного человека? Где суть целостности в странном обычае обособлять победителя? Денсу искал в своих чувствах подтверждения, хотя бы надежды на подтверждение того, что происходящее не лишено смысла. Но когда он искал смысл в бессмыслице, чувства его восставали.

Денсу видел истину, и она резала взор: множество неудачников несет на руках единственного победителя. Денсу пытался найти в уме доводы, которые бы смягчили резкую истину. Но ум отказался вести его гладкой дорогой самообмана. В самом характере игр он находил чудовищное искажение смысла, и оно властно отталкивало его существо.

2. БОРЦЫ

Из двух недель священных игр первая была открытой. Дети, едва ощутившие дар движения, бегали наперегонки, и старики вспоминали о невозвратной поре, когда и их ноги летали. В первую, открытую неделю было много веселья и никакого соревнования, соперничества.

Во вторую неделю все изменялось. Дети и вздыхающие старики оттеснялись из середины поля к его краям. Они превращались в зрителей и смотрели, как сильнейшие юноши года состязаются ради победы. Игры начинались ранним утром, пока солнце было невысоко. Но победу праздновали только вечером.

Первый день последней недели был посвящен борьбе. Дети, пришедшие раньше всех, принесли сиденья для взрослых и сами расселись на росистой траве или стоя ждали, когда судья объявит начало игр. Судья был высокий жилистый человек в синей с белым охотничьей куртке и таких же штанах. Громким голосом он подзывал к себе состязающихся. Несколько молодых людей вышли вперед, и судья смерил их взглядом.

Ближе всех к судье стоял довольно высокий юноша. У него были тонкие ноги и тонкие длинные руки. Пальцы его обнаруживали больше изящества, нежели силы. Все в нем казалось заостренным: линия носа, выступ подбородка, мелкие острые зубы.

За ним следовал меднокожий парень того же роста. У него была заячья губа, и тело, с какой стороны ни смотри, выглядело неуклюже. Его торс был изогнут, точно сведен судорогой, и, казалось, вот-вот распрямится. Но изгибавшая его судорога была неотступной. Ноги его еще больше усиливали впечатление судороги: они были разные. Правое бедро круто изгибалось к колену, а голень так же круто поворачивала от колена наружу. Прямая левая нога казалась длиннее кривой правой. Медно-

кожий парень словно бы доверительно наклонился к товарищу справа.

Там стоял маленький легкий юноша. Его рост выделял его из числа участников — все они были по меньшей мере на голову выше. Больше ничего примечательного в нем не было, лицо красивое и спокойное.

Рядом с ним на коротких толстых ногах уверенно утвердился ни высокий, ни малорослый парень. Мясистый могучий живот его подпирал объемистую грудную клетку. Голова покоилась на короткой шее, разделенной тремя складками жира. На добродушном лице его щеки были такие пухлые, что, казалось, замерли в вечной улыбке. Этому впечатлению не мешали надутые губы, влажные и лоснящиеся, словно он смазал их маслом.

Справа от него возвышался стройный красивый юноша. Он был сложен скупом, почти худ. Кожа его была гладкая, черная. Голова большая. На высоком выпуклом лбе играло солнце. Оно не слепило его глаза, но все равно он стоял прищурившись. Когда он распахивал веки, глаза оказывались большими, прекрасными, влажными. Вероятно, он сосредоточенно думал о чем-то. Хотя тело его отдыхало, весь вид его выдавал напряжение. Во всяком случае, он сосредоточенно думал о чем-то своем, ибо на происходящее вокруг него обращал мало внимания.

Следующий юноша был такой же высокий, более мускулистый, но не такой красивый. Внимание его было обращено вперед, на судью, и назад, на толпу. В глазах его виделось лихорадочное нетерпенье поскорее начать борьбу.

Его сосед, несомненно, был самой примечательной фигурой на поле. Кожа его была светлая, красноватая, не ровного медного цвета, а как у необожженного глиняного горшка. Поражали два свойства этого человека: его уродливость и его огромность. Он был не просто огромным, он был гигантом. Все части его тела были немыслимо громадны. Тяжеленные руки и ноги. Массивные мускулы на предплечьях и бедрах. Мышцы вот-вот разорвут тонкую кожу. Необытная грудная клетка выдается вперед и в стороны, мощные руки словно ее продолжают.

Но самое удивительное в гиганте — шея и голова. У обычных людей шея — стройная, сравнительно хрупкая связь головы и тела. В шее гиганта не было ничего

стройного или хрупкого. Его шея огромной могучей массой выростала из плеч, имея своим основанием всю их великую ширину. Короткая, на пути к голове она все же сужалась. Очертания головы вместо того, чтоб раздаться в стороны, продолжали это суженье. Голова гиганта поэтому была разительно меньше, чем поддерживающая ее шея. Плоский затылок, сдавленные виски и остроконечное темя.

Тело гиганта, казалось, готово взорваться. Каждая мышца вспухала от неподвластных уму страстей. Страсть пылала на его тяжелом лице, как бы выталкивая все черты наружу, так что крупные желтые редкие зубы злобно торчали вперед, не давая склизким губам сомкнуться. Широкие ноздри жадно впивали воздух, словно гигант задыхался, и становились еще шире. Глаза его, маленькие, как у свиньи, выдавали ту же самую страсть, какая выталкивала наружу черты лица. Они выпирали из орбит и тусклым бессмысленным взором глядели на окружающий мир. Мерзкие, мутные, мрачные, налитые кровью глаза.

Его сосед был его природной противоположностью. Не простой противоположностью, как между силой и слабостью. Противоположностью между двумя видами силы. У гиганта сила была грубая, зверская. У его соседа — изящная, привлекательная.

Юноша был высокий, пониже гиганта, но чуть выше стройного высокого парня с выпуклым лбом и сосредоточенной мыслью, который стоял третьим. Он тоже был стройный. Кожа черная, глубоко прохладного тона. Он держался прямо, без всяких усилий, непринужденно. Каждое его движение, даже самое малое, начиналось в самой глубине его естества и прокатывалось по всему телу легкой, еле видимой глазу волной энергии. В его взгляде было подобье отклика на взгляд красивого, стройного, который стоял третьим. Глаза его были тоже ясные, со светящимися белками и черными, четко очерченными зрачками. Он не щурился и смотрел вперед, чуть подавшись влево, так чтобы видеть судью.

Последний из состязающихся не уступал ростом гиганту. Он был еще толще, с могуче развитой мускулатурой. Его икры и предплечья так и бросались в глаза. Упругие мышцы живота образовывали правильный узор. На губах юноши играла улыбка. В общем, он

производил впечатление не только сильного, но и ловкого. Несомненно, он знал о своих достоинствах и радостно верил в себя.

Судья сосчитал состязающихся. Их было девять. Громким четким голосом судья обратился к ним. Для начала он напомнил им правила борьбы. Он сказал, что поднятая рука с указательным пальцем в небо означает признание поражения. В ту минуту, как побежденный поднимет руку и палец, победитель должен его отпустить. Продолжая борьбу после знака, можно лишь искалечить сдавшегося. Чтобы победить, борец должен трижды положить соперника на лопатки.

Кончив речь, судья еще раз сосчитал юношей. Снова их оказалось девять. Неловко, с четным числом было бы проще. Он подумал, потом поднял голову. Вот-вот он объявит о трудном решении. Но тут его внимание привлек один из состязающихся. Юноша небрежно поднял руку над головой. Судья посмотрел на его руку и вздрогнул. Указательный палец указывал в небо. Лоб судьи покрылся морщинами, он изумленно смотрел на юношу. Это был стройный, державшийся непринужденно, второй от конца.

В осанке, в чертах лица, в каждом движении стройного юноши было бездонное, неизменное спокойствие. Когда судья напоминал о правилах борьбы, юноша стоял в непринужденной позе, и, когда он поднял руку и указал пальцем в небо, жест его был легкий и плавный, словно тело его служило безупречным инструментом приказывающего ума. И в глазах юноши был покой, безграничный покой, превыше заносчивости и унижения.

Не сводя глаз со стройного юноши, судья спросил:

— Что с тобой, Денсу?

— Я признаю свое поражение, — спокойно ответил юноша.

— Но ты не боролся, — сказал судья.

— Я не хочу бороться, — сказал Денсу.

— Ты признаешь поражение без борьбы?

— Да, я признаю поражение.

В замешательстве судья подошел к молодому человеку. Наверно, он хотел его переубедить. Но, взглянув на него еще раз, он переменял намеренье.

— Я полагаю, правила не мешают тебе признать поражение без борьбы, — выговорил он с неловкой улыб-

кой и деланно рассмеялся.— Что с тобой, Денсу? Ты боишься?

Юноша не ответил. Казалось, он не слышал вопроса. Ровно, плавно, неприпужденно он вышел из ряда состязающихся и сел, поджав ноги, на траву между двумя группами зрителей.

На поле судья по жребию разделил оставшихся восьмерых на пары. Затем движеньем руки он удалил шестерых.

В середине первая пара готовилась к схватке. Из-за заячьей губы первый борец словно улыбался противнику со странной добродушной угрозой. Его противником был уверенно стоявший на ногах юноша с могучим животом.

— Квеку Сипи состязается с Яо Пату,— объявил судья. Он дал борцам последние наставленья, отступил назад и приказал начинать.

Бой был коротким. На вид казалось, что соперники равноценны. Но только борьба разгорелась всерьез, парень с заячьей губой начал одерживать верх. Даже видимость зловещего добродушья исчезла с его лица. Ее место заняла мрачная сосредоточенная ярость, решимость любой ценой превзойти необезображенного соперника хотя бы в борьбе. Лишь когда стало ясно, что парень с заячьей губой победил, лицо его снова заулыбалось, добродушно, уже без странной угрозы.

— Первый победитель — Квеку Сипи! — провозгласил судья.— Квеку Сипи — первый победитель. Квеку Сипи!

Радостный победитель направился в сторону зрителей. За его спиной судья объявлял начало нового поединка:

— Кофи Антобам состязается с Кобеной Ампой. Кофи Антобам против Кобены Ампы!

Парень с заячьей губой шагал туда, где сидел Денсу. Казалось, ему не терпится сообщить Денсу о чем-то важном. Но тут человек из толпы зрителей встал перед сидящим Денсу. Парень заколебался и свернул в сторону.

Денсу поднялся. Ясно, что человек желает с ним говорить и что Денсу относится к нему с уважением. Человек был короткий и лысый, не старый, но зрелых лет, лет пятидесяти. Двигался он неуклюже, но не из-за возраста, а потому что был толст. Если бы не жир, при его тонкой кости он был бы маленьким, легким. Но он одолел жиром свою природную стройность и теперь

походил на неправильный шар на тоненьких ножках. Руки его были короткие, предплечья толстые, грузные, а ниже локтей — тощие плети. Маленькие изящные пальцы, казалось, принадлежали другому телу.

Лицо его напоминало его тело, такое же жирное и круглое, из-за лысины особенно круглое.

Все черты и лица, и тела говорили о полном, чрезмерном довольстве. Представлялось, что этот человек провел более чем достаточно времени за обильной едой и питьем и ныне, пресыщенный, ковыляет на своих слабеньких ножках в укромное место, где он может усестся и долгие годы спокойно переваривать проглоченное, как удав.

Но если взглядеться пристальней, что-то в его лице разрушало впечатление полного довольства. Это что-то сидело в глазах, бегающих, беспокойных, нервных. У довольного таких глаз не бывает. Такие глаза придают худому, костлявому человеку вечно брюзгливый, плотоядный, честолюбивый вид. Но на круглом лице довольно круглого тела эти глаза намекали на неприличие. Их владелец готов лопнуть, он съел все, что было вокруг него, но жадность превыше сытости, он высматривает, чем бы еще набить рот.

Денсу приветствовал лысого. Но вместо ответа тот уставился на него. Лысый изучал юношу, словно в нем было нечто безмерно странное, ускользающее и это нечто необходимо понять. Через какое-то время лысый напряженно улыбнулся. Казалось, он так не привык улыбаться, что теперь от улыбки ему больно. Губы его улыбались, а глаза сузились от неприкрытой враждебности.

— Ты не должен был так поступать, — сказал лысый.

Денсу не ответил. Лицо его оставалось спокойным, глаза — внимательными. Он глядел мимо лысины на состязанье следующей пары.

— Зачем ты это сделал? — не отступал лысый.

— Сделал что? — спросил Денсу.

— Отказался от борьбы.

— Я не хочу бороться без причины, — сказал Денсу.

— Причина всегда найдется. — В голосе лысого звучала насмешка. — Разве ты не хочешь победить соперника?

— Почему я должен хотеть победить его?

Лысый рассмеялся. В глазах его одновременно жили тайный умысел и недоверье.

— Побеждать любят все.— Он ядовито улыбнулся.— Я не собираюсь говорить с тобой о победителях и побежденных. У меня к тебе вовсе другое дело. Прибыли гости с Берегового Мыса. Важные люди. То, что они говорят, имеет отношенье к тебе. Нам надо потолковать без свидетелей.

— Опять дворцовые дела...— начал Денсу устало и недовольно.

Лысый оборвал его:

— Да-да. Я знаю, что дворцовые дела тебя не волнуют. Тут события поважнее, чем дворцовые дела в Эсуано. Только дураки принимают решения, не узнав, в чем суть дела. По крайней мере твое будущее тебя волнует? Ну так приходи ко мне вечером.

— Когда?

— Когда поешь,— сказал лысый.

Денсу кивнул, и лысый скрылся из виду в толпе зрителей. Теперь все вниманье Денсу сосредоточилось на борцах.

Вторая схватка длилась дольше, чем ожидали. Состоялись высокий юноша с лихорадочным нетерпением в глазах и низкорослый, спокойный. Низкорослому не доставало умения, но он возмещал его неожиданной выносливостью и упрямой решимостью. Каким бы приемом высокий ни старался бросить его на землю, низкорослый оставался стоять на обеих ногах. Так как низкорослому не хватало выучки, чтобы положить соперника на лопатки, а тому не хватало силы, чтобы вывести низкорослого из равновесья, их схватка стала долгой борьбой на измор.

Выносливость решила исход боя. Высокий, несмотря на умение, стал задыхаться. Мышцы его рук и ног утратили гибкость и быстроту. В конце концов низкорослый, не растративший силы, трижды положил его наземь, и бой закончился.

— Победил Кофи Антобам,— прокричал судья.— Ампа проиграл. Победитель — Кофи Антобам.

Победитель и побежденный скрылись в толпе.

— Третья схватка! — объявил судья.— Квайю Бунтуи против Квеси Энана!

Гигант вышел на середину круга, неуклюже, словно тяжелые мышцы, из которых состояло его тело, не

принадлежали ему и не подчинялись его воле. Его уже ждал соперник — высокий, красивый большеголовый юноша с сосредоточенной мыслью в глазах. Судья напомнил им правила и приказал начинать.

С самого начала сделалось ясно, что Квеси Энан и не помышляет меряться грубой мускульной силой с гигантом Бунтуи. Квеси Энан танцевал вокруг гиганта и следил за каждым его движением. Вот он рванулся к нему — Бунтуи взметнул обе руки и, могучим движением захватив пустоту, с шумом шлепнул ладонями по своей широкой груди. Движение было неловкое, неуклюжее, но цель его недвусмысленна. Если бы Бунтуи удалось захватить Энана в объятия, он бы расплющил его о свое тело.

Но рывок Энана был боевой хитростью. Он вовремя отскочил назад и избежал рук Бунтуи. А когда гигант обнял и сокрушил пустой воздух, танцор подскочил к нему сзади, подставил левую ногу и всей силой рук рванул на себя.

Захваченный врасплох Бунтуи тяжело рухнул на спину, не успев ни вывернуться, ни смягчить паденье. Судья подбежал и убедился, что обе лопатки Бунтуи коснулись земли.

— Один в пользу Энана.— В голосе судьи слышалось удивление.

Поверженный гигант поднялся. Судья стал между состязающимися и спросил, готовы ли они продолжать борьбу. Они были готовы. Судья отбежал назад и сделал знак продолжать.

Глаза гиганта стали еще меньше. Несколько мгновений он недвижно стоял на траве, уставясь на уклончивого противника. Танцор почувствовал злобу гиганта и скакал еще осторожнее. Он слегка нагнулся вперед и расставил руки, точно хотел обхватить гиганта.

Гигант замер. Мутные глаза его уставились на противника и побагровели. Неподвижность гиганта смутила танцора. Он сделал выпад левой рукой и тотчас отпрыгнул назад. Это снова была уловка, он хотел лишить гиганта той нерушимой устойчивости, какую давала ему неподвижность. Гигант не шелохнулся. Он стоял и ждал, запасшись огромным злобным терпением, с ненавистью глядя на юношу, который был в несколько раз слабее, но ухитрился его повалить на землю.

Невозможность что-либо предпринять заставила танцора приблизиться к гиганту. Бунтуи даже не пытался ответить на выпады. Его огромные руки снова медленно и неуклюже поднялись, но на этот раз они крепко вцепились в добычу.

Бунтуи схватил Энапа за левую руку. Он притянул танцора к себе, словно собирался расплющить его о свою грудь. Но когда жертва оказалась достаточно близко, он правой рукой провел по телу Энапа и вцепился ему в горло. Левая рука Бунтуи сдавила затылок Энапа, и тут гигант начал сворачивать ему шею.

На лице Энапа вспыхнуло изумление. Цель борьбы — не калечить соперника, а положить на обе лопатки. Но Бунтуи явно не собирался класть Энапа на землю. Он просто душил его. Изумление на лице Энапа сменилось спокойным, окончательным пониманием. Он поднял правую руку с указательным пальцем в небо — признание поражения.

Судья подбежал к состязающимся:

— Счет сравнялся. — Он ждал, что Бунтуи отпустит Энапа. — Счет один — один! — выкрикнул он. — Кто еще раз возьмет верх, тот победит.

Состязающиеся не разошлись в стороны. Бунтуи не выпускал шеи Энапа. Энап из последних сил пытался вырваться. Но боль подогнула его колени. Бунтуи не выпускал его. Он неуклюже склонился над упавшим Энапом, мышцы его разбухали от пробудившейся силы. Все видели, что хватка его ужесточается.

— Отпусти его! — крикнул напуганный судья.

Бунтуи не слышал. Судья в замешательстве врос в землю.

Но из рядов зрителей к борцам рванулась фигура. Денсу промчался мимо растерянного судьи. Он резко ударил Бунтуи в шею у основания головы. Это был точный, рассчитанный удар. Невольно левая рука Бунтуи отпустила Энапа. Денсу схватил ее обеими руками и с силой рванул ее за спину, так что она почти коснулась правого уха гиганта. Бунтуи взревел, как раненый буйвол. Правая рука его продолжала душить Энапа.

Денсу не произносил ни слова. Он выворачивал руку Бунтуи, пока тот не отпустил Энапа. Он оттолкнул гиганта от распростертого тела. Гигант удержался,

упершись правой рукой в землю. Он не сразу понял, что произошло, а поняв, бросился прямо на Денсу.

Денсу этого ожидал. Его левая рука взметнулась быстро, как кнут, прямо, как ствол дерева. Острые костяшки пальцев врезались в шею Бунтуи. Бунтуи охнул и невольно шагнул назад. Неожиданный удар лишил его равновесья. Он откинулся на левую руку, но она подвела его и подогнулась под чудовищным грузом тела. Вся злобная сила Бунтуи иссякла.

Денсу не удостоил взглядом рухнувшего гиганта. Он подошел к Энану и помог ему встать. По-видимому, тот не испытывал боли, но, поднявшись, неуверенно потер рукой шею, словно не знал, сохранилась ли в ней чувствительность.

— Больно? — спросил Денсу.

— Нет,— ответил Энан, но тут же ощутил влагу на верхней губе: кровь хлынула из его носа. Денсу запрокинул его голову и медленно увел с поля на берег Нсу-Бер, ниже Эсуано. Зрители воспользовались неожиданным перерывом в утренних играх и поднялись со своих мест, пытаясь выяснить, что случилось. Денсу провел Энана мимо толпы.

В конце поля, у берега, стояло дерево ним. Денсу уложил Энана на спину, головой в тень. Он принес с реки большой гладкий камень, влажный и прохладный от воды, и полузарыл его в песок, так что он стал опорой для головы и плеч Энана. Вскоре кровь остановилась.

— Этот дурак хотел оторвать мне голову,— задумчиво проговорил Энан.

— Он хотел победить,— сказал Денсу.

— Он мог победить и не убивая меня.

— Вряд ли,— сказал Денсу.— У Бунтуи огромное тело и ничтожный ум.

Энан засмеялся, но вдруг вздрогнул от боли.

— Вот теперь начинает болеть,— сказал он.

— Ты можешь идти? — спросил Денсу.

— Да. Только шея болит.

— Пойдем домой,— сказал Денсу.— Быть может, тебе нужно лекарство.

— Подожди,— попросил Энан.— Если ты не торопишься на игры.

Денсу улыбнулся.

— Мне здесь очень нравится,— продолжал Энан. Он повел головой.— Знаешь, почему я согласился бороться?

— Разве ты не любишь бороться?

— Как сказать... Сегодня, когда я услышал, что мне предстоит состязаться с Бунтуи, надо мной взяло верх любопытство. Странное чувство, почти ощущение счастья.

— Счастья?

— По крайней мере восторг любопытства. То самое, что приносит мне счастье, когда я узнаю то, чего прежде не знал.

— А чего ты не знал о Бунтуи?

— Могу ли я справиться с его силой. Чистое любопытство. Иначе не объяснить. Когда я чего-то не знаю, я стараюсь попасть в положение, при котором мое незнание кончится. Помнишь дно реки? — Он засмеялся.— Послушай, это ведь было как раз здесь.

Денсу помнил. Прошел год, но в уме Денсу хранился восторг прекрасного дня. Он начался ясным, солнечным, тихим, нежарким утром и таким оставался до вечера. Приятный прилив сил во всем теле помог ему удивительно быстро покончить с дневной работой. Неожиданно обретя избыток свободного времени, он пошел заканчивать день на траве священного поля.

В этот день ему не хотелось бегать. Он просто ходил взад-вперед, ведомый только своим желаньем. Теплота солнца проникла под кожу, струилась в крови, пробралась в самые кости.

В середине поля он увидел, что к нему бежит Энан. Он бежал так быстро и так взволнованно, что Денсу подумал, что Энан несет вести. В руке он держал две непонятные длинные палочки. Когда Энан приблизился, Денсу увидел, что волнение его не от горя, а от избытка счастья.

— Мы можем увидеть дно реки,— уловил Денсу в бурном потоке слов.

— Какой реки? — спросил он.

— Красивой,— нетерпеливо сказал Энан.— Этой.

— Скажи мне медленно, что ты имешь в виду,— попросил Денсу.

— Ты видал дно реки?

— Да.

Ответ озадачил Энана, но он тут же поправил себя:

— Я спрашиваю не о том. Мы все на мгновение ныряли на дно и тут же выскакивали на поверхность. Ты когда-нибудь был под водой так долго, как хочется, чтобы внимательно рассмотреть дно?

— Никогда,— сказал Денсу.— Нельзя на дне сидеть, как на поле под небом. Там можно только захлебнуться.

— Не обязательно,— ответил Энан.— И не смотри на меня как на сумасшедшего.— Он протянул Денсу одну из непонятных длинных палочек.

— Что это?

— Посмотри.

Это был толкий бамбуковый ствол, раза в два выше Энана. На одном конце он изгибался крючком. С другой стороны к нему был прикреплен длинный пробковый поплавок.

— И все же я не понимаю, для чего это,— сказал Денсу.

— Для того, чтобы дышать,— ответил Энан.

— Стоя на дне реки?

Энан кивнул.

— Понятно,— Денсу покачал головой.— Но если ты будешь так говорить, люди подумают, что ты сошел с ума.

— Ты подумал, что я сошел с ума?

— Мы же знаем друг друга.

— То-то. С чего ты взял, что я буду так говорить с кем-то еще? Я знаю, что такое сумасшествие.— Он постукал себя по лбу.— Сумасшествие — это когда ты думаешь, что я буду говорить с людьми, которые меня не поймут. Обо мне можешь не беспокоиться.— Энан погладил свою, точно такую же трубку.

— Ты сделал их сам? — спросил Денсу.

— Не совсем.— Лицо Энана приобрело важный вид.— Видишь ли, мне помогли карлики. Вернее, они изготовили их и ночью сунули мне под подушку.

— Если бы кто тебя слышал!

— Никто не услышит,— заверил Энан.— Я помалкиваю.

— Открыть тебе тайну? — улыбнулся Денсу.

Энан понял его улыбку:

— Нет, сохрани ее для себя.

— Это длинные бамбуковые стволы,— сказал Денсу.

— Потрясающее известье! — Теперь улыбался Энан.

— Пока нет.— Улыбка Денсу стала жестокой.— Разве ты забыл, что бамбуковые стволы зарастают на каждом суставе?

Глубокое горе изобразилось на лице Эпана. Голос его дрожал.

— Если бы мне было восемь дней от рожденья, я бы заплакал.— Он поднес конец с пробковой трубкой к губам и, набрав воздуха, дунул. Из бамбукового ствола вылетел звук, глубокий и низкий, как звук праздничной царской трубы.— Если бы трубка не была полой, звук вылетел бы совсем из другого места,— улыбнулся Эпан.

Денсу кивнул.

— Как ты ее сделал?

— С обеих сторон прижег раскаленным концом копья. А потом загнул сверху.

— Надо скорей испробовать,— заключил Денсу.

По дороге к реке Эпан возбужденно, от всей души говорил о счастье. О том, что дает ему счастье, и о том, что его отнимает. Денсу спросил, что самое главное для Эпана.

— Видеть,— просто сказал Эпан.

— Что видеть? — переспросил Денсу.

— Просто видеть.

— Опять говоришь загадками?

— Ты меня понял, Денсу.

— Просто сидеть и смотреть?

— Это не значит видеть,— резко ответил Эпан.— Это значит смотреть. Смотреть одними глазами, как дураки. Если просто смотреть, все на свете будет само по себе — и в том, что ты видишь, ты не увидишь смысла. Это убийство времени. Я хочу видеть то, что связывает все на свете, чтобы увидеть смысл. Чтобы я понимал, что я вижу. Видеть так для меня высшее счастье.

— Такое счастье непросто понять,— сказал Денсу.

— Ты его понимаешь,— сказал Эпан.— Я не собираюсь ничего втолковывать людям. Мое счастье не в этом. Мое счастье требует, чтобы я молчал и радовался тому, что увидел и понял.

— И из-за этого ты решил увидеть дно реки?

— Не знаю, как это объяснить.— Эпан говорил спокойно, серьезно.— Мне неприятно, что я вижу одну поверхность, а думаю, что это вся река. От этого как-то не по себе. Ну, как если бы ты однажды утром проснулся

и обнаружил, что какой-то части тебя нет. Я целый день могу видеть волны, поэтому мне недостаточно беглого взгляда на дно. Поверхность — не все, даже не самое главное. Она — малая часть целого, а мне нужно увидеть все части.

У реки Энан не пытался сдержать нетерпенье. Он скинул с себя одежду и, подняв бамбуковую трубку над головой, поспешил в воду. Денсу пошел за ним. Он понимал, что Энан давно наметил в реке подходящее место.

— Здесь есть корень на дне,— сказал он.— Надо его найти.

Было уже глубоко. Они плыли и, оступаясь, ощупывали ногами дно.

— Где-то здесь,— сказал Энан. Он смотрел не в воду, а на деревья на том берегу.— Возьми загнутую часть в рот, придержи рукой и смело ныряй. Пробка удержит трубку стоймя.

Он плыл так медленно, что Денсу, не тратя сил, поспевал за ним. Энан остановился. Несколько раз оступившись, он взял трубку в рот и кивнул Денсу. Тот тоже взял трубку в рот, и оба они ушли под воду.

Трубка в зубах Денсу рванулась вверх. Он придержал ее правой рукой и потянул вниз. Не так-то просто было удерживаться под водой. Через мгновение Энан остановился, и Денсу поспешил к нему.

Энан свободной рукой потянул к себе Денсу и опустил его свободную руку к своим ногам, державшимся за толстый древесный корень. Денсу трижды сжал руку Энана, и, удостоверившись, что Денсу все понял, Энан отпустил его.

Оба они стояли, зацепившись ногами за корень. Свободной левой рукой Денсу сделал несколько движений в воде и, обретя равновесье, посмотрел, что делает друг.

Дно было видно великолепно. Энан вглядывался в него, позабыв обо всем на свете.

И верно, дно было необычайно прекрасно. Большие камни, отшлифованные водой, песком и временем, спокойно лежали на чистом песке, топком, как ил, но не скользком, так что на нем было приятно стоять. Камни были желтые, черные, белые, красные, красно-бурые. Камни были полосатые и с разноцветными завитками. Они были рассеяны по песку, который в дрожащей воде переходил от желтоватого к белому и обратно от белого

к желтоватому. Среди камней кое-где возвышались безмятежные валуны. И свет солнца, проходя сквозь толщу воды, мерцал, дрожал и звенел как струна.

Временами какой-нибудь камень под силой невидимого течения медленно наклонялся, словно хотел перевернуться, но, подумав, оставался на месте. Впрочем, не вполне на том самом месте. Слабая сила течения чуть подвигала его вперед.

Иногда маленький камешек так же беззвучно, но много легче поднимался со дна, долю мгновения висел над песком и опускался в изнеможенье на дно, немного продвинувшись по течению. Денсу достаточно долго вслушивался, пока не пришел к выводу, что под водой не было ни легчайшего звука, одно огромное, пугающее своей глубиной безмолвие. Таинственный страх приближался к нему, он исходил не из определенного места, а ото всей цельной воды. Денсу не покорился, и страх отступил. Денсу посмотрел на Элана.

С закрытыми глазами Элан выглядел спящим. Мысль, что друг способен обрести полный покой даже в такой необычной среде, наполнила сердце Денсу любовью. Почти бессознательно он тоже закрыл глаза.

Пугающее безмолвие, которое он испытывал с открытыми глазами, превратилось в волшебное созвучье. Он ощущал всего себя в непосредственном соприкосновении со всем окружающим, всем существующим. Он чувствовал, что его обнимает ласковая баюкающая стихия, и сознавал, что кожа соединяет его с миром, так что больше нет ничего, что находилось бы вне его, отдельно от жизни внутри его.

Даже воздух, которым дышал он, был необычным. Он вдыхал его так глубоко, что во рту оставался вкус чистоты и сладости — так бывает, когда разжует орех колы и потом медленно тянешь воду. Свое тело уже не казалось плотным и непроницаемым. Оно тоже было текучим. С закрытыми глазами он понимал, что не знает и не хочет знать, где верх и где низ. Он тоже обрел полный покой.

Наверно, прошло достаточно много времени, прежде чем он открыл глаза. Он не сразу увидел Элана: течение отнесло его в сторону. Он оглянулся и увидел Элана.

Элан почти сидел на речном дне, упершись подбородком в согнутые колени. Он слегка подался назад, против

течения, так что течение не могло его увлечь за собой и лишь поддерживало в странной полусидячей позе. Глаза его были, как и прежде, закрыты, а по лицу разливался покой, какого не бывает в обычной жизни, такой покой, что Денсу вдруг ощутил тревогу. Он пристально всмотрелся в Энана, но в мерцающем свете, при бегущих тенях не мог сказать себе, дышит он или не дышит. Денсу дотронулся до щеки Энана.

Медленно Энан открыл один глаз, потом другой. Он улыбнулся Денсу. Денсу трижды решительно сжал левое запястье друга. Он высвободил ногу из-под корня на дне и вынырнул на поверхность. Держа трубку над головой, он медленно доплыл до берега. Там он лег на песок и стал обсыхать на солнце.

Он совсем обсох, когда Энан вылез из воды и улегся рядом. Он не спешил домой в Эсуано, он лежал, закрыв глаза, и смотрел, какими цветами солнце играет сквозь веки.

— Когда ты их сделал? — спросил Денсу.

— Что?

— Трубки.

— Закончил вчера. — Энан снова затих, Денсу слышал его дыхание.

— Спасибо, что ты меня взял с собой. — Денсу не только обсох, солнце разогрело его кожу. Он встал, оделся, поднял с песка трубку и протянул Энану.

— Возьми ее себе, — сказал Энан. — У меня есть моя.

— Она может понадобиться кому-то еще.

Энан покачал головой.

— Никому. Я перебрал в уме всех, и никому, кроме тебя, она не может понадобиться.

— Я не могу ее взять. — Денсу отдал трубку Энану. — Когда-нибудь я у тебя ее одолжу. Но насовсем...

Энан кивнул, но ничего не сказал.

Денсу еще раз взглянул на друга. Тот лежал на теплом песке безмятежный, превыше счастья. Именно этого выраженья лица там, на дне реки, Денсу не понял и ощутил тревогу.

— Тогда ты был такой молчаливый, — сказал Денсу. Кровотечение у Энана остановилось.

— Я всегда молчаливый, — ответил Энан. — Я не могу говорить, о чем думаю. С большинством людей.

— Ты боишься, что они не поймут?

— Нет. Я уверен, что все поймут, если им будет нужно. Но вряд ли многим нужно то, что нужно мне.

— Кому-то нужно.

— Только не здесь, — сказал Энан. — Разве что тебе. Но там, — он взглянул на восток, за реку, — там есть люди, которые понимают.

— Там?

Но Энан рассмеялся, словно поймал себя на детской глупости, и заключил:

— Я прекрасно себя чувствую. — Он поднялся. — Наверно, лекарство мне не понадобится. Интересно, кто победил в борьбе.

— Сейчас узнаем, — сказал Денсу.

Они узнали, что победил малорослый Антобам. Ожидалось, что победителем станет Аппия, но с ним произошло что-то странное. Его первым и, как оказалось, последним соперником был высокий, тонкий, изящный Коджо Джан, упрямый борец. Довольно скоро все увидели, что он не может сравниться с Аппией ни силой, ни выучкой. Победа его великолепного соперника представлялась делом решенным.

Но упорство Коджо Джана не позволило ему признать поражение. Как опасно было его стремление к победе, скоро поняли зрители и сам Аппия.

В борьбе бывают моменты, когда надо сдаваться или рисковать переломом кости. Умелой силой Аппия поставил Коджо Джана именно перед таким выбором. Джан был почти повержен: лишь вывихнутая, подворачивавшаяся рука отделяла лопатки его от земли. Ясно, что в таком положении Коджо Джан не мог противопоставить Аппии ничего.

И все же он не сдавался. Выбор поэтому перешел к Аппии: броситься на соперника и искалечить его или отскочить назад и отказаться от очевидной победы.

Аппия колебался. Позднее люди узнали, что он не колебался, а думал, как избежать жестокой победы. Он долго стоял над беспомощным Джаном, надеясь, что тот образумится и признает свое поражение. Но Джан не

сдавался, и тогда Аппия постепенно ослабил давление, поднялся над искривленным телом соперника и отошел.

Судья не мог наградить Коджо Джана дурацкой победой. Так как Бунтуи был отстранен от игр, судья объявил, что в третьей и четвертой схватке нет победителей. За первенство предстояло бороться неуклюжему Квеку Сипи и малорослому Антобама.

Квеку Сипи показал себя не хуже, чем в первой схватке. Но большой рост не спас его от упорного натиска Антобама. Антобам довел Сипи до изнеможенья и, будучи самым низкорослым из всех борцов, стал заслуженным победителем первого дня игр.

3. ЗАПРАВИЛЫ

Под вечер стал собираться дождь. С юга подул сильный ветер. Но ветер улегся, а дождь не пришел. Тучи, однако, продолжали скрывать лицо солнца. Они умерили послеполуденную жару, и свет с неба стал голубым и нежным.

Прохлада успокоила Денсу и обратила его мысли вовнутрь. Проводив Энана домой, он вернулся на Нсу-Бер. Он пошел вверх по течению, знакомой тропинкой в восточный лес.

Его ум тревожили вопросы, ему было необходимо найти ответы, и от этого мысли приобретали глубокую, стройную ясность. Он желал посоветоваться со старым мудрым человеком, который поймет стремленья его ума и, быть может, укажет дороги, по которым он мечтает пойти, но которых не видит в действительном мире. Ему захотелось дойти до восточного леса и потолковать с другом, целителем Дамфо, но он сдержал свой порыв. Пока в этом нет необходимости. Еще будет время пойти в восточный лес, повидать и послушать Дамфо, еще будет время, когда закончатся игры.

Мысль, что ему предстоит явиться в дом Абабио при дворце, мешала Денсу, как неуклюжая ноша, ноша не слишком тяжелая, но по-дурацки навьюченная и поэтому нестерпимая. Денсу не любил Абабио. Ему приходилось напоминать себе, что он обязан уважать человека, чьему попеченью он был вверен со дня смерти матери, со дня своего рожденья. Уважать так, как юноша Денсу должен уважать старшего, как того требует простое приличие. Но он не мог заставить себя верить Абабио.

В начале, когда Денсу был мал, в присутствии Абабио он всегда испытывал беспокойство. Он не понимал своих чувств, и они смущали его.

Когда он подросток, он стал понимать себя лучше. Например, он заметил, что Абабио никогда не представляет людям свободного выбора и всегда, когда может, силой навязывает им свою волю. Когда же не может, он переходит от силы к хитрости, после чего без конца говорит, какой он умный, как успешно прибегнул к хитрости и как мудро с его стороны даже и не пытаться действовать уговорами.

В мыслях Денсу был совершенно иной человек. Он не мог представить себе, что Дамфо добивается своего силой или обманом.

— Вдохновенье, Денсу.— Свое любимое слово Дамфо всегда произносил с тихой улыбкой.— Для тех, кто хочет целить, создавать то, что надо создать, это лучшее средство. Вдохновенье.

Для Денсу великой радостью было слушать, как Дамфо говорил о леченье, о лекарствах. Изредка он говорил не о лекарствах, но ядах. Как он говорил, что лучшее лекарство — вдохновенье, так же он говорил, что самый опасный яд — власть над людьми.

— Власть убивает людей, жизнь, все на свете.

Слушая Дамфо, Денсу обретал ясность мысли. Послушав слова Дамфо о вдохновителях и заправилах, он начинал понимать свои смутные, тревожные, неприязненные и сильные чувства к Абабио. Мир вокруг юноши оставался таким, как был, но в этом мире он видел намного зорче. В некоторых людях он узнавал заправил, в некоторых — вдохновителей. Это различие позволило ему лучше понять себя: он не любил заправил, он любил вдохновителей.

И все же Денсу не находил покоя. Одна мысль способна была вернуть его в то смятенье, в каком он пребывал до обретенья ясности взгляда. Он испытывал неодолимое, усиливавшееся желанье бежать от заправил и быть всегда с вдохновителями. Но вся окружающая его жизнь принадлежала заправилам. Таким был не один Абабио. Все при дворе и большинство людей вне двора действовали только как заправилы — силой, коварством, ложью. Чем лучше Денсу их понимал, тем невыносимее

они становились. В нем росло желанье, необходимость отойти как можно дальше от таких людей и их дел.

Денсу оглянулся. Гасли последние лучи прохладного голубого заката. Он зашел далеко по тропинке к восточному лесу. Он повернулся и спеша зашагал домой.

4. ПРЕДЛОЖЕНЬЕ

Денсу постучал, и дверь Абабио немедленно отворилась. Абабио не тратил времени. Он усадил Денсу и дал ему выпить. Затем он уселся сам на расстоянии вытянутой руки и, глядя на дверь, сказал неестественным голосом:

— Царь состарился.

Для начала разговора это было весьма странно, и Денсу ничего не сказал и только взглянул на хозяина дома.

В комнате горела всего одна лампа. Пламя ее приплясывало и трещало, словно масло в лампе было разбавлено водой. Иногда вверх вырывался высокий язык, и вся комната озарялась неприятным оранжевым светом, а по стенам плясали огромные тени. Самая большая тень вспрыгивала на стену напротив Денсу, грузная, круглая, голая тень от лысой головы Абабио.

— Совсем состарился.— Абабио ждал ответа.

— Я знаю.— Денсу стало вовсе не по себе.

— Ты знаешь.— Голос Абабио потеплел.— Но ты не знаешь, что это значит. Это значит, что пришла пора позаботиться о подходящем преемнике.

— Дворцовые дела...— начал Денсу.

— ...тебя не волнуют,— докончил Абабио.— Я это знаю. Ты мне уже говорил, и твой отец до тебя пел ту же песню. Удивительно, что значит кровь. Сын говорит так, будто подражает отцу. А он не видал его ни разу в жизни.— Он поглядел на Денсу почти ласково.— Денсу, ты уже не дитя. Ты мужчина, и я хочу поговорить с тобой как мужчина с женщиной.

Денсу чувствовал на своем лице жаркое влажное дыханье Абабио.

— Я не хочу говорить загадками. Я говорю о царской власти. Царь больше не принадлежит миру живых. Я говорю о преемнике.

— Преемник — Ашция,— сказал Денсу.

— Может быть. Только может быть. Понимаешь, Денсу, есть важное дело, о котором я до сих пор не мог с тобой говорить. Ты хочешь меня выслушать?

Денсу кивнул.

— Мир изменился, а люди этого не понимают,— начал Абабио.— Рожденные властвовать должны понимать перемены.

— Вы думаете, Аппия их не понимает?

— Аппия не хочет их понимать!

— Но какие же перемены?

— Во-первых, белые люди. Аппия до сих пор зовет их гостями, чужеземцами.

— А разве не так?

— Теперь уже не так,— резко ответил Абабио.— Первые белые люди приплыли четыре века назад. Сменилось много поколений. Теперь вся власть исходит от белых. Только дети не понимают этого. А Аппия наш — дитя.

— Мы ровесники,— возразил Денсу.

— Но ты ведь хочешь вырасти и понимать?

— Понимать что?

— Что в стране происходят огромные перемены. Так решили белые, а раз белые так решили, так оно и будет. Я был на Береговом Мысе, и я это знаю. Послушай, Денсу, я знаю белых. Я знаю их, как родных братьев. На Береговом Мысе у меня есть друзья, которые дружат с белыми. Таким образом, у меня есть глаза, способные видеть будущее. И вот что я знаю. Белые решили, что настала пора овладеть всей нашей страной. Не одним берегом. Всей страной, от моря до леса Асанте и дальше, до травяных равнин Моши.— Абабио задыхался, как на бегу.— Такие нас ждут перемены. Они выпадают не каждому поколению. Твое счастье, что они произойдут, пока ты молод.— Абабио вздохнул.— Потому что, если у тебя есть молодость, разум и смелость, во время перемен ты окажешься на правильной стороне. А тот, кто во время больших перемен оказывается на правильной стороне, делается большим человеком. Когда человек настолько глуп, что идет против больших перемен, перемены его сокрушают. И если он остается в живых, он становится меньше, чем обыкновенные люди, бесконечно меньше, чем большие люди. Ты разумен, Денсу, мы все это знаем. И у тебя есть смелость. Поэтому я говорю с тобой.

— Я не все понял, — сказал Денсу. — Вы говорили с Аппией об этих больших переменах?

— Допустим, — ответил Абабио.

— Естественно было бы поговорить в первую очередь с ним. Он наследник престола, а я не имею к этому никакого отношения.

— Если хочешь знать, я говорил с Аппией, — сказал Абабио. — Я объяснил ему все, решительно все. Должен признать, он был терпелив и соизволил выслушать меня до конца. — Последняя фраза прозвучала язвительно.

— Я вас слушаю, — сказал Денсу.

— Белые собираются захватить всю страну. Это несомненно так же, как то, что отец твой умер. Но они не смогут удержать страну без помощи надежных людей. Черных людей, которым они смогут довериться. Власть рождается из трудов, тяжелых трудов. Будет война. Мы должны помочь белым здесь и повсюду найти себе черных солдат. Нам придется найти носильщиков для доставки оружия этим солдатам и белым командирам. Белым будет нужно закупать еду для солдат. Им потребуются работники для постройки дорог. Ты понимаешь? Если мы соглашаемся потрудиться для белых, мы тем самым выводим себя на дорогу к власти. Это дорога без конца. Но если мы откажемся помогать белым, мы останемся на обочине. Если же мы будем настолько глупы, что пойдем против белых, они сотрут нас в порошок и мы будем носиться по ветру, как выброшенный нюхательный табак. Такой перед нами выбор. Что до меня, я уже принял решение. И те, кто думает так же, как я, тоже решились. Мы будем на стороне белых. Власть находится там. Мы выбрали власть, потому что бессилье нам отвратительно. И я сейчас предлагаю тебе стать на нашу сторону.

— И вы все это рассказали Аппии? — опять спросил Денсу.

— Да.

— Вы тоже предложили ему стать на вашу сторону?

— Да.

— И что он ответил?

— Князь совершенно спятил! — закричал Абабио и поправился: — Этот мальчик болен умом.

— Но что он ответил?

— Он отказался! — с возмущением произнес Абабио. Он явно вспоминал подробности разговора с Аппией, и ярость его разгоралась. — Он попросту отказался. Как круглый дурак.

— А он объяснил причины?

— Я знал все его причины прежде, чем он заговорил о них. Все это от его матери. Князь боготворит свою мать. А его мать боготворит бездомного, одинокого, помещанного целителя, который живет в восточном лесу. Эта Араба Джесива постоянно водит князя к этому сумасшедшему Дамфо. А Дамфо забивает его голову дурацкими речами против белых. Ты представляешь себе? Этот полоумный зовет собаками всех, кто работает с белыми. Собаками! Ты слышишь — собаками. Разве так называют людей?

— Значит, Аппия не хочет служить белым? — спросил Денсу.

— Не хочет, — ответил Абабио. — Целитель отравил его ум. Он говорит, что царь должен служить всем черным — объединять всех черных людей. Я же говорю тебе, ум мальчика отравлен. Он, князь, не хочет понять, что, если большое потрясенье сблизит всех черных, царей больше не будет. Цари принадлежат своим племенам. Он этого не знает.

— Аппия — наследник престола, — повторил Денсу. — Если вам надо, чтобы он был на вашей стороне, убедите его.

— Денсу, неужели ты считаешь меня таким дураком? Умный человек убеждает только того, кого можно убедить, а я не дурак. Я не могу ничего поделать с дурацким упрямством Аппии. Я только вижу, что он восстает против силы, которая несравненно сильнее его. Он ищет собственной гибели. Денсу, я говорю с тобой не о далеком будущем. Я говорю о сегодняшнем дне. На место Аппии необходимо поставить другого человека. Это место намного важнее, чем человек, кто бы он ни был. — Абабио умолк. Опять он дышал тяжело, как больной. Он повторил: — На место Аппии необходимо поставить другого человека. Это решено.

Закончив, Абабио облегченно вздохнул. По лицу его струился пот, но в голосе уже не было неестественного напряжения. Казалось, он только что избавился от голо-

воломной задачи. Теперь он заговорил бессвязно, повторяясь, почти под нос:

— В былые времена им было все равно, что происходит здесь. Теперь они хотят стать полными хозяевами. От берега до леса, до травяных пустынь, до песков. И они станут хозяевами. Если мы поможем белым, мы получим все выгоды от перемен. Те безумцы, которые пойдут против них, погибнут. Денсу, ты когда-нибудь видел пушки? Настоящие пушки, не ружья, которые носят на плече? Ничто не заставит меня пойти против пушек. Единственное место для меня — рядом с теми, у кого есть такие могучие пушки. Аппия не хочет этого понять.— Абабио посмотрел на Денсу. Он смотрел на него как человек, молящий о помощи. Лысина его блестела от пота.

— Я не могу ничем вам помочь,— сказал Денсу.

— Почему?

— Вы знаете почему. Я не хочу трудов, о которых вы говорите.

— Не торопись, Денсу,— сказал Абабио. В голосе его слышалась боль.— Я не хочу, чтобы ты решал сию минуту. Не торопись. Дело серьезное. Поеси ночь, поспи сколько хочешь дней, недель, месяцев, и тебе само собой станет ясно, что хорошо и что плохо для тебя. Только ты во сне не забывай, что одни в этом мире преуспевают, другие — нет. Преуспевающие преуспевают потому, что они уважают власть. Они видят, откуда она исходит, и стараются быть вместе с ней, а не против нее. Денсу, ты молод. Природа благосклонней к тебе, чем к другим людям твоих лет. У тебя есть сила тела. У тебя есть сила ума. По природе ты принадлежишь к тем, кто преуспевает. Ты пришел в мир победителем. Мои слова открывают перед тобою твое собственное будущее. Не торопись. Хорошенько подумай.

Абабио не дал Денсу сказать ни слова. Он резко поднялся и зашагал к двери. Денсу пошел за ним. На дворцовом дворе Абабио попрощался с ним и быстро вернулся в дом.

Ночь была прохладной и ясной. В воздухе тихо плыли звуки далекого праздника. Но у Денсу не было желанья идти к людям, в центр города. Выйдя за дворцовую ограду, он повернул налево и снова налево. Он шел мимо ограды, мимо молчащих домов к реке-

женщине. Он знал, что сегодня ему не уснуть даже в своей постели. Ему нужно было подумать.

Неодолимое желанье сейчас же бежать в восточный лес охватило его, но он взвесил его в уме, и оно утратило неодолимость. Денсу решил отправиться в восточный лес, когда для этого подойдет время. Надежда успокоила его, и он смог подумать о сне.

5. УМНАЯ ИГРА

Первый день игр был днем борьбы. Второй день посвящался оваре, состязанью не телесной силы, а умственного напряженья. Он оказался самым длинным днем игр.

Отборочные схватки начались с первыми лучами солнца. К полудню слабейшие отсеялись и вошли в число зрителей.

После перерыва для еды участники и зрители возвратились на поле и состязанья пошли всерьез. Нет нужды описывать каждую схватку. Достаточно сказать, что, как и ожидалось, в последней схватке за званье победителя состязались князь Аппия и Денсу.

Отдохнув, они вышли на середину поля и торжественно приветствовали друг друга.

Аппия, как и следовало, начал со второй лунки. Когда в конце своего захода Аппия взял восемь плашек, у Денсу остались две пустые лунки. Начав первый, Аппия воспользовался своим преимуществом и выиграл в первом заходе.

Настала очередь Денсу. Он пошел с пятой лунки. В ответ Аппия двумя быстрыми кругами довел ближнюю лунку до плодоношенья и затем собрал урожай с четырех первых. Этого тоже следовало ожидать, как и встречных действий Денсу: он захватил две четвертых, одну на своей стороне, другую на стороне Аппии. Начав в этом заходе первым, Денсу тоже воспользовался своим преимуществом и победил с теми же двумя пустыми лунками у Аппии.

Так продолжалось первые тридцать заходов. Настала пора изменить правила игры, так как при обычных правилах ни один из состязающихся не мог победить соперника.

После тридцатого захода их обязали передвигать плашки без счета. Время на размышление перед каждым шагом было сокращено вдвое. Начинаящему в конце захода не присчитывались обычные восемь плашек. Теперь в каждом заходе выигрывал тот, кто искуснее, сообразительнее, у кого тверже память.

В первые шесть заходов после изменения правил счет оставался ничейным. Но к седьмому заходу Аппия сделался неуверен в себе. Дважды он уходил в свои думы, так что судьбе приходилось указывать, что время на размышления истекло.

Денсу продолжал играть спокойно, уверенно. Он был настолько сосредоточен, что напоминал человека в трансе. Единственным указанием, что мысли его здесь, была четкость, рассчитанность каждого шага.

В конце десятого захода у Денсу был перевес на одну лунку. Он добивался успеха одним искусством, и он сохранял успех. К пятнадцатому заходу у него был перевес на две лунки, к двадцать первому — целых четыре. И лишь перед тридцатым, в самом конце двадцать девятого, Аппия потерял последнюю лунку. Денсу стал победителем в оваре.

6. БЕГ

Третий день был днем коротких забегов. В каждом из них победил Аппия. Он бежал сосредоточенно, с упорной взрывчатой силой, заставляя зрителей удивляться, откуда такой запас ее в одном человеческом теле.

В каждом забеге Денсу шел по пятам Аппии и приходил вторым. При равной силе ему не хватало взрывчатого упорства. Бег его был воплощением изящества: естественный плавный поток, загляденье.

Четвертый день был днем длинных забегов. Он стал днем Денсу. Зрители видели, как движение сквозь теплый воздух доставляет ему наслаждение. Длинными шагами он бежал впереди всех. Он вбежал в лес, скрылся из виду и через невообразимо короткий отрезок времени показался на голом гребне холма, означавшем конец пути. Он обогнул огромное шерстяное дерево и вновь скрылся в лесу, раньше, чем самый ближний к нему бегун успел взобраться на голый холм, — Денсу бежал

так, словно земля и воздух прислушивались к нему и были рады помочь.

Снова не сила — изящество выделяло бег Денсу, изящество и чистое, нескрываемое наслажденье. Естественный плавный поток тела, крылатость рук, легкость ног. Его наслажденью не мешала усталость даже в самом длинном забеге — до опушки восточного леса и назад, через верхний брод реки-женщины. Итак, Денсу был победителем в длинных забегах, и каждый раз вторым приходил к цели упорный, слегка задышавшийся Аппия.

ЧАСТЬ II

1. ВРЕМЯ РЕШАТЬ

После окончания длинных забегов Абабио отыскал Денсу и снова позвал к себе домой.

— Это важно, — шепнул он, как заговорщик, и ничего больше не объяснил.

Денсу отправился вечером, в то самое время, когда танцоры отмечали его победу.

— Ты не ждал, что я позову тебя так скоро, — сказал Абабио вместо приветствия. — Но мне пришлось позвать тебя сегодня. Обстоятельства переменялись. И это важно.

Абабио умолк. Он явно хотел, чтобы Денсу прервал его, задал вопрос. Но Денсу не проронил ни слова, и Абабио продолжал:

— Я полагал, что у нас будет время, у нас его не осталось. На Береговом Мысе все пришло в такое движение, что они нас застали врасплох. Но мы не допустим, чтобы события опережали нас. Ты знаешь, что там случилось?

Денсу не знал.

В прошлый раз Абабио говорил, словно не был уверен в себе. Он задышался, ему недоставало обычной решительности. Если тогда он сомневался в верности избранного пути, то теперь он смело шел по нему, голос его звучал жестко.

— Тебе придется решать сейчас, Денсу.

Денсу внимательно посмотрел на Абабио: маленькие глазки того еще уменьшились от напряжения.

— Решать что? — спросил Денсу.

Абабио глядел на него так, словно хотел пронзить взглядом.

— Я тебе объясню. Если тебе предложат царскую власть в Эсуано, ты ее примешь?

— Это пустые слова, — без колебаний ответил Денсу.

— Это не пустые слова! — крикнул Абабио. — Я задал тебе вопрос, и ты должен ответить. Люди, которые возводят на трон и свергают с трона, желают знать твой ответ. Итак, если они вручат тебе власть, у тебя хватит смелости удержать ее?

— Последник — Аппия.

— Не дразни меня, Денсу. Мы сами знаем, кто такой Аппия. Мы родились намного раньше тебя. В твоих сказках мы не нуждаемся. Мы хотим знать одно: ты примешь власть?

— Вы знаете мой ответ.

— Нет, Денсу, — медленно проговорил Абабио. — Я не знаю твоего ответа.

— Я хочу, чтоб меня оставили в покое.

— Ты отклоняешь предложение?

Денсу кивнул.

Абабио тяжело выдохнул, плечи его поникли, он сидел и глядел на Денсу, не двигаясь, не пытаясь сказать ни слова.

— Можно мне уйти? — спросил Денсу после долгого молчания.

Абабио не открывал рта. Денсу показалось, что Абабио пожал плечами, и он поднялся. Однако в дверях Абабио его окликнул.

— Денсу, вернись. — Голос звучал бесконечно устало.

Денсу вернулся и встал в ожидание перед Абабио.

— Это не так просто, — сказал Абабио.

— Что не так просто? — спросил Денсу.

— Ты уже вовлечен в наши дела.

— Ни во что я не вовлечен, — возразил Денсу.

— Ты ошибаешься, Денсу, — ласково проговорил Абабио. — Ты уже вовлечен. Вовлечен сильно. И не пытайся отрицать. Ты не можешь, Денсу, ты не можешь так просто уйти от людей, которые открыли тебе свою душу, свои тайны. Между тем, кто открывает тайну, и тем, кто слушает, всегда возникает некая обязанность. Это требование взаимной защиты. Ты должен защищать его, он — тебя. В противном случае ты покидаешь человека,

который открыл тебе свою душу, свои намеренья, и то, что ты знаешь о нем,— нож в твоих руках. Неужели ты этого не понимаешь?

— Неужели вы думаете, что я использую против вас то, что вы мне сказали? — спросил Денсу.

— Денсу.— Абабио был исполнен терпенья.— Мне нечего сказать тебе о том, что ты хочешь или не хочешь делать. Я говорю тебе о том, что ты должен делать теперь, когда ты знаешь то, что ты знаешь.

— Что же я должен делать?

— Во-первых, перестань предаваться праздным мечтам. Во-вторых, ты должен осознать свою ответственность. Когда тебе предлагают власть, это значит, что пора перестать быть младенцем, пора стать мужчиной.

— И все, что я вам сказал, ничего не значит? — спросил Денсу.

— А что ты мне сказал? — вопросом на вопрос ответил Абабио.

— Что я хочу быть совсем не таким человеком.

— Ах, это. Нет. Теперь это ничего не значит. Теперь ты узнал очень много.— В голосе Абабио звучала уверенность, неколебимая убежденность.— Денсу, бояться тебе нечего. Тебе нужна только смелость, а она у тебя есть.— Абабио говорил уже без обиняков.— Пусть мысль об Аппие тебя не волнует. Да, он наследник трона. Но власть не всегда дается тем, кто ее больше всех ожидает. Принявшие решение люди давно за тобой наблюдают. Они знали, к примеру, то, что знали и все: что ты победишь в играх, а это весьма важно, ты понятия не имеешь, как это важно.

— Вы хотите сказать, что игры имеют отношение к власти в Эсуано? — Денсу был поражен.

— Больше, чем ты думаешь.— Абабио рассмеялся легко, свободно.— Намного больше, чем ты думаешь. Ты сам это скоро увидишь. После того как ты стал победителем, какую дорогу бы ты ни избрал, тебе встретится множество неожиданностей. Все, что от тебя требуется, Денсу,— это чтобы ты оставался самим собой и побеждал. Я тебе завидую.

Денсу испытал боль во всем теле, и в голове стало тесно от неожиданной ясности. Он улыбнулся и повторил свой недавний вопрос:

— Можно мне уйти?

— Разумеется.— На сей раз Абабио не задержался с ответом. Он даже пошел провожать Денсу, добродушно болтая о пустяках и посмеиваясь. На прощанье он сказал: — Если что-то случится, я дам тебе знать. Впрочем, я не думаю, что пока может случиться что-то серьезное. Во всяком случае, пока продолжаются игры. Но я дам тебе знать.

Ночной воздух был неприятен, Денсу не мог понять почему. Небо по-прежнему было высокое, земля под ногами твердая. Он слышал музыку, ему показалось, что в звуках песен он однажды услышал свое имя. Но он не пошел к музыке. Он не мог.

Он знал, что, если не найдется способа очистить свой ум, ему опять угрожает бессонная ночь. Несмотря на нагрузки дня, тело его не устало, а ум продолжал бодрствовать от мучительных мыслей.

Мысли были не новые. Но этой ночью они были острее, чем всегда, В прошлом он испытывал замешательство, то есть смешенье чувств и мыслей, разобраться в котором трудно. Сегодня он понимал и чувства, и мысли.

Денсу думал об играх, которые по обычаю должны были готовить юношей к зрелой жизни. Ему хотелось сбежать от них далеко-далеко. Это желание разрасталось, крепло, укоренялось. Он не испытывал необходимости состязаться с ровесниками. Он не испытывал необходимости состязаться с кем бы то ни было. Он не испытывал ненависти к этим играм и празднествам. Но он хотел бы участвовать в празднествах, придающих больший смысл ежедневной жизни. Он хотел бы участвовать в празднествах, обрядах и играх, которые были бы празднествами, обрядами и играми содружества, а не соревнованья. От проходящих игр ему было не по себе. В них не было ничего, отвечавшего его устремленьям.

Восбраженье рисовало ему иные игры. В них несколько самых сильных не состязались друг с другом, а все остальные не были просто зрителями. В них не было бы ни победителей, ни побежденных, только участники. Это было бы сообщество, в котором люди были бы вольны совместно трудиться в прохладе утра — и бегать, плавать, прыгать, играть, прославлять здоровье и силу в предвечернее время, а в вечерней тиши они танцевали бы под свои собственные напевы. Все это хорошие заня-

тыя. Почему же какие-то из них должны превращаться в состязанья? Какой смысл в изгнание с середины поля всех, кроме нескольких угрюмых борцов? Почему игра должна завершаться бессмысленной победой одного человека? Причем сообщество превращалось в толпу побежденных, преклоняющихся перед единственным победителем, — зачем?

Неприязнь перерастала в отвращенье. Мысль о сообществе, выделяющем маленькую властную группу состязателей, вознесенную над безликой, бессильной толпой, вызывала в сознание Денсу отвратительную картину: немногие ловкие, жилистые удачники попирают ногами лишенную мускулов, бесформенную массу обыкновенных людей.

При таких мыслях об играх, об Эсуано, о жизни Денсу испытывал острое одиночество, острую необходимость дружбы. Но какую дружбу он мог найти в сообществе, разделенном на торжествующих победителей и безвольных наблюдателей? Все в нем протестовало против немой покорности зрителей, равно как и против иступленного торжества победителей, празднующих не принадлежащую им победу.

И он не желал иметь ничего общего с тупой заносчивостью одинокого победителя. Он желал бы себе чего-то получше. Но почь уже наполовину прошла, и она совсем ускользнет, если он не освободит свой ум от мыслей о бесплодности жизни в Эсуано.

2. ВОДНЫЕ ИГРЫ

Пятый день игр был посвящен плаванию. В этот день проводили заплывы через Нсу-Бер — в самом узком и в самом широком местах.

Самым сильным пловцом был Аппия, но он оказался не самым лучшим. Переплывая Нсу-Бер, он оставлял за собой хвост ненящейся воды. Его руки, выбрасываясь вперед, вырывали борозду для летящего тела. Зрители удивлялись и восхищались.

Слегка отстававший пловец выглядел нарочитой противоположностью вздымавшему пелу и с силой бившему по воде Аппии. Это был Денсу. Казалось, движение в воде не требует от него внешних усилий. Вместо бурной пены за ним оставалась едва видимая на поверх-

ности рябь. Казалось, Денсу скользит вперед не только благодаря силе тела, но и с помощью вод реки.

Заплыв в узком месте закончился неожиданным образом. Уже с середины реки невозможно было сказать, кто придет первым — Аппия или Денсу. С середины реки до конца при совершенно похожем ритме они шли голова в голову. Аппия с неуывающей силой молотил по воде, руки Денсу скользили в реке, направляя скользящее тело и не разбивая поверхности. И так, две правые руки одновременно коснулись бревна, означавшего конечную линию. В первый раз на памяти живущих победу в самом коротком заплыве пришлось разделить.

После полудня был заплыв в самом широком месте. Аппия вновь показал себя столь же могучим пловцом. Сначала он шел первым, но с середины реки Денсу определил его. Разрыв между пловцами был незначителен, но, хотя Аппия заметно усилил старанья, сократить разрыв ему не удавалось. Наоборот, почти незаметно он расширялся, и Денсу дотронулся до бревна на несколько очевидных мгновений раньше, чем мощная рука Аппии размашисто шлепнула по нему.

В шестой день на большой реке, реке-мужчине Нсу-Нин, проводился длинный заплыв. Требовалось не переплыть реку, а проплыть вверх по течению, от стоянки лодок у рыбацкой деревни ниже Эсуано до Акосомбо, священной скалы жрецов, пловцы должны были обогнуть ее и вернуться к рыбацкой пристани — на этот раз уже по течению.

Длинный заплыв начинался к вечеру, когда полуденная еда успела улечься. Что до пловцов, они лишь немного съедали утром и ничего в полдень.

В манере каждого пловца произошла заметная перемена. Вчера было время сильных, резких движений. Сегодня каждый пловец знал, что, если он хочет проделать весь путь до конца, он не должен растрачивать себя попусту, довременно и бессмысленно демонстрируя силу. Такова была перемена в манере у всех пловцов.

Кроме Денсу. Разница между вчерашним и сегодняшним Денсу была незначительна. Лишь самый зоркий глаз обнаруживал удлинение каждого плавного взмаха, еще больше нежности при скольжении, еще меньше ряби за телом.

Путь вверх до скалы Акосомбо был трудным для всех. Здесь не было большого разрыва между первыми и последними. На обратном пути все преобразилось.

Естественно, что, доплыв до скалы Акосомбо, все пловцы уставали. Поэтому путь назад, хотя и вниз по течению, они редко проходили быстрее, чем путь вперед. Но на этот раз, когда первые пловцы обогнули скалы Акосомбо, один из них длинными, плавными, скользящими движениями резко оторвался от всех, словно ему вновь помогала легкая, гибкая сила вод. И это был Денсу.

Поразительная плавность движений была не минутным чудом. Денсу сохранил ее до конца. Его гибкое тело успело обсохнуть, когда второй пловец достиг цели. Это был Аппия. Итак, шестой день, день длинных заплывов, принадлежал Денсу. Снова могучий князь Аппия оказался вторым.

3. ПЛЕННЫЙ ГОЛУБЬ

В последний, седьмой день избирали победителя всех игр. В обыкновенные годы победитель определялся задолго до конца. Но этот год был исключением. До последнего дня никто не мог определить будущего победителя. Соперники Аппия и Денсу добились примерно равных успехов. Победителем мог стать лишь тот, кто одерживал верх в состязаньях последнего дня.

Утро было солнечное, воздух прозрачный, мир затихший. Казалось, все замерло, ожидая последнего состязанья, состязанья в охотничьем искусстве. Место древнего охотничьего оружия — стрел, копий, пожей — заняло ружье.

Первая задача была несложной: стрельба по бочонку на расстоянии двадцати поваленных деревьев. Первые выстрелы несколько разрядили напряжение, и в толпе начались разговоры. Совсем напряжение не пропало, оно переросло в напряженное ожиданье, повисшее в воздухе. Когда один из юношей, Квеку Сипи, промахнулся и вышел из ряда стрелков, толпа даже не заметила его позора.

Бочонок отодвинули на тридцать деревьев. Снова раздались выстрелы. Теперь из ряда вышли Бунтуи и Пату. Сорок деревьев. Из ряда вышел Джан.

Осталось всего пять стрелков — никто из них теперь не должен бы выйти из ряда: все они стреляли с уве-

ренным искусством и осмотрительностью. Но на девяности деревьях промахнулся Антобам, а на ста — Ампя. К середине дня в ряду было только трое: Энан, Аппия и Денсу.

Толпу распирало от нетерпенья, но судьи сохраняли спокойствие. С каждым залпом они отодвигали бочонок все дальше, и каждый раз все три стрелка попадали в цель. Толпу терзала неопределенность.

И тут раздался взволнованный крик:

— Принесите птиц!

При этом крике лицо Денсу приобрело такое выражение, точно он должен был сказать судье что-то срочное. Он даже сделал несколько шагов в сторону судьи, но передумал и снова встал в ряд. Он улыбался странной улыбкой — словно сквозь боль.

Птицы были обречены. Состязавшиеся стреляли в них по очереди. Если стрелок попадал в цель, птица погибала; если нет, птицу возвращали на место и выпускали для следующего стрелка. Молодые голуби были привязаны — каждый к концу очень длинной веревки. По сигналу судьи его выпускали. Когда он достигал вершины самого высокого дерева, судья отдавал команду, и состязующийся стрелял.

Энана первого подозвали к трем заряженным ружьям. Голубь не успел долететь до конца веревки, а Энан уже выстрелил из всех трех. Первая пуля прошла мимо. Вторая отстрелила птице хвост и заставила закружиться на вспугнутом ветру. Третья превратила птицу в падающее месиво крови, костей и перьев.

Энан странно воспринял успех третьего выстрела. На его лице не было и следа радости, руки слегка дрожали, он явно не мог взглянуть на птицу, которую он убил.

Следующим стрелял Аппия. На первом выстреле он промахнулся. Вторым он пронзил птицу в самую середину. Настала очередь Денсу.

Денсу прицелился. Птица была на требуемой высоте, но Денсу не стрелял. Может быть, он хотел, чтобы птица валетела еще выше? Победив потрясение неожиданной свободы, голубь летел все увереннее — вперед и вверх. Веревка за ним тянулась по воздуху расширявшейся кривой лентой.

Птица пролетела мимо точки прицела, но Денсу оставался недвижим. Лицо его выражало глубочайшую сосредоточенность. Судья хмурился и смотрел с нетерпением. Но Денсу не стрелял.

Судья резко кашлянул. Люди в толпе озадаченно зашумели. Эти мелкие звуки вернули Денсу к действительности. Он еще более тщательно прицелился в улетающую птицу. Когда его пальцы коснулись спуска, на губах его заиграла облегчающая душу улыбка. Улыбка такого глубокого удовлетворенья, что никто из зрителей не проник в ее смысл. Мушка ружья поднималась следом за голубем, задержалась на миг — и тут Денсу выстрелил.

Измученная неожиданным среди людского затишья выстрелом, птица дрогнула и утратила высоту, как пораженная пулей. Но через миг голубь набрал скорость и устремился в крутом вольном полете. Он унесся ввысь, высоко в небо, туда, куда не достанет ружье никакого охотника.

Не веря глазам, судья глядел на веревку, которая миг назад держала освобожденного голубя. Один конец веревки свисал с его руки, другой нелепо падал с небес на землю. Судья перевел взгляд на исчезавшую в небе птицу. Затем он посмотрел на Денсу. Молчанье, глубокое молчанье зрителей вторило недоумению судьи. Судья сказал то, что вертелось у каждого на языке:

— Денсу, это что?

— Вы же видели, — сказал Денсу. — Я промахнулся.

— Нарочно, — проговорил судья. — Ты выстрелом перебил веревку.

— Я промахнулся, — повторил Денсу. Он не стал слушать, что еще говорил судья. Повернувшись спиной к полю пгр, он зашагал к реке.

Придя в себя, судья приблизился к князю Аппии и в знак окончательной победы поднял его правую руку над головой. Он объявил, что следующая ночь будет посвящена празднованью победы Аппии. Будет пир, будут песни и танцы. А следующее утро увидит рожденье нового года.

4. ПЕСНЬ ПОБЕДЫ

В воздухе ночи было волшебство. Голоса молодых женщин пели о победе. Голоса мужчин в ответ восхваляли силу. Старики зывали к юности и грядущему. Самые юные вспоминали , песни забытого прошлого.

Потом начались танцы. Аппия танцевал первым, один. Он танцевал стыдливый танец соревнователя, надеющегося на победу. Он танцевал другие танцы в память своих побед и поражений на играх. Он танцевал несвободно, но счастье победы окрыляло его. Лишь в самом конце, отпраздновав свою победу в стрельбе, он уступил усталости и принял отдых в толпе восхвалявших его зрителей.

Настало время другим юношам вступить в танцевальный круг. В их танцах победитель вновь переживал крылатые мгновенья своей славы. Бывшие близко к победе, но не добившиеся успеха — даже они танцевали, вздымая счастливую пыль.

Денсу был зрителем. Он не выходил в середину танцевать. Он не хотел прославлять ни одну из своих побед. Его мысли были вдаль от ночного праздника. Он радовался, что игры уже позади, потому, что не любил сами игры, и потому, что могучая сила увлекала его мысли вдаль. Ему не терпелось отправиться в восточный лес. Ему не терпелось опять увидеть целителя Дамфо, поговорить с ним о будущем, которое он избрал для себя, о жизни, посвященной высоким трудам целителя.

Внутренний покой Денсу внезапно нарушил вкрадчивый голос, шептавший в самое ухо. Денсу изо всех сил старался не слышать, что говорил голос. Но голос был не только вкрадчивый, но и настойчивый. Он повторял слова до тех пор, пока Денсу их не услышал и не понял их смысл.

— Ты выбросил свою победу.— Голос принадлежал Абабио.

Денсу не отвечал, но Абабио почувствовал, что слова его достигли цели, и больше не повторял их.

— Это было неумудро, губительно.— Абабио помолчал, словно задумавшись.— Впрочем, все это не имеет значения. Ты пришел в мир победителем. От этого ты не уйдешь. Это в твоей природе. Но скажи мне, Денсу, почему ты боишься победы?

— Разве все, кто проигрывает, боятся победы?

— Кто проигрывает нарочно — да, — сказал Абабио.— Ты ведь не отрицаешь, что ты проиграл нарочно?

Денсу не отвечал.

— И то же самое было, когда ты отказался участвовать в борьбе.

Абабио умолк. Он не смотрел на танцующих, он сидел к ним спиной и глядел прямо в лицо Денсу. В ночной темноте он приблизил свое лицо к лицу Денсу.

— Денсу, я вижу тебя насквозь. Твоя болезнь — не страх, а гордыня. Ты презираешь победу. В каком-то смысле это прощительно. Ты пришел в мир победителем. Поэтому ты не знаешь горечи поражения. Поэтому ты решил поиграть с пораженьем. До сих пор ты не понял, как в жизни необходима победа. И как глупо, как бессмысленно поражение. Но ты молод, сил у тебя избыток. Не растрачивай их попусту. — Он вздохнул как бы в изнеможенье и положил руку на плечо Денсу. — Впрочем, не для того я к тебе сегодня пришел. Пойдем, нам надо поговорить.

Денсу пошел за Абабио прочь от танцоров и зрителей, прочь от реки. Оглядевшись, Абабио удостоверился, что никто не может их слышать, и резко сказал:

- Денсу, настало время.
- Какое время?
- Время решать.
- Что решать?
- Что с тобой будет.
- Но я уже решил.
- Денсу, я говорю с тобой как со взрослым.
- Я знаю.
- Послушай. Решается твое будущее.
- Я уже обо всем подумал, — сказал Денсу.

В голосе Абабио чувствовалось раздраженье; он взял себя в руки и заговорил терпеливо, почти грустно:

— Денсу, я, Абабио, гожусь тебе в отцы, я знал твоего отца и обещал ему воспитать и сберечь тебя, а сегодня пришел к тебе и прошу, умоляю помочь мне и заслужить будущее, которого ты достоин.

— Я уже благодарил вас за предложенье, — ответил Денсу, — но я не могу принять его.

— Значит, отказываешься.

— Я не хочу и не могу принять предложенье.

— Можешь, — сказал Абабио. — Послушай меня, Денсу. Я пришел к тебе, движимый самым глубоким доверьем. Я показал тебе путь к самому главному в жизни, к тому, ради чего каждый мужчина, если он мужчина, отдал бы все силы. Это самое главное — власть. Власть —

единственное, к чему стоит стремиться. Денсу, я, ничего не тая, открыл тебе, в чем моя цель. Я хотел, чтобы моя цель стала бы и твоей целью. Я показал, как просто тебе достичь этой цели. Ты знаешь мои тайны, Денсу. Ты понимаешь, что это значит?

— Вы до сих пор опасаетесь, что я разглашу ваши тайны?

— Речь не о том, что я опасаюсь, — яростно проговорил Абабио. — Речь о том, что бывает на деле. Ты знаешь мои тайны. Тот, кто знает твои тайны, — твой друг. Он может быть только твоим другом — или твоим врагом. Он вместе с тобой. Или он против тебя.

— Я объяснил вам мой выбор, — сказал Денсу.

— Ты принял мои тайны, — ответил Абабио. — То, что ты знаешь, тебя обязывает.

— Я не просил, чтобы вы раскрывали свои тайны.

— Тем не менее ты их слышал. И суть дела именно в этом.

— Я сохраню их.

— Только если ты будешь вместе со мной! — Абабио больше не сдерживал чувств. И он повторил спокойно, медленно, членораздельно: — Только если ты будешь вместе со мной, Денсу. Тот, кто раскрывает другому свои тайны, дает ему в руки нож и подставляет спину. Он предлагает тебе дружбу до самой смерти. Или вражду — тоже до самой смерти.

Абабио вглядывался в лицо Денсу. Глаза его сверкали в ночи, и на лбу проступили крупные капли пота. Денсу чувствовал разгоряченное дыхание на своем правом плече.

— Я тебя люблю, Денсу, — продолжал Абабио, — и я хотел бы любить тебя всегда. Но ты идешь против меня. Больше я не буду тебя убеждать. Я гожусь тебе в отцы, Денсу. Тебя не удивляет, что я сам столько раз приходил к тебе? Больше я не приду. Ты еще не задумывался над своим будущим — всерьез. Ступай и задумайся. Когда ты одумаешься и решишь, что будешь вместе со мной, приходи в мой дом. Но времени у тебя мало. Завтра весь день я буду тебя ждать. А позже, Денсу, ты мне уже не понадобишься.

Не прощаясь, Абабио зашагал прочь, словно спеша.

Весь обратный путь Денсу проделал в тревоге. Дома

он не мог усидеть. Он очень устал, но понял, что не уснет. Мысли, которых он не желал, стучались в его ум. Только он выгонял их, как рой подобных им мыслей влетал в голову. Ночь была не жаркая, но душная и покрывала лицо влагой. Он чувствовал, что задыхается, и и вышел посидеть на пороге.

Луна выплыла из-за облака; бледный ореол ее затмевал неяркие звезды. Денсу отвернулся от слепящей луны и смотрел на далекие звезды до тех пор, пока глаза его не обрели покой, а звезды не слились в сплошной поток небесного света.

Одиночество, мучительное и острое, побеждало его. Он попытался уйти от него в сон, но не смог. Он обдумывал свои чувства, пытаясь понять их. Он знал, что боль — очень часто знак того, что он не понимает происходящее в сердце. Он также знал, что боль не утихнет, пока не появится понимание. Тогда она пропадет как боль и останется лишь холодное осознание, чувство до конца понятой действительности.

Он знал, что его одиночество — не от неутоленной жажды участвовать в общественных делах Эсуано или Берегового Мыса. Ему предложили участвовать, и он сам отказался. Находясь в центре козней Абабио и его тайных друзей с Берегового Мыса, в центре игр, танцев и празднеств, Денсу постоянно испытывал невыразимое одиночество. На царском дворе возле власть имущих он чувствовал себя, как на вражеской земле. Не случайно у Денсу легчало на сердце при мысли о своей отдаленности от таких людей, от таких дел.

За последнее время чувство спасительной отдаленности распространилось на игры и празднества. Он искал в них смысл и вдруг обнаруживал обычаи и нравы двора, распространенные за пределы двора. Состязанья, борьба одного человека против другого человека, одной группы против другой группы, размахиванье ножами, поиски союзников, обман свидетелей и врагов, готовность друзей предавать друг друга в погоне за властью — от всего этого Денсу желал удалиться, бежать как можно дальше.

К счастью, чувства его на этом не замирали. Чувство отвращения было сильно. Но еще сильнее было могущественное стремление отыскать людей, чья нравственность послужила бы противоводьем против отравы, которой питались все известные ему люди власти. Денсу желал

прожить жизнь с людьми, которые не считают других людей средством для достижения своих целей. Он вспомнил Абабио.

Абабио никого не считал человеком, которого надó воодушевить, которому можно довериться, рассказать всю правду о сути дела и предоставить возможность принять решение самому. Абабио всякого превращал в бессловесную жертву, знающую ровно столько, сколько нужно, чтобы в безвыходном положении поступать только так, как велит Абабио, только так, как выгодно для Абабио. Для Абабио, который хитрил, лгал каждому человеку и силой или коварством превращал этого человека, часто против его воли, в своего преданного союзника. Если это не удавалось, тогда человек был преградой, которую следовало уничтожить.

С годами Денсу все лучше понимал сущность Абабио. Сначала пониманье породило глубокое, сильное, болезненное замешательство. Потом в душе его стало светлее — замешательство превратилось в четкое знанье. От знанья появилось большое холодное расстоянье между Денсу и Абабио, между Денсу и всеми, подобными Абабио, заправилами. И даже когда они касались его рукой, расстоянье между ними не сокращалось.

Чем яснее он понимал свое отвращенье, тем сильнее росло в нем противоположное чувство, тем настойчивее мечтал он о людях, трудясь с которыми он хотел бы прожить всю жизнь. Его влеченье к ним началось тоже с неясного чувства. Это чувство волновало так сильно, что он не скоро в нем разобрался. Хотя это было доброе чувство, оно причиняло боль. Против волнения и боли могло помочь пониманье.

Денсу исследовал свое беспокойство и обнаружил в нем стремление к обычаям и правам, в которых не было лжи. Могут же быть празднества, наделенные смыслом, вместо таких обрядов, которые ослепляют людей, — людям ведь нужно видеть! Разве нельзя жить так, чтобы люди всегда знали, почему они делают то, а не это, идут или плывут туда, а не сюда? Разве нет в Эсуано и Та Береговом Мысе, везде, людей, которые не скрывают свои цели, ибо не стыдятся своих целей? Почему бы ему не трудиться вместе с людьми, не разделенными на враждебные группы? Неужели он не найдет людей, не радующихся горю соседа? Почему бы ему не искать тех, кто

не тратит все силы жизни на причинение зла, на старание побороть и погубить друг друга?

Денсу в душе чувствовал, что поиски не будут напрасными. Великая радость озаряла его при мысли о тех, кто вдохновляет других и не помышляет идти в заповнилы. Великая радость становилась мучительной болью, когда мысли его переходили на Эсуано и то, что в нем происходит сегодня.

Заснуть он не мог. Он прошел через двор на кухню. В слабом мерцанье очага он нашарил в углу светильник, зажег его и возвратился в дом. Позволяя времени успокоить ум, он не спеша связывал в узел все, что понадобится на дорогу в восточный лес. Он был поглощен сборами, и холодное отвращение от мерзкого мира потеряло власть над умом, и в уме, в сердце, во всем его существе вспыхнуло чувство любви к желанному миру. Он был счастлив.

5. СМЕРТЬ НА ЗАРЕ

Наутро после праздничной почи, прославлявшей победу князя Аппии в играх, прославленный победитель был найден убитым на еле видной тропинке по пути из Эсуано в восточный лес. Он был так изуродован, что всем стало ясно: это убийство из жгучей ненависти. Связанный за запястья, он был подвешен к изогнувшейся луком ветви высокой стройной гуавы.

На месте глаз...

О Фассеке, у рассказчика нет слов. Фассеке Белен Тигуи, мастер из мастеров красноречья, дай мне силы, чтобы продолжить рассказ.

На месте глаз кипшело два роя блестящих зеленых мух. Такое свежее утро в другой день сочли бы прекрасным. Роса еще не сошла с темно-зеленых травинок. В такое ясное утро отродясь не увидишь мух. Но зренье не обманывало: вот они, мухи, грузные, пьяные от человеческой крови, сытые, еле шевелятся.

Мокопу Мофоло, даруй мне могущественные слова. Слова — только ветер, но ветер от века сопровождал наш труд, труд сеятелей во имя будущего, труд рассказчиков, труд мастеров красноречья. Дай мне силы закончить мой труд. Пусть твоя измученная душа просветлеет, увидев

в труде твоего последователя слабый, минутный признак того, что твое долгое молчаливое страдание в конце концов не напрасно.

Глаза князя Аппии были вырезаны чем-то весьма острым. Несмотря на рой мух, пустота глазниц была очевидной. Струйка крови из правой глазницы стекала по правой щеке. Справа на шее зияла глубокая рана, отчего голова, резко склонясь влево, касалась плеча. В глубокой ране засел еще один рой мух, также пьяных от крови.

На губах была корка запекшейся крови. Вероятно, кровь из разрубленной шеи сначала хлынула ртом и лишь потом нашла новый выход. Широкая волокнистая полоса пересохшей крови шла к подбородку убитого изо рта, из которого страшно торчал распухший, чудовищно вытянутый язык.

Тело князя осталось неизуродованным. Руки были порезаны. Раны на голове и шее разительно отличались от ран на руках. Убийца явно спешил, нанося удары по голове и шее. То же относилось к глазам. Правый глаз был вырезан так торопливо и неуклюже, что, когда отогнали мух, из глазницы глянула белая кость. Глубокая страшная рана на шее, по-видимому, была нанесена несколькими поспешными размашистыми ударами, так что виднелись рассеченные жилы и сухожилия и белела кость. На руках раны были совсем иные.

Никакой торопливой размашистости. Руки были надрезаны тщательно, точно, неспешно. Убийца, кто бы он ни был, явно уже не боялся сопротивления. Но и это не все.

На каждой руке на пол-ладони выше локтя были вырезаны две одинаковые полоски кожи — непонятно зачем. Одно было ясно, как воздух утра: это было сделано не для того, чтобы убить или лишить возможности сопротивляться. Люди искали долго, упорно, но не нашли ни следа вырванной плоти.

И из каждой ноги ниже колена было вырезано по полоске икры. Тоже тщательно, точно, неспешно. Они тоже исчезли бесследно. Люди искали долго и терпеливо — и ничего не нашли.

Ужас мало-помалу улегся, люди вышли из безмолвного оцепененья и начали задавать терзавшие их вопросы.

Что значило это убийство? Для какой злой цели убийца унес глаза князя? Для какого зловещего колдовства убийце понадобились полоски могучих мышц князя?

Вопросы эти задавались шепотом. Прежде чем они могли зазвучать громко, в открытую, было необходимо снять тело с дерева и отнести в Эсуано для похорон. Вперед вышли четыре ровесника князя, те, кого он только что победил на играх. Плетеную циновку привязали к свежесрезанным стволам молодых деревьев. Тело положили на циновку и накрыли шафранной тканью. Четыре юноши, Джан, Энан, Ампя и Денсу, с траурными носилками на плечах повели людей домой, к дворцу.

Люди шли медленно, с глазами, полными слез. Женщина дрожащим голосом затянула песню прощанья. Мало кто из шедших за телом был способен раскрыть рот и поддержать песню. Многие подпевали, не размыкая губ. Над людьми неуверенно, с болью поднимался один женский голос, произносивший слова о зеленых плодах, которые, не созрев, погибают, о молодых деревьях, которые падают не от бури, о потоке жизни, который прерывается вопреки природе. А люди подпевали, не размыкая губ, и пытались понять почему.

Путь домой был медленный, носильщики уставали, и их сменяли другие. Все ровесники князя по очереди несли его тело, Денсу дважды, ибо, когда выкликнули имя Бунтуи, никто не отозвался.

Тело принесли во дворец Эсуано. Женщины омыли его, остригли ногти и надушили травами. Все отверстия тела присыпали золотой пылью. Убитый был готов к погребенью, и в комнате его матери выкопали могилу.

День полыхал яростным зноем. Из-за того, что тело было так изувечено, а плоть и кровь оставались на воздухе и в жаре слишком долго, с похоронами спешили.

При вести, что князь Аппия мертв, весь дворец онемел. Когда тело положили на землю, смолкли даже похоронные песни. Плакальщики и плакальщицы лишились голосов. Слышно было только, как шумит ветер, — и вдруг в толпу с шумом ворвался Абабио.

Под утро Абабио был вдаль от дворца. Он сказал, что ходил на север и на восток по течению большой реки с Бунтун и вырезал стойки для будущего амбара. Замерший двор он оглушил расспросами:

— Отчего здесь такая толпа? Скажите! Что случилось?

Его подвели к телу убитого князя. В глазах Абабио появилось неистовство, но лицу его было видно, что он побеждает непобедимые чувства, при этом из глотки его вырывались сдавленные слова:

— Где его нашли? Как? Но кто? Какой зверь это сделал? Где злодей?

Молчанье.

— Вы дали ему убежать? — стонал Абабио.

Никто не ответил ему. Никто и не мог ответить. Молчанье взбесило его, и он взорвался:

— Вы все оглохли и онемели?

Молчанье.

— Что вы сделали с моим князем? Кто его убил?

Абабио потребовал колы. Он жевал орешки до тех пор, пока губы его и глаза не приобрели цвет гнева. Настала пора хоронить князя, и женщины вызвали вперед его сверстников.

Но когда юноши подняли мертвого князя, Абабио встал между ним и могилой. Он крикнул, чтобы ему принесли самую крепкую выпивку. Слуга подал ему бутылку шнапса. Он вылил кристальную жидкость на землю над головой князя и произнес долгую клятву:

Пей, Аппия, пей!
Вы видите, отцы,
Горе душит меня.
Пей, Аппия, пей!

Пей, Аппия, пей!
Отцы, ваш внук
Вопреки естеству
Умер в белый день.

Он умер на заре
Вопреки естеству.
Пей, Аппия, пей!
Пей, Аппия, пей!

Пойте с ним, отцы!
Пойте, слыша скорбь того,
Кто остался в живых,
Вот наш князь, отцы,

Вы примите его,
Облегчите его боль.

Так страшно умер он
Вопреки естеству,
До срока умер он.
Пейте, пейте, отцы,
Слышите нашу скорбь.

Князя страшная смерть
К отмщенью зовет.
Видите мои глаза,
Мои красные глаза,
Мои горькие слезы?

Глазам не уснуть —
Сон к ним не придет,
И рукам не отдыхать —
К ним покой не придет,
Мой рот не может есть —
Все горько для него,
Пока не отмщен
Князь Аппия, ваш ввук.

Я, Абабио, клянусь,
Днем клянусь не есть,
Ночью не отдыхать,
Пока я не найду,
Пока убийцу не найду,
Чтобы Аппии душа
Перестала блуждать,
Как убитого душа,
И нашла свой покой
Среди духов отцов.
Пейте, пейте, отцы,
Слышите клятву того,
Кто остался в живых!

Абабио сделал передышку, напряженная клятва его утомила. В бутылке еще оставалась вышивка для отцов. Он, морщась, хлебнул, подбодрился и хотел продолжать, и тут голос тихий, но твердый остановил его.

Нана Эси Аманнива, бабка князя, ждала тишины с той минуты, как Абабио ворвался на царский двор.

Старая, больная, она встала с постели, чтобы проводить любимого внука в последний путь. Она стояла во дворе безмолвная, терпеливая, и слезы горя безудержно текли по ее щекам.

— Солнце палит, — сказала Эси Аманиива. — Пора хоронить.

Абабио проглотил все, что хотел сказать. Неохотно он отступил, и ровесники пронесли тело князя в комнату его матери, Арабы Джесивы.

Могильщики постарались. Они выкопали яму глубиной в рост человека и от нее против двери провели ход в нишу, где князь упокоится навсегда.

Юноши осторожно опустили тело князя в могилу. Могильщики приняли его и усадили в нишу коленями к подбородку. Плача, Эси Аманиива, бабка Аппин, подошла к могиле и сказала слова прощанья. Слова были неслышны — так велико было горе по ушедшему князю.

Эси Аманиива захватила с собой все свои сокровища. Фигурку богини плодородья, оставшуюся от дней ее женской силы. Два серебряных кольца, запястье из красного, чистого золота, две длинные цепи, тоже из золота, одна с застежкой в виде барана, другая с застежкой в виде голубка. Эси Аманиива сложила сокровища в золотую чашу и передала ее вместе с богиней плодородья и возвращения могильщикам, и они поставили ее рядом с телом князя.

Нана Эси Аманиива взяла горсть земли и бросила ее всером в могилу. Она не могла заставить себя бросить землю на князя. И она застыла у края могилы, не в силах сказать ни слова, не в силах отойти от внука, который был радостью ее жизни.

И тут Абабио, как ураган, ворвался в погребальную комнату. Он ворвался, как вихрь, и шафранный платок на голове Эси Аманиивы взвился, и она рассеянно, по привычке его поправила. Абабио был не только бурей, он был громом. Могильщики собирались вылезать из могилы, готовясь похоронить князя. Абабио остановил их.

— Пустите меня к моему князю! — закричал он. — Я хочу уйти с ним! — И он пронесся мимо онемевшей Эси Аманиивы. Абабио бросился на вылезавшего из ямы могильщика и увлек его на самое дно. Изумленный могильщик встал на ноги и принялся вместе с товарищем уговаривать Абабио.

— Я глубоко уважаю вас,— сказал первый могильщик,— но жизнь продолжается.

— Я глубоко уважаю вас,— повторил второй могильщик,— позвольте, мы поможем вам вылезти.

— Оставьте меня! — закричал Абабио.— Я хочу уйти с моим князем!

Могильщики не знали, что делать. Абабио бросился к мертвому, обхватил его ноги и начал песнь, обращаясь к духу ушедшего князя. Могильщики не знали, как быть. Они не могли силой вытащить воющего, пресмыкающегося Абабио, они не хотели оставить его в могиле и поэтому растерянно стояли возле него.

И тут послышался голос наны Эси Аманинвы:

— Оставьте его. Пусть уйдет, если хочет.

Она произнесла это тихо, не повышая голоса. Но действие ее слов было мгновенным. В комнате, наполнявшейся громкими причитаньями Абабио, воцарилась глубокая тишина — как в лесу ночью без звезд.

Абабио не рыдал. Он повернулся к могильщикам. Их не было. Они уже вылезли из могилы и стояли над ним. Абабио поднял руки и протянул их в сторону двери. Без посторонней помощи он не сумел бы вылезти. Молча, из могилы, он искал глазами могильщиков, чью помощь за миг до этого он безрассудно отверг. Он не мог выговорить ни слова. Но глаза его были красноречивы. Они умоляли вытащить его назад, в мир живых. Могильщики помогли ему.

Эси Аманинва уже уходила. Если бы она оглянулась на Абабио, она бы увидела, что краснота его глаз означает уже не скорбь, а злобу уязвленного, насмерть уязвленного человека.

Выбравшись из могилы, Абабио оказался в бездонном молчанье. Не проронив ни звука, он прошел сквозь толпу, молча стоявшую перед домом. Из всех приближенных князя он один забыл по обычаю бросить горсть земли на несчастного Аппию.

6. СЛУХИ

После похороп Аппии наступило затишье. Вопросы, догадки, витавшие над его телом в день убийства, умолкли на день, на два. На третий день слухи закружились опять.

По одному из них, Абабио видел сон. Убитый князь явился к нему и обещал указать способ поймать убийцу. Любопытные хотели спросить Абабио, правда ли он видел такой сон. Но Абабио нигде не было. Нашелся его друг, готовый поговорить об удивительном сне.

Разговорчивый друг Абабио был придворный жрец Эсуман. Эсуман уверил, что сон непременно укажет дорогу к убийце и откроет, что случилось с матерью Аппии, Арабой Джесивой. Но дух убитого принца еще не рассказал все. Эсуман советовал повременить.

ЧАСТЬ III

1. ВДОХНОВИТЕЛИ

Убийство Аппии прервало сборы Денсу в восточный лес. Неожиданность и жестокость убийства ошеломили ум Денсу. Он нес тело князя домой в Эсуано за себя и за гиганта Бунтуи, которого не дозволили. Весь день он плохо понимал, что происходит. До вечера он скитался, как бессмысленное животное. Он не испытывал голода и не испытывал жажды, хотя во рту его пересохло.

Ночью спать он не мог. Дикие мысли одна за другой превращались в злое образы и не давали покоя. Он видел разъяренного безымянного зверя, полульва-полуудава. Зверь обвинял тело еще живого Аппии и скалил зубы. В полусонном кошмаре Денсу видел лишь тело князя. Но в момент, когда зверь был готов вонзить ему в шею клыки, Денсу увидел лицо Аппии. Это было лицо его, Денсу.

Денсу поднялся с постели и зашагал в ночь, стараясь освободиться от неотвязных видений. Но они преследовали его по пятам. Он вернулся домой и больше не сопротивлялся. На сей раз ему, измученному, почти удалось уснуть. Но в миг между бодрствованием и сном он увидел, что что-то несется навстречу ему. Он стреляет в несущееся из ружья, и оно падает. Он шагает к упавшему, и тут за спиной вдруг слышится голос Аппии. Резко, до боли в затылке, он оборачивается. Боль пробудила его. Он так и не увидал, кто окликнул его во сне.

В предшествующие недели желание удалиться в восточный лес было сильнее, чем желание покинуть Эсуано.

Теперь они были неразличимы, нераздельны и настойчивы, как мысль безумца. Он ушел бы на завтра утром. Но он так ослаб от голода и бессонницы, что после утренней еды волна сна захлестнула его и не выпускала весь день и большую часть ночи.

Проснувшись, Денсу ощутил необыкновенный прилив сил. Тело его отдохнуло. Беспокойство сменилось покоем. Не дожидаясь рассвета, он взял свой узел и в резком холодном воздухе пошел к восточному лесу.

Он не собирался спешить. Но к первым лучам солнца он уже миновал последний изгиб Нсу-Нин и был много дальше того места, где нашли убитого князя Аппию. Удаленье от Эсуано, даже простое удаленье в пространстве, успокаивало ум Денсу. Он не мог объяснить, в чем дело, но сам воздух Эсуано казался ему враждебным, и малейший вдох в Эсуано тревожил ум.

Лес был не враждебным. Он мог бы быть дружественным, если бы Денсу по-настоящему знал лес. Он был счастлив шагать под деревьями, по мягкой земле, скрытой опавшими листьями. Он был счастлив вдыхать резкие, меняющиеся, неожиданные свежие запахи. Но когда он смотрел вперед на стволы деревьев и вверх на кровлю листвы, смягчавшей солнечный свет, он далеко не всегда мог сказать, что это было за дерево, чем его дух отличается от духа других деревьев и чем он похож на них. Его обступали тонкие, стройные лесные деревья, но лишь немногие он знал несомненно и свое невежество ощущал как ноющую пустоту в груди.

Он попытался сосчитать все известные ему деревья, и снова его озадачло, как мало деревьев он знал и как далеко росли они друг от друга. Он жаждал времени — времени, чтобы глаза, уши и ноздри открылись всему окружающему его миру, а язык ощутил его вкус. Он жаждал времени, когда он познает вселенную, а вселенная примет его.

Мысли Денсу переменили направление. От лесных картин и звуков они устремились к дням первого знакомства с человеком, которого он так давно жаждет увидеть, — Дамфо. Что-то в воспоминанье смущало его: первая встреча была вовсе случайной. Что-то в Денсу ждало, чтобы это было иначе. Лучше бы, если бы эта встреча

основывалась на предначертанье, неизбежности. Ибо до нее он долго мечтал о такой встрече, не подозревая, как легко могла она произойти в любой день. Причина новой встречи была отдаленной. Денсу пытался понять, почему ему так неприятна мысль, что что-то прекрасное, совершенное явилось ему случайно.

Дамфо, целитель, не часто приходил в Эсуано. Он жил в восточном лесу вместе с маленьким кругом людей, посвятивших себя целительскому искусству, и у него было мало дел в городе. Денсу несколько раз встречал его в доме Арабы Джесивы, но не там он впервые заговорил и познакомился с ним.

В молодости Дамфо был женат на Аме, женщине из Эсуано. У них родилось единственное дитя, дочь Аджоа. Любовь, приведшая Аму к Дамфо и в восточный лес, продержалась пять лет после рожденья Аджоа. На шестом году мать рассталась с Дамфо и вернулась к широкому миру Эсуано.

Ама ушла из лесу не из-за Дамфо. Она до сих пор уважала его — по ее словам, глубже, чем раньше. Но жизнь в лесу целителей не удовлетворяла ее душу. Это была очень тихая жизнь, и Аме недоставало движенья и праздничности широкого мира. Шли годы, и неудовлетворенность росла. Наконец она победила Аму и остаток желанья жить в восточном лесу.

Дамфо понял жену и не препятствовал ее возвращенью в Эсуано. То, что когда-то ему казалось только возможностью, оказалось чистой правдой. Ама покинула лес не одна. Вместе с ней в Эсуано ушел его сотоварищ по имени Эсуман.

Эсуман взял на себя подвиг целителя, когда был весьма юн и дух его еще занимала увлекательная прелесть широкого мира. В восточном лесу он несколько лет томился в угрюмом бессилье, мечтая о торжественном возвращеньи во внешний мир, может быть, знаменитым врачом или священнослужителем, мудрецом, которого чтут обыкновенные люди. Лишь мысль об одиночестве среди людей, с которыми он утратил связь, удерживала его у целителей.

Когда Эсуман узнал, что Ама, жена Дамфо, тяготится жизнью в восточном лесу и жаждет вернуться в Эсуано, он понял, что нашел спутницу, без которой никогда не решился бы на желанный шаг. Эсуман ушел с Амой

в Эсуано, чтобы начать новую жизнь. С собой они захватили Аджоа, дочь Дамфо.

Восьмилетний Денсу впервые увидел Аджоа в тот самый день, когда Эсуман и ее мать поселились в Эсуано. Аджоа была маленькая, хрупкая девочка, но кожа ее уже обладала темнотой, обещающей неисчерпаемую глубину, а глаза ее уже тогда были влажными ясными окнами в ее душу.

На другой день Денсу принес ей в подарок совершенный овал почти спелой гуавы.

Аджоа не приняла плод. Она убежала от Денсу — не как испуганная девочка, но как настоящая женщина, побежденная своей робостью. Она убежала к своему отцу и спряталась за ним, как за огромной надежной спиной, и из-за его ног поглядела на Денсу, молча протягивавшего подарок. Глаза ее обладали могуществом ясности. Они властно отталкивали и властно влекли к себе. Даже тогда Денсу почувствовал, что они его не отталкивают. Она от него убежала, но глаза ее манили его с силой, источник которой находился в груди его, Денсу.

Три дня он хранил отвергнутый плод, надеясь отдать его при следующей встрече. Он считал, что плод все равно принадлежит ей, ей одной. Он не мог даже мысленно отдать его кому-то еще. Съесть плод самому — невозможно.

Денсу искал Аджоа и не находил. Когда он на четвертое утро заметил первые зловещие морщинки на коже гуавы, он понял, что ждать больше нельзя. Он отнес плод прямо в новый дом ее матери. Когда она поприветствовала его, он спросил без обиняков:

— Мама, где моя подруга?

Ответ был неожиданный. Мать Аджоа расплакалась. Сквозь ее слезы и собственное смущенье он выслушал ее рассказ и тоже заплакал. Новая девочка, для которой он любовно выбрал и сохранил гуаву, бесследно исчезла.

Горбун-глашатай весь день ударял в гонг и выкрикивал просьбу, чтобы все, кто видал пропавшую девочку, объявились и сообщили. Вечером убитая горем мать в сопровожденье глашатая обошла все дома в Эсуано. Девочка не отыскалась.

Назавтра исчезновенье Аджоа оплели зловещие слухи. Самые праздные утверждали, что она была не человеком, а духом и возвратилась в мир духов. Некоторые клялись,

что ее унес хищный зверь. Всплыли старые страшные рассказы о зловещих жрецах, которые ловили девушек и приносили их в жертву жестоким богам и обретали взамен ужасные, сверхъестественные способности.

В тот самый день Денсу похоронил плод в земле за домом, в котором жила Аджоа. Он сам не вполне понимал, что делает, прячет ли он гуаву, спасая ее от гниения, или сажает в землю, чтобы она превратилась в растение. Денсу с мучительным замешательством переживал исчезновение Аджоа. Неожиданным образом переживания воскресили в нем неизбежную тоску по родителям, которых он никогда не видел, которых он ощущал лишь как болезненный пробел в своем незаконченном мироздании.

На следующее утро Аджоа вернулась. Ее привел Дамфо. Девочка одна убежала к отцу в восточный лес. Целый день она пробиралась лесом к селению целителей. Она помнила, что сначала шла по тропинке, потом сбилась с пути и пошла кругами, но не испугалась, ибо не понимала, что заблудилась. Один из целителей, собирая травы в глухой части леса, услышал детский голос и увидел, что Аджоа поет себе песню и шагает по той тропинке, которая без конца приводила бы ее на то же самое место. Он отвел ее в селение.

Увидев отца, Аджоа медленно подошла к нему. Должно быть, лишь в этот миг до нее дошло, что она заблудилась в лесу, тело ее задрожало, рыдая, она спрашивала вновь и вновь:

— Зачем ты меня бросил? Что плохого я сделала?

Дамфо объяснил, что ничего плохого Аджоа не сделала и что он ее не бросал. Он отвел ее в новый дом ее матери в Эсуано, потому что ей лучше быть с матерью и потому что жизнь в Эсуано легче и веселей, чем в лесу. В Эсуано она будет расти с друзьями-ровесниками. Вечерами они будут играть, танцевать, она будет слушать истории и сама рассказывать их — вместе со всеми детьми.

Дамфо спросил, хорошо ли ей было эти несколько дней в Эсуано. Аджоа ответила: да, хорошо. Он напомнил ей, какая тяжелая жизнь в лесу. Она выслушала и ничего не сказала.

Дамфо отвел Аджоа назад в Эсуано. Он провел с ней там день, главным образом в разговорах. Он держал ее на коленях, а мать говорила ей, как она и ее новый муж

Эсуман тосковали по ней, как долго искали ее. Эсуман пытался узнать, не сделал ли он чего, что обидело девочку.

Сначала Аджоа молчала, она не знала, что отвечать взрослым. Когда объяснения взрослых кончились и они решили, что убедили Аджоа, Эсуман подошел к Дамфо и протянул руку к девочке. Аджоа отпрянула от этого дружеского движенья. Она изо всех сил прижалась к отцу, обхватила его руками. Отвращенье к Эсуману и любовь к Дамфо были так очевидны, что взрослые и не пытались разлучить девочку с отцом.

Назавтра, когда Дамфо и Аджоа собирались в восточный лес, Денсу пришел к Аджоа. На этот раз она не убежала. Она выслушала рассказ, как он хотел подарить ей гуаву, как хранил, как боялся, что плод испортится, как в конце концов он для нее посадил ее в землю — и он показал ей место.

Аджоа слушала, но волнение мешало ей понимать. Ее глаза, ее прекрасные глаза были полны тревоги. Когда они на миг успокаивались, взгляд их останавливался не на Денсу. Аджоа смотрела куда-то вдаль. И все же ее глаза не отвергали его. Просто их привлекало то, что было за этим миготом. И Денсу ничуть не противился власти ее глаз и не обижался, что взгляд этих глаз направлен не на него, а вдаль.

Именно власть Аджоа над его духом, влечение, которому он не мог и не хотел сопротивляться, и привели Денсу к ее отцу, Дамфо. Чем больше Денсу пытался понять, тем больше ему представлялось странным, что его отношения с Дамфо начались через Аджоа, то есть почти что случайно. И все-таки он иногда видел, что случай находится лишь на поверхности, а в глубине пролегает природная связь между любовью к Аджоа и долгими поисками знания и понимания, — поисками, которые так или иначе с осознанной целью привели бы его к Дамфо.

Поиски начались задолго до того, как Денсу был в состоянии их осознать. В ранние годы жизни, играя, он заглядывал в будущее, смотрел на взрослых вокруг и спрашивал:

— Я хочу быть таким, когда вырасту?

В его голове постоянно двигалось шествие всех знакомых взрослых людей, людей из его мира в Эсуано. Некоторые ему нравились, про других он не мог ничего

сказать. Особенно он интересовался тем, что человек делает, на что тратит большую часть времени. Он спрашивал старших об их работе, и, хотя кое-кто отворачивался, в конце концов он получил ответы. Приобретенное знание удовлетворяло любопытство и освобождало ум для других мыслей. Однако ответы Дамфо, рассказавшего, чем он занимается и на что тратит время, не положили конец любопытству. Ответы вели к новым вопросам, к желанию знать больше.

Долгое время он не находил случая расспросить Дамфо. После того как Денсу, придя к Аджоа, увидел ее отца, целитель навещался в Эсуано редко и на считанные часы. Денсу видел его ближе к полудню, когда тот был занят, а к вечеру целитель уходил, и Денсу оставался ни с чем.

Все же в Эсуано нашелся кто-то, кто знал целителя и его труды и был счастлив поговорить об этом. К тому же это дружественное лицо не приходилось разыскивать. Это была Араба Джесива, мать князя Аппии. Араба Джесива знала о Дамфо больше всех в Эсуано, за исключением Амы, бывшей жены целителя. Когда бы Дамфо ни приходил в Эсуано — даже если совсем ненадолго, — он обязательно навещал Арабу Джесиву. И после каждого урожая и после каждого празднества Джесива направлялась в долгий путь к восточному лесу, к единственному человеку, который был для нее почти отцом и мудрым наставником, — к надежному другу.

На вид Джесива была из тех женщин, которых балует судьба. Природа наградила ее телесной красотой. Родилась она не в бедности: ее матерью была Эси Аманива, царица-мать Эсуано. На вид Джесива была счастлива от рождения. Но внешность обманчива. Араба Джесива страдала, годами ее душа погружалась в глубокую жуткую бездну и не могла из нее выбраться. Как она обрела силу и волю спастись от долгой душевной подавленности — вот что переполняло ее ум благодарностью и удивлением.

Денсу не уставая слушал Арабу Джесиву. Станным образом он никогда не видел в ней мать, которой лишился со дня рождения. Для него Джесива была без возраста, подруга ума. Иногда он приходил к ней, когда дома был его друг Аппия. Часто он заставлял ее в одиночестве, усаживался перед ней и слушал рассказы о жизни.

С мальчиком Денсу Араба Джесива говорила просто, словно со взрослым. Она говорила ему об ужасе, пронзающем все нутро женщины при мысли, что она может пройти сквозь жизнь и умереть, не оставив на свете ни единого отпрыска. Она говорила о боли, о страхе бесплодия, о мученье ума, беспрестанно спрашивающего себя: «Что я сделала, что случилось с моей душой, что я, женщина, уподобилась камню и неспособна родить новую жизнь?»

Она говорила о суете, о том, как большие труды заканчиваются ничем. Она говорила о том, сколько души и тела тратится на созиданье — лишь для того, чтобы созданное сгорело дотла или разрушилось.

Она говорила ему об отчаянье, о полной утрате надежды, о том, как живой, трепетный человек становится не живей, чем мертвец, дрожащей грудой костей и плоти, боящейся поднять голову, ибо поднять голову — значит навлечь на себя постоянные, сокрушительные, беспощадные удары судьбы.

Араба Джесива любила говорить ему о надежде и о неожиданном появлении друга, который могуществом знания помог ее душе освободиться от всех ловушек, в которые душа, не ведая как, попала.

Она говорила о переменах, о том, как жизнь, прожитая в однообразном, тупом ритме отчаянья, исполнилась сил, обрела движенье и от постоянных жалоб перешла к нескончаемой песни любви.

Она говорила об обновленье, об очищенье заблудшего «я» от лжи, души и тела от ядов. Она говорила о воскрешенье связей со своим истинным «я», потерянным в прошлом, ибо ложные «я» совратили его с пути призраком ложного благополучья. Она говорила, какое невыразимое счастье вновь обрести свое настоящее «я», когда «я», слишком привыкшее к лжи, вдруг начнет бродить по путям истины. Она говорила о новом браке, о встрече с родственной душой, о внезапном познании своего тела — того тела, в котором живет душа.

Араба Джесива говорила Денсу о зачатье, о внезапно взрывающемся сознании того, что внутри после лет отчаянья наконец зародилась новая жизнь. Она говорила о радостной тошноте, приветствующей зарождение новой жизни и новой надежды.

Она говорила ему о страхе — о страхе, что надо не просто ждать, но что-то и предпринять, иначе растущая в ней жизнь прервется и долгий путь меж отчаяньем и надеждой окажется бесконечным.

И она говорила о неопишуемой вспышке радости, о том, как она засмеялась от счастья, почувствовав настоящую боль родов.

Араба Джесива говорила о гордости материнства.

Она говорила о продолжавшемся, несмотря на радость, страхе — страхе, что несчастный случай угасит свежую новую жизнь, плод ее собственной жизни.

Она говорила о полноте бытия — о зиявшей пустоте жизни, заполнившейся до пределов сладчайшими материнскими обязанностями, о блаженном сознании того, что она так же необходима ребенку, как он ей. Она говорила о жизни, текущей вольной, полной, счастливой рекой, ибо Араба Джесива обрела восполнение души и тела, сына Аппию.

И она говорила о благодарности, о чем-то большем, чем благодарность. О спокойной, бездошной любви к пробудившему ее настоящему, к другу ее жизни целителю Дамфо.

И снова и снова, взволнованный воспоминаниями и чувствами Джесивы, Денсу просил ее рассказать подробнее о работе целителя:

— Что именно он с вами сделал?

— Со мной? — переспросила Джесива. Она затруднялась ответить, но не как человек, который не знает ответа. Она затруднялась как человек, которого переполняет ответ. Но как объяснить то, что слишком сильно для слов, тому, у кого нет опыта? — Что я могу сказать? Я губила свою жизнь. Да это была не жизнь. Боль каждый день с утра до ночи — почему, я не понимала. Дамфо спас меня от гибели. Он изменил мою жизнь.

Ощувив знание, недоступное его опыту, Денсу спросил:

— Он заставил вас изменить жизнь?

Джесиву вопрос задел за живое.

— Нет. Ничуть не заставил, — с пылом заговорила она. — У Дамфо есть свойство, которое делает его тем, что он есть. Никого он не заставляет, ни обманом, ни силой. Он сказал мне: «Плохо, когда мы вредим самим себе. Да, в каждом из нас не одно «я». Трудность в том, чтобы укоренить в себе верное «я» насовсем и оставить

другие «я» на поверхности. Вы поставили преходящее «я» над своим настоящим «я»: это и значит вредить себе. Пока вы вредите себе, вы не можете даже понять, отчего вам так плохо». Со временем я сама догадалась, что надо делать. Раньше я лгала себе, теперь я попробовала быть честной с самой собой. Мне пришлось трудно. По слепоте я почти убила мое настоящее «я». Я вознесла мои ложные «я» над истинным. Не сама я придумала их, эти ложные «я». Это были частицы других людей, требования других людей, которым я подчинялась, не задумываясь почему. Понимаешь, как это получалось, Денсу? Мне сказали, что я из царского дома и должна выйти замуж за человека из царского дома. Если бы я прислушалась к моему настоящему «я», я спросила бы почему. Но я не привыкла прислушиваться к себе. Я боялась сделать неверный шаг и поступила так, как требовали другие. Причиной моих бед, сказал Дамфо, было то, что я вредила самой себе.

При воспоминанье о многолетнем кошмаре Араба Джесива не могла сдержать слез. Не горьких слез, ибо они были частью возвращенной сладости жизни. Горечь относилась к воспоминанью.

Годами Араба Джесива считала, что ей суждено умереть бездетной. Не то чтобы она не могла зачать. По меньшей мере четыре раза она начинала растить во чреве новую жизнь. Каждый раз означал для нее взволнованную заботу и разрывающую сердце надежду. И каждый раз желанный дух, не обретя плоти, улетал из этого мира и надежда на материнство прерывалась беспильным выкидышем.

Перед Джесивой проследовало настоящее шествие врачей, все с верными средствами. Ее опаивали корой многих деревьев. Ее обкармливали шкурой змей, носорогов и ящериц, толчеными скорпионами и пауками — на лекарства шли многие твари. Каждый врач обещал отомкнуть чрево Джесивы для плодородья.

Ум Арабы Джесивы был тонкий, а сердце по природе доброе. Но слишком пылкие обещанья слишком многих врачей оказались пустым звуком, и она стала слишком испуганно озираться вокруг себя. Она сделалась подозрительной, мир ее превратился в игральнице бесчисленных тайных врагов. В горе она сочла надежду пустым мимолетным виденьем и, что хуже всего, легко с ней рассталась.

Лишившись надежды, она не знала, что делать с отчаяньем. Источником утешенья в тревожном мире сделались для нее праздные разговоры слабоумных людей о колдовстве и зловещих проделках странных людей.

А на двадцать восьмом году жизни Джесивы ее посетил Дамфо, целитель из восточного леса.

Целитель Дамфо заговорил с ней так, словно ей незачем опасаться людей и всего окрестного мира. И он сказал, что ей незачем опасаться и собственного тела.

Целитель Дамфо попросил Арабу Джесиву рассказать о забытом, о том, при каких именно обстоятельствах она впервые утратила обещанье материнства. Джесива вспомнила про несчастный случай. Вспоминать было страшно, ибо она не могла считать себя невиноватой в случившемся. Несчастный случай, если то был несчастный случай, вырвал новую жизнь из ее чрева и оставил ее в крови и телесной боли. Но она вознеслась над болью и, как ни страшно сказать, почувствовала облегченье.

— Вы хотели этого ребенка? — спросил Дамфо.

— Очень, — ответила Араба Джесива.

— Араба, — сказал Дамфо. — Ответьте без страха и не таясь. Вы хотели этого ребенка? Ребенка того, кто стал вашим мужем?

Конечно, Араба Джесива не ответила на невозможный вопрос, но Дамфо и не настаивал. Он задавал такие вопросы, на какие ей было легко ответить. Она призналась, что знала, почему потеряла первого своего ребенка. Она не могла понять, почему потеряла второго, третьего и четвертого — прямой причины ни разу не было.

Под конец Джесива ощущала себя бессильной жертвой злой силы, проникшей в нее, чтобы отнять дар любви, разрушить дом новой жизни, способность быть женщиной.

Целитель Дамфо выслушивал Арабу Джесиву неспешными, терпеливыми часами. Он проводил с ней четверть, треть, половину дня, иногда целый день и никогда не терял терпенья. Иногда мужчины указывали на него пальцем и нескромным шепотом спрашивали друг друга, отчего взрослый человек тратит столько времени на женскую болтовню. Целитель слышал их слова, но они соскальзывали с него, как вода с утки.

Порою целитель по нескольку дней пропадал в восточном лесу. По возвращенье в его узелке оказывался пучок трав, несколько листьев, полоска целебной коры — ничего

больше. Он готовил лекарство для успокоения тела Джесивы. При этом он не забывал напомнить, что не тело ее нуждается в настоящем лечении, не тело, но ее оскорбленное «я».

— Вы говорите, что злая сила проникла в вас и отняла дар любви,— объяснял целитель.— И вы правы. Такая сила есть. Но откуда она?

— Как я могу это знать, Дамфо?

— Подумайте. Вы говорите, что злая сила проникла в вас. Выходит дело, она находится вне вас, верно?

— Не всегда.— Джесива подумала.— Не совсем. Не вне меня. Тут.

— Где?

Неуверенно, изумленная собственным открытием, Араба Джесива положила свою ладонь на живот ниже пупка:

— А может она быть внутри меня?

— Так вы чувствуете?

— Да. Внутри меня.

— Стало быть, она не проникает извне?

— Но она очень сильная. Как она может возникнуть внутри меня?

Целитель видел, что утомленный поисками ответа ум Арабы Джесивы нуждается в передышке. Никогда он не торопил ее с выводами. Скорость продвижения соответствовала ее потребностям и возможностям. Иногда под влиянием хорошей минуты она пыталась рвануться вперед, несмотря на усталость. Тогда целитель незаметно уходил разговор в сторону от взволновавшего Джесиву вопроса и ждал свежего дня.

— Почему вы говорите, что она очень сильная? — спрашивал целитель.

— Я не могу с ней справиться,— отвечала Араба Джесива.— Перед ней я беспомощна.

— И все-таки это ваша сила, и вы можете сделать с ней, что хотите.

— Как моя?

— Вы же сами сказали, что она внутри вас. Стало быть, все, что в ней есть, она получает от вас самой.

— Поэтому я и беспомощна. Она делает меня слабой.

— Вы не думали, что пора перестать с ней делиться?

— Как?

— Просто не помогать ей, — сказал целитель.

— Но она мной владеет.

— Только с вашего позволения. Вы сами можете ей овладеть.

— Для этого нужно, чтобы я не была слабая.

— Кто вам сказал, что вы слабая?

Араба Джесива рассмеялась. Целитель пристально посмотрел на нее и сказал:

— Если вы соберете в одно целое все разбросанные частицы своих сил, вы увидите свою настоящую силу. Тогда вы сможете сами судить, сильная вы или слабая. Но разве вы хоть однажды пытались собрать в одно целое частицы своего «я»?

Джесива долго не могла уверовать в свою силу. Ее тянуло назад, в угрюмый уют целостного неверья. Но целитель всегда был с ней предельно честен, и она решилась ему довериться. Он не давал пустых обещаний. Он не произносил красивых речей. Его слова были всегда простые и не сверкали обманными блестками, как слова врачей и жрецов в дни ее отчаянья, и она не могла отнестись к нему с тем же презреньем, с каким относилась к врачам и жрецам. Она вслушивалась в слова целителя. Все лучшее, что в ней было, понимало ее слова, понимало их и начинало вести себя сообразно с ними.

Арабе Джесиве было трудно говорить о замужестве. Когда разговор приближался к нему, она решительно уклонялась от упоминанья избранного ею мужа. Она проговаривала уклоняться тонко, вежливо. Но имя мужа папращивалось все упорней, и она резко обрывала разговоры с целителем, всегда со слезами обиды. Дамфо не торопил ее и терпеливо переживал вспышки ярости. Когда она сумела понять, что она делает, она успокоилась и стала говорить откровенно.

Араба Джесива вышла замуж за человека по имени Беду Аддо, человека из царского дома. Она вышла замуж не против воли, но без любви. Она думала так, как учили люди, которых она уважала: принимая в мужья Беду Аддо, она поступает так, как следует поступать дочери царского дома.

Беду Аддо, муж Арабы Джесивы, был человек без личности. Предоставленный самому себе, он ни разу не произнес ни дурного, ни доброго слова. Если он что-нибудь делал, то лишь по совету и под влиянием окружающих. Получалось так, что он делал лишь то, чего от него ждали люди царских домов Эсуано. Его дух не был подобен юной реке, которая преломляет бегущей водой свет и смешивает солнце и небо. Его дух был подобен стоячему смирному пруду, гнилостному безысходному пруду, который тускло, без радости отражает окружающий его малый кусочек вселенной.

В последовавшие за свадьбой годы безмолвья и непонятной досады именно это возмущало душу Арабы Джесивы и, проникая в тело злой силой, наполняло внутренности безнадежным, тихим, отчаянным отвращением и разрушало дом будущей жизни. От рождения дух Арабы Джесивы был живой, играющий, похожий на молодую бурную реку. От природы легкая, душа ее без усилий могла воспарить высоко в небо — если бы у нее был спутник жизни, готовый взлететь вместе. В детстве и ранней юности у нее был такой спутник. Ум его жил в одном ритме с ее умом, дух его помогал ее духу расти быстро и безболезненно. Его звали Кофи Энтсуа.

Кофи Энтсуа был мастером, резчиком из всех резчиков. Он изготовлял окна, двери и ступы, не только служащие своему назначению, но и бесспорно прекрасные. Закончив нелегкий дневной труд, он прикладывал нож к дереву, и в его руках дерево пело высокую песнь любви.

Араба Джесива любила Энтсуа. Энтсуа любил Джесиву. Закончив нелегкий дневной труд, он брал кусок черного дерева и в упоенье вырезал изображения Арабы Джесивы. Иногда он лепил их из глины, иногда высекал из камня. Из мертвого вещества он извлекал живую голову и лицо Джесивы, ее груди, иногда все ее тело. Во всем, чего он касался, он видел ее красоту. Он любил Арабу Джесиву.

Араба Джесива достигла зрелости, пришла пора выбирать себе мужа. По искреннему совету людей, со знанием говоривших про ответственность брака, Араба Джесива пренебрегла Энтсуа, который любил ее и которого она любила сама, и вышла замуж за Беду Аддо из царского дома.

Выбор Джесивы ошеломил Энтсуа. Он ничего не понимал. А потом уже и не старался понять. Он не бросил свою работу, он отводил меньше времени на изготовление ступ, дверей и лодок. В освободившееся время он ваял человеческие фигуры.

Эти фигуры были прекрасны — что бы Энтсуа ни делал, все получалось прекрасным. Но красота их была иная — не нежная, счастливая красота, но резкая, устрашающая красота, замешенная на отверженности, оскорбленье, боли, соединенье красоты и зла. У этих фигур были странные, измученные очертанья. Энтсуа не продавал их. Закончив одну, он тотчас же приступал к другой, без работы не в силах и часа сносить страданье.

Араба Джесива делала все, чтобы брак с Беду Аддо не был несчастным. На пышную свадьбу приехали гости с Берегового Мыса, из Аномабо, Манкесима, Мансо, даже из Кумасе. Для глаз пирующих сверкало золото, их животы наполняла богатая жирная пища, льющаяся рекой выпивка поднимала их дух.

После свадьбы Араба Джесива ежедневно напоминала себе, что жалеть не о чем, что она мудро предпочла Беду Аддо из царского дома ремесленнику Энтсуа, что угнетенность духа скоро развеется, что ей нужно только набраться сил и перетерпеть пору кажущейся пустоты.

Она напрасно обманывала себя. Месяцы сменялись годами, а печальная пустота жизни не заполнялась. Наоборот, пустота углублялась и расширялась. Она мечтала о детях, но новая жизнь в ней не удерживалась.

Джесива прекрасно видела, что в замужестве дух ее не сделал ни шагу вперед. Больше того, она чувствовала, что ее упрямо теснят назад, к тому состоянью ума, с которым она распрощалась в детстве. Это чувство было неясным и оставалось неясным долгое время, ибо Джесива опасалась превращать его в ясную мысль. Оно оставалось неясным, но не пропадало. Не находя утешенья в самообмане, душа Арабы Джесивы страшилась гибели, низведения до пустоты, равной пустоте ее царского мужа.

Джесива грезила наяву. В грезах она путешествовала с едва узнаваемым спутником вверх по долгой прекрасной реке. Солнце и ветер играли над их нагими телами. Мимо них проплывали тридцать тысяч редких растений, цветов, животных, камней и вели неспешные, долгие разговоры с их зрением и слухом. Но по ночам Джесиве яв-

лялись не сны. Только кошмары. У нее не было спутников. Она была совершенно одна в середине неумолимого вихря зловещей прожорливой пустоты, готовой вот-вот проглотить ее. Все годы замужества грезы скрашивали ее дни, а кошмары терзали ее ночи. Она тщетно пыталась превозмочь муку бездетности и безуспешно боролась с отчаяньем.

И тут появился целитель Дамфо. Целитель Дамфо пришел и терпеливо выслушал рассказ Джесивы о дневных грезах и ночных ужасах. Целитель спросил, не видит ли она смысла своих грез и кошмаров.

— Почему они бывают так часто? — спросил целитель.

Араба Джесива резко, язвительно рассмеялась и ответила на вопрос вопросом:

— Откуда мне знать?

Целитель ни на чем не настаивал. Он дал Джесиве выговориться. Со временем она призналась, что, когда позволяет себе задуматься, ее жизнь представляется ей тонким речным песком. Таким тонким, что он течет сквозь пальцы и ничем его не удержишь. И это особенно грустно.

— Почему это особенно грустно? — спросил целитель.

— Мои руки делаются пустыми, — сказала она.

— Но их можно наполнить.

— Кто их наполнит? — сказала Джесива и разрыдалась.

Целитель Дамфо вел с Арабой Джесивой бесчисленные разговоры. Он не подсказывал Джесиве решение. Он задавал вопросы, но, даже когда Джесива настаивала, не давал ответов. Когда он видел, что разговор утомил Джесиву, он находил способ его закончить и отложить до свежего дня. Но он никогда не утаивал от Джесивы, что она может изменить течение своей жизни — если только захочет.

Именно так поступила Араба Джесива, чтобы спасти свою душу. Сначала она призналась себе, что, выйдя за Беду Аддо из царского дома, она оскорбила свое лучшее «я». Она решила порвать с мужем. Разрыв был не резкий и даже не слишком мучительный. Месяцами, в уединенье, ум Арабы Джесивы вынашивал окончательное решение. И тогда, закончив беседы со своей душой, она

пошла к мужу и в присутствии тех же людей, какие были свидетелями на свадьбе, потребовала развода.

Беду Аддо был огорчен — по-своему, бессловесно. По совету окружающих он уехал из Эсуано на Береговой Мыс, где у него были приятели из царских домов.

Три месяца после развода Араба Джесива провела в долгожданном одиночестве и покое. Ей начинало возвращать силы воскрешенье старой привязанности. Энтсуа все время был с ней, и теперь она не могла понять, отчего сочла разумными требования родных и знакомых избрать в мужья человека из царского дома.

Еще через три месяца Араба Джесива вышла замуж за Кофи Энтсуа. Их свадьба не была пышным празднеством торопливо соединенных незрелых тел. Она была тихим пониманьем двух людей, чей дух жаждал единства. Через год у Арабы Джесивы и Кофи Энтсуа на свет появился сын.

Но до того — какая нежность, какая забота окружала беременность, которая принесла ребенка! Эта еда недобрая — вдруг она отравит росток жизни? Это питье нечистое — вдруг оно проникнет в кровь младенца? Этот ветер дует чересчур резко — вдруг простудит будущего человека или повредит ему каким-нибудь непредсказуемым образом? Каких только мнимых и вероятных опасностей ждущая материнства Джесива не избежала за девять месяцев опасливого ожидания! Она носила живот, как хрупкое яйцо, как единственное яйцо, содержащее завтрашний день вселенной, как яйцо, гибель которого означат гибель всего. Джесива со сладким страхом посматривала на стропила самых надежных крыш, под которыми ей приходилось спать эти девять месяцев, — вдруг стропила не выдержат и тяжелая крыша, обрушившись, разобьет ее драгоценную ношу?

Что до Энтсуа, он проводил часы, глядя на полноту Арабы. Он не тревожился, что за самозабвенное созерцанье одной-единственной женщины другие мужчины почтут его дураком или безумцем. За тридцать недель он вырезал тридцать женских фигур — все беременные, каждая следующая ближе к родам.

Родился мальчик. Он пережил первые семь дней и на восьмой получил имя Апния.

После рождения мальчика Дамфо редко появлялся в Эсуано. Араба Джесива сама ходила в восточный лес,

приносила ему дары и подолгу сидела с ним и говорила в стремленьях и страхах души. Когда Аппия подросла, она иногда водила его к Дамфо. Домой она всегда приносила покой и мирную радость жизни — пока однажды, вернувшись домой, не столкнулась со смертью.

Кофи Энтсуа погиб от несчастного случая. Дерево, выбранное для большой лодки, падая, изменило свой путь и упало на мастера. Никто, даже Дамфо, не мог утешить Джесиву. Лишь время смягчило боль памяти, время и продолжающаяся жизнь Аппии, его возрастанье к сильной юности.

Араба Джесива закончила свой рассказ, зачарованный Денсу снова спросил:

— Так что же все-таки он с вами сделал?

— Ничего он со мной не сделал, — ответила Джесива. — Он никогда ни к чему меня не принуждал. Наоборот. Иногда я спешила что-нибудь сделать. Он удерживал меня и заставлял прежде подумать, действительно ли я хочу это сделать. Он ни к чему меня не принуждал. И он никогда меня не обманывал.

— Вы говорите, он показал вам то, чего вы дотопе не видели...

— То, чего я не позволяла себе видеть, — поправила Джесива. — Благодаря ему я поняла то, что должна была понимать всегда, ибо, когда я понимала что-то, оно не казалось мне незнакомым. Оно казалось естественной частью меня, чем-то таким, что я всю жизнь создавала в себе и прятала от себя. Он показал мне, что у меня много «я». Он помог различить, которое «я» глубинное и какое «я» лишь какое-то время плавает на поверхности, а потом исчезает. Я тебе говорила, что выбрала ложное «я», одно из случайных «я» и приняла его за свою сущность.

— Почему?

— Я боялась своего настоящего «я». Боялась неодобренья родных и знакомых. Они хотели, чтобы случайное «я» сделалось моей сущностью. Слушая их, я стала глухой к зову души. Я уже почти не могла и не желала его слушать. Я хотела, чтобы меня одобряли другие. Я вредила самой себе. Я страдала до тех пор, пока не увидела, что необходимо изменить жизнь. Конечно, я испугалась, когда поняла, что мне надо отныне прислушиваться к голосам души и знать, что они говорят правду, хотя

окружающие утверждают обратное. Мне надо делать то, что мне свойственно, и предоставить другим делать то, что свойственно им.

— Почему вы испугались? — спросил Денсу.

— Я не привыкла делать то, что мне свойственно, — сказала Араба Джесива. — Но Дамфо помог мне понять мою природу и следовать ей. И я тогда увидела, что терзавшие мою жизнь опасения были напрасными. Только подумать, все это я говорю мальчику! Денсу, пусть мои слова не смущают твой дух. Я только хотела сказать, что то, что он для меня сделал, — прекрасно. Он помог мне увидеть мою природу и понять, что она хорошая.

О разговорах с Арабой Джесивой Денсу хранил нежные воспоминанья. Воспоминанья о поисках настоящего природного «я», о попытке настоящего «я» обнаружить свою природу и пойти по жизни своей дорогой, об уклоненье от силы, обмана, коварства в отношениях с ближними, об уверенности, что лишь вдохновение поможет работе души. И самое главное, что осталось в его памяти, — таинственное завершение рассказа Джесивы.

— Однако я так и не поняла, — сказала Джесива. — Дамфо всегда говорит, что его настоящий труд заключается не в исцеленье отдельных больных.

Даже выслушав воспоминанья Арабы Джесивы от начала до конца, Денсу по-прежнему спрашивал, что и как делает Дамфо. Как бы полно она ему ни отвечала, любознательность в нем не уменьшалась. Она росла.

На пятнадцатом году жизни Денсу попросил Арабу Джесиву сделать так, чтоб он смог обязательно поговорить с Дамфо о том, что смущает его дух. Араба Джесива улыбнулась его горячности, но только Дамфо пришел в Эсуано, она рассказала ему о желании Денсу. И у Дамфо нашлось время.

На этот раз Дамфо был без Аджоа. Денсу огорчился. Но над огорченьем брало верх возбуждение при мысли о настоящей встрече и долгой беседе с целителем.

Вначале Дамфо, казалось, не мог решить, удивляться или смеяться. Но когда Денсу задал первый вопрос, ни смеха, ни удивленья не осталось. К радости Денсу, Дамфо с ним говорил не как взрослый с ребенком, но как равный с равным: серьезно, открыто, честно.

— В чем суть работы целителя? — спросил Денсу.

— В том, чтобы видеть. Слышать. Знать.

— Я не понимаю, — признался Денсу.

— Например, возьми любое место в лесу. Люди идут через лес. Они видят листья, деревья, насекомых, иногда маленькое животное, редко — змею. Они видят многое. Но видят они мало. Они слышат много лесных звуков. Но слышат они мало.

— Целитель видит больше?

— Целитель видит иначе. Он слышит иначе. Да, он видит и слышит больше.

— Например?

— Например, змея ужалила ребенка. Идущие через лес обыкновенным взглядом видят: ребенок при смерти беспомощно лежит посредине всех листьев леса. Целитель видит не просто обилие листьев. Он различает дух каждого рода листьев. Он видит лист, который по духу враждебен яду змеи и сильнее яда. Ради этого духа он выжимает сок из листа и спасает ребенка. Понимаешь, получается так, будто все листья леса рассказывают целителю, какой у них дух, что они могут и на что способны. Листья, растения, даже камни могут сказать и показать многое тому, кто умеет видеть и слышать.

— Почему другие не могут видеть и слышать?

— Они могли бы, если бы подготовили душу.

— Разве естественно люди не могут видеть и слышать?

— Что значит — естественно?

— Без подготовки.

— Без подготовки никто не видит так, как видит целитель.

— И все же вы сам видите очень естественно.

— Ты прав, — согласился целитель. — Подготовка тоже естественна.

— Но детей — никто ведь не учит детей видеть!

— Их учат взрослые. Дети видят свет, тьму и краски. Но ведь обыкновенные люди видят не только их, верно? Они знают, что образуют собой свет, тьма и краски. Узнавание — вот что люди понимают под зрением. Целители понимают под зрением нечто иное.

— И то же со слухом?

— Со слухом еще сложнее. Ухо слышит звук. Когда ребенок научится говорить, он слышит больше чем звук. Смысл в сочетании звуков.

— И долго целитель учится видеть и слышать?

— Много лет. Для начала — три года. Но истинное обучение не имеет конца.

— Значит, целитель знает языки, которых не знают другие?

— Можно сказать и так. Ты знаешь, как полон звуками мир. Мы учимся понимать некоторые звуки. Большинство звуков мы никогда не поймем. Вселенная подает нам множество знаков. Мы понимаем значение немногих — так же как земледельцы знают, что сулят облака, а рыбаки находят свой путь по звездам. Но большинство знаков для нас лишено смысла, потому что мы не подготовлены к пониманию. Целитель воспитывает свой глаз — чтобы читать знаки. Он воспитывает свои уши — чтобы слушать и понимать звуки. Он воспитывает и ноздри — ибо у жизни и смерти свои запахи. И язык — чтобы знать вкус, и кожу — чтобы она могла чувствовать. Получив подготовку, целитель идет по тому же миру, по какому идут все люди. Но он видит знаки, которых другие не видят. Он слышит звуки, которых другие не слышат. Вот стоит дерево — для всех оно бессловесно, целителю его листья могут сказать о многом. Целитель учится узнавать смысл звуков речи, звуков лесных животных. И если глаза его хорошо подготовлены, то, когда ему нужен целительный дух растения, он изда-дека ловит знак листа, который нужно сорвать.

— Может целителем стать каждый?

— Мало кто хочет идти в целители.

— Но может целителем быть каждый?

— Нет.

— Почему?

— Целитель должен родиться целителем.

— Что это значит?

— Я не могу тебе того объяснить, — сказал Дамфо. — Но для начала будущий целитель должен выше всего ценить способность верно видеть, верно слышать, верно понимать, верно поступать. — Дамфо улыбнулся своим словам. — Теперь ты понял, почему мало кто хочет идти в целители? Целитель ради зренья, слуха и пониманья отвергает власть над ближними. Но большинство людей ради власти готовы не видеть, не слышать и не понимать.

— Что дает целителю его свойства?

— То, что дает ему жизнь.

— Что это?

— Я не знаю.— По лицу целителя Денсу видел, что тот говорит правду.

— Вы сказали о том, что надо иметь для начала.

— Да. Будущему целителю недостаточно родиться целителем. Ему нужна подготовка, ученье.

— Это трудно?

— Бесконечно трудно.

— Из чего состоит подготовка?

— Мы с тобой говорим не ради того, чтобы говорить,— спокойно сказал Дамфо.— О подготовке в целители может узнать лишь тот, кто уже готовится стать целителем.

— Отчего это так трудно?

— По многим причинам. Например, потому, что целитель посвящает себя вдохновенью. Он вдохновитель, а не заправила.

— Кажется, я понимаю, что такое быть вдохновителем,— сказал Денсу.— Но что такое быть заправилой?

— Быть заправилой — болезнь, и распространенная. Она происходит от слепоты духа. Если мой дух не слеп, я вижу твой дух. Приглашая тебя делать что-то со мной, я говорю с твоим духом. Если твой дух согласен, он движет твое тело, и тело действует. Так поступает вдохновитель. Но если я слеп и не вижу твой дух, я вижу только твое тело. Тогда, если я хочу, чтобы ты для меня что-то сделал, я силой или обманом заставляю твое тело действовать в мою пользу, даже вопреки твоему духу. Так поступает заправила. Заправила крадет душу у тела. Не дает телу слушать указания духа. Целитель действует лишь вдохновеньем.

— Почему вы говорите, что ваш настоящий труд заключается не в исцеленье отдельных больных?

— Разве я говорил об этом тебе? — удивился Дамфо.

— Не мне, но...

Дамфо с улыбкой посмотрел на Арабу Джесиву. Она уже собиралась оправдываться, но Дамфо не дал ей говорить:

— Мы исцеляем людей, отдельных людей. Это часть нашей работы. Но это не все. Это даже не ббольшая часть. Просто часть. Главное — это... — Усилие отыскать нужное слово чуть не вывело его из себя, но он глубоко вздохнул, улыбнулся и, сдаваясь, сказал: — Глав-

ное — это целостность. Кто умеет читать знаки и слушать голос вселенной, достиг степени знания, которую целители называют тенью. Тенью, ибо это знание идет за тобой повсюду. Когда ты его обретаешь, оно оказывается несложным. Оно говорит, что существуют две силы — единство и разделенье. Первая сила творит. Вторая разрушает, она — болезнь, распад. Именно первая сила помогает целителю. Подумай сам: что такое исцеленье отдельного человека, как не восстановление утраченного единства тела и духа? Та же болезнь может быть у всего народа. Те, кому надо быть вместе, а они держатся порознь, — разве они не народ, такой же больной, как человек, у которого тело отделено от души? Иногда целый народ нуждается в исцеленье. Не народность, не племя. Народности и племена — лишь знаки того, что целое нездорово. Исцеленье всего народа — самый высокий труд, куда выше, чем исцеленье отдельных людей.

— Значит, здоровье и единенье — одно и то же?

— Для целителя — да. Когда все, что должно быть в согласье, находится в согласье, это здоровье. Возьми отдельного человека. Если душа и тело в согласье, ум думает: мне это надо сделать, воля решает: я это сделаю, мускулы напрягаются и помогают воле, рука делает то, о чем думал ум. Все здесь в согласье. Но допустим, в руке сломана кость. Ум может что-то подумать, воля может решить, но, когда мускулы попытаются привести руку в движение, части сломанной кости вместо того, чтобы быть в согласье, будут мешать друг другу. Это болезнь. Лечить такую болезнь — одна из первых ступеней в искусстве целителя.

— Одна из первых ступеней?

— Только одна из первых ступеней. Болезнь от разлада тела с душой намного серьезней. Лечить ее много труднее. Обычно ее лечат годами.

— Это высокий труд, — сказал Денсу.

— Но не самый высокий, — сказал целитель. — Есть болезни страшнее. Когда один человек сообщества душой и телом сталкивается с другим человеком того же сообщества, это тоже болезнь.

— Но разве это труд для целителей?

— Прекращенье всех противоестественных нарушений целого — это труд для целителей. Когда разные группы того, что должно естественно быть сообществом, стал-

квиваются друг с другом, это тоже болезнь. Поэтому целители и говорят, что наш народ, разделенный на мелкие народности, болен ужасной болезнью.

— Отчего заболел наш народ?

— Ты задаешь трудные вопросы,— сказал Дамфо. Он поглядел на Денсу, поглядел на Арабу Джесиву, точно ища поддержки, и продолжал: — События, расколовшие наш народ, были не просто страшные события. Это были катастрофы. Необычные, противоестественные потрясения. Пережившие их смогли пережить их отчасти лишь потому, что сумели забыть о катастрофах. Когда ты еще близок к тому, что грозило тебя уничтожить, даже воспоминанье причиняет боль. Для того чтобы выжить, наш народ позабыл о многом. Мы пошли дальше забвенья. Мы стерли из памяти раскол и рассеяние народа, который когда-то был единым целым. Мы дошли до того, что делаем вид, будто всегда были нелепыми, мелкими осколками, каждый из которых считает себя народностью.

— Разве забывать не естественно?

— Естественно — только на время, не навсегда. Забвенье помогает больному пройти путь через самую сильную боль. Это род сна, подобие того сна, который приносят травы, помогая измученному болезнью найти отдых. Тут забвенье помогает здоровью. Но когда забвенье продолжается неестественно долго, оно не помогает здоровью. Оно помогает гибели.

— Но если забвенье естественно, что остается делать целителям?

— Они стоят наготове, чтобы, когда придет время, помочь пробуждению к жизни. Они ждут признаков жизни. Они учатся помогать жизни в борьбе со смертью.

— Если забвенье естественно, какая польза бороться с ним?

— Сон тоже естествен,— сказал целитель.— Даже когда он приходит вслед за противоестественными потрясениями. Но пробуждение еще естественней. Целители суть пробудители народа, спавшего слишком долго. Труд целителя — труд естества. В очень большой мере.

— Как долго будут нужны целители?

— Для них всегда найдется работа — даже когда будет закончен самый высокий труд. Самый высокий труд,

воссоединенье черных людей, продлится века. Когда ты, Денсу, подрос, тебе сказали, что ты, как и все в Эсуано, принадлежишь к народу фантсе. И никто не сказал тебе, что фантсе не народ, а всего лишь мелкий осколок содружества, разбитого в день несчастья. Асанте — тоже часть этого расколотого содружества. Денчира, аким, васса, севхи, аовин, нзема, экуапем — все это лишь осколки того, что некогда было единым целым. Больше того, все содружество Акан — всего лишь часть того, что звали ныне полузабытым именем Эбибирман. Это было сообщество всех черных людей. Болезнь — раскол бывшего сообщества — продолжалась века и века, тысячи лет. Сейчас большинство людей даже не хотят представить себе возможность подобного единенья. Если заговорить с ними о единенье всех черных людей земли, они раскрывают рты, как слабоумные. Кое-кто понимает, но даже такие люди испытывают замешательство. Целители тоже испытывают замешательство. Цель им ясна — неясно, какие лекарства ведут к достиженью цели и что выглядит как лекарство, но оказывается ядом. Замешательство наше часто происходит из нетерпенья. Болезнь беспрестанно развивалась много столетий. А мы иногда мечтаем дожить до ее конца за краткое время нашей жизни, и, когда мы не видим ее конца, нас охватывает отчаянье. — Дамфо рассмеялся смехом человека, смеющегося над собой. — Целитель должен уметь заглянуть за завтрашний день. Он должен видеть грядущие годы и десятилетия. Ибо целители трудятся во имя таких отдаленных целей, что результат их трудов, может быть, скажется только тогда, когда века перетекут в тысячелетья. И есть люди, готовые посвятить себя этим необходимым трудам, ибо они — целители нашего народа.

Денсу даже не мог раскрыть рот. Он глядел в глаза Дамфо. Целитель давно умолк, а мальчик глядел и глядел в его глаза. И когда он снова обрел дар речи, то спросил:

— А как стать целителем?

Дамфо рассмеялся:

— Ты слишком юн, чтобы спрашивать. — Непонятно почему, голос Дамфо звучал принужденно, устало, а в движениях появилась несвойственная ему резкость. Он избегал взглядов Денсу. Все же мальчик заметил, что в

правом глазу целителя что-то блеснуло. Он не знал, откуда взялись эти слезы, от горя или от смеха.

Слова Дамфо были музыкой для души Денсу. Душа его жаждала именно этой музыки. Первый разговор с Денсу оказался длинным, так что Дамфо пришлось задержаться в Эсуано дольше обычного. Денсу видел это и попросил прощения. Но целитель не думал сердиться и лишь улыбнулся мальчику. Денсу только попросил:

— Пожалуйста, передайте привет Аджоа.

— Назвать ей твое имя, Денсу? Или она сама догадается, если я передам ей привет от поклонника?

Волна жара поднялась по спине Денсу и ударила в голову и лицо. Он увидел бусны пота на кончике своего носа и, пробормотав слова благодарности, бегом бросился от двух взрослых, которые ныне так много значили в его жизни.

О труде целителя Денсу думал весь вечер и большую часть ночи. Когда после долгой беседы с самим собой Денсу уснул, он увидел сон. Во сне Денсу с Дамфо, Арабой Джесивой и Аджоа переходил по шаткому стволу дерева широкую, мощную, грозную реку. Спутники ушли далеко вперед, с каждым шагом Денсу от них отставал. Вот они уже скрылись на том берегу — и вдруг Денсу потерял из виду четвертого, то есть себя. Он хотел крикнуть об этом Дамфо, Джесиве, Аджоа, но тут чувство покинутости победило его. На реке никого не было. Он даже не знал, они ли это перебирались на ту сторону. А река становилась таким диким, бурным потоком, что воздух наполнили брызги, и все затуманилось. Денсу проснулся в тревоге.

Когда наступило утро, он знал, что в жизни его произошла перемена.

2. ПЕРЕМЕНА

Из-за внутренней перемены Денсу казалось, что в окружающем мире тоже произошли перемены. Мысленно он отдалился от жизни в Эсуано. Он мечтал о полном разрыве со старой жизнью и безотлагательном вступлении в новую жизнь, жизнь целителя. Но с течением дней, недель, месяцев Денсу все ясней понимал, что ему

придется скрывать перемену в себе хотя бы какое-то время. Окружающий мир не может дать его мечте немедленного ответа. Чтобы мечта стала действительностью, нужны время и постепенность.

С этой поры, что бы Денсу ни делал в Эсуано, он видел себя двояким образом. Духом он давно распрощался с окружавшим его миром. Но никто пока что не приглашал его в мир, по которому тосковала душа. Поэтому он проходил сквозь жизнь в старом мире, словно одно его «я» в ней участвует. При этом другое его «я» стояло поодаль и наблюдало за первым «я».

Это не означает, что Денсу стал скверным работником. Напротив, двойное виденье углубляло сознательность его действий и обостряло чувство всех «как» и «почему» в каждом деле. Так он понял, что некоторые дела он делает практически без усилий, ибо они доставляют ему радость. И что есть дела, за которые, как ни проси, он не возьмется. Вообще он любил работать, особенно в поле. После работы он любил играть. Он любил бег, он любил плаванье. Прикосновение воды и воздуха к коже опяняло его, скорость веселила душу. Но он не любил бегать наперегонки. Победы в соревнованиях приносили ему не радость, но грустное ощущение неуместности. Смысл ощущения какое-то время оставался неясным, но сила его была несомненной.

Денсу ждал долго. За время ожидания он больше узнал о восточном лесе и жизни, к которой стремился. Иногда, когда в Эсуано не было неотложной работы, он уходил к Дамфо, чтобы задавать ему бесчисленные вопросы. Иногда, когда Араба Джесива носила в восточный лес дары благодарности и любви, он сопровождал ее вместе с ее сыном Аппией. Когда Аппию дома удерживали дела, он сопровождал Арабу Джесиву один. Дамфо всегда отвечал на его вопросы прямо, никогда не скрывал то, что знает, и не притворялся, что знает то, чего он не знает. И он постоянно напоминал Денсу, что к обычной жизни в Эсуано необходимо относиться всерьез.

За время ожидания он больше узнал о жизни в Эсуано и мире, частью которого был Эсуано. Те, кто звал себя учителями, сами того не желая, давно объяснили ему, что все на свете превращено в яростное состязанье. Что состязанье это лишь подготовка, единственно мыслимая подготовка к вхождению в настоящий мир взрослых.

В мире взрослых тоже было лишь состязанье, серьезное состязанье не на жизнь, а на смерть. Между той жизнью, которую Денсу вел, и той, о которой мечтал, расстояние все увеличивалось.

Ему требовалось терпенье. Терпенье, чтобы через месяцы и годы обрести мужское достоинство. Терпенье, чтобы пройти через священные игры, через состязанья, в которых он не пахнул ничего хорошего, ничего достойного уваженья. Терпенье, чтобы почтительно выслушивать речи Абабио, уверенного, что он обращает юношу в свою веру. Денсу ждал долго, упорно. Несмотря ни на что, он дождался. Он был подготовлен к жизни в восточном лесу, к будущему, которое он для себя избрал.

3. ВОСТОЧНЫЙ ЛЕС

Он шел через лес весь день, не догадываясь, что идет очень быстро. У трех рек и ручья он останавливался попить, но не ощущал ни голода, ни усталости — так прохладен и благотворен был лес. Он достиг восточного леса к ночи, но не глубокой ночью — в доме Дамфо горел свет. Он постучался, и Аджоа открыла ему дверь.

Она удивилась, она ждала самого Дамфо.

— Куда ушел твой отец? — спросил Денсу.

— Когда вернется, он сам тебе скажет, — ответила Аджоа.

Она взяла из угла светильник, поднесла его к лицу Денсу и долго всматривалась в его лицо.

— Рада тебя видеть, — проговорила она наконец.

Аджоа дала ему напиток и сказала, что ужина ждать придется долго. Только теперь Денсу ощутил голод.

— Когда ты вышел из дому? — спросила Аджоа.

— Утром.

— Ты что, летел?

— Мне хотелось скорей оказаться здесь. Я вышел рано, еще до рассвета.

— И все-таки... Что тебя так подгоняло?

Денсу не видел ее улыбки.

— Вопросы, — сказал он. — Мне надо поговорить с Дамфо.

— Наберись терпенья, — сказала Аджоа. — Асанте скоро его не отпустят.

— А что случилось?

— Пока не знаю. За отцом приходили люди из Прасо и Кумасе. Он ушел с ними. Не знаю, когда он вернется. Но это, пожалуй, к лучшему.

— Почему?

— Ты успеешь мне рассказать обо всем, что произошло в Эсуано,— сказала Аджоа.

— Вести дурные,— сказал Денсу.

— Про Аппию?

— Ты знаешь? — удивился Денсу.

Аджоа кивнула, но не сказала, откуда ей это известно.

— Убийцу еще не нашли? — спросила она.

— Нет.

Аджоа покачала головой.

— Думаю, это сделал кто-нибудь из придворных,— сказала она.

— Почему?

— Кто бы еще захотел убивать Аппию? Придворные постоянно грызутся за власть. Люди для них ничего не значат. Людей они или используют, или устраняют. Твое счастье, что никто не пытался вовлечь тебя в их затеи.

— Один пытался,— сказал Денсу.— Абабио.

— Что ему было нужно? — спросила Аджоа.

— У него есть сторонники. Он хотел, чтобы я к ним примкнул.

— Что ты ему сказал?

— Я отказался.

— Он тебе этого не простит,— сказала Аджоа.— Ты объяснил ему, почему отказался?

— Он не хотел слушать,— сказал Денсу.— Я ему много раз говорил, что хочу стать целителем.

— И ты наконец решился?

— Да.

— Как хорошо,— сказала она и умолкла.

Стало совсем темно, и Аджоа решила больше не ждать Дамфо. Она пошла на кухню и приготовила еду. Весь ужин она молчала, уйдя в мысли. Кончив мыть посуду, она вернулась из кухни и сказала:

— Остерегайся, Денсу.

— Кого?

— Абабио. Если он предложил тебе быть вместе с ним, а ты отказался, он будет бояться, что ты выдашь его тайны.

— Он говорил, что доверил мне свои тайны. Он думал, что это заставит меня быть вместе с ним.

— Если ты вместе с ним не будешь, ему придется что-то с тобой сделать.

Денсу молча глядел на Аджоа. От его взгляда ей стало не по себе.

— Сегодня отец не вернется,— решила она.— Незачем его ждать. Он придет завтра.

— С ним ничего не случится? — спросил Денсу.

— С ним ничего не случится,— улыбнулась Аджоа.— О нем не беспокойся.

Она указала ему на циновку и перед уходом сказала:

— Остерегайся, Денсу.

Когда он наутро проснулся, Дамфо уже был дома. Он возвратился ночью, но так и не лег.

— Вы не спали, — сказал Денсу, поприветствовав целителя.

— Спал,— ответил Дамфо.— Немного, но крепко.

— Аджоа сказала, за вами приходили из Кумасе. Дамфо кивнул.

— Наши люди. Целители. Они хотят, чтобы мы переехали туда.

— В Кумасе?

— Не совсем. В Прасо. Там тоже есть селенье целителей. Возле реки. На правом берегу. Они считают, что мы нужны там.

— И вы пойдете?

— Может быть.— Дамфо улыбнулся.— Всю ночь думал об этом. Думаю, мы пойдём.

Дамфо переменял тему разговора. Он спросил Денсу о новостях из Эсуано. Денсу рассказал о гибели Аппии и похоронах. Дамфо слушал молча, как мертвый, а когда Денсу кончил, спросил:

— И до сих пор об убийце ничего не известно?

Денсу покачал головой.

— Но Абабио дал клятву найти его,— сказал он.

— Абабио? — В голосе Дамфо слышалось недоумение.

— Да, Абабио,— подтвердил Денсу.

Денсу снова умолк, словно силился вспомнить что-то, что ускользало из памяти. Потом он явно бросил попытку догнать убегающее воспоминание.

— Ты спешил к нам,— сказал Дамфо.

— Я хотел прийти к вам раньше. Еще до игр.

— Ты хочешь о чем-то поговорить?

— Я хочу остаться у вас насовсем.

— Насовсем? — Целитель был озадачен.

— Я решил,— сказал Денсу.

— Стать целителем? — спросил Дамфо.

— Учиться.

Дамфо задумался.

— Ты давно так решил? — спросил он.

— Не знаю,— ответил Денсу.— Мне кажется, я всегда хотел прийти к вам.

— Ты еще не простился с Эсуано,— сказал целитель.

— Я вас не понимаю,— сказал Денсу.

Дамфо произносил слова точно против воли, и Денсу насторожился.

— Ты говоришь, ты решил учиться,— говорил Дамфо.— Это хорошо. Но чтобы освободить свой ум для учебы, тот, кто решил стать целителем, должен проститься с миром, в котором вырос.

— Я ушел из Эсуано,— сказал Денсу.

— Только твое тело.

— Мой дух тоже.

— Об этом рано судить.

— Я уверен.

— Не хочу тебя огорчать,— продолжал Дамфо,— но целитель поворачивается спиной к слишком многому. Ко всему, чем прельщает мир. Не только к тому, что касается плоти, но также и духа. Мир прельщает легкостью жизни. Богатством. Любовью и уважением ближних. Даже славой и уважением дальних. Счастьем быть узнаваемым всюду. Все это красит жизнь человека. Но всему этому целитель поворачивается спиной.

— Вы думаете, я этого не понимаю? — спросил Денсу.

— Трудно уйти от того, к чему все стремятся. Трудно переносить одиночество. Трудно жить скудной жизнью целителя. Трудно жить в мире без уваженья.

— Разве целителя не уважают? — спросил Денсу.

— В мире, какой он сегодня,— нет,

— Но все же его уважают.

— Лишь те, кто знает цену его труду. А таких всегда мало. Иногда один-два человека.

— Разве их уваженья не достаточно? — спросил Денсу.

— Хорошо, что ты задал этот вопрос, — сказал Дамфо.

— Я так думаю, — сказал Денсу.

— Я тебе верю. Но... тебе никто не рассказывал, что готовящийся в целители должен делать и чего не должен?

Денсу покачал головой.

— Существуют правила, — продолжал целитель. — Многие из учеников кончили тем, что возненавидели эти правила. Они сочли их слишком тяжелыми. Некоторые — даже противоестественными.

— Что это за правила?

— Для начала их семь.

— Объясните их мне, пожалуйста, — попросил Денсу.

— Завтра начнем. Обычай требует открывать в день по одному правилу.

— Почему только по одному?

— Чтобы дать время для полного понимания.

— Правила такие сложные?

— Некоторые считают, что да. Таким нужен весь день, чтобы понять, о чем речь. Некоторые находят их естественными, как дыхание.

— Мы можем начать завтра?

— Мы можем начать завтра, — сказал целитель. — А теперь мне пора идти.

— Куда? — спросил Денсу.

— Вопросы, вопросы. — Дамфо улыбнулся и ушел.

4. БЕСЕДЫ С ЦЕЛИТЕЛЕМ

Первая беседа целителя Дамфо с новичком Денсу.

Целитель сказал:

— Ученик не пьет и не курит того, что дает опьянение.

Денсу улыбнулся.

— Видимо, это правило кажется тебе забавным, — сказал целитель.

— Я не люблю хмельное, — сказал Денсу, — А дым тревожит меня, даже когда курят другие.

— Нелюбовь без знания неосновательна,— сказал целитель.— Ты знаешь то, что не любишь?

— Я пил хмельное,— ответил Денсу.— Вкус его мне неприятен.

— Мало кто любит вкус хмельного,— сказал Дамфо.— Суть в том, что хмельное приносит счастье. Оно ободряет людей.

— Меня оно не ободряет,— сказал Денсу.

— Что тебя ободряет?

— Разное. Думать о том, кого я люблю. Быть с тем, кого я люблю. Делать то, что я люблю. Самое высокое ободренье приходит ко мне, когда я делаю то, что люблю, вместе с теми, кого я люблю.

Беседа второго дня.

— Ученик, собирающийся стать целителем, не использует силу против людей. Он не участвует ни в какой борьбе.

— Это хорошее правило,— сказал Денсу.

— А ты сможешь ему следовать постоянно и при любых обстоятельствах? — спросил целитель.

— В пределах разумного,— сказал Денсу.

— Ты не скажешь точнее? — спросил целитель.

— Если на целителя нападают, естественно, он защищается.

— Но нападающий — человек,— сказал целитель.

— Остается ли человек человеком при всех обстоятельствах?

— Когда человек перестает быть человеком?

— Допустим, человек стал убийцей. Разве он при этом не сделался зверем? Или если с оружием в руках он вторгся в твой дом? — спросил Денсу.

— Как ученик, что бы ты предпринял при таких обстоятельствах?

— Я бы остановил его.

— Силой?

— Силой.

— Не убивая?

— Если то возможно.

— А если это невозможно?

— Я бы убил его,— сказал Денсу.

— Это противоречит правилу,— сказал целитель.

- Вряд ли это противоречит смыслу правила.
- Каков, по-твоему, смысл правила?
- Уважение к жизни.
- Как же можно убить из уважения к жизни?
- Но я убиваю того, кто уничтожает жизнь,— ответил Денсу.

Вот как целитель Дамфо начал беседу третьего дня.

— Ученик никогда не должен молить своего бога, чтобы бог погубил кого-то.

— У меня нет никакого бога, молить мне некого,— сказал Денсу.

— У тебя нет веры?

— Вера у меня есть,— сказал Денсу.— Но не в богов.

— Ты считаешь, что в жизни нет ничего хорошего?

— Все, что в жизни не злое, я считаю хорошим.

— Что ты считаешь злым?

— То, что снижает достоинство жизни.

— Каким образом?

— Приближая жизнь к смерти.

— Считаешь ли ты что-нибудь священным? — спросил целитель.

— Все, что повышает достоинство жизни.

— Ты поклоняешься тому, что священно?

— Я не поклоняюсь ничему.

— А это не кощунственно?

— Разве поклоняются не из страха? — спросил Денсу.

— А ты не боишься того, что священно? — спросил целитель.

— Я люблю то, что священно,— ответил Денсу.

— Разве страх, ужас не выражают любовь? — спросил целитель.

— Никогда,— сказал Денсу.

— Что же, по-твоему, выражает любовь? — спросил целитель.

— Уважение,— сказал Денсу.

Беседа четвертого дня.

— Ученик не ходит к царям,— сказал целитель.— Ученик избегает всех мест, где люди стремятся к власти над другими людьми.

— Но если при царском дворе кто-нибудь заболел? — спросил Денсу.

— Целитель идет туда, если надо спасти жизнь. Он делает свое дело и, закончив дело, уходит. Это не то же самое, что посещать средоточья власти и ради подачек льстить власть имущим. Лишь человек низкой природы льстит власть имущим. Человек низкой природы не может стать целителем.

— При дворе я всегда ощущал себя скверно, — сказал Денсу.

— Может быть, потому что ты ненавидел людей при дворе?

— Я не ненавидел их, — сказал Денсу. — Я ощущал свою отдаленность от них. Меня не волновало то, что волновало их. То, что волновало меня, не волновало их. Все же, вероятно, есть обстоятельства, при которых целитель должен искать внимания власть имущих, даже при царском дворе?

— Ты можешь представить себе такие обстоятельства? — спросил целитель.

— Если болезнь поражает сразу многих людей, если она заразная. Разве тогда целитель не обратится к царю и не попросит принять меры во имя здоровья людей? — спросил Денсу.

— Для целителей это всегда был трудный вопрос, — сказал целитель.

— Но почему? Может ли нелюбовь к царям быть сильнее, чем любовь к жизни?

— Это не просто нелюбовь, — ответил целитель. — Это знание. В царской власти целитель видит болезнь, поражающую людей. Естественно ли одной болезнью бороться против другой?

— Разве могут целители всегда обходиться без общественной власти? — спросил Денсу.

— Целителю нужно трудиться вместе с общественной властью, но эта власть должна быть здоровой.

— Разве такая власть существует? — спросил Денсу.

— Быть может, ее и не существует, — сказал целитель. — Но надо считать, что существование ее возможно.

— Какая же это должна быть власть? — спросил Денсу.

— Власть, основанная на уважении к людям. Царская власть возникает из презрения к людям. Власть в

наше время возникает из презренья к людям. Достичь ее можно, только злоупотребляя людьми.

— Для того чтобы власть, которой хотят целители, восторжествовала над властью нашего времени, потребуются века и века, — сказал Денсу.

— Да, — согласился целитель. — Самый худший вид власти рождается легче всего.

— И все же, быть может, пока надо сотрудничать с царской властью? — спросил Денсу. — Ничего, кроме нее, ведь нет.

— Целители неоднократно пытались — увы, безуспешно. Целители могут найти опору только в здоровой власти.

— Но вы говорите, что это вопрос будущего.

— Отдаленного будущего.

— А пока?

— А пока целитель лечит отдельных больных, — сказал Дамфо.

— И это все?

— Целители делают все, чтоб возникла власть, основанная на уваженье.

— Каким образом?

— Они стараются не упустить ни малейшей возможности.

Беседа пятого дня.

— Ученик, желающий стать целителем, не должен передавать слухи. Он также обязан всегда уклоняться от ссоры, — начал Дамфо.

Удивленный торжественностью столь простых слов, Денсу не моргая смотрел на целителя. Он не сдержал улыбку, и улыбка передалась Дамфо. В этот день целитель больше не говорил о пятом правиле. Ни о каком другом.

Беседа шестого дня.

— Ученик не тратит ночь попусту, — начал целитель. — В начале ночи он обдумывает то, что сделал сегодня и что предстоит сделать завтра. Затем он спит, ибо дух его пробуждается рано.

— Это не трудно,— сказал Денсу.— Это только естественно и разумно.

— Проводить ночь можно и по-другому,— сказал целитель.

— Я знаю,— сказал Денсу.

— Куда веселее.

— Не для меня.

— Ты не любил танцевать по ночам?

— Любил,— сказал Денсу.— Годы назад, когда ничто не угнетало мой ум, когда не влекла никакая работа. Теперь танцы не увлекают мой дух.

— Ты совсем утратил желанье танцевать?

— Я же живой человек,— сказал Денсу.— Конечно, я хочу танцевать. Но только после того, как работа закончена.

Беседа седьмого дня.

— Ученик уважает старших,— сказал целитель.

— Только старших? — спросил Денсу.

В ответ целитель расхохотался.

После седьмого дня бесед Дамфо исчез. Он возвратился еще через день к вечеру. Когда он отдохнул с дороги, Денсу зашел к нему и, произнеся приветственные слова, сказал:

— Я не знал, что посетители из Асанте еще здесь.

— Они уже ушли,— сказал Дамфо.

— Что им было нужно от вас?

— У них больной,— сказал Дамфо.— Они думают, что я могу помочь.

— Что, редкая болезнь?

— Не редкая,— ответил Дамфо.— Болезнь не редкая. Но она редко поражает знатных людей. А то весьма знатное лицо.

— Знатное лицо из Кумасе?

— С царского двора.

— И вам придется лечить при дворе? — спросил Денсу.

— Нет. Больной будет в Прасо. В селенье целителей рядом с рекой.

— И вы пойдете туда?

- Другие целители полагают, что я должен пойти.
 - Почему?
 - Они полагают, что мне удастся сделать полезное дело. Кажется, они видят возможность ускорить приход новой власти.
 - Благодаря знатному человеку?
 - Благодаря его болезни,— сказал Дамфо.
 - Что это за болезнь?
 - Ты поймешь, если я скажу — отчаянье?
 - Если вы объясните. Можно знать имя этого человека?
 - Его зовут Асамоа Нкванта,— сказал Дамфо.
 - О! — восклицаешь само вырвалось из груди Денсу.— Предводитель всех войск Асанте.
 - Он был предводителем,— сказал Дамфо.— Был. Теперь он не предводитель.
 - Что с ним случилось?
 - Князя убили его любимого племянника.
 - В наказанье?
 - Нет,— сказал Дамфо.— Ты, значит, не слышал. Для княжеского развлечения.
- И Дамфо открыл Денсу причину скорби Асамоа Нкванты.

5. ПРИЧИНА СКОРБИ АСАМОА НКВАНТЫ

В Асанте было не принято, чтобы царь путешествовал в одиночестве. Для прохода по свету у царя должны быть рабы и служители. Делать что-либо самому — ниже царского достоинства, при этом царь не должен испытывать никаких неудобств.

Когда настало время царю отправиться в самое последнее путешествие, путешествие в смерть, царедворцы сочли нужным отправить с ним вместе рабов. Рабы делали легкими его дни на земле, рабы должны следовать за ним в смерть, чтобы сделать легкими пути его духа, чтобы окружить дух той роскошью, к которой привыкло его тело.

Поэтому, когда царь умирает, юноши царского дома по обычаю после прихода ночи рыщут по Кумасе и убивают всякого, кто попадает под руку. Некоторые из юношей почитают это за развлечение. Убитые же должны послужить рабами царю в подземном царстве.

— Помнишь, когда умер царь нана Квеку Дуа? — спросил Дамфо. — Он был предшественником теперешнего, Карикари.

— Я слышал о его смерти в шестой день недели пять лет назад, — ответил Денсу.

— Да, смерть царя Асанте — всегда страшная весть, и она путешествует быстро. — И он продолжал рассказ.

Когда умер Квеку Дуа, первый царь с этим именем, молодые князья схватили ружья и сабли и помчались по улицам города. Согласно обычаю, они искали рабов для умершего царя. Если бы они убивали только бессильных и безродных, за которых некому мстить, об убийствах, по безразличью людской памяти, забыли бы достаточно скоро. Но один из князей, Боуче Асо, воспользовался смертоносным порывом часа и свел счеты с тем, кого давно ненавидел. Убитый им был племянник предводителя всех войск Асанте, Асамоа Нкванты. И не просто племянник — любимый племянник.

К той поре Асамоа Нкванта был величайшим из военачальников Асанте. Он был больше чем военачальник — учитель военачальников. По сравнению с ним Эду Бофо и Аманква Тиа были зелеными новичками. Асамоа Нкванта уже удостоился звания осаджифо, высочайшего имени воинской доблести. Если бы значенье людей зависело не от рожденья, а от дел, Асамоа Нкванта, конечно, был бы самым влиятельным человеком во всей стране.

Убийство любимого племянника сначала бросило Асамоа Нкванту в дикую ярость. Он желал немедленно уничтожить того, кто погубил его племянника. Но князь Боуче Асо исчез, и гнев Асамоа Нкванты обрушился на весь двор. Он, главный защитник Асанте, предводитель всех войск Асанте, угрожал царскому дому войной. Солдаты любили Асамоа Нкванту. Многие пошли бы за ним куда угодно, даже приступом на Кумасе. Угроза междоусобицы была не пустыми словами.

Чтобы умиротворить Асамоа Нкванту, царский дом принес в жертву Опанина Квамена, дядю князя Боуче Асо.

Но гнев Асамоа Нкванты отнюдь не утих. Он претворился в скорбь такой глубины, что полководец дал клятву не прикасаться к оружию даже в защиту Асанте.

Клятва его оказалась проклятием для войск Асанте. После отречения Асамоа Нкванты войска Асанте терпели одну за другой постыдные неудачи. Они были подобны могучему зверю без головы. Их предводителям не хватало искусства Асамоа Нкванты. Они не обладали его предвиденьем. Они не могли ничего добиться и напрасно губили войска.

Воины Асанте беспрестанно звали Асамоа Нкванту встать во главе войск. Но убийство племянника лишило его желанья служить царской власти.

— После убийства племянника душа его заболела,— продолжал Дамфо,— и он ни на что не способен, пока душа его не излечится.

— Вы собираетесь исцелить его? — спросил Денсу.

— Во всяком случае, постараюсь,— сказал Дамфо.

— Разве это не странно? — задумчиво проговорил Денсу.— Воина на царской службе будут лечить целители, не доверяющие царской власти. Ведь когда Асамоа Нкванта будет здоров, он снова станет военачальником?

— И это будет естественно,— ответил Дамфо.

— Снова стать предводителем войск Асанте?

— Разумеется,— согласился Дамфо.

— И служить царской власти? — спросил Денсу.

— Ты так полагаешь? — вопросом на вопрос ответил целитель.

— Я не знаю, я хочу спросить вас.

— Я скажу тебе правду,— ответил Дамфо.— Я не знаю, каким целям Асамоа Нкванта будет служить после выздоровленья. Это я и хочу выяснить. Целитель всегда ищет знания.

— Я хочу вас спросить об одном: может ли Асамоа Нкванта после выздоровленья служить не царю, а какой-то другой силе? — спросил Денсу.

— Всегда есть возможность,— сказал Дамфо, может быть, слишком спокойно.

— Могу ли я понять так, что вы думаете о работе целителя — такой, которая выше леченья отдельных больных? — спросил Денсу.

— Могу ли я понять так, что в твоём вопросе зреет ответ? — улыбнулся Дамфо.

Денсу улыбнулся в ответ и кивнул:

— Теперь я кое-что понимаю. Смутно, но я начинаю видеть полководца Асамоа Нкванту.

— То, что случилось с ним, очень важно, — сказал Дамфо. — С ним обошлись как с рабом. Это разбило его жизнь. Обломки его жизни снова должны соединиться в одно целое, он должен понять, что именно разбило его жизнь, и попытаться одержать над этим победу. Ему надо понять смысл рабства. Не на поверхности, а в глубине. Не часто таким людям, как Асамоа Нкванта, приходится заново обдумывать всю свою жизнь. К этому их способна побудить лишь беда. Обычно беда сильнее, чем человек. Она его уничтожает. Но я незнаком с Асамоа Нквантой. По рассказам, он человек сильный — телом, рассудком, нравственностью. Сильный во всех смыслах. Если он сможет пережить беду, он станет не только сильнее. Вдобавок к силе он обретет мудрость. Он взглянет на мир другими глазами. Он увидит, что ему нужно занять в этом мире иное место.

— Вы говорите так, словно ждете, что он станет целителем, — сказал Денсу.

Дамфо громко расхохотался.

— Больше чем целителем, — сказал он. — Больше чем целителем. Ты ведь знаешь, что не целители лечат больное тело. У тела всегда есть свои целебные силы, которые борются с ядом болезни. Целитель только распознает эти силы для того, чтобы поддержать их и ослабить действие ядов.

— Вы думаете, Асамоа Нкванта — такая целебная сила?

— Я собираюсь это узнать, — сказал Дамфо.

— Когда вы пойдете в Прасо?

— Ждать долго я не хочу. Думаю, через месяц. У меня здесь работа, которую я не могу оставить. Пойду, как только смогу.

6. ХРУПКОСТЬ БЛАГОРОДНЫХ РЕШЕНИЙ

На следующее утро Дамфо был в беспокойстве. Несколько раз он порывался что-то сказать Денсу, но сдерживался. Когда наконец он не смог сдержаться, он сказал только:

— Кажется, тебе нужно скоро вернуться.

— Куда?

— Домой. В Эсуано.

— Не понимаю,— сказал Денсу.— Я здесь потому, что решил стать целителем.

— Я это понимаю,— сказал Дамфо.

— И вы все же хотите, чтобы я ушел?

— Это необходимо.

— Вы усомнились в моей искренности? — спросил Денсу.

— Нет,— сказал Дамфо.— Не в твоей искренности.

— Значит, вы меня изгоняете?

— Нет, не изгоняю,— ответил Дамфо.— Ты принял благородное решение. Ты хочешь всю свою жизнь посвятить искусству целителя.— Дамфо более не глядел на Денсу, он сидел, уставясь себе под ноги.— В благородных решениях всегда есть что-то странное. Они должны быть самыми лучшими решениями, но на деле это не так. Благородным решениям часто недостает силы, твердости. Решение стать целителем должно быть тверже, чем любое другое решение. Оно должно простекать не только из благородных порывов юного духа.

— Вы мне не верите? — проговорил Денсу.

— Я верю тебе,— ответил Дамфо.— Но сам ты знаешь, что выбираешь и что отвергаешь?

— Вы сами сказали мне все, что я знаю о деятельности целителя,— сказал Денсу.— И то, что я знаю, лишь подтверждает мое решение посвятить этому жизнь.

— А то, что ты отвергаешь,— жизнь в Эсуано, в большом мире от Эсуано до Берегового Мыса и дальше?

— Та жизнь меня не привлекает.

— Пока — да,— согласился Дамфо.— Я верю тебе. Но время способно переменить твои помыслы. Особенно время трудностей. Жизнь целителя нелегка. Три года суровой подготовки. Потом работа. Работа куда труднее, чем подготовка. Никакой отрады для тела. Редко-редко о целителе думают благодарно. Много чаще — с подозрением и враждебностью. Нас всегда презирают те, кому не понять смысла нашей работы. А в мире таких много. Очень много.

— Прежде чем решить, я это обдумал,— сказал Денсу.

— Ты решил это только умом. Когда решение станет частью твоих чувств, ты будешь готов.

— Как я могу показать, что это уже часть моих чувств?

— Для этого нужно время, — сказал Дамфо.

— Сколько времени? — спросил Денсу.

— Не меньше чем год.

— Что же я должен делать весь этот год?

— Этот год — время прощанья, — сказал Дамфо. —

Ты должен проститься со всем известным тебе миром.

— И все целители так прощаются с миром?

— Обычно — да, — сказал Дамфо.

— А какой в этом смысл?

— Если решение принято опрометчиво, за год найдется время одуматься.

— А если решение истинно?

— Оно глубоко укоренится.

— К чему такое недоверье?

— Я не сказал бы, что это недоверье. Ты знаешь Эсумана?

— Придворного лекаря?

На губах Дамфо появилась печальная улыбка. Он подавил ее.

— Выходит, так теперь зовут Эсумана? А когда-то он был целителем. Когда он начинал, его чувства возносились выше небес. А кончил он тем, что бросил работу целителя и возвратился в Эсуано. Мы в лесу волновались, не зная причины его возвращения. Мы узнали причину. Дух Эсумана, оказывается, никогда не покидал Эсуано. Он считал труд целителя чем-то, что приносит целителю славу. Для него не был целью сам труд. Ему нужно было еще признание. Он жаждал вознаграждения. Славы. Богатства. Власти. В лесу ничего этого нет. И Эсуману пришлось нас покинуть.

— Вы думаете, что я повторю путь Эсумана? — спросил Денсу.

— Этого я не знаю, — сказал Дамфо. — Я хочу, чтобы ты понял, что целитель приносит в жертву многое. Может показаться, что слишком многое.

— И вы боитесь, что я принесу в жертву недостаточно многое?

— Я боюсь, что еще слишком рано судить о твоей готовности приносить что-то в жертву. Преждевременное приятие жертвы ведет к разочарованию.

— Я хотел бы вас убедить в том, что для моего естества все, о чем вы говорили, не жертва.

— Я тебя слышу,— сказал Дамфо.— Но скажи мне, ты не боишься, что твое естество за год может перемениться?

— Этого я не боюсь,— сказал Денсу.

— А ты не боишься, что не сможешь противиться искушениям Эсуано и Берегового Мыса?

— Нет.— Несмотря на страданье, Денсу улыбнулся.

— Что же тогда? — спросил Дамфо.

— Я вам уже сказал. Жизнь там мне отвратительна.

— Понимаю,— сказал Дамфо.— Твое беспокойство происходит от отвращения. Это понятно. Но и радоваться этому нельзя. Отвращенье может направить ум в противоположные стороны. Оно может заставить нас делать что-то не потому, что того мы желаем, а потому, что нам отвратительно что-то другое. Отвращенье туманит ум. Целитель никогда не делает ничего вопреки чему-то. Поступать по-иному ему не дано.

— Разве когда мы любим, мы не ненавидим то, что грозит тому, что мы любим? — спросил Денсу.

— Это так,— сказал Дамфо.— Но для целителя любовь всегда сильнее, чем ненависть. Много сильнее.— Целитель взглянул на Денсу.— Я вижу, ты рассердился.

— Я не ожидал, что мне придется идти назад в Эсуано. Я не имел в виду возвращенье.

— Это необходимо,— сказал Дамфо.— У всех нас, кем бы мы ни были, бывают часы сожаленья. Тогда мы мечтаем вернуться туда, где были перед решением, переменявшим всю нашу жизнь. Целитель не должен знать сожаленья. Это губительно для трудов. Если человек передумает перед тем, как вступить в целители, беды в этом нет. Поэтому мы должны следить, чтобы у каждого ученика было время подумать и передумать. В противном случае посвященный целитель может ощутить себя словно в ловушке непрестанных разочарований. Ибо истина в том, что жизнь целителя — не развлечение. В труде целителя есть власть. Но это не личная власть. Она не дает удовлетворенья тому, кто стремится к известности. Это настоящая власть, и в ней нет ничего общего с нашими мелкими своекорыстными устремленьями. Это власть помогать жизни воссоздавать жизнь. У всякой власти есть отрицательная сторона. Учась поддерживать жизнь, це-

литель узнает и как ее прекращать. Целитель, не сожалеющий о том, что ведет жизнь целителя, отворачивается от отрицательных знаний. Но целитель, исполненный сожаления и мечтающий о величье в большом мире, вернувшись в большой мир, возвращается с отрицательным знанием. Когда-нибудь он прибежит к нему. Из целителя он превратится в убийцу. Власть в этом мире по свойствам своим такова, что отрицательный труд убийцы приносит более быстрый успех, чем медленный, кропотливый труд целителя. Целитель, вернувшийся в мир с мечтами о славе, власти, богатстве, неизбежно ищет власти у власть имущих. Он присоединяется к законам. Они достаточно быстро заставят его применить свое знание добра и зла для упрочения их власти. Ты понял теперь, отчего мы так опасаемся разочарования?

Денсу кивнул, потом спросил:

— Тот Эсуман, который ушел от целителей, — он причинил кому-нибудь зло знанием жизни и смерти?

Дамфо покачал головой:

— Не знаю. Я не старался узнать. Я и не говорю, что он причинил кому-нибудь зло. Он может его причинить, ибо окружен властью имущими и зависит от них. У власть имущих в жизни одна цель — удержаться у власти. Для них добро и зло не цель, только средство. Зло, как добро, — законное средство, чтобы удержаться у власти. Эсуману от власти имущих нужна частица власти, хотя бы крошка власти. Они используют его для своих целей. Взамен он получает ту власть, к которой стремится.

— Эсуман — единственный, кто ушел от целителей? — спросил Денсу.

— Нет, — сказал Дамфо. — Это не единственное селенье целителей. Селений немного, но они разбросаны по всей стране. Время от времени кто-нибудь из целителей возвращается в мир. Эсуман — не единственный. — Голос Дамфо звучал невесело. — И быть может, тебе станет легче, если я открою тебе, что ты не один. В Эсуано один твой ровесник тоже решил вступить на путь целителя. Он пришел в прошлом году. Я велел ему на год вернуться в мир, который он хочет покинуть, и, если он будет по-прежнему верить в свое призвание, пусть приходит к нам в лес. У него еще несколько месяцев на раздумья.

Денсу был изумлен:

— Кто это?

— Я не имею права тебе сказать,— уклонился Дамфо.— Раз вы оба избрали один путь, со временем вы постречаетесь. Так будет естественней.

Денсу ничего не сказал, и Дамфо продолжил:

— Год — долгий срок. Но не слишком долгий. Ты не скрывайся от нас. Приходи, когда надо поговорить. Приходи, когда хочешь. Перед уходом в Прасо я сам приду в Эсуано и попрощаюсь с тобой. Когда мы вернемся домой, я дам тебе знать.

Вечером Дамфо снова ушел. Аджоа принесла ужин, но Денсу не мог есть. Он потерял чувство голода. Аджоа видела, что он страдает, но молчала, ибо не знала, как можно его утешить. Под конец не выдержав, она спросила Денсу:

— Что, мой отец обидел тебя?

— Я должен вернуться в Эсуано,— ответил Денсу.

— Ты говоришь это так, как будто тебе грозит гибель. Неужели это так страшно?

— Мой ум настроен на то, чтобы остаться здесь.

— Он говорит, что ты не можешь?

— Могу. Только через год.

— Целители зовут этот год годом прощанья,— сказала Аджоа.— Этот год необходим. Тебе особенно.

— Почему мне особенно?

— Говорят, что те, перед кем распахнут весь мир, нуждаются в долгом прощанье. Через год радости Эсуано, быть может, покажутся тебе привлекательней, чем жизнь здесь, в лесу.

— Аджоа, какие радости? Я помню, сама ты оставила Эсуано с радостью.

— Я не Денсу,— сказала Аджоа.— Мир не раскрывался передо мной. Скажи мне честно: сколько прекрасных женщин показывало тебе, что ты им очень понравился?

— Я не понимаю тебя, Аджоа.

— Быть может. Раз ты не хочешь говорить об этом, давай говорить о другом. Ты рассказывал, что Абабио предлагал тебе землю. Много земли.

— Ты надо мной смеешься.

— Чуть-чуть,— согласилась Аджоа. Игривость уходила из ее глаз, из ее голоса.— Приходи почаще.

И остерегайся. Остерегайся тех, кто хочет видеть тебя власть имущим.— Она старалась скрыть блеск своих глаз.— Приходи почаще.— Она заспешила к двери.— почаще, Денсу. Обещай мне!

Душа Денсу была полем битвы. Мысли боролись с желаньями. Мира не предвиделось. Он твердил себе, что незачем обижаться на Дамфо за суровое требованье, но боль обиды не утихала.

Он закрыл глаза. В пустыне, холодной и ветреной, без деревьев, без крова, был человек. Он направлялся к нему. Когда человек подошел, Денсу увидел, что это он сам.

Он стал думать о годе, который ему предстоит прожить в Эсуано, пытался представить себе, как этот год провести с пользой. Но в голову ему приходили только окустошающие мысли.

Лишь перед самым рассветом, когда пропели первые петухи, он наконец заснул. За время недолгого сна он трижды просыпался в испуге.

Когда он проснулся, солнце стояло уже высоко. Он проговорил слова прощанья и не позволил Аджоа далеко провожать его. Он молчал, когда она приглашала его приходить почаще. Потом он повернулся и зашагал на запад, к городу, из которого уходил, чтобы не возвращаться.

Наверно, было тепло, но его бил озноб. Его окружали листья, ветви, деревья. Он видел их, но сегодня они ничего ему не говорили. В лесу по дороге из Эсуано он был полуслепой. На обратном пути он ослеп полностью. Утренний лес оживляли бабочки и мотыльки, но их испуг при его приближенье не казался ему забавным. То тут, то там одинокая птица разрезала молчанье песней. То тут, то там подавал голос лесной зверь. Эти звуки были для Денсу бессмысленным шумом. Державшаяся на страстном стремленье связь между ним и вселенной оборвалась.

Он не останавливался отдохнуть, но брел медленно, не думая о направленье, ведомый давней привычкой. Вре-

менами, когда боль осознания пронзала его, он с изумленьем видел, что находится гораздо ближе к Эсуано, чем хотел бы. Ночь застигла его на половине пути. Денсу это не беспокоило: в лесу воцарилось молчанье, а тоненькая тропинка на Эсуано во тьме была светлее окрестной земли. Когда его ум вырывался из оцепененья, ночная прохлада приносила не утешенье, а боль. Он не оглянулся на закипающий рассвет. Он видел, как солнце окрасило листья и макушки деревьев. Багровые и оранжевые тона быстро и плавно переходили в белый свет дня.

У брода через Нсу-Пни вода поднималась. Мелкие камешки уже скрылись, большие еще виднелись над поверхностью. Переходя брод, Денсу удивился тому, что пятки его ощутили такой резкий холод. За бродом узенькая тропинка взбиралась на берег между нависших кустов.

Куст перед Денсу неожиданно дрогнул. В утре еще царила мертвая тишина. Звуки лесных глубин обрывались у брода. Что до реки, ее шепот был частью всеобщего безмолвья. В этом безмолвье странный шелест куста привлек внимание Денсу и замедлил его шаги. На гребне берега резко вздрогнул второй куст. Из-за зеленого покрова что-то быстрое и тяжелое бросилось на Денсу.

Не разумом, безотчетно, Денсу предвидел опасность. Он сделал шаг назад, выпустил узел из рук. Руки освободились. Нападающий не смог удержать порыва и рухнул на Денсу. Денсу успел согнуть и резко выпрямить левую ногу. Удар пришелся как раз по бедру Денсу, и нападающий с криком боли упал на землю.

Денсу узнал тот голос и с изумленьем склонился над корчившимся гигантом.

— Бунтуи,— позвал он, но в ответ услышал лишь злобный стон.

Ум Денсу переполняли вопросы, но тут он увидел, что весь лес вокруг него ожил.

— К броду! — раздался голос, голос Абабио.

Дикий вихрь охватил Денсу. Когда вихрь улегся, за спиною его у брода стояло четверо. Перед ним на тропинку слева и справа из зарослей выступали люди. Трое, пятеро — он бросил считать: толпа. Круг сужался. Во главе толпы на него наступал Абабио.

Денсу оглядел присутствующих. За спиной с земли еще не поднялся Бунтуи. Кроме него, все вокруг были старше, чем Денсу. На их лицах Денсу видел то, причину чего не умел понять,— дикую злобу, произрастающую из страха. Но чего они все боялись?

— У кого веревка? — крикнул Абабио.

— У меня,— послышался голос за спиной Денсу.

— И у меня,— раздался другой голос, сбоку.

Две веревки! Денсу всматривался в свирепые лица. В его голове было слишком много вопросов, но задавать их было явно не время.

Вываться из окруженья? Где? Куда? Оставались считанные мгновенья. Кольцо сжималось. Наступавшие были уже в трех шагах.

— Вяжите его! — закричал Абабио.

— Незачем,— сказал Денсу и обратился прямо к Абабио: — Эджа Абабио, что здесь происходит?

Вместо ответа Абабио рассмеялся нервно и коротко, точно взвизгнул.

Вслед за смешком Абабио один из стоявших сзади в отчаянном прыжке навалился на ошеломленного Денсу. Он схватил Денсу прежде, чем тот опомнился, но в напряженной железной хватке его странно отсутствовала враждебность. Прыжок возбудил толпу, и воздух наполнился криками.

Прыгнувший пригнул Денсу к земле. В общем шуме он прошептал Денсу в ухо:

— Не сопротивляйся. Иначе он тебя тут же убьет.

Не желая выдать неожиданного друга, Денсу делал вид, что пытается освободиться из дружеской хватки пригнувшего. Он не тратил на это силы — просто резко подался вперед и вниз. Оба они упали и покатались, и Денсу увидел лицо Энана.

Энан не выпускал Денсу. Каждый в толпе пытался бессмысленно ухватить не сопротивлявшегося Денсу за руку или за ногу.

— Вяжите его! — вновь закричал Абабио.

Энан молча поднялся с земли и спокойно приказал человеку с веревками:

— Дай мне одну! — И человек с веревками подчинился, точно привык всю жизнь слушать приказы Энана.

В молчанье Энан обхватил концом веревки правое за-

пястье Денсу. Затем он дал человеку с веревками свободный конец.

— Завяжи на запястье.— Энан протянул ему свою левую руку.

— Это не поможет! — крикнул Абабио.— Он убежит. Толпа не знала, что делать. Энан ответил Абабио:

— Веревка надежная. Чтобы бежать, ему придется тащить меня за собой.

ЧАСТЬ IV

1. УЗНИК

Когда толпа возвратилась с пленником, на улицах Эсуано почти никого не было. Город выглядел вымершим. По дороге к дворцу Денсу успел заметить, как несколько человек юркнуло в безопасность домов, словно опасаясь встречи со злым предзнаменованием.

Денсу отвели в царский дворец. Внутри дворцовой ограды Абабио возглавил шествие. В углу двора находилась хижина, две стены ее были частью длинной ограды. Абабио снял с шеи ключ и отпер низкую дверь.

— Давай его сюда,— приказал он.

Несколько рук подтолкнули Денсу, одна из них осторожно. Энан был рядом с ним в хижине.

— Эй, кто-нибудь, помогите мне развязаться,— крикнул он в дверь. Тут же вбежал человек и развязал веревку.— Отнести ее эдже Абабио,— приказал Энан, и человек выбежал. Энан шепнул Денсу: — Жди. Я приду. Ничего не ешь.— Он рванулся к двери, оглянулся и вновь прошептал: — Ничего не ешь. Я приду.

Глаза Денсу быстро привыкли к сумраку хижины. Хижина была маленькая. Судя по запаху, в ней давно не жили. В воздухе была сырость, гниение — правда, не слишком удушливое. В хижине было пусто — ни скамьи, ни горшков, ни даже циновки.

Денсу почувствовал усталость. Расставанье с восточным лесом против воли вызвало неприятные мысли, которые разбередили, опустошили и притупили ум. Даже дорога лежала тяжестью на душе. Он знал, что с каждым шагом заходит дальше по ложному направлению.

Нежданное появление Абабио и его приспешников на пути задавало сознанию мучительные задачи. Он знал, что нелепо пытаться понять события дня, ибо не представлял, что лежит в их основе.

Он нацупал пятками самое сухое место и расстелил халат. Он лег навзничь на левую полу и закрылся правой. Он расслабил каждую мышцу от пяток до век и темени и лежал, распластавшись бескостной массой на мягкой земле. Он закрыл глаза и усилием воли изгнал из сознания рой лезших в него беспокойных мыслей. Когда ум расслабился, как и тело, Денсу уснул. Он спал долго и мирно, без сновидений. Когда он проснулся, было совсем темно. Прошло много времени.

У двери послышались и умолкли голоса. Щелкнул замок, появились две фигуры. Денсу делал вид, что спит по-прежнему. У одного из вошедших был тусклый светильник, меньше огня, чем дыма. Другой в каждой руке держал по миске. Он поставил их наземь у двери. Человек со светильником опасно подошел к Денсу. Он поднес светильник поближе к лицу Денсу, чтобы лучше его рассмотреть. Ничего не поняв, он неуверенно сказал напарнику:

— Спит.

Денсу не шевелился.

— Невероятно,— сказал напарник.

— А ведь это он,— сказал человек со светильником.— Мне сказали, что так бывает. Убийца спит сном праведника.

— Я видел мало убийц,— ответил напарник.

— Я тоже,— поспешно сказал человек со светильником.— Я только слышал, как говорили.

Они ушли. Когда замок щелкнул вновь и шаги удалились, Денсу подошел к принесенной еде и понюхал. Курица, тушенная в пальмовом масле, во второй миске — пюре из ямса. Денсу не мог не улыбнуться: тот, кто заказывал эту еду, знал вкус Денсу. Денсу хотел есть. Он чувствовал слабость. Усилием воли он оторвал взгляд от еды и снова улегся на землю. Через какое-то время мучительное напряжение прошло и остался слабый вкус радости от победы над чувствами.

Слова Энана снова вернулись к нему, он почти слышал настойчивый шепот:

— Ничего не ешь. Ничего не ешь.

Денсу и так и этак поворачивал слова Энапа в уме. Может быть, в замешательстве после плененья он понял Энапа превратно? Нет, он помнил слова его ясно, так же ясно, как дружеское объятие после отчаянного прыжка Энапа. Он не прикоснулся к еде.

Собственная невозмутимость немного его озадачила. Следовало бы побольше узнать о том положении, в которое он попал. Произошла какая-то ошибка. В этом он был уверен. Но чем больше он размышлял, тем уверенней приходил к выводу, что правде, какой бы она ни была, не позволят всплыть на поверхность. То небольшое, что он знал, подтверждало такое умозаключение. Абабио руководил его поимкой. Двое входивших назвали его убийцей. Настойчивые, отчаянные слова Энапа. Чем дольше он размышлял, тем становилось яснее, что ошибка была не случайной.

Его беспокоило то, что он знал слишком мало о деле, в которое так безвыходно вовлечен. Раз он бессилен что-либо предпринять, надо хотя бы преодолеть в себе беспокойство. Дверь тихонько открылась. Она оставалась распахнутой. Тот, кто пришел, не принес с собой света, а ночь позади него была темная. Денсу не мог узнать, кто это.

Вошедший приблизился. Он тихо позвал:

— Денсу.

Денсу не отвечал.

— Ты не спишь, — с совершенной уверенностью произнес вошедший. — Послушай, я только хочу спросить, как ты себя чувствуешь. Если хочешь поговорить, мы можем поговорить. Если не хочешь, можешь дальше прикидываться, что спишь. — Он сел рядом с Денсу. Словно спохватившись, он добавил: — Стража стоит снаружи.

— Зачем вы мне это говорите? — спросил Денсу. — Вы чего-нибудь опасаетесь?

Абабио засмеялся.

— В этом мире предосторожность еще никому не вредила.

— Почему вам понадобилась защита именно от меня, эджа Абабио?

— Когда ты предлагаешь человеку дружбу, а он ее отвергает, этого человека следует опасаться.

— Это вы подстроили все? — спросил Денсу.

— Что подстроил? — в свою очередь спросил Абабио.

— Мое плененье, — сказал Денсу.

— Ах вот ты о чем. — У Абабио словно бы отлегло от души. — Лучше скажи, что народ Эсуано доньше оплакивает своего князя. Люди разыскивают убийцу. Быть может, я больше всех желаю, чтобы убийцу поймали.

— И меня заподозрили в том, что я убил Аппию? — спросил Денсу.

— А ты что, воображил, что тебя привели сюда для любовных танцев?

— Вы сами верите, что я убил Аппию?

Абабио захихикал.

— Денсу, если ты когда-нибудь будешь таким старым и искушенным в делах мира, как я, ты узнаешь, что для взрослых людей неважно, кто чему верит.

— Что же важно?

— События, — ответил Абабио. — То, что происходит. Не то, что должно происходить, а то, что происходит на самом деле. События не считаются с тем, что кто-то во что-то верит. Они происходят. Если ты знаешь, как жить, они происходят в твою пользу. Если не знаешь, они происходят тебе во вред. Вот и все.

— Что же происходит теперь?

— Ах да, тебя же здесь не было, — спохватился Абабио. — Совсем позабыл! Многие происходят. Ищущие убийцу задумались над тем, как было совершено убийство. Ты же помнишь, убийца срезал полоски мышц с рук и ног князя. Это может значить только одно — колдовство.

— И поэтому люди решили, что я колдун? — спросил Денсу.

— Терпенье, Денсу, терпенье, — сказал Абабио. — Тому, кто убил князя, полоски мышц с его рук и ног были нужны для какой-то цели. Мы собрались и стали гадать, какова могла быть цель. Задумайся вот над чем: князь был победителем игр. В борьбе он не выиграл, но все видели почему. Он пожалел противника. И вот убийца вырезает и уносит полоски мышц с его рук. Далее. Князь выиграл в беге — во всяком случае, на короткое расстояние. Убийца вырезает полоски мышц с его ног. Больше того, князь победил в последнем соревновании, в стрельбе. И вот убийца вырезает его глаза. Почему, Денсу? Как ты думаешь, почему убийце понадобились именно эти части тела князя?

— Этого я не знаю, — сказал Денсу.

— Зато народ знает, — сказал Абабио. — Народ провестн нельзя. Народ понимает, что убийца завидовал князю. Побежденный соперник, униженный силой, быстротой, зоркостью, явным превосходством князя. В том мире есть люди, которые добиваются первенства самыми низкими средствами. Если кто-то их превосходит, ты думаешь, они с этим смирятся и будут стоять в тени? Как бы не так! Они устранят соперника!

— И люди решили, что я такой человек? — спросил Денсу.

— Кто знает, какой ты, Денсу? — спросил Абабио. — Кто знает? Может, ты думаешь, я знаю? Известно, что ты способен на многое и порой изумляешь людей. Все говорят, что ты странный. Это значит, никто не может сказать, на что ты способен. Быть может, на что угодно. Я бы хотел защитить тебя, Денсу. Сказать всем: слушайте, я знаю этого мальчика. Он способен на то, на то и на то. Но не на убийство. Я бы очень хотел защитить тебя. Но разве я знаю тебя? Ты пустил меня в свою душу? Я очень хотел узнать тебя. Я пустил тебя в свою душу. Я позволил тебе увидеть, что я делаю и собираюсь делать. Я открыл тебе мои тайны. Я предложил тебе быть моим другом. Ты отказался. Когда люди стали подозревать тебя в убийстве князя, я не стал делать вид, что я тебе такой друг, что знаю твои тайны.

— Эджа Абабио, зачем вы это мне говорите? — спросил Денсу.

— Не думай, что я стараюсь теперь сделать тебя своим другом, — сказал Абабио. — Все кончено. Об этом не может быть речи. Ты уже отказался. Я принял отказ. Сейчас я с тобой говорю, может быть, только для развлечения. Для отдыха. Мне не надо из разговора с тобой узнавать, кто убийца. На этот счет у меня свои мысли.

— Насчет убийцы? — Денсу сел на земле.

— Насчет убийцы, — сказал Абабио. — Я могу тебе рассказать, кто, по-моему, совершил убийство. Не думай, что это от великодушья. Этой болезнью я никогда не страдал. Размягчение чувств мне несвойственно. Я тебе расскажу только потому, что теперь уже все равно, знаешь ты или не знаешь. Ты в таком положении, что, даже если будешь кричать на базарной площади, что ты невиновен и знаешь убийцу, никто тебе не поверит.

В лучшем случае люди скажут: ему не довольно убийства, он решил вдобавок сойти с ума.

— Вы знаете, кто настоящий убийца? — спросил Денсу.

— Ты думаешь, я с тобой тут играю? — спросил Абабио.

— Играете, — сказал Денсу.

— Тогда я больше не буду играть, — улыбнулся Абабио. — Ты желаешь знать, кто убил князя Аппию? Его убил Бунтуи. Квайю Бунтуи.

— Откуда вы знаете? Не подошел же к вам сам Бунтуи, не сказал же он: «Эджа Абабио, я убил Аппию».

Абабио рассмеялся:

— Этого он не говорил. Но есть доказательства.

— Какие доказательства?

— Князь и его мать несли дары Дамфо, целителю из восточного леса, — драгоценности, ткани, разные дорогие вещи. Араба Джесива преклонялась перед этим человеком. Но вероятно, ты ее одобряешь. Она любила его, как родного дядю. Мир полон глупости. — Абабио вздохнул. — В общем, Бунтуи украл эти дары.

— Он убил князя, чтобы украсть дары?

— Думаю, дело было именно так, — сказал Абабио. — Бунтуи не может не взять того, что блестит. Это болезнь.

— Что же он сделал с драгоценностями? — спросил Денсу.

— Не знаю, — сказал Абабио. — Случайно я видел одну из них у него.

— Понятно, — сказал Денсу. — А он случайно не объяснил, как ему достало ума заманить в ловушку такого человека, как Аппия?

— Я не спрашивал, — сказал Абабио.

— А что случилось с мной Арабой Джесивой? — спросил Денсу. — Вы не спрашивали Бунтуи, что он сделал с ней?

— Да, спрашивал. — Голос Абабио зазвучал неожиданно мрачно. — Разве поймешь, что он говорит? Сказал, что она исчезла.

— Что значит — исчезла?

— То и значит, — сказал Абабио. — Она исчезла. Араба Джесива исчезла. — Абабио более не смеялся. В его голосе не осталось и следа веселья. Явно что-то его затрудняло, что-то лишало его слова жизненной силы.

— Почему вы не рассказали людям то, что вы знаете? — спросил Денсу.

— Это было бы бесполезно, — сказал Абабио.

— Почему бесполезно?

— В наших местах у Бунтуи самое сильное тело, — сказал Абабио. — Но ты, Денсу, мог бы его победить когда угодно. Не потому, что тело твое сильнее. Потому что твой ум быстрее — вот в чем дело. В тридцать тысяч раз быстрее, чем у него. У бедного мальчика слишком мало мозгов. Но знаешь, иногда недостаток делает человека неценимым союзником. Могучему телу необходимо, чтобы им распоряжался дружественный ум. Может ли быть лучший слуга? Совершенный слуга.

— Раб, — сказал Денсу. — Зомби.

— Называй как угодно, — сказал Абабио. — Зачем бесполезно губить такого союзника? Безмозглый Бунтуи — сокровище. Когда умный человек находит сокровище, он не тратит его бесполезно — так ведь?

— Итак, вы решили вместо Бунтуи сделать убийцей меня, — проговорил Денсу.

— Ты неверно понял меня, Денсу, — сказал Абабио. — Что ты убийца, пока не решил никто, и меньше всех — я. Все мы ищем его, только ищем. Через несколько дней мы будем знать всю правду.

— Кроме меня, кого-нибудь подозревают? — спросил Денсу.

— Все ровесники князя могут предстать перед судом.

— Итак, будет суд?

— Да.

— Когда?

— В шестой день недели.

— Почему же меня одного держат здесь? — спросил Денсу.

— Когда люди решили устроить суд, оказалось, что все ровесники князя были в городе — кроме тебя. И никто не знал, куда ты ушел.

— Эджа Абабио, вы знали, что я ушел в восточный лес.

— Нет, Денсу, — сказал Абабио. — Все на свете не так. Ты простился со мной перед уходом? Если бы я сказал, куда ты ушел, я бы мог оказаться лжецом.

— И что это будет за суд? — спросил Денсу.

— Пока что об этом я говорить не могу, но, несомненно, убийцу на нем обнаружат.— Абабио говорил задумчиво, даже грустно.— А ведь мы бы прекрасно могли быть вместе, Денсу. Зачем ты отказался? Зачем ты решил погубить свою жизнь?

Абабио поднялся. В темноте он тяжело вздохнул, как человек, угнетенный усталостью. Его неясные очертанья показались на фоне двери. Он наклонился над мисками.

— Я сам заказал для тебя еду,— сказал он.— Курица в пальмовом масле и ямс. Хотя бы поешь. Силы тебе пригодятся.

Денсу ему не ответил.

2. ДРУГ

После ухода Абабио Денсу стало труднее преодолеть беспокойство. Ему почти удалось заснуть три раза. Но каждый раз, закрыв глаза, он видел хищных животных, которые гнались за кем-то, кого он не мог узнать. Погоня была такая живая, такая бурная, что она каждый раз прогоняла начатки сна.

Время шло. Ночь не становилась светлее. Но из-за бессонницы открытые глаза мало-помалу освоились с мраком. И вдруг дверь приоткрылась и кто-то боком скользнул в хижину. Денсу узнал бы его всегда и везде — это был худощавый, стройный Энан.

Энан осторожно приблизился к лежавшему Денсу.

— Ты не спишь? — спросил он.

— Нет.

— Сейчас на страже стою я,— сказал Энан.— Я принес тебе поесть. Если хочешь пить, принесу в любую минуту.— Он вынул из-под полы большую закрытую чашку.

— Ты один? — спросил Денсу.

— Нет. Нас трое.

— Где остальные?

— Снаружи,— ответил Энан.— Я должен спешить. Ешь. Когда кончишь, громко попроси воды. Я принесу. Когда удастся — поговорим.— Он вышел.

В чашке была жареная рыба с перцем и вареный банан. Кончив есть, Денсу крикнул, и Энан принес ему воду.

- Те двое уснули, — сказал Энан. — У нас есть время поговорить.
- Люди считают, что я убийца? — начал Денсу.
- По крайней мере так говорят Абабио и Эсуман.
- Что за суд они собираются устраивать?
- Кто сказал тебе о суде? — спросил Энан.
- Абабио.
- Значит, он приходил... Это суд ядовитой коры, — сказал Энан. — Подозреваемого заставляют выпить яд. Он умирает. Это доказывает, что он виновен.
- Разве яд не должен убить только виновного? — спросил Денсу.
- Про этот яд мало кто знает, но я кое с кем потолковал. Знающие люди говорят, что он всегда убивает того, кто пьет первым. А решили, что на суде первым пить будешь ты.
- Кто решил? — спросил Денсу.
- Абабио и Эсуман. Это Эсуман принес ядовитую кору. Еще он сказал, у него есть папшток, от которого человек во всем признается.
- Папшток истины?
- Вряд ли, — сказал Энан. — Должно быть, он просто тебя расслабляет и заставляет соглашаться со всем, что тебе говорят. Не ешь ничего, что тебе приносят. Я сделаю так, чтобы у тебя была еда и никаких напитков истины.
- Разве никто не видит, что Абабио лжет? — спросил Денсу.
- Люди ничего не знают, — сказал Энан. — Честно говоря, они не хотят знать. Все в растерянности, кроме Абабио. Он один объясняет им, что к чему, и они ему верят.
- Значит, я не смогу защитить себя.
- На суде — нет, — сказал Энан. — Суд устраивают для того, чтобы тебя убить. Ты должен бежать. Другого выхода нет.
- Сколько человек охраняет двор? — спросил Денсу.
- Отсюда бежать невозможно, — сказал Энан. — Двор охраняют три смены по десять стражников. Трое около хижины, остальные возле ворот. Отсюда не убежишь. Абабио объяснил им, что ты обязательно попытаешься бежать. У дальних стражников есть ружья. Он приказал им стрелять.

— И все же я попытаюсь, — сказал Денсу.

— Правильно, — согласился Энан. — Но не так, как ты предполагаешь. Абабио хочет от тебя именно этого. Он будет счастлив, если тебя застрелят. Он мечтает, чтобы ты попытался бежать отсюда. Дай мне срок. Я узнаю, каким образом собираются проводить суд. Я уже знаю где — на площади перед дворцовой оградой. По-моему, лучшее время для действий — время суда. — Он поднялся. — Мне пора. Дай мне срок, и все будет в порядке. — Он подошел к двери, вернулся и повторил: — Ничего не ешь. Старайся собраться с силами. Спи крепче!

В городе объявили, что суд назначен на третий день по поимке Денсу. Люди шепотом передавали друг другу пущенный Абабио слух, что подозреваемый в убийстве князя Аппии Денсу колдовством зачарует стражников и убежит без следа. Поэтому чем скорей суд, тем лучше — в шестой день недели.

3. СУД

Утром шестого дня главный барабанщик забил в барабаны. Он забил в самые большие и низкие мужские барабаны. Он бил в них медленно. Даже человек, совсем незнакомый с языком барабанов, понял бы, что главный барабанщик обращается к мертвым.

Он предупреждал мертвых предков, что среди живых ожидается смерть. Это будет смерть опасного человека, пролившего человеческую кровь и прервавшего человеческую жизнь. Барабаны предупреждали мертвых, что среди них произойдет рождение, рождение опасного человека, обреченного без любви бродить по стране мертвых.

Главный барабанщик стоял твердо, как лесное дерево, жилы на его руках напряглись, как лианы, пот обильно струился по его бокам. Пока он отбивал предупреждение мертвым, глашатай ходил по улицам Эсуано и обращался к живым.

Глашатай был горбун в одеянье война. Его приземистое плотное тело было увешано белыми, коричневыми и красными талисманами и амулетами. Гнусавый голос его взлетал высоко, в нем была необычная звонкая отчетливость, так что, даже когда он говорил скороговор-

кой, каждое слово было понятно. На каждом открытом месте, где зачем-либо собирались люди, он останавливался и выкрикивал обращение к живым:

Оставьте еду свою мухам,
Пусть солнце пьет вашу воду,
Вспомните мертвого князя,
Сильный, он умер зеленым,
Он не принес плода.
Князь наш умер до срока,
Сегодня умрет злодей.
Суд закончится смертью
Возле ворот дворца —
Оставьте еду свою мухам,
Пусть солнце пьет вашу воду!

Глашатай выкрикивал обращение к живым бесчисленное число раз. На шее его напряглись жилы, одна жила на лбу, казалось, готова была лопнуть. Глаза его были выпучены, как у задыхающейся лягушки. Во рту пересохло и полыхало. Но и после полудня он долго еще выкрикивал обращение к живым, и все в Эсуано его слышали.

За дворцовой оградой на медленном огне три дня вываривали ядовитую кору. В день суда, когда солнце зашло, огонь и кипящую воду перенесли на площадь перед дворцом. Костер развели пожарче. Вода с ядовитой корой яростно закипела, посылая волнистые испарения в темнеющий воздух.

Ночь пришла без луны и почти без звезд. Во тьме огонь под кипевшей корой образовывал напряженный круг света, неотразимо влекший к себе глаза зрителей. Четыре стражника с ружьями стояли вокруг костра. Обычно взлетающий к небу голос глашатая этой ночью сделался неопишимо тихим. Неясным полукругом напротив дворцовых ворот в ожидание стояла толпа. Ее явно угнетал груз предстоявшего.

Сверстники убитого князя еще не пришли, но для них возле костра было оставлено место. Денсу должен был прийти самым последним — из дворцовой ограды, под сильной охраной.

Глашатай возвестил собравшимся о предстоящем суде. Он почти шептал, словно вескость произносимых слов не давала возвысить голос. Но молчанье было глубокое, и слова в ночном воздухе легко долетали до всех. Глашатай сообщил, что предстоящий суд не новшество, что он принадлежит к древнейшим обычаям народа. По неясным причинам этот обычай вышел из употребления, и знание о смертельном напитке истины сделалось величайшей редкостью. Но недавно в Эсуано произошли необыкновенные события. Из-за них на необыкновенные вопросы пришлось искать необыкновенные ответы. В этих поисках мудрость власти вновь открыла древний обряд выявления злодея.

Глашатай сказал, что напиток истины пьют согласно строжайшим правилам. Первое правило: смертельный напиток истины по очереди пьют все сверстники убитого. Второе правило: если сверстников много, первым пьет тот, кто был главным соперником убитого — в любви, в поисках власти, в физической или умственной силе.

Глашатай закончил, и появились сверстники убитого князя. Они выстроились перед костром с кипящей жидкостью лицом к молчаливым зрителям. Ближе всех к огню стоял Джан. За ним — Сипи, заячья губа; низкорослый Антобам; Пату с большим животом; высокий красивый Энан, блики плясали на его выпуклом лбу; такой же высокий, мускулистый Ампя; гигант Бунтуи.

Эсуман, целитель, бежавший от трудной жизни целителей в восточном лесу ради легкой жизни в Эсуано, стоял у самого пламени. Он стоял у костра так, словно костер был его собственностью. Каждое движение его напоминало, что это он поставил ядовитую кору на огонь.

И одет Эсуман был не так просто, как подобает целителю. Складки широкого шелкового халата переливались всеми цветами при пляшущем свете костра. Эсуман был нетороплив — как тот, кто наконец воплотил в жизнь ускользавшую грезу души, так что голос его, сердце и все существо сполна вкушали сладость каждого мига. Он знал: все, что произойдет этой ночью, произойдет потому, что он властен сделать так, чтобы это произошло. Только он может определить, когда смертоносный напиток готов для суда. Только он может приказать служителям у костра, что и когда делать.

Пришли служители. Один с большой медной кастрюлей. Другой держал в правой руке жестяную кружку, а в левой — большую ложку. Третий принес тяжелый лоснящийся глиняный горшок. Он поставил его к огню и вздохнул с облегчением.

По распоряжению Эсумана первый служитель придвинул медную кастрюлю к пламени, и в нее налили воды. Глашатай пронзительным голосом объявил, что это чистая свежая вода прямо из реки-женщины. Эсуман велел второму служителю поставить жестяную кружку на воду в кастрюле. Блпки плясали на медной кастрюле, на воде, на плававшей белой жестяной кружке.

Эсуман приказал, и двое с толстыми тряпками вышли из-за его спины. Они сняли с костра котелок и приставили его к медной кастрюле. Эсуман взял у второго служителя ложку и стал наполнять чашку в медной кастрюле дымящейся жидкостью из котелка.

До этого жестяная кружка в медной кастрюле легко приплясывала на поверхности воды. С каждой ложкой кипящего яда тапец ее замедлялся. В конце концов кружка замерла в самой середине кастрюли. Пламя вольно пылало. Языки его по временам взлетали в воздух, темно-оранжевые у основания и голубые у острого тающего конца.

Эсуман подержал тыльную сторону левой ладони над кружкой, чтобы узнать, остыл ли папиток смерти. Папиток еще не остыл. Эсуман подошел к третьему стражнику и что-то сказал ему торжественным шепотом. Потом он вернулся к медной кастрюле и обмакнул в кружку левый мизинец. Жидкость больше не обжигала. Эсуман подзвал служителя с водой, вымыл руку и вытер ее полой халата.

Эсуман подошел к костру и поднял правую руку. Служитель подал ему ложку. Другой поднял тяжелый лоснящийся глиняный горшок, и Эсуман зачерпнул из него ложку растительного масла. Он протянул ложку над костром, тонкой струйкой вылил масло в огонь и сделал шаг назад. Пламя взметнулось, желтизна в нем взяла верх над всеми другими цветами. Оно постояло ярким столпом, задрожало и опустилось. В его свете празднично просверкал разноцветный халат Эсумана. Лицо Эсумана, казалось, само излучало яростный свет.

— Готово,— сказал Эсуман.— Итак, приступим.

Он сделал знак глашатаю. Из молчанья глашатай вернулся к речи. Он встал у костра и, закинув голову над горбом и уставясь в небо, снова напомнил зрителям о могуществе яда. Он назвал его напитком истины. Яд убьет виноватого, объявил он, и не причинит вреда невиновному. Он смерть для убийц, он простая вода для чистых сердец.

Глашатай напомнил о правиле, которое до сих пор забывали. Мужской член каждого испытываемого следует туго перевязать тонкой бечевкой — дабы злодей не исторг яд вместе с мочой и тем самым не посрамил правосудие.

Снова заговорили барабаны. Они выбивали множество ритмов. Каждый испытываемый, отведав напитка смерти, найдет свой ритм и в танце вернется к жизни или умрет.

Эсуман вылил в огонь еще одну ложку масла и при высоком пламени провозгласил:

— Пусть первый ровесник покойного князя подойдет и выпьет напиток истины! Если он невиновен в убийстве, он останется среди живых. Если он виноват, он умрет мучительной смертью убийцы. Его непогребенное тело будет брошено далеко от людских путей. Дикий зверь обойдет стороной ядовитого мертвеца. Стервятник улетит от него прочь. Пусть он подойдет сюда, первый ровесник князя!

Из дворцовой ограды к костру в середине площади вывели Денсу. Четыре стражника с ружьями образовывали вокруг него подобье живой коробки.

При свете костра Денсу выглядел совершенно спокойным. Он нисколько не напоминал растерянного, мятущегося человека, который знает, что попал в западню. Скорее, он походил на того, в ком после спокойного долгого сна пробуждается полная сила. В алых и золотых отблесках опадавшего пламени он выглядел безмятежным. Так может выглядеть только уверенный в том, что на свете нет западни, которая бы его удержала. Или, наоборот, осознавший, что он в западне и никакими стараниями не изменит своей участи.

Эсуман приказал, и два стражника вывернули за спину руки Денсу. Предосторожность казалась излишней, ибо испытываемый был явно далек от мыслей о сопротивлении. Он стоял недвижно, как неживой, когда первый служитель Эсумана встал перед ним на колени, отвел на-

бедренную повязку и туго, сверху вниз перевязал бечевкой его мужской член. Служитель вернулся на место, стражники выпустили руки Денсу и тоже стали на свои места.

Из дворца вышел человек. Он шел в полной тьме, пока на него не упал свет костра. Люди узпали Абабио. Абабио остановился перед Денсу. Между ними стояли стражники. Абабио молчал. Он вглядывался в лицо Денсу. Потом он опустил голову, закрыл ладонью глаза, выражая великую скорбь, и отвернулся от света.

Эсуман вновь подошел к костру. Снова первый служитель поднял горшок с маслом, а второй подал жрецу ложку. Эсуман зачерпнул ложку масла и поднял ее над огнем. Когда ложка оказалась на уровне глаз, он резко перевернул ее. На этот раз пламя взвилось яростно. Эсуман еще раз зачерпнул масла и вылил его в огонь, еще раз зачерпнул масла и вылил его в огонь. Пламя стояло высоко над головой Эсумана, жар заставил его отступить.

— Подайте напиток истины! — приказал он, и голос его содрогнулся от ненависти, которую он не сумел скрыть.

Второй служитель снял смертоносную кружку с середины медной кастрюли. Неспешные капли воды падали со дна чашки назад в кастрюлю. При яростном свете пламени они казались оранжевыми и золотыми, как бусы.

Служитель подал кружку Эсуману. Двумя вытянутыми руками жрец принял сосуд со смертоносным напитком. Он двинулся, как во сне, он шел, словно движимый бесконечно далеким богом, он прошел между двумя передними стражниками и остановился перед Денсу. Жестом благоговенья Эсуман протянул Денсу кружку с ядом.

Денсу взял кружку. Он глядел на нее, как зачарованный. Глядел, как прорицатель, который в святой воде ищет сокровытое от человеческих глаз.

— Пей! — раздался в ночи ясный, холодный, пронзительный голос Эсумана.

Денсу поднял голову и посмотрел туда, откуда донесся голос. И, держа кружку с ядом в руках, он пошел к Эсуману, словно голос ему приказал не пить, а идти.

Костер горел высоко и ярко, хотя пламя уже опадало. На ясно видимом лице Эсумана выразилось замешательство:

он явно не понимал, что означает непредвиденное поведение обреченного. Денсу подходил все ближе и ближе, он шагал уверенно, неторопливо. Когда он оказался в трех шагах от жреца, тот попытался, как заколдованный. Он пятился молча, пока не врезался в одного из стражников. Столкновение вернуло ему голос.

— Держите его! — закричал он.

Два задних стражника двинулись к Денсу. Двое передних вскинули ружья наизготовку. Кроме Денсу, Эсумана и четырех стражников, все стояли как вкопанные. Всех охватило чувство тревожного ожидания. Все замерло, кроме костра, перед которым двигались обреченный и его преследователи. Все затихло — ни звука, ни голоса.

И вдруг всеобщее оцепенение нарушил рыбок, резкий, неожиданный, ошеломляющий. Из ровесников мертвого князя к костру рванулся один, гибкий, высокий. Одним движением он схватил медную кастрюлю и опрокинул ее на огонь. Пламя злобно взревело и через миг погасло. От костра остался лишь звук — длинное шипение огня и воды, пожирающих друг друга.

Вода победила. Там, где был смертоносный круг пламени, воцарилась чернейшая тьма. Из тьмы вырывались безумные голоса:

— Ай, он меня убил!

— Мои глаза! Мои глаза!

— Помогите! Он меня убивает!

Над безумьем и путаницей голосов прозвучал приказ Эсумана:

— Застрелите его!

Раздался один громкий выстрел, потом другой.

— Мое ружье не стреляет, — закричал третий стражник.

Раздался еще один выстрел, и стражник, жаловавшийся на ружье, в ужасе завопил:

— А-а! Меня застрелили!

Вопль его пробудил дотоле безмолствовавшую толпу. Ропот изумления слился с нестройным движением множества ног и тел, и образовался всеобщий ужасный шум.

Взявшись за руки, чтобы не потеряться, друзья в полном мраке медленно пробирались сквозь растерянную толпу. Энан вел Денсу мимо дворцовой ограды, за город, в ночь. За городом они повернули налево и быстро про-

шли через открытое травяное поле в заросли на берегу Нсу-Бер.

— Пстой, надо развязать бечевку,— сказал Энан.

Только теперь Денсу почувствовал, что бечевка врезается в плоть.

— Да, так будет лучше,— сказал он.

Нагнувшись, он нащупал свободный хвостик бечевки. Через минуту легкий радостный вздох слетел с его губ. Он отбросил бечевку, и тут же в руках его оказалась тонкая длинная трубка.

— Ты обо всем подумал,— сказал он.

Далекий голос долетел до них из ночи. Слова были неразличимы, но друзья поняли смысл и поспешили к реке. Во тьме раздался другой голос. Один из первых преследователей кричал отстающим, отчетливо доносилось слово за словом:

— Огня сюда! Огня! К реке!

Облава началась. Голоса становились ближе, настойчивее. Их звуки мешались с торопливым топотом ног, пока наконец громкий топот не заглушил слова.

— Сюда! Я их вижу! — И ночь содрогнулась от ружейного залпа.

— Они стреляют не целясь,— сказал Денсу.

— Я ранен,— прошептал Энан.

— Куда? — Денсу коснулся шеи Энана, он решил, что Энан ранен в шею.

— В плечо,— ответил Энан.— Кажется, пустяки. Поцарапало. Боли нет. Быстрее. Они близко.

Друзья сбежали к реке и поплыли, неслышно и быстро. Они доплыли до середины прежде, чем первый преследователь с факелом оказался на берегу.

— Они уйдут на тот берег! — крикнул один преследователь.

— Далеко не уйдут,— ответил другой.— Я их только что видел.

Тяжелые тела у берега плюхались в воду.

— Ты взял трубку в рот? — спросил Энан.

— Да,— сказал Денсу.

Взяв Денсу за свободную руку, Энан потянул его за собой под воду. На глубине царили сплошная тьма и беззвучное движение. Денсу чувствовал, что перед ним плывет Энан, иногда ему даже казалось, что он чуть ли не видит друга. Но когда тот остановился, Денсу ткнулся в

него и не сразу понял, что произошло. Энан держался за корни на дне. Он поймал руку Денсу и зацепил ее за горбатый корень. Теперь они оба уверенно держались над самым дном.

Тихая темная вода вокруг них медленно уплотнялась, словно на нее давила огромная тяжесть. Ощущение тяжести очень скоро сменилось качкой, сначала легкой, убаюкивающей, потом резкой, тревожной. В воде послышался странный металлический грохот — казалось, тучи мелких речных камешков беспрестанно сыплются на железное лезвие мотыги.

Появился свет, тоже странный, рассеянный. Перемены в темной толще воды были почти неуловимы, полная слепота перемежалась со смутным зрением. Сам свет — темно-желтая расплывчатость — был не слишком близко, но и при нем Денсу увидел друга. То, что он увидал, заставило его похолодеть от тревоги...

Тело Энана плавало над речным дном. Энан ни за что не держался. Денсу видел, как он правой рукой попытался схватиться за корень, но рука не повиновалась. Тогда Энан стал медленно поворачиваться в воде, пока не встал на скользком дне во весь рост. Затем он завел правую ногу под корень, так что она прочно заклинилась между корнем и дном.

Тревога Денсу переросла в знание. Знание принесло страх и чувство вины. Он тоже переменял положение и зацепился левой ногой за горбатый корень. Он крепко стиснул бамбук зубами и отпустил руку. Трубка не шелохнулась. Обе руки были свободны. Он стянул с плеч рубаху и сложил середину ее наподобье подушки.

Он вытянул руку и дотронулся до плеча Энана. Рана была скользкая. Должно быть, из нее вытекло много крови. Денсу наложил рубаху подушкой на рану, стянул рукава под мышкой и обвязал ими предплечье. Узел он завязал как можно туже, но от страха перед тем, что может случиться, тело его холодело, а руки теряли силу.

Свет ушел. Вода еще волновалась, но много слабее. Шум уменьшался и вскоре пропал совсем. Денсу набрался терпенья. Ему хотелось всплыть на поверхность и осмотреться. Он опасался за Энана. Но он не был уверен, что исчезновение света и шума означают, что преследователи разошлись по домам. Поэтому он выжидал.

Прошло много времени, прежде чем свет возвратился. Он был бледный, болезненный, жуткий. Он приближался и становился все ярче. «Как близко он подойдет к нам на этот раз?» — подумал Денсу. Шум тоже вернулся, он был не такой, как вначале. Теперь звуки доносились куда реже, в ших не слышалось лихорадочной спешки. Свет сделался таким ярким, что Денсу сумел увидеть затуманенное водой лицо Энана. Одного взгляда хватило, чтобы вернулась надежда: глаза Энана были открыты.

Свет удалился. Сначала замерли звуки, потом в воде вновь утвердился мрак, и река потекла, как обычно, тихо и мирно. Дольше ждать Денсу не мог. Он коснулся лица Энана, убедился, что трубка на месте, высвободил из-под корня ногу Энана и осторожно и быстро поднялся с ним на поверхность. Ночь была еще очень темная, но поверхность реки уже была чуть светлее, чем дно.

Все время под водой Энан не выпускал изо рта бамбуковую трубку, но в тот миг, когда он вынырнул, трубка выпала и поплыла по течению. Денсу бросил свою трубку. Без нее было легче плыть и тащить за собой Энана. Он выплыл к правому берегу, перевел дух и вскарабкался на твердую землю. Он снял рубаху с раны Энана, выжал ее и растер досуха тело друга. Поблизости он различил тоненькую тропинку, тянущуюся к востоку. Он взвалил Энана на плечо и зашагал по тропинке.

Он шел размеренно, избегая резких движений, чтобы напрасно не тратить силы. В ночном воздухе похолодало, но от долгой ходьбы кожа его разогрелась. Он уставал не быстро — он вовсе не уставал, но через равные краткие промежутки времени он укладывал друга на мягкую траву и сам ложился с ним рядом. Закрыв глаза и дыша глубоко, он отдыхал всем телом и изо всех сил старался унять тревогу в душе.

С первым светом зари он узнал заброшенную тропинку. Он продолжил свой путь, часто передыхая, и каждый раз у хорошей воды пил сам и старался напоить друга. У первого источника Энан вылил несколько капель воды, но потом ни разу не размыкал губ. Когда опять наступила ночь, Денсу был недалеко от селенья целителей. Но усталость и голод, которых он не ощущал весь день, вдруг со звериной жестокостью павалились на него, и шаги его сделались медленными и мучительными.

Теперь, когда впереди было дружественное пристанище, ум его осаждали мысли, о которых доселе ему некогда было думать. Он думал о близости смерти, о несправедливости в мире, и чудовищная усталость одолела его, так что, ослабев, он мог только удивляться, откуда он целый день брал силы. Грусть охватывала его. Шагая, он жаждал знать, дышит ли еще его друг. Но на привалах, уложив его на траве, он не решался прислушаться.

Потом ему показалось, что он видит дом. Дом Дамфо. Но дом глумился над ним. Чем быстрее он шел к дому, тем дальше отодвигался дом. И вдруг дом исчез. Но Денсу было уже безразлично.

4. УТРАТА

Денсу не имел представления, сколько часов он спал. Он смутно подумал, что надо встать. Но когда он попробовал приподняться, боль пронзила левый висок и заставила снова лечь. Он огляделся. Он находился в доме. В глубине сознания что-то говорило ему, что он здесь уже был, но он не мог вспомнить когда. Было светло, но на улице. Света в дом проникало немного. Он подумал, что это уже не рассвет, скорее, раннее утро, ибо, как ни устало тело, свежесть утра наполняла легкие радостью. Он снова забылся.

Когда он проснулся снова, он был не один. Сверху на него глядело лицо. В глазах виднелась такая печаль, что первой мыслью Денсу было рвануться на помощь этим печальным глазам. Но стоявшая рядом с ним, не смотря на печаль, улыбнулась.

— Лежи, — сказала она.

Денсу хотел поднять руку и дотронуться до нее. Она поняла его и положила свою левую руку поверх его правой. Больше он не пытался подняться, только спросил:

— Где он?

— Твой друг? — К ее глазам подступили слезы, и она их не удержала. Ей не хватило сил на ответ, а Денсу был не в состоянии задавать другие вопросы.

Она принесла в корзине миски с едой и воду и молча сидела на постели, пока он тщетно пытался есть. Оставив еду, он вымыл руки и решил выйти наружу. Несколько шагов к двери показались ему восхождением на

гору. Колени дрожали, каждый сустав тела разламывался от боли. Он вернулся к постели.

Она принесла ему чашку из тыквы с горячей жидкостью.

— Лекарство? — спросил он.

Она кивнула.

— Отец говорит, оно тебе поможет.

— Ты знаешь, как оно действует?

— Знаю. Отец говорит, оно дает отдохнуть телу и уму. Оно делает так, чтобы человек не противился своему исцелению.

Он выпил лекарство. Через некоторое время он с облегчением почувствовал, как по телу распространяется успокоительное тепло.

В третий раз он проснулся в одиночестве. Аджоа рядом с ним не было. Он даже подумал, не видел ли он ее во сне? На улице был еще свет, но слабый, быстро смеркалось. Денсу закрыл глаза, но на этот раз не уснул. Кто-то чуть слышно вошел. Он подумал, что это Аджоа, но, открыв глаза, увидел Дамфо и сказал ему слово приветствия. Дамфо ответил, вышел и возвратился с корзиной. Он поставил ее у постели.

— Где Аджоа? — спросил Денсу.

Озабоченность в глазах Дамфо, казалось, мешала ему ответить.

— У нее дела, — наконец сказал он.

— Я спросил ее про Эмана...

— Денсу, тебе следует отдыхать, — сказал Дамфо.

— Я давно уже отдыхаю.

— Этого еще недостаточно.

— Но как там мой друг...

— Завтра, Денсу. — В дверях Дамфо напомнил: — Ешь как можно больше. И выпей лекарство. Так будет лучше.

Вновь лекарство погрузило его в теплый сон без сновидений. Теплота сохранялась в теле, когда он проснулся, но через какое-то время она сменилась ознобом. Денсу начало лихорадить, но и лихорадка быстро пропала.

Пришел Дамфо и спросил, в силах ли он немного пройтись.

— В силах, и более чем немного, — ответил Денсу. Дамфо улыбнулся.

Он повел Денсу вверх по маленькому ручейку. Поставив у истока, он пошел с Денсу назад, не сказав ни слова. Он молчал и в доме, пока Денсу не задал вопрос о том, что тревожило его ум:

— Что случилось с Энаном?

Он увидел в глазах Дамфо прежнюю озабоченность.

— Он потерял слишком много крови,— сказал целитель.

— Где он? — спросил Денсу.

Дамфо не отвечал. Он сидел, уставившись прямо перед собой в стену за постелью.

— У меня много дел,— сказал он и поднялся.— Как только освобожусь, я приду.

— Я пойду с вами,— сказал Денсу.

— Ты еще слишком слаб.

— Я чувствую себя достаточно сильным.

— Это обманчивое чувство. Так бывает. Оно в природе твоей болезни.

— Я хочу пойти с вами.— Денсу встал.

Дамфо больше не переубеждал его. Он позволил ему пройти весь путь до могилы, взять мотыгу и рыть с другого конца.

— Это не от самой раны,— сказал Дамфо, словно мысли его разговаривали друг с другом.— Он не мог умереть от такой раны.

— Нам пришлось отсиживаться под водой,— сказал Денсу.

Он рыл могилу и не чувствовал усталости. Он не чувствовал боли. Он не чувствовал жара солнца, он не чувствовал пота, струившегося по коже. Он не слышал ударов мотыги. Собственные руки, поднимавшие мотыгу за черенок, казались ему далекими. Он ощущал присутствие Дамфо, но Дамфо тоже находился где-то на отдаленье.

Денсу и Дамфо опустили тело Энана в вырытую могилу. Тело уже оцепенело, и его нельзя было усадить согласно обычаю. Денсу помог Дамфо засыпать могилу. Он не чувствовал ни единого укола боли. Он не принадлежал себе.

Дамфо внимательно смотрел на Денсу, но не пытался его удерживать. После похорон они вернулись домой, смыли с себя грязь и пот, и Дамфо проводил Денсу в постель.

Бесчувственность вдруг пропала. Утрата, которую он не чувствовал все утро, хлынула на него волной и закружила, беспомощного, в нескончаемом вихре боли. Все утро он не ощущал усталости, но, когда он коснулся постели, силы его оставили, и он знал, что ничто теперь не заставит его сделать один-единственный шаг. Ужасное отдаление, отделявшее его от мира, тоже исчезло. На него навалилась вся вселенная, холодная вселенная, в которой он не находил пристанища. В теле его был холод. Холодно было и в доме.

Сон не принес облегчения его измученному уму. Наоборот, бегство от бодрствования означало скольжение в бездну кошмаров. Волны реки захлестывали его и его друга. Друг тонул, хотя обеими руками держался за плечи Денсу. Он попытался поднять голову друга над водой, но вода обладала вязкой силой, против которой он был беспомощен. Руки друга соскользнули с его плеч. Течение подхватило друга и понесло, но не вниз, а вверх. Денсу рванулся за другом, но течение, уносившее друга вверх, потащило его вниз. Он знал, что, если ему удастся доплыть, он вытащит друга на берег. Но он был не в силах двигаться против течения. Он делал все движения пловца и оставался на месте. Река вокруг него становилась воздушной. Впереди же она оставалась водой, могущественной водой, уносившей друга.

Неожиданный прилив сил помог Денсу приблизиться к другу, почти дотронуться до него. Но другом владела река, и вытянутая рука Денсу с нившими от напряжения пальцами так ни разу и не прикоснулась к другу. Потом река под ним свернулась, и утекла прочь, и исчезла с глаз. Но они не упали на землю, а круто взлетели, ибо ветер был так же могуч, как река. Друг был уже выше самых высоких деревьев, и ветер его уносил все выше и дальше. Денсу тоже летел по воздуху, но куда медленней, так что потерял друга из виду, потом отыскал, потом потерял опять.

Снизу кто-то подал ему ружье. Денсу не думал, зачем ему дали ружье. Он взял его, прицелился в улетавшего друга и застрелил его. Хлынувшая из раны река понесла мертвое тело мимо множества людей в шафранных одеждах. Люди стояли по берегу в один ряд и молчали. Губы их были сомкнуты, но общий голос всех этих людей шел ту погребальную песню, которую плакальщица

пела на похоронах убитого князя Аппии. Только общий голос пел не всю песню, а снова и снова повторял ее первую мысль. Он становился громче и громче, и Денсу проснулся.

Постель его была мокрой от пота. Простыня на нем тоже была мокрая. Денсу ворочался, он искал место посуше и не находил.

На много дней он утратил разницу между днем и ночью. Он утратил разницу между вчера и сегодня. Еда превратилась в тяжелый труд, потом в пытку. Он отказался есть. Ни Дамфо, ни Аджоа не были в состоянии заставить или уговорить его делать то, что необходимо для выздоровления. Он просил только пить, и они давали ему не только воду, но также сок плодов и овощей и иногда слабый мясной отвар. Они оставляли рядом с ним ягоды и плоды — и уносили их через несколько дней испорченными.

Денсу утратил счет дням, когда ему в первый раз захотелось есть. Дамфо был в доме, он увидел, что Денсу, разжевав мандаринную дольку, не выплюнул ее с отвращением. Он очистил еще один мандарин и положил его перед Денсу.

— Какой день сегодня? — спросил Денсу.

— Второй день недели.

— Где Аджоа?

— Работает.

— Где?

— Поблизости.

— При вас ее здесь никогда не бывает.

— Верно.

— Почему это?

— Сколько у тебя сразу вопросов! — Дамфо рассмеялся.

Назавтра Аджоа принесла Денсу много плодов, и он был в состоянии их съесть. Еще через день, проснувшись, он увидел Дамфо. Умывшись, он принялся есть, но плоды показались ему горькими, и его вырвало.

— Ты долго боролся против своей жизни, — сказал Дамфо.

— В моей жизни ничего не осталось, — сказал Денсу.

— Ты так думаешь или так чувствуешь?

— Я ни в чем не нахожу смысла.

— Есть ли смысл в отказе от жизни? — спросил Дамфо.

— Он погиб потому...

— Ты, кажется, думаешь, что это ты погубил его, — сказал Дамфо.

— Он спасал меня. Поэтому он погиб.

— Верно. Но это не значит, что ты его погубил.

— Я был причиной его смерти.

— Ты сам помог бы ему, если бы он нуждался в твоей помощи?

— Он был моим другом.

— Он был твоим другом, — проговорил Дамфо. — Больше того, его душа глядела в ту же сторону, что и твоя. Его смерть — это несчастный случай. Винить себя тебе не в чем. Разве лучше будет, если вы оба умрете?

Денсу не отвечал, и Дамфо продолжил:

— Ты чувствуешь, что его смерть умалила тебя. Это естественно. Противоестественно то, что ты хочешь сам умереть. Этим ты никому не поможешь. Ни себе и, конечно же, ни ему.

— Я думаю о нем, и мне не хочется жить.

— Думай о нем. Но знай: если отчаянье победит тебя, значит, он напрасно отдал свою жизнь. Совсем напрасно.

Желанье жить возвращалось медленно. Вначале ум Денсу терзали мысли о правомерности разрушенья в жизни. Даже срыванье спелого плода представлялось ему ничем не оправдываемой жестокостью. Спелый, сам свалившийся плод много вкуснее. Мясо в горшке — откровенное убийство. Он постоянно помнил об этом, и существо его отвергало даже мясной отвар.

Со временем эти мысли начали забываться. Вернулся прежний вкус к еде, даже к мясу. И все же в жизни его была прежняя пустота. Одно приносило ему немедленную живую радость — присутствие Аджоа. Даже не просто радость — зов самой жизни, утверждавшей, что, несмотря ни на что, жить стоит.

Сначала Аджоа приходила к нему через день. Когда ему полегчало, она стала приходить реже, через два-три дня. Затем ее не было целую неделю.

— Где она? — спрашивал Денсу.

— Когда ты поправишься, я отведу тебя туда и покажу,— обещал Дамфо.

Денсу не получил ответа на свой вопрос, но Дамфо так улыбался ему, что он понимал, что за умолчаньем нет ничего зловещего. Любопытство его разгоралось. Дух его укреплялся. Силы возвращались.

Он начал передвигаться по дому. Потом вышел и обошел дом снаружи. Потом стал подолгу бродить в окрестном лесу. Все было ново в его глазах, оживавших от забытья. Вновь свежим утром прохладный воздух оставлял привкус чистой воды в гортани и легкие ненасытно впивали его сладость. Земля в лесу была под ногами твердая, упругая, приятная, нежная. Глаза радостно раскрывались навстречу солнечному свету. Кожа, мышцы и кости, изнуренные сменами потного жара и лихорадящего озноба, теперь радовались ровному утешительному теплу, которое струилось сквозь листву над мирными тропинками.

По этим лесным тропинкам Денсу заходил далеко. Зачарованный, он целыми днями бродил в той части леса, где целители сажали лечебные травы. Вновь будущее представлялось ему не только глумливой мыслью. Каждый день он избирал новое направление, и ногам его возвращалась былая радость ходьбы. Воспоминанья по-прежнему приносили боль. Мысль о гибели Этана по-прежнему наполняла его сознание печалью. Но была и разница: в свете дня виделась не только боль и отчаяние владело не каждой минутой.

Однажды он зашел дальше, чем обычно. Путь его пересекал ручей, за ручьем тропинка через несколько шагов поворачивала и скрывалась из виду. Денсу перешел ручей и свернул по тропинке. Он пошел бы по ней и дальше, но что-то вдруг привлекло его внимание, и он остановился.

Он стоял в окружении высоких, тонких юных деревьев, столпившихся у тропинки. Ни ветра не было, ни легчайшего ветерка, но одно деревцо в этой тиши словно бы шевелилось. Денсу взгляделся: дерево не шевелилось, оно было изогнуто. Это и привлекло взгляд Денсу, ибо все остальные деревья стояли прямые и неподвижные.

Денсу внимательно оглядел деревцо от макушки до надземного верха корней. Сначала он ничего не заметил. Он всмотрелся еще пристальней, на этот раз от корней до макушки. Почти до самого верха ничего не было вид-

но. Но за две ветки догнутой макушки он обнаружил тонкую линию. Оттуда свисала лиана, такая тонкая, что даже опытный глаз охотника мог бы ее не заметить. Денсу проследил ее путь к земле — она скрывалась в кустах у тропинки.

Денсу огляделся и поднял с земли обломок ствола, наполовину изъеденный термитами. Он бросил его о тропинку, чтобы стряхнуть термитов и землю, взял в правую руку. Он постучал деревяшкой по почве перед собой и осторожно шагнул. На третьем шагу деревяшка вырвалась и яростно стукнула его по запястью. Лиана взметнула ее к распрямлявшемуся деревцу; деревяшка взлетела, упала и залясала в воздухе на конце петли, поворачиваясь и дрожа, как нечто живое и раненое.

Денсу осмотрел тропинку. Ловушка была поставлена так искусно, что до того, как она сработала, он ничего не заметил бы перед собой, кроме земли и травы. Он взглянул дальше перед собой. Все на тропинке казалось достаточно обыкновенным. Но все выглядело достаточно обыкновенным, когда он почти что попал в ловушку. Он искал солнце — было пора возвращаться домой.

5. ЖЕНЩИНА

Дамфо не удивился, когда Денсу рассказал ему о ловушке. Денсу требовал объяснений: что за странный охотник избрал себе такое место для промысла?

— Это одна из многих ловушек, — ответил Дамфо. — Они расставлены неспроста. Если ты в силах ходить так далеко, ты сам узнаешь зачем. Мы пойдем туда завтра.

Несмотря на неопределенность обещанья, Денсу почувствовал неожиданный прилив сил. Ему казалось, что вот-вот осуществится такое, к чему он стремился уже давно. Большую часть ночи он провел в размышлениях. Заснул он за полночь, встал до рассвета, но ощущал себя выспавшимся и бодрым.

После завтрака Дамфо повел Денсу по вчерашней тропинке. Но ручей он не перешел, а двинулся по левому берегу до места, где ручей поворачивал влево. Там-то он и пошел вброд. Не отстававший ни на шаг Денсу обнаружил, что настоящего брода здесь не было, но ручей растекался широко и был мелкий.

На том берегу начиналась тропинка, словно продол-

жавшая течение свернувшего в сторону ручья. Вскоре они сошли с тропинки и двинулись без дороги в проходе между густыми кустами. Шагать стало непросто, но Дамфо устремлялся вперед с такой уверенностью, что трудность ходьбы более не тревожила Денсу. Он шел за Дамфо огромным подрагивающим полукружьем леса и неожиданно вышел на ярко освещенную поляну без кустов и деревьев, на которой росла только трава.

В дальнем конце поляны под пятью большими деревьями одум стояло три дома. Два, ближе к середине, выглядели обыкновенными домами, разве что были поменьше, чем простые дома. Третий был величинной в оба маленьких: большой, высокий, поднимавшийся над поляной на толстых сваях высотой в два человеческих роста.

Перед выходом на поляну Дамфо огляделся и поднял с земли две палки длиною и толщиной в детскую руку. В медленном сложном ритме он стал ударять палкой о палку. После пятого удара он остановился и вслушался. Он медленно прошел мимо домов на другую сторону поляны. Там он остановился и снова ударил палкой о палку. Теперь три раза. Он вернулся на прежнее место, один раз ударил палкой о палку и положил палки рядом с тропинкой.

В обращенной к ним стене дома на сваях открылась доселе невидная дверь. Из нее медленно до земли опустилась веревочная лестница. Денсу успел разглядеть, что лестницу опускала Аджоа. Дамфо кивком велел Денсу следовать за собой. Дамфо влез первым, подождал Денсу, втянул за ним лестницу и закрыл дверь. Чтобы привикнуть к тьме, Денсу десять вдохов держал глаза закрытыми.

Света внутри было мало, но достаточно, чтобы все видеть. Весь большой дом состоял из одной комнаты. Справа от входа к стене были приставлены два ружья. Слева лежал ягненок. Животное не пыталось встать, когда Денсу прошел рядом. Он не успел удивиться, ибо вниманье его привлекло нечто другое. В глубине дома была человеческая фигура.

Дамфо остановился посередине, Денсу тоже, Аджоа быстро пошла к фигуре у дальней стены. Денсу напрягал глаза, стараясь рассмотреть, кто это. Усилье принесло плод, узнавание облегчило его душу, счастливая весть быстрее погнала кровь по жилам. Бескрайняя радость

подтолкнула его. Изумленный, не в силах сдержать себя, он рванулся вперед и воскликнул в приливе детского неразумного счастья:

— Мена Араба Джесива!

Несмотря на самозабвенье восторга, что-то удержало его. Он остановился и вдруг ощутил себя одиноким. Радость испытывал он один, только он, и это казалось странным. Все вокруг него сохраняли безмолвие. Он оглянулся на Дамфо, поглядел на безгласного недвижимого ягненка у двери. Он вновь посмотрел перед собой и увидел Аджоа, не лицо ее, только голову, ибо она склонилась над той, кого Денсу узнал. Денсу смотрел и смотрел, стараясь отогнать от себя сознание ужасной ошибки. Он сделал шаг, другой, и огромный страх снова заставил его остановиться.

Нет, он не ошибся. У дальней степи действительно лежала Араба Джесива. Но теперь все на свете казалось ему странным, и он не мог понять, как она оказалась здесь. Молчанье в доме угнетало его — ужасающее, непонятное молчанье Арабы Джесивы, молчанье Аджоа и Дамфо. Даже молчанье ягненка. Почему он не заблел? Все вокруг было странно.

Денсу слышал свое тело. Каждый нерв в нем болел от усилий, словно только сегодня он выкарабкался из бездны опустошительной болезни. Он чувствовал себя невыразимо слабым. Но слабость в нем была не от сомнений, а от того, что он наконец разглядел. Он увидел такое знакомое лицо Арабы Джесивы. Он заглянул ей в глаза.

Он заглянул ей в глаза и в открытых глазах не увидел ни признака узнавания. Ни малейшего признака силы, ни единого признака жизни. Ничего. Если бы глаза ее были закрыты, он бы принял ее за мертвую — так глубока, так бездонна была ее неподвижность. Но глаза ее были открыты, открыты, они не смотрели, не видели, просто были открыты. Недавно полные сил, быстрых взглядов и жизни, теперь они обессилели, остановились и замерли, так что лицо ее с безвольно распахнутыми глазами было похоже на жуткую маску смерти.

Дамфо молчал. Аджоа не проронила ни слова. Денсу был не в состоянии раскрыть рот.

Араба Джесива лежала навзничь на низкой постели.

Сквозь покрывавшую ее простыню было видно, что руки и ноги ее неестественно грузные. Через мгновение Денсу понял, что они облеплены толстым панцирем глины и перевязаны плотной тканью. Что-то заставило его оглянуться на ягненка у двери. Его неподвижность была так же немислима, как неподвижность Арабы Джесивы. Больше того, все четыре его ноги были тоже в глиняном панцире.

Денсу услышал целителя. Дамфо говорил еле слышно. Но говорил, как всегда, легко, приветливо. Необычайны были его слова. Обращался он к Арабе Джесиве, старательно повторяя каждую мысль по нескольку раз. Он назвал свое имя, сказал, что он снова пришел проведать ее и узнать, как она себя чувствует. Он привел с собой друга, которого она хорошо знает и любит. Тут он слегка заколебался и повторил, что привел с собой друга, но не повторил, что она его знает и любит. Все, что он говорил, должно было утешить и приободрить Арабу Джесиву. Но глаза ее не подтвердили, что она его услышала.

Дамфо заверил Арабу Джесиву в неперменном выздоровлении. Он сказал ей, что сейчас она много лучше, чем в первые дни.

— Поглядите на ягненка, — повторял он. — Поглядите на ягненка. Он будет ходить — точно так же, как стала ходить курица. У ягненка кости крупные, ему надо больше времени, чтобы они срослись. Ягненок будет ходить так же легко, как и курица. И вы станете ходить так же легко, как ягненок. Не сомневайтесь.

Не было ни ответа, ни малейшего признака жизни.

Живая боль, пронзившая потрясенного Денсу, теперь замерла. Ее сменило оцепенение; все чувства его закрылись. Какое-то время в голове его не было ни одной мысли. Опустошенная, она не знала ни горя, ни радости, не воспринимала жизни. Мало-помалу к нему начали возвращаться мысли и чувства, и голова закружилась от враждовавших друг с другом порывов души.

Уверенность в том, что Араба Джесива жива, могла бы наполнить Денсу безумной радостью. Узнав об этом, он испытал естественный торжествующий прилив жизненных сил. Но невыносимость того, что он видел, лишила его надежды на торжество.

Ум его подвергался жестокому испытанию. Араба

Джесива была жива — но можно ли считать это жизнью? Чем такая ее жизнь отличалась от смерти? Вот ее тело, но что в нем содержится? Сознание? Почему же тогда ничто в ней: ни лицо, ни тело — не подает признаков жизни? Можно вынести мысль о том, что она изувечена. Сомнение Денсу шло дальше: уцелела ли в изувеченном теле живая душа?

Он напрягал ум, надеясь получить благоприятный ответ: да, в изувеченном теле есть жизнь, есть сознание. Но сама эта надежда лишь усиливала отчаяние. Допустим, несмотря на увечья, в Арабе Джесиве живет сознание — какая чудовищная мука для души, рожденной летать, в тяжком, болезненном, распростертом бессилье! Допустим, у нее есть сознание и свобода выбора. Быть может, она предпочла бы настоящую смерть столь нечеловеческому существованию?

Денсу пошатнулся от головокруженья, и резкая, дикая боль снова пронзила душу. В зыбких надеждах не было утешенья. Ясность мысли не возвращалась. Он видел ягненка у входа. Он видел Джесиву, Аджоа, Дамфо, но он не пытался, даже не думал пытаться заговорить с кем-то из них. Он ничего не понимал.

На обратном пути, шагая с Дамфо, он не знал, ни где он только что был, ни куда направляется. Они дошли до последнего ручья и на этот раз двинулись правым берегом вверх по течению к месту ловушек. Даже когда Дамфо резким движением бросил его на землю, разум Денсу не мог объяснить, от чего оградил его Дамфо. Просто-напросто он подчинился воле целителя и стоял на коленях, скрытый зарослями высокого тростника и прибрежным кустарником.

— Не шевелись.— Дамфо шепотом повторял приказание до тех пор, пока не уверился, что Денсу его понял.— Не зови меня. Я сейчас приду.

Дамфо пошел вперед, неслышно ступая по берегу. Он уже скрывался из виду, когда вдруг остановился. Оттуда некоторое время доносились звуки, смысла которых Денсу не понимал. Теперь они стали отчетливей. Эти звуки исходили от человека. Они переросли в крик. В голосе человека слышалось облегчение, но он был сдавлен, словно этого человека душили за горло.

— Перережь лиану! — прохрипел голос.

Очень тихий, отчетливый голос Дамфо спросил:

— Кто вы?

— Перережь лиану, освободи меня! — вновь прохрипел голос.

— Кто вы? — Дамфо спокойно повторил вопрос.

Огромный кокосовый лист мешал Денсу взглянуть туда, откуда доносились голоса. Интерес к пронесодящему в мире вернулся к нему, и, подавшись вперед, он стал осторожно тянуть огромный мясистый лист на себя, пока толстый слабый стебель не переломился.

Лист упал, в частом плетенье тростинок и листьев образовалось окно. Сквозь него Денсу видел почти всего Дамфо и лицо человека, висевшего головой вниз. Одна из ловушек сработала.

— Освободи же меня! — умолял висевший. В голосе его звучало отчаянье.

Дамфо не торопился.

— Скажите мне, кто вы. Откуда вы пришли?

— Из Эсуано.

— Как ваше имя?

— Акон.

— Зачем вы сюда пришли?

— Освободи же меня!

— Зачем вы сюда пришли? — повторил Дамфо.

— Я охотник.

— Вы странный охотник, — сказал Дамфо. — У вас нет ни ружья, ни даже ножа. Как вы охотитесь? Заклинаньями?

Несмотря на удущье, висевший расхохотался:

— Хе-хе-хе, я сказал тебе ложь.

— Скажите еще одну, — предложил Дамфо.

— Я скажу правду. Я искал человека, — проговорил висевший.

— Вероятно, родственника? Может быть, мать?

— Хе-хе-хе. Не мать, — ответил висевший. — Не смешите меня, хе-хе-хе. Когда так — хе-хе-хе — висишь, смеешься — хе-хе-хе, — очень больно. Перережь лиану!

— Я перережу лиану, — медленно, внятно проговорил Дамфо. — Но сначала вам придется сказать мне всю правду.

— Я сказал всю правду.

— Вы не из Эсуано, — возразил Дамфо.

— Ну, это верно. Родом я не оттуда. Но сегодня я пришел из Эсуано.

- Откуда вы родом?
- Из Огуаа. В наши дни это называется Береговой Мыс.
- Зачем вы пришли сюда? Возвращались в Береговой Мыс и потеряли дорогу?
- Хе-хе, я же сказал, что ищу человека.
- Родственника?
- Не родственника.
- Кого же?
- Убийцу.
- Убийцу? Что, этот убийца — ваш друг?
- Нет. На самом деле я ищу двух убийц. В Эсуано произошло убийство.
- Когда?
- Какое-то время назад. Убийцы бежали.
- Вы их знаете?
- Нет.
- Зачем тогда вы их ищете?
- Я не один. Объявлено вознаграждение.
- Я вам не верю,— сказал Дамфо.
- На этот раз я сказал всю правду.
- Как же с пустыми руками вы хотели поймать двух убийц?
- Не поймать — хе-хе-хе,— я не дурак. Просто узнать, где они прячутся. Их никто не может поймать.
- Что, они колдуны?
- Может быть, и колдуны. Я слышал, они очень сильные, хитрые, в общем, страшно опасные. Они же убийцы.
- И что же вы собираетесь делать, когда узнаете, где они прячутся?
- Это не моя забота. Большой человек хочет знать — и все.
- Что за большой человек? — спросил Дамфо.
- Человек по имени Абабио. Он хочет знать и платит за это деньги.
- Не поверю, что вы из-за денег рискуете жизнью в незнакомом лесу.
- Именно из-за денег. Друг, разве ты не знаешь? Деньги — это жизнь,— проговорил висевший.
- Что же, Абабио сам будет ловить убийц? — спросил Дамфо.
- Ну нет,— хихикнул висевший.— Самому ему незачем хвастаться смелостью, да и говорят, что он не дурак.

Он был на Береговом Мысе и получил тридцать ружей. Как только он узнает, где эти двое убийц, он пошлет за ними тридцать охотников.

— А кто сказал, что они должны быть здесь?

— Никто. Люди ищут во всех местах. Некоторые считают, что они умерли. Утонули. Но тел их никто не видел. Поэтому некоторые говорят, что они до сих пор живы.

— Здесь нет никаких убийц, — не терпящим возражений тоном сказал Дамфо. — Здесь все целители. Мы разводим здесь лечебные травы. Ловушки охраняют нас от воров. Если вы снова окажетесь здесь, никто не придет вам на выручку. Вы меня поняли?

— Понял, — сказал висевший.

Дамфо подошел к распрямившемуся деревцу и нагнул его, так что висевший коснулся земли.

— Развязывайтесь, — приказал он.

Пойманый долго не мог ослабить лиану и вылезти из петли. Так велика была его радость, что он забыл сказать спасибо освободителю. Он просто прыгнул в ручей, поскользнулся, упал, вскочил мокрый и исчез, скользя в кустарнике, как змея.

Все это произошло так быстро, что оставило у наблюдавшего Денсу неясное чувство нереальности. Все же виденного было достаточно, чтобы нарушить оцепенение, в котором он пребывал по уходе из дома на сваях, где находилось изувеченное, почти безжизненное тело Арабы Джесивы. Боль теперь то пронзала его острыми краткими уколами, то возвращала в бесчувственную пустоту. Весь путь назад он не мог говорить, не мог ни о чем думать. Даже когда Дамфо сказал, что они дома, он не мог понять, где он, и ему было все равно.

Есть он отказался, зато пил жадно и много. Затем последовало то, что трудно назвать сном, — съезжившееся неуправляемое сознание, в тесноте которого сталкивалось множество ужасных видений. Каждое из них в отдельности могло напугать, но, яростные, скученные, они уничтожали покой ума, а в конце концов и друг друга. В душе оставался не страх, но изнеможение.

Назавтра Денсу проснулся слабый, но умиротворенный. Дамфо принес ему еду и лекарства и сел рядом с постелью.

— Ешь побольше,— сказал он.— А то заболеешь снова.

— Я думал, что я поправился,— сказал Денсу.

— Ты поправился. Но неожиданности расслабляют твой дух.

— Я ничего не понимаю,— сказал Денсу.

— Времени впереди достаточно. Мы обо всем поговорим,— сказал Дамфо.— Когда ты к этому будешь готов.

— А сейчас?

— Если ты в состоянии.

— Она выздоровеет?

Дамфо нахмурился. С минуту казалось, глаза его ищут, где спрятаться, но через минуту Дамфо смотрел в глаза Денсу.

— Целитель никогда не расстается с надеждой,— сказал он.

— Но один ее вид способен убить любую надежду.

— Не убить надежду, нет,— поправил его Дамфо.— Ты не видел ее в тот день, когда я ее нашел.

— Где?

— Там, где убили князя Аппию. На старой тропе сюда из Эсуано.

— В тот день, когда убили князя?

Дамфо кивнул.

— Иногда я не сплю ночами. Не от отчаянья. Я думаю о том, чего мы не знаем,— о траве, целебный дух которой нам еще не открылся, о новом способе соединенья переломанной кости и многом, тому подобном. Эти мысли дают мне силу. Когда я встаю утром, сила меня подгоняет идти на поиски. Не всегда я нахожу что-нибудь новое, но иногда что-то все же мне удается. Утро того дня было удачное.

Я целый день раздумывал о растенье, которое видел вблизи Эсуано. Зеленый вьюнок с мелкими желто-белыми ягодами. У меня никогда не было времени изучить этот вьюнок, но однажды я видел, что ягоды его клевала птица. Поведенье птицы меня заинтересовало. Каждый раз, клюнув ягоду, она сосала сок, и вдруг взвивалась, как пламя, и уносилась, как ветер, с силой, необычайной для птицы. Я не мог понять, откуда взялась эта сила, из самой птицы или из сока ягоды.

Я забыл о вьюнке и о птице, пока однажды они мне не вспомнились. Мысль о них целый день не отпускала

меня. Мне было необходимо найти это растение. В тот же вечер я отправился в сторону Эсуано. Должно быть, я шел быстро, потому что еще до рассвета добрался до последнего брода перед Эсуано.

Утро обещало быть добрым. Воздух был живительно чист. В ожидание рассвета я бродил большими кругами, имея в виду с восходом солнца сузить их и выйти точно к месту, где рос вьюнок.

Мне было так хорошо, что я забыл, зачем я сюда пришел, и просто радовался, что я живу на земле в такую прекрасную ночь. Рассвет вернул меня к действительности. Я бросил ходить кругами и зашагал прямо туда, где когда-то видел вьюнок.

И тут я услышал вопль. Женский голос позвал на помощь так пронзительно и властно, что я не задумываясь побежал на голос. Он донесся издалека, почти оттуда, где я собирался искать вьюнок.

Я не сразу нашел ее. За воплем настала мертвая тишина, и мне было трудно придерживаться верного направления. Даже когда я вышел на место, я сначала не увидел никого. И та же мертвая тишина. Но что-то вдруг надо мной шевельнулось, и я увидел тело Аппии, висевшее вниз головой на высокой гуаве. Ты знаешь, что значат для меня Джесива и Аппия.

Я не пытался снять Аппию. Он был, без сомнения, мертв, хотя умер совсем недавно. Шея его была глубоко разрублена справа. Одной такой раны достаточно, чтобы убить. Кровь из нее продолжала сочиться каплями, загустевшая.

Больше я никого не видел. Но я же слышал голос женщины и теперь знал, что это был голос Арабы Джесивы. И все же ее нигде не было.

Под повешенным трупом я увидел следы — раздавленная трава, листья со сбитой росой, рубцы на земле. Это были следы борьбы. Кругом валялась еда, новые одежды, кое-какие украшения. Они выпали из корзины, по которой кто-то прошелся ногами.

Я пошел по следам. Там, где они кончались, я обнаружил Арабу Джесиву. Я не мог определить, жива она или мертва. Тыльная сторона ладони не ощутила ее дыхания. Лишь веки мои почувствовали, что она дышит. Это вселило в меня надежду.

Нигде я не мог найти следов нападавшего. Сначала я думал взвалить Джесиву на спину и отнести сюда. Но я побоялся, что нападавший может вернуться. Если бы он вернулся и не нашел Джесиву, он стал бы ее искать. И потом, он мог прийти не один. А я, если бы понес Джесиву, двигался бы слишком медленно. Поэтому я решил спрятать ее.

Место мне было знакомо. Я пришел туда не в первый и не в десятый раз. В огромных стволах одана я знал большие укромные дупла.

Я быстро нашел подходящее дерево. Внутри его была объемистая пустота, снаружи оно выглядело могучим и цельным. Вход в дупло порос частым кустарником, так что прохожий мог пройти мимо хоть тридцать раз и ничего не заметить. Туда я и решил спрятать Арабу Джесиву.

Открылось нечто, чего я был не в силах предвидеть. Когда я поднял ее, ее руки и ноги безвольно повисли. Кости в них были переломаны. От мысли, как ей должно быть больно, я сам испытывал страшную боль и лишь радовался тому, что она потеряла сознание.

Я вернулся как мог быстро. Я нуждался в помощи, во-первых, чтобы соорудить прочные носилки, к которым следует привязать несчастную, и, во-вторых, чтобы донести ее на носилках домой. Мне помогли Аджоа и двое бывших у нас целителей, Квао Твенебоа и Коджо Менса. Следующая ночь почти превратилась в утро, когда мы вынули ее из дупла и положили на носилки. На этот раз она пришла в сознание, но я дал ей лекарство, так что она проспала весь путь до селенья. Назавтра мы перенесли ее в дом на сваях, где ты ее видел. Это самое удобное место. Из двух домов поменьше один стоит над источником, в другом хранится еда и уголь.

— Она выздоровеет? — повторил Денсу свой безутешный вопрос.

— Мы сращиваем ей кости, — сказал Дамфо. — Они срастутся, хотя были переломаны во многих местах. На это уйдет время, но кости срастутся.

— Но дело не только в костях, — сказал Денсу.

— Да, — согласился Дамфо. — Дело в душе. Она видела, как был убит ее сын, она знает убийцу и ничего не может поделать, даже сказать...

— Вы говорите, когда вы увидели тело Аппи, оно висело вниз головой?

— Да, вниз головой. Ловушка захлестнула его правую ногу.

— Когда мы нашли его, он висел, подвешенный за запястья.

— Значит, кто-то связал его, когда он уже умер.

— А были глаза его вырезаны?

— Нет.

— А из предплечий были вырезаны полоски?

— Нет.

— А из икр?

— Когда я его увидел, у него была одна глубокая рана на шее, — ответил Дамфо. — Эта рана его и убила. Он истек кровью до смерти.

— А вещи — золотые украшения, платья, — вы оставили их на месте?

— Я до них не дотрагивался, — сказал Дамфо. Разве вы не нашли их, когда снимали с дерева тело Аппии?

Денсу покачал головой. Он слушал ответы Дамфо и невольно кивал головой в лад возраставшему пониманию. Вновь он слышал голос Абабио, суливший ему сладкую будущность, в которой власть имущие одарят его почестями и богатствами, и обративший посулы в угрозы, когда Денсу не поддался на уговоры. Он вспоминал суд, на котором напиток смерти был провозглашен напитком истины. Он подумал о бегстве от смерти, о друге, который его спас, о его гибели, о которой теперь надо забыть.

— Нам придется уйти отсюда раньше, чем мы собирались, — сообщил Дамфо. — Попавший в нашу ловушку дурак сказал, что он здесь не один. В поисках убийц люди Абабио скоро придут сюда.

— Куда мы пойдем? — спросил Денсу.

— В Прасо, — ответил Дамфо. — Там нас ждет работа.

— Вы решили помочь Асамоа Нкванте?

— Я решил тщательно изучить его болезнь.

— Возможно ли его вылечить?

— Хороший вопрос, — сказал Дамфо. — Ответа пока я не знаю. Но другие целители полагают, что я могу его вылечить и что это мой долг.

— Почему это ваш долг?

— На Асамоа Нкванту возлагают большие надежды. Некоторые считают, что он принесет народу новое и хорошее — как в прошлом новое и хорошее приносили люди вроде Окомфо Аноче.

— Вы тоже так полагаете?

— Я не знаю.— Дамфо задумался.— Именно это я собираюсь выяснить.

— Мне кажется, что вы сами стремитесь в Прасо.

— Это решение приняли все целители. Мы работаем сообща. Даже если я не согласен с решением всех, я повинуюсь. А с этим решением я совершенно согласен. Я просто не знаю, что из этого выйдет. Но я хочу посмотреть.

6. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СВЯЩЕННОЙ РЕКЕ

Дорожные сборы прошли быстро и гладко. Весь путь до Прасо приходилось плыть вверх по реке Пра. Лишь так можно было сохранить в глиняном панцире сраставшиеся руки и ноги Арабы Джесивы. Для пущей предосторожности плыть предстояло медленно. Узкие носилки из бамбуковых шестов входили на дно лодки. За несколько дней все было готово для путешествия. Отплыть назначалось на ночь, следовавшую за днем отдыха.

Звезды в небе светили, но ночь была достаточно темной. Двое пришлых целителей помогли Дамфо и Денсу доставить Арабу Джесиву к лодке. Больную наглухо привязали к носилкам, чтобы при спуске из дома на сваях она не могла соскользнуть. Носилки и все, что нужно в дороге, укрепили на дне лодки.

Аджоа поставила в лодку еду. Она и Денсу с веслами сели на носу лодки, в ногах Арабы Джесивы. Дамфо взял рулевой шест и сел на корме, у изголовья. Лодка быстро и плавно скользила по речке, пересекавшей восточный лес. Вскоре она достигла Нсу-Нин.

Показались и вскоре остались позади далекие мерцающие огоньки Эсуано. Нсу-Нин расширялась и ускоряла течение, за Эсуано она загибала налево, клокотала, встречаясь с Нсу-Бер, и дальше вольно текла до слиянья с великой Пра. Стоя на корме, Дамфо управлял лодкой. На носу Аджоа и Денсу работали веслами.

На широкой воде лодка перестала повиноваться. Течение Нсу-Нин вынесло ее на середину Пра. Водоворот погнал ее вверх по реке, повернул и направил вспять в кипящее устье Нсу-Нин. Лодка описала еще один круг, пока Дамфо удалось направить ее вверх по течению между серединой реки и левым берегом. Грести стало

труднее, зато солнце должно было вот-вот подняться, и тогда станет видно всю великую реку.

Дамфо избегал середины реки, где шест не доставал до дна, и вел лодку вдоль левого берега. Следуя за изгибом реки, лодка повернула направо. Течение у левого берега так ускорилося, что лодку нельзя было сдвинуть с места. Тогда Дамфо, балансируя, перевел лодку к правому берегу, где течение было слабее.

Теперь лодка плыла точно в сторону восходившего солнца. Нежное многоцветное утро, еще не ослепленное белым сиянием дня, глядело сквозь кроны деревьев левого берега. Вновь река отворачивалась от солнца и устремлялась на север, мимо маленькой речки, тщетно пытавшейся победить течение великой реки.

Лодка плыла вверх по полукруглой долине, огибающей приземистый холм на правом берегу, миновала три быстрые шумные реки, вливавшиеся в Пра, и тут Дамфо осторожно остановил лодку у левого берега. Впереди вид реки резко менялся. Коричневый полог воды покрывался оспинами, превращался в кипящее кружево и в некоторых местах посылал навстречу растущему утру фонтаны брызг.

— Скалы,— сказал Дамфо.— Нам придется выйти на берег и перенести лодку. Переход тут короткий.

Много времени ушло на то, чтобы вытащить лодку на берег, вынуть и перенести Арабу Джесиву, в то время как Аджо переносила вещи из лодки, вернуться за лодкой и спустить ее на воду выше порогов.

Левая сторона реки за порогами была мелкая с каменистым дном, но следующий приток углублял русло. Дамфо снова повел лодку вверх, придерживаясь левого берега. Много речек вливалось в Пра, все бурные — справа. Впереди опять показались пена и брызги, но на этот раз они означали не скалы, а остров. Мирный проход был у правого берега. Денсу уверенно повел по нему лодку. За гребнем первого острова тянулся второй, поменьше. Дамфо избрал узкий пролив между ними, проходивший под темным, прохладным сводом листвы. Большой остров остался слева: лодка вернулась к левому берегу, миновала еще два острова, маленький островок и пару прильнувших друг к другу островов-близнецов. После двух маленьких островов путь впереди был свободный.

Лодка медленно двигалась против течения — вверх, направо, пока солнце не стало слепить глаза, снова влево и вверх, оставив солнце по правому борту. Уже припекало. Аджоа соорудила навес над Арабой Джесивой. Еще один поворот вправо, и солнце было над головой. У высокого левого берега деревья роняли на воду тень, но усталые путешественники не могли ей воспользоваться: течение там было слишком быстрое, а путешествие их едва начиналось.

Дамфо окидывал взглядом берега, мимо которых они плыли, и говорил названия всех знакомых мест. За поворотом из реки поднялся новый остров. За ним слышался шум бурлящей воды. Лодку снова вытащили на левый берег, ибо бешеное течение не позволяло высадиться на правый.

— Здесь мы и передохнем, — решил Дамфо.

За порогами лодку спустили в воду в тени огромного дерева и привязали ее к стволу. Сами путники расположились на зеленой лужайке. Аджоа налила Арабе Джесиве жидкой еды. Как всегда, она съела самую малость. Остальные трое поели и напились воды из реки. Они отдыхали столько, сколько надо, чтобы еда улеглась, и вновь поплыли против течения. Вновь острова-близнецы, потом созвездье мелких, окружавших один большой. Жара делалась нестерпимой. Под навесом лицо Джесивы обливалось потом.

Плавающий ствол дерева вылетел из-за поворота так стремительно, что у них не было времени избежать столкновения. Лодка содрогнулась, ее развернуло влево, но течи, к счастью, не образовалось. Ствол унесся вниз по реке. Дамфо попытался направить лодку к правому берегу, но там течение было чрезмерно быстрое. Он повернул лодку влево, и вскоре она достигла новой цепи скал, протянувшейся от островка к правому берегу. За поворотом река опять шумела и пенилась у порогов.

— Лодку снова придется нести, — сказал Дамфо.

Они перенесли лодку через вдававшийся глубоко в реку мыс и в удобном месте за порогами спустили ее на воду. Напротив них над рекой нависал утес. Они перестали считать оставшиеся позади острова. Река извивалась и петляла, и после полудня солнце уставилось им в спины. Сначала тепло его было приятно, но, так как в этом месте русло реки долго, без поворотов тянулось с запада на

восток, солнечный жар скоро стал мученьем. Пот обильно струился по пояснице Денсу, шея сзади пылала.

Лодка свернула влево, жар и блеск дня резко сменились полумраком в воде и прохладой в воздухе, ибо росшие по берегам деревья сомкнулись кронами над рекой.

К вечеру посвежело. На носу лодки Аджоа и Денсу работали веслами так увлеченно, что Дамфо спросил, не свежий ли воздух прибавил им сил.

— Нам предстоит провести в пути целую неделю, — сказал он. — Зачем торопиться и изнурять себя?

Весла теперь опускались в воду размеренней, так что движение лодки стало едва различимым. Однажды она чуть не ткнулась в землю. Рой москитов набросился на путешественников и терзал их, пока Дамфо не попросил прибавить ходу, чтобы ветер согнал трепещущих насекомых.

Пришла ночь. Аджоа предложила спать по очереди: один гребет, другой правит, третий спит в лодке рядом с Арабой Джесивой. Она заботливо укрыла одеялом Арабу Джесиву и улеглась сама. Вскоре в ночной тиши слышалось ее ровное, спокойное, глубокое дыхание.

За несколько часов ни Дамфо, ни Денсу не проронили ни слова; ничто не нарушало речного затишья. Проснувшаяся Аджоа спросила, кого сменить. Денсу остался у весла, Дамфо лег спать. Аджоа правила лодкой. Когда Дамфо проснулся, Денсу занял его место. Долгожданный сон пришел к нему до восхода солнца.

Дождь не собрался ни разу. Восемь дней лодка упорно плыла на север против течения Пра. Путешествие было медленное, река мирная и спокойная. Когда им приходилось переносить лодку и изуродованную Арабу Джесиву мимо скал и порогов, они смотрели на свой тяжкий труд как на смену впечатлений после убаюкивавшего одиознообразья пути по речной глади. На восьмой день к вечеру лодка плыла к последнему повороту реки на восток.

— Последнее селенье на левом берегу — это Ависам. Нам осталось проплыть мимо последнего ряда скал.

Эти скалы оставляли проток у левого берега, так что переносить лодку не пришлось. Аджоа называла селенья, мимо которых они проплывали: Кошиа, Хвидиэм, Домеаб-

ра, Бреманг, Ньяме Бечере, оба Прасо — Ассен-Прасо на левом берегу, Адансе-Прасо на правом.

Чуть выше Прасо из-за холма в Пра втекала речка. Стоя на корме, Дамфо направил лодку по этой речке, которая на небольшом удаленье от великой реки превращалась в широкое озеро с песчаным берегом у подножья холма. Дамфо последним сильным движеньем плавно вывел лодку на берег. Вместе с Денсу он поднял носилки с Арабой Джесивой и зашагал по тропинке на холм. Аджоа с узлом обогнала их у поворота и первой пошла вверх по круто забиравшей вверх тропинке. За поворотом тропинка выпрямилась, и перед глазами открылась поляна на склоне холма, на который кругом, лицом к середине стояли семь домов.

Аджоа остановилась у третьего дома справа. Она опустила узел, открыла дверь и остановилась, оглядываясь на другие дома. Дамфо и Денсу опустили у двери носилки с Арабой Джесивой и вошли в дом. Внутри была темнота и такой свежий воздух, словно кто-то недавно нарочно проветривал помещенье.

По сторонам большой комнаты находились постели, всего две.

— Нам не хватит постелей, — сказал Денсу.

— Джесива и Аджоа будут жить в другом месте, — сказал Дамфо.

Денсу хотел спросить, где именно, но разговор их прервало восторженное восклицанье за дверью. Кто-то быстрый, как ветер, ворвался в дом и чуть не свалил с ног Дамфо.

— Ах, Дамфо, — раздался голос ветра, — как давно я тебя не видела! Добро пожаловать к нам.

В вечернем сумраке лицо влетевшей, как ветер, женщины было едва различимо, но сама она была маленькой, крепкой. Грудь ее чопорно прикрывала полоска простой ткани, и, хотя голос ее говорил, что она в летах, движенья ее были стремительны, как у девушки. Аджоа вошла вслед за ней и остановилась в дверях.

— Обними меня, брат мой, — воскликнула женщина, — обними меня крепче! Хорошо, что ты к нам пришел. Я боялась, что ты не захочешь.

— Послушай, Нианеба, — сказал Дамфо, — каждый раз, когда я сюда прихожу, ты все сильнее и сильнее,

— А Аджоа уже взрослая женщина. — Нианеба повернулась к девушке. — Подойди поближе, дай я на тебя погляжу. — Аджоа приблизилась. Старуха взглянула на нее и покачала головой: — Глаза мои стали плохо видеть.

— Глаза твои не виноваты, — сказал Дамфо. — Просто уже стемнело.

— Я не знаю этого юношу, — заявила Нианеба. — Кто он?

— Его зовут Денсу, — сказала Аджоа.

— Аджоа, в твоём голосе я слышу улыбку, — сказала Нианеба.

Не найдя ответа, Аджоа выбежала наружу, чтобы скрыть смех.

— Вижу, в какую сторону клонится дождик, — сказала Нианеба. — Денсу, откуда ты родом?

— Из Эсуано, — ответил Денсу.

— Это сын Маананы и Кваме Ансы, — объяснил Дамфо.

Нианеба с трудом сдержала волнение. Она помолчала и потом, словно не доверяя своему голосу, позвала Денсу:

— Подойди, сядь рядом со мной.

Она села на правую постель, и Денсу сел рядом.

— Он пришел сюда, чтобы стать целителем? — спросила она.

— Он давно хочет стать целителем, — ответил Дамфо.

— Да. — Голос ее задрожал. — Иногда этот мир слишком добрый. Сын Маананы и Кваме Ансы — и он хочет стать целителем.

В ее словах Денсу услышал грусть по тому, что могло бы произойти, но не произошло. Что это было, Денсу не знал.

— Твенебоа и Менса здесь? — спросил Дамфо.

— Они отправились в Кумасе за Асамоа Нквантой. Они могут вернуться в любой день. Я думала, что они придут раньше тебя.

Старуха начала расспрашивать Дамфо о новостях в Эсуано, но спохватилась:

— До чего же я стала старая — гостям с дороги не подаю воды и еды! — Она выбежала из дома, крича: — Аджоа! Аджоа, дитя мое!

Арабу Джесиву перенесли в дом Нианебы. Там ее покормили и напоили успокоительным, чтобы легче заснула.

Нианеба дала Дамфо и Денсу теплой воды для мытья и после ужина проводила их и пожелала спокойной ночи.

Весь следующий день они отдыхали от путешествия. За восемь дней непрерывных трудов их кости и мышцы болели и ныли, и Нианеба ухаживала за ними, как мать за детьми. Второй день тоже был днем усталости. Но на третий день каждый себя ощутил обновленным и сильным.

Денсу пошел с Нианебой на верх холма. Там надо было перекопать поле, и Денсу кончил работу быстро, когда утро еще не прогрелось. Он уселся на голом камне над западным склоном и оглядел дали.

Лесная зелень под ним покрывала землю нескончаемой нежностью. У подножья холма в зелень вплеталась широкая лента реки. Река текла почти по прямой линии до обоих Прасо и примерно на таком же расстоянии за ними исчезала под вечнозеленым покровом лесов. Далеко-далеко налево редкие блестящие показывали, что река где-то там продолжает свой путь на юг.

Нианеба ушла домой, Денсу не думал сходить с камня. Он был переполнен покоем далее и не сознавал ничего, кроме великой красоты неба, зеленой листвы и светлой реки,— и вдруг что-то холодное и чужое коснулось его правого уха. Он вздрогнул.

— Ты уснул для мира,— сказала Аджоа. Она стояла сзади него с влажной травинкой в руке.

— Ты здесь давно? — спросил он.

— Вечность. Только ты меня не замечал.

— Ты все время была за моей спиной.

— Я хотела узнать...

— Что узнать?

— Говорят, что, если человек по-настоящему тебя любит, он чувствует твое присутствие, даже когда не видит.

— Ты не хочешь сесть рядом со мной? — спросил Денсу.

— А ты мне позволишь? — спросила она.

— Ты всегда от меня убегала. Помнишь?

— Это было давно,— сказала она.

— Я тогда посадил для тебя плод гуавы, и знаешь, из него ничего не выросло.

— Это верный знак,— сказала она.

— Знак чего?

— Того, что ты меня и тогда по-настоящему не любил.

Помолчав, он спросил:

— А какой знак настоящей любви?

— Его добыть непросто,— сказала она.— Влюбленный должен отправиться в царство мертвых и трижды сразиться с тремя чудовищами. Если он останется жив и вернется, он должен принести своей милой хвосты трех чудовищ. Это знак настоящей любви.

— Ужасно,— сказал он и снова взглянул на реку. Аджоа опять поспешила травинку и пощекотала ему шею. Он попытался поймать ее, но она успела отдернуть руку. Он вскочил и увидел, что она от него убегает.

Она бежала быстро и радостно, но он бежал много быстрее, и, когда он догнал ее за гребнем холма, восторг его не имел границ. Она сбегала по склону, и травянистая тропинка вдруг завернула чересчур резко. Аджоа чуть не упала на траву, но преследователь обхватил ее и, оказавшись под ней, смягчил для нее паденье.

Больше она не пыталась бежать. Она не сопротивлялась. Она лишь попыталась лечь рядом на траву. Она ничего не сказала, но он ее понял.

— Ты для меня не тяжесть,— сказал он, сжимая ее все крепче. Он лежал под ней и глядел ей в лицо, прекрасное на фоне синего неба, больше он не хотел бороться с желаньем.

Она не сопротивлялась. Он коснулся ее подбородка, шеи. Он провел пальцем между ключицей и шеей. Затем рука его скользнула вниз до соска. Сосок был тверд от нескрываемого желанья. Словно так уже происходило множество раз, она сняла бусы, сбросила платье. Но она не могла дотронуться до него, даже взглянуть на него.

Он повернул ее на бок, затем положил на спину. Ее платье лежало под ними, к мягкой траве прибавилась мягкость ткани. Он стянул свой халат и укрыл им их обоих.

Снова он посмотрел на нее. Глаза ее были закрыты, жилка на лбу напряглась так, что он почти видел ее биенье. Он проник в нее и обнаружил, что она не открыта. Он заколебался. Но на лице ее он увидел не страх, а решимость преодолеть страх, и он ответил желаньем ее желанью. Слезы брызнули из ее глаз, но ни стон, ни

вдох не выдали боли и не омрачили радость. Когда пришло время расстаться, она отпустила его неохотно.

— Больно только теперь,— улыбнулась она сквозь слезы.

ЧАСТЬ V

1. ВОСПОМИНАНИЯ

Река, лес и небо с непобедимой силой влекли Денсу на вершину холма. Он спрашивал Нианебу, не падо ли что-нибудь сделать в поле, но делать там было нечего.

— Денсу,— втолковывала Нианеба,— зверь, который не отдыхает, делается таким несчастным и злобным, что приносит с собой разрушенье. Человек работает, когда есть работа. Человек отдыхает, когда приходит время для отдыха.

Больше Денсу не приставал к Нианебе с работой. Почти каждый день он взбирался на холм и сидел на теплом камне, глядя на реку внизу, на лес над рекой, на небо над рекой и лесом. Река отсюда казалась узкой и неподвижной. Он видел ее на таком удаленье, что требовалось время и усилие мысли, чтобы в сознание она становилась живой и подвижной, а не мертвой блестящей лентой.

Итак, глаза его различали лишь неподвижность, не ум сознавал движенье реки. Движенье это, начавшись, не прекращалось. Оно продолжалось теченьем мысли, удивившей его из настоящего в такую глубь прошлого, что память пугала его.

Некоторые воспоминанья он был не в силах понять. Например, он помнил великое счастье в том времени, о котором не помнил решительно ничего, кроме ощущенья счастья. Чувство возвращало его к поре, когда он был беспомощен, но ничего не боялся, ибо рядом всегда находился кто-то, чье присутствие ограждало от незнакомых людей. Он рассказывал людям об этом ощущенье и всегда всех удивлял. Они втолковывали ему, что такого быть не могло, что отец его умер прежде, чем Денсу родился, а мать умерла при родах. И все же ощущенье счастья было важной частью воспоминаний, и сила этого ощущенья заставляла верить воспоминаньям, а не тому, что видели

и говорили другие. Подрастая, он мечтал, иногда мучительно, иногда с нетерпением, чтобы к нему возвратилось то время и то ощущение.

Жизнь очень часто доказывала ему, что спасительное присутствие, ощущение собственной целостности и защищенности невозможны в мире, окружавшем его вопрошающий ум. В Эсуано он видел разных людей, он начинал яснее понимать жизнь, но большая часть людей и большая часть жизни уводили его сознание вдаль от покоя, к которому он стремился.

Другое воспоминание: когда ему было двенадцать лет, произошло небывалое. В Эсуано появился белый человек. Люди удивились, узнав, что он не чиновник с Берегового Мыса. Еще больше они удивились, когда он сказал, что был на побережье торговцем и устал от торговли. Он сказал, что ищет покоя. Люди его сторонились. Его боялись — и не без оснований. Он жил так, словно был в смертельной ссоре с водой. Он не любил есть. Единственным его средством к существованию была выпивка. Когда он испытывал голод, он, словно заигравшееся дитя, срывал какой-нибудь плод — и все.

Денсу ходил к нему и смотрел, как он живет. Он ходил к нему и тогда, когда остальные ребята разбежались от страха. В один прекрасный день странный белый человек перестал кричать пьяные песни и, ткнув себя пальцем в грудь, громко выговорил:

— Коллинс! — Он несколько раз повторил это имя, каждый раз тыча пальцем себе в грудь.

Когда он остановился, Денсу приложил палец к своей груди и ответил:

— Денсу.

Белый человек радостно расхохотался. Казалось, он невероятно гордится собой из-за того, что Денсу его понял, гордится так, будто это он научил Денсу говорить. Он начал игру в слова, говоря Денсу слова английские и узнавая от него аканские.

Игра на равных продолжалась менее месяца. В каждую свободную минуту Денсу забегал к Коллинсу. Его прельщала мысль выучиться языку белого человека, и он не жалел сил и времени. Коллинс учил с радостью. Казалось, он ждет не дожидается, когда пытливый мальчик придет к нему поговорить. Но Коллинс перестал спрашивать у него аканские названия вещей. Если Денсу был увле-

ченный ученик, Коллинс был не менее увлеченный учитель. Его желто-красное лицо засияло от восторга, когда наконец Денсу заговорил с ним на его родном языке. Одиноким белым больше не делал вида, что хочет учить аканский язык. Он был счастлив уже тем, что ему теперь есть с кем поговорить, а в часы полной трезвости он обучил Денсу чтению и письму.

Денсу спросил его, отчего он покинул Береговой Мыс и поселился в Эсуано. Ответ белого показался ему не совсем понятным. Ясно было одно: при упоминанье Берегового Мыса белый человек приходил в исступленье. Позднее Денсу как-то спросил его, отчего тот не вернется домой. От этого вопроса пьяный белый человек разрыдался. Больше Денсу не задавал ему подобных вопросов. В первые свои месяцы в Эсуано белый человек Коллинс продал немного, что у него было, немногим, кто мог купить. Через три месяца купля-продажа кончилась. Знающие люди предсказывали, что так он протянет еще две-три недели. Им пришлось испытать замешательство и взять предсказанья назад, ибо, несмотря на пьянство и недоеданье, белый человек оставался шумно живым.

Коллинс прожил в Эсуано два года. Умер он не от пьянства и недоеданья. Он умер в ту неделю, когда в Эсуано появился еще один белый человек, священник по имени Уорнер. Большую часть первой недели в Эсуано священник Уорнер, грузный краснолицый белый, жил во дворце гостем Абабио. На пятый день он отправился к Коллинсу, и прохожие слышали, что они громко о чем-то проговорили весь вечер. Весь следующий день священник провел с Абабио во дворце. Что до Коллинса, в тот день его не видели и не слышали. Денсу пошел проведать его, но дверь оказалась закрыта, а окна занавешены. Из дома не доносилось ни звука, и Денсу ушел.

Он нашел тело Коллинса на другой день. Его странный белый приятель не имел обыкновенья сидеть дома. Денсу позвал его через дверь. Никто не ответил. Денсу коснулся двери, и дверь открылась. Он увидел на стуле тело, переломленное пополам. При свете из двери он увидел, что у его приятеля осталась лишь правая половина лица. Между телом и дверью валялся длинный пистолет.

Новый белый, священник Уорнер, удивил всех, вселившись в дом Коллинса сразу после похорон. Абабио прислал к нему Денсу, и священник сказал, что хочет

учиться аканскому языку. Священник не нравился Денсу, но он согласился, чтобы таким путем продолжить свое обучение английскому. Его огорчала гибель его белого приятеля, но стоило заговорить о ней со священником, как всегда раздавался один и тот же резкий, жестокий ответ:

— Так ему и надо!

Денсу учил белого священника три месяца, а потом стал всячески избегать его. У священника была книга историй, которые он хотел перевести на аканский язык. Денсу прочел эти истории, но, когда он сказал белому священнику, что истории ему очень понравились, священник пришел в ярость.

— Это не истории! — закричал он. — Библия — это истина!

Очень скоро Денсу понял, что белый священник видит в нем не учителя языка, но слугу, чей долг, во-первых, перевести библейские истории на аканский, а во-вторых, убедить всех, что эти истории — истина. Однажды он прямо сказал, что Денсу обязан служить ему до конца жизни.

После этого Денсу перестал ходить к белому священнику. Абабио пытался заставить его, но он наотрез отказался. В поведении белого священника было что-то сильно напоминавшее то, что он не любил в Абабио, и он стал избегать и того и другого и все чаще искал разговоров с Арабой Джесивой.

Были и добрые воспоминанья, но даже от них становилось грустно. Воспоминанья о верном, шаловливом и всегда немного загадочном друге Энане, ушедшем навеки, переполняли душу его таким горьким раскаяньем, что ум избегал их. Воспоминанья о днях с Арабой Джесивой и князем Аппией вызывали ускользавшее ощущение радости, резко сменявшееся безнадежностью горькой правды.

Он снова поверил в будущее. Близость Аджоа, ее полное приятие его души извлекали ум из смертоносного прошлого. И рядом был Дамфо. Дамфо, всегда открывавший свой ум тому будущему, которое ждет за пределами жизни отдельных людей и даже жизни отдельных племен и народов. Этот уверенный взгляд в отдаленное будущее ужасал, но, если поглубже вдуматься, ужас от своего бессилья уступал сознанию, что, исполняя свой долг, человек

расчищает путь поколениям, которые соединят воедино всех черных людей и унаследуют их могущество.

И рядом была Нианеба, которую он знал мало, но ее присутствие всегда придавало силу и уверенность в призванье целителя. Она научила его не бояться отдыха, и, послушав ее совета, он сидел на вершине холма, иногда один, иногда вместе с Аджоа, и снова и снова всматривался в течение своей жизни и приближался к его осознанию.

2. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Однажды утром первого дня недели Денсу пришел к своему любимому камню. Речная даль поглотила его мысли, он не ощущал бегущего времени. Краем глаза он заметил движение на реке, но ум его был далек, и движение исчезло. Затем он услышал звук — этот звук не мог пройти мимо сознания. Такой звук пробудил бы от векового сна тела предков. Ужасный вопль, невозможно громкий и долгий, вопль жертвы, которая сознает, что надежды нет. Принесенный из-за реки ласковым ветерком жуткий звук погубил покой утра.

Возвращенный к действительности самой силой звука, Денсу замер и вслушался. Сначала он не понимал, из какой части леса на другом берегу долетел крик, ибо он так заполнил все небо, что, доселе недвижимый, воздух содрогнулся и зазвенел.

Первый крик замер, но сразу раздался второй, еще более долгий и отчаянный вопль. Несомненно, кричал другой человек. Вопль его тоже свидетельствовал об утрате надежды. Денсу слышал новые звуки. Самые громкие были вопли отчаянья, но из-за реки доносились также иные звуки, шум возбужденной толпы, пробиравшейся к берегу. Первыми на виду оказались жертвы.

Жертвы вышли к реке прямо против Денсу. Даже на таком расстоянии Денсу видел, что у них не только связаны руки, но на шее у каждого висит по тяжелому камню. За жертвами следовала небольшая толпа, возглавляемая тремя жрецами в белом, с белой глиной смерти на лицах. Мальчики несли на головах барабаны, и два барабанщика выбивали на них медленный смертный призыв к духам священной реки Пра. Денсу прислушался к барабанам и понял их речь.

Барабаны твердили о грозе и позоре. По порученью Нианкомасе, царя Ассена, барабанщики брали на себя вину людей, которые в счастливые времена забыли своих богов. И теперь, в час опасности, они пришли молить о прощенье. Да, воды священной реки и воды ее детей, как всегда, приносят жизнь на земли людей Ассена. Из года в год дети Пра: Субин, Кункум, Бруне, Фомсо — щедро дарили приречных людей. Люди брали подарки и забывали принести реке благодарность. Ныне люди, осознав, что забывчивость угрожает им гибелью, пришли с приношениями, обильными приношениями. Барабаны просили реку поверить. обещающим людям: впредь люди будут о ней помнить и почитать ее больше, чем в прежние времена. Они просили реку не обращать накопившийся гнев на забывчивых сыновей. Вместо этого они просили обрушить гнев на войско Асанте, которое, по словам барабанов, вскоре высадится на берег и принесет смерть всем, кто чтит священную реку. Барабаны, сменяя друг друга, повторяли слова молитвы. После каждой молитвы они выбивали припев:

Прими, о Пра,
Прими приношение, священная,
Прими, прими.

С началом молитвы новую жертву выталкивали вперед. При словах «прими, прими» сильные люди швыряли обреченного к воде, и меч рассекал ему горло. Река обогрялась кровью. Бесвольное тело с камнем на шее швыряли в воду, и оно скрывалось из виду. Денсу вдруг понял, что он стоит и все мышцы его напряжены.

На него нашло отчаянное стремление: не мысль, чувство требовало, чтобы он спас обреченных. Он посмотрел на реку, и стремление переросло в вопрос: поможет ли он несчастным, если сам окажется в пасти смерти? В душе Денсу место стремления заняла тяжелая, угнетающая усталость. Не в силах выдержать груз воздуха на плечах, он снова сел. Он не сводил глаз с происходящего.

Среди жертв, ожидавших смерти, были три женщины. Из четырнадцати мужчин пятеро после долгих отчаянных стонов исчезли на дне реки. Один из жрецов лил вино из бутылки в реку и, размахивая венчиком, отдавал прика-

зы барабанщикам и палачам. За толпой на берегу под зоптиком сидел царь в окруженье придворных. Жрец с венчиком подходил к нему после каждой смерти. Денсу не мог слышать его слова.

Денсу не мог вспомнить, зачем он пришел на камень. Он не понимал, как он мог этим утром радоваться здоровью и жизни. Сам вид реки вызывал у него тошноту. Обратный путь показался ему необычно долгим. Вкус дня стал горьким: Денсу испытывал бессилье живого перед лицом разнузданной смерти, и силы его оставляли. Его сознание заполонил один образ — победа смерти над жизнью.

На поляне он дрожал в лучах солнца, как человек, охваченный лихорадкой. Дамфо подошел к нему и о чем-то спросил. Денсу слышал слова, но не понимал их значения. К нему подошла Аджоа, но и ее слова он не понял. Весь день он молчал. Ночь была одним повторяющимся кошмаром. Счастливый Денсу играл с другом детства Энаном. И вдруг Энан тонул в реке или его приносили в жертву на берегу.

Назавтра Дамфо отвел его на далекое поле, где в последнее свое пребыванье здесь, перед возвращеньем в восточный лес, он между рядами ямс посеял редкие травы. Надо было окучить ямс и прополоть травы. Денсу набросился на работу как одержимый. Когда он вернулся домой, усталость его позволяла надеяться на крепкий ночной сон. Но несмотря на усталость, он не смог победить желанье снова взобраться на холм. Вид реки вызывал в сердце боль. И странно, но только вид реки успокаивал эту боль.

В тот вечер зловещие резкие звуки нарушили тишину. Настало утро, утро третьего дня недели, и Денсу решил пойти посмотреть, в безопасности ли их лодка.

— Куда ты? — глядя в глаза, спросил Дамфо.

— На реку, — ответил он.

— Денсу, ты нездоров, — сказал Дамфо. — Сегодня тебе следует отдохнуть.

— Я себя чувствую хорошо, — возразил Денсу.

— Нездоровые не всегда чувствуют себя плохо, — сказал Дамфо. — На твоём месте в такую даль сегодня бы я не пошел.

Но Денсу все же пошел, и Дамфо не преследовал его напрасными увещеваньями. На этот раз Денсу избрал ту

тропинку, по которой в день прибытья они поднимались на холм. Медленно спускаясь к реке по склону за последним перевалом, он увидел тех, кого заклинали голоса в прошлый вечер.

На северный берег Пра направлялся огромный людской поток. Ясно, что люди пришли из Асанте и имели в виду войну. Тысячи и тысячи воинов растекались по берегу Пра. Некоторые вели жен, слуг и рабов. Казалось, ничто не могло устоять перед великим их множеством, и все же на берегу великой реки им пришлось остановиться. Как воинственно и победительно ни было устремление войска вперед, великая река оказалась сильнее. Денсу явно видел, как не терпелось воинам перебраться на тот берег. Он ощутил усталость и сел на упавшее возле тропинки дерево. Утренний ветерок охрип от криков спешивших воинов.

Некоторые из них, оторвавшись от общей толпы, стали прочесывать берег. Они искали лодки для переправы. Им удалось обнаружить несколько легких лодчонок, каждая из которых выдерживала одного человека и его пошу. В крайнем случае в лодку могли поместиться четыре воина, но малейшее необдуманное движение означало бы смерть в воде. Лодчонки оставили в покое, поиски продолжались.

Несколько воинов прошли сквозь кусты совсем рядом с Денсу. Лодка лежала поблизости. Воины скрылись из виду, и очень скоро из-за кустов раздался громкий вопль восторга: они обнаружили лодку целителей. Через мгновение они выбежали назад к толпе, восемь сильных мужчин с лодкой, гордо поднятой над головами.

Они поставили лодку на берег, и ее окружило великое множество воинов. То ли устройство лодки будило их любопытство, то ли лодка была нужна им только как средство переправиться на другой берег, но все они одновременно старались ей завладеть. Возбужденный шум, которым воины встретили появление лодки, стал сменяться долгим, крепнущим криком недоумения. Казалось, толпа вытянулась, и часть ее оказалась в реке. Денсу не сразу понял, что произошло.

Лодку спустили на воду. Два воина держали весла над головой. Саму лодку не было видно — столько воинов поспешило в нее набиться. Лодка не двигалась, и несколько воинов с берега сильно и неуклюже толкнули ее

вперед. Лодка тяжело отплыла на несколько шагов и остановилась. Она, несомненно, села на мель. На берегу слышались возбужденные возгласы: никто не знал, что следует делать.

— Вылезайте! — раздался властный призыв с суши.

Воины в лодке были готовы повиноваться, однако их явно пугала мысль оказаться в воде. Один из них воскликнул с мольбой:

— Мы утонем!

Никто не думал смеяться над трусом. Воцарилась жуткая тишина. Властный голос ответил:

— Вы не утонете. Здесь мелко. Если вы все останетесь в лодке, она не сдвинется с места.

Вняв разумному доводу, стоявшие на корме лодки начали осторожно вылезать. Их подталкивали в спину. Вылезшие убедились в своей безопасности и радостно поспешили к берегу вброд. Оставшиеся спешили показать всему миру, что они никогда не боялись реки, и очертя голову попрыгали в воду. Стоявшие на берегу с чувством жали руки выбравшимся из воды товарищам, словно те были герои, возвращавшиеся из опасного путешествия в неизвестность.

В сумятице все позабыли о лодке. Люди прыгали в воду с кормы, и поэтому нос лодки задрался над гладью реки. Когда спрыгнул последний, нос опустился в воду, не слишком резко, но достаточно для того, чтобы лодка сошла с мели. Ее медленно понесло к середине реки и вниз по течению.

Один храбрый воин рванулся за ней в реку. К сожаленью, он был малоросл, так что вода достигла его подмышек прежде, чем ему удалось хотя бы коснуться покачивавшейся на волнах лодки.

— Вернись! — Женщина закричала так горестно, словно вызывала возлюбленного из подземного царства. Воин был храбрый, он оказался и мудрым: он внял мольбе женщины и вернулся на берег. Лодка описала круг по воде, набрала скорость и уверенно устремилась вниз, на запад. Вскоре она скрылась за поворотом.

На берегу вновь начались поиски лодок. Искавшие дальше всех от реки стали звать на помощь. Многие воины поспешили на зов и наконец торжественно вытащили на берег три лодки, много длиннее, чем первая. Трудно сказать, как долго эти выдолбленные стволы деревьев

без надобности пролежали на влажной почве. Две из трех лодок пришлось тщательно очищать от земли и растительности. Тот, кто оставил лодки лежать на голой земле, вероятно, очень спешил или же ничего не смыслил в речных делах. Термиты выстроили жилище между почвой и дном лодок, смешав землю с древесной трухой.

Кусок этой смеси вывалился из дна одной лодки, образовав в нем дыру размером в большой кулак. Попытку заделать дыру оставили скоро, очень скоро. Военачальникам не терпелось переправиться на другой берег, и они насмехались над воинами, с опаской стоявшими возле лодок, и называли их трусами. Насмешки достигли цели. Все три лодки отважно спустили на воду. Самые смелые воины поспешили быть первыми, они сделали два-три шага в воде и залезли в лодки. Сорок пять в первую, считал Денсу, сорок пять во вторую, сорок три в третью, не считая шести гребцов в каждой, по два на носу, по четыре на корме.

— Старая лодка не выдержит и двадцати,— подумал Денсу. Он не мог отвести глаз от происходившего на берегу.

Лодки были готовы к переправе, и злость военачальников сменилась общим весельем. Все громче и выше взлетала дружная песня. Несколько воинов, выказывая усердие, вошли в воду и оттолкнули лодки от берега. Сначала все лодки уверенно держались на поверхности. Гребцы медленно, плавно направляли их к середине реки. Денсу не понял, что вдруг произошло. Может быть, кто-то струсил в передней лодке? Может быть, кто-то боялся, что упадет в воду, и, стараясь спасти себя, безумно нарушил общее равновесие?

Что-то там произошло, ибо все воины в ней вдруг подались назад. Смятение, крики людей, не скрывавших больше страха перед водой, с каждой минутой увеличивали пьяную раскачку их лодки. На несколько долгих мгновений нос ее вырвался из воды. Трех воинов подбросило в небо, и они в отчаянье хватались за воздух. Когда они рухнули в воду, оказалось, что никто из них не умеет плавать. Они не оставались недвижимыми. От безумных усилий темная вода вокруг них превратилась в пену. Им не удавалось ни схватиться за лодку, ни приблизиться к берегу. Если они вообще двигались с места, то только влево, по воле течения.

Несколько человек в лодке, забыв о собственной безопасности, рванулись на выручку утопавшим и тоже попали в воду. Передняя лодка встала в воде торчком. Потом она медленно, неуклюже перевернулась и пошла под воду вместе со всеми объатыми ужасом волнами.

Их гибель была страшнее, чем гибель тех, кто попал в воду первым. Тонувшие вместе с лодкой, обезумев, цеплялись друг за друга, боролись друг с другом. Их вопли были ужасны, вопли людей, ушедших из дому ради завоевания и встретивших смерть до первой встречи с противником. В их воплях Денсу слышались отголоски недавних воплей, воплей жертв на другом берегу.

Вторая лодка пошла на дно близ середины реки. Вовсе не потому, что какой-нибудь трус нарушил ее равновесье. Вода просачивалась в нее сквозь наскоро заделанную дыру в дне; какое-то время воинам удавалось вычерпывать ее руками быстрее, чем она набиралась. Но может быть, вода размягчила все прогнившее дно. Внезапно со страшной силой она хлынула в лодку. Через мгновение лодка ушла под воду. И на этот раз люди, боясь воды, отчаянно боролись друг с другом ради спасенья. Но борьба их была краткая. Вода в середине реки очень быстро поглотила самых могучих воинов. Там, где они тонули, в воде поднимались пузырьки воздуха. Вскоре и пузырьки поплыли вниз по теченью, лопааясь, словно подмигивая.

Третья лодка отплыла от берега на какие-нибудь десять шагов.

— Не плывите дальше! — кричали ей вслед с земли.

— Вернитесь! — кричали живым живые.

Напуганные гребцы развернули третью лодку и причалили к берегу. Военачальники, шумно выражавшие свое нетерпенье и веселье, теперь были тише, чем тысячи воинов, молча ожидавших их решенья. Семь жрецов направились к реке, где искали тела утопавших. К ним подвели человека, непонятно, пленника или добровольца, принесшего вести, — так тесно его обступили со всех сторон. Ясно только, что он сообщал что-то важное, показывая рукой на противоположный берег.

Искавшие мертвых в реке принесли жрецам тело. Это был не утонувший воин Асанте, но обезглавленная молодая женщина из числа недавних жертв. Вопль страха поднялся над толпой. Жрецы и их собеседник, пленник или доброволец, принесший вести, говорили долго. После

этого жрецы отошли в сторону и так же долго говорили с военачальниками. Выслушав их, военачальники по одному слились с группами воинов.

Очень скоро они вернулись, и с ними — небольшой отряд сильных воинов, гнавших перед собой людей, мужчин и женщин, предназначенных для принесенья в жертву. Двадцать связанных мужчин и десять женщин свели к реке. Две женщины были совсем юные. Место предстоявшего жертвоприношенья было чересчур далеко, так что Денсу не мог как следует рассмотреть лица, но чем больше он глядел на жрецов, на воинов и обреченных, тем больше он проникался уверенностью, что на берегу стояли знакомые. Люди из недавнего прошлого, кровоточившего, точно свежая рана. Он видел Аппию, видел Энана, видел искалеченную Джесиву, и тело его помимо воли ума рванулось к ним.

Он ни о чем не думал, ни на что не рассчитывал, ни на что не надеялся. Он просто не мог вынести происшедшего. В этот миг он не знал разницы между своим телом и окружающим его воздухом. Он не принимал никакого сознательного решения — он несся вниз по склону, вольный, как ветер.

Он несся вниз по склону, вольный, как ветер, его не остановила даже толпа у реки, палачи и жертвы. Один палач, огромный и такой жирный, что груди его свисали, как женские, уже вознес к небу короткую стрелку с шипами. Он просил у своего бога благословенья стрелке и предстоящей работе. Кончив моленья, он махнул рукой товарищам, и они вытолкнули вперед трех первых рабов, предназначенных для принесенья в жертву.

Грудастый палач собирался вонзить стрелку в щеку первой жертвы, чтобы перед смертью язык не мог проклинать убийц. Но тут что-то слева ударило его с такой силой, что даже огромное тучное тело не устояло. Стрелка с шипами вырвалась у него из рук и впилась соседнему воину в ногу. Жирный убийца с ревом схватился за бок и рухнул. Ошеломленные внезапностью нападения, не понимая, что происходит, воины дрогнули и выпустили из рук трех рабов.

— Бегите! — всей силой легких крикнул им Денсу.

Первый раб сразу внял призыву и не колеблясь бросился из толпы врагов прямо в реку. Отчаянно, резко вы-

брасывая вперед руки, он поплыл к противоположному берегу.

Воины, жрецы и палачи, ошеломленные неожиданным поворотом событий, несколько мгновений стояли как окаменевшие. Изумление сменилось злобной решительной суетой. Воины опомнились первыми. Залаяли ружья, и в воде вокруг уплывавшей жертвы заплясали фонтанчики. Пловец не обращал внимания на вой пуль, но он не добрался даже до середины реки. Он не сразу ушел под воду: движения его постепенно слабели, затем прекратились вовсе, из воды в воздух взметнулась рука, и река, проглотив пловца, продолжала спокойно струиться влево.

Второй, пережив мгновение замешательства, тоже рванулся к реке. Это был не пловец. У воды он заметался, оглянулся на палачей и принял решение — отчаянное: он прыгнул в реку затем, чтобы утонуть.

На него не тратили пуль и пороха. Воины глазели, как он барахтается в реке. Их злоба сменялась весельем. Некоторые, глядя на утопавшего, хохотали до слез.

Третий из обреченных тоже был на свободе, но он не двинулся с места. Он даже не моргнул. Он ласково и спокойно смотрел на Денсу. Взгляд его красноречивей всех слов говорил, что уже слишком поздно. Во взгляде его была бесконечная жалость — удивительно, обреченный жалел не себя, а Денсу.

Этот взгляд вернул Денсу телесное ощущение действительности. Он почувствовал град обрушившихся на него тяжелых и острых ударов. Он слышал бескрайний густой рев ненависти, которую воины, жрецы и палачи сосредоточили на его особе. Больше того, он всем существом ощущал звериную силу ненависти и через мгновение осознал, что защищаться бессмысленно.

Как сквозь туман, он услышал странно знакомый голос. Это был голос друга, звучащий как голос врага.

— Сюда его! — гневно требовал голос. — Сюда! Живо!

Денсу знал, что не ошибается. Он хотел окликнуть владельца голоса, но ум не мог выбрать имя, Дамфо или Энан. Смутно вспомнилось, что кого-то из них нет в живых. Он силился вспомнить, кого именно. Но тут что-то нежно и настоятельно скользнуло ему в рот. Больше он не чувствовал боли.

3. СОСТРАДАНИЕ

Придя в сознание, Денсу почувствовал себя опустошенным, разбитым. Вокруг не было ни души, лишь темнота. Знакомый запах в воздухе успокоил его. Бодрствовал он недолго и вновь погрузился в сон. Проснулся он ясным утром. Когда он умылся и поел каши, к нему пришел Дамфо.

— Как я оказался здесь? — спросил Денсу.

— Асамоа Нкванта отвел нас к реке, — ответил Дамфо.

— Он уже здесь? — спросил Денсу.

— Он пришел вчера утром. Что-то не давало ему покоя. Он услышал шум у реки и настоял, чтобы мы пошли с ним. Мы обнаружили, что войско Асанте пытается переправиться через реку, — Дамфо грустно улыбнулся, — и что ты, Денсу, пытаешься удержать целое войско.

— Я не мог удержать себя, — попробовал оправдаться Денсу.

— Ты не мог. Но ты должен был удержать себя. Счастье, что рядом со мной был Асамоа Нкванта. Он не сказал ни слова, но, когда воины увидели его, они расступились и дали дорогу мне.

— Значит, верно, что они перед ним преклоняются.

— Нет. Я видел лишь уважение, не преклонение. Воины любят этого человека. Видел бы ты, с каким чувством они на него смотрели. Он тяжело болен, и вид у него измученный. Так вот, воины смотрели на него не со страхом, а с сочувствием, у некоторых на глазах были слезы.

— Я бы хотел увидеть и поблагодарить его, — сказал Денсу.

— Это ты сможешь, — сказал Дамфо. — Вот не думал, что ты можешь стать самоубийцей. Но вчера ты стремился пменно к этому, к самоубийству.

— Теперь-то я понимаю, — признался Денсу. — Но тогда я об этом не думал. Я видел, как на другом берегу приносили в жертву людей. Я не мог им ничем помочь, и от этого мне стало дурно. И вчера я опять увидел обреченных, и что-то во мне перевернулось.

— Порыв. Прежде чем подчиниться порыву, надо поразмыслить.

— Разве размышлением можно себя примирить с убийствами?

— Не с убийствами. Размышление тебя примирит с действительностью. Нельзя в один миг отучить людей от зверства. Для этого мало и целой жизни. Для этого мало веков.

— Стало быть, ничего нельзя сделать?

— Так я не говорил, — сказал Дамфо. — Ты ведь хочешь узнать, что можно сделать, как это сделать и как долго придется тебе это делать — и как ничтожен будет успех, на твой сегодняшний нетерпеливый взгляд.

— Я понимаю, что это трудно.

— Да, это трудно. Допустим, ты видишь огромный лесной пожар и хочешь его потушить. Как ты возьмешься за дело? Ты бросишься сам, в одиночестве, в пламя? Если так, остановишь ли ты этим пожар?

От телесных ран Денсу оправился скоро. Труднее было уйти от отчаянья. Каждый день приходивший Дамфо раскрывал перед ним отдаленное будущее.

Силы восстанавливались, и со временем Денсу из обузы превратился в помощника Дамфо. Когда Инанеба и Аджоа уходили куда-нибудь по делам, Денсу сидел возле Арабы Джесивы, внимая нуждам ее выздоравливавшего тела. Очень часто он сопутствовал Дамфо и наблюдал целителя за работой.

Первый день работы с Асамоа Нквантой целитель назвал расчисткой почвы. В селенье целителей возле Прасо Асамоа Нкванта пришел не один. С ним были не только ходившие за ним в Кумасе целители Квао Твенебон и Коджо Менса, но и Окомфо Тавиа, жрец из дворца в Кумасе, следовавший за Асамоа Нквантой как тень, не боящаяся мрака ночи.

На поляне в середине селенья целителей возвышалось огромное дерево одум. В тени его Дамфо стелил циновку, усаживал на нее полководца и вел с ним долгие целительные разговоры. В первый день под дерево прямо напротив Дамфо рядом с Асамоа Нквантой уселся жрец Окомфо Тавиа. Денсу принес всем воды, отдал целителю приготовленные на сегодня травы и занял место рядом с ним, слева.

Первый взгляд Дамфо направил не на Асамоа Нкванту, но на жреца. Он смотрел на него ровно и долго. Сначала лицо жреца изобразило недовольство. Под взглядом

Дамфо недовольство превратилось в застенчивую, почти виноватую улыбку. По глазам жреца было видно, что он ждет от целителя ответной улыбки. Никто не произносил ни слова.

Целитель Дамфо не ответил улыбкой на улыбку жреца Окомфо Тавиа. Он продолжал смотреть на него. Глаза жреца увлажнились, и он откашлялся. Словно дождавшись нарушения тишины, Дамфо отвернулся от жреца и, как будто забыв о его существовании, обратился к Асамоа Нкванте:

— Наши беседы были бы откровеннее, если бы вы были без сопровождающих.

Асамоа Нкванта поднял голову и в упор посмотрел на Дамфо, точно слова целителя внезапно вернули его из далекого путешествия.

— Как так? — спросил он.

Дамфо не улыбался.

— Если боль, которой болеет ум, приходит из прошлого, для выздоровления ум должен покинуть прошлое и без помех перенестись в будущее. В болезни прошлое — тяжкая ноша. Необходимо уйти из него.

— Я не могу позабыть прошлое.— Полководец говорил еле слышно, точно оправдываясь.

— Нет нужды забывать прошлое,— ответил Дамфо.— Но каждой частице прошлого, которая живет в настоящем, мы должны задать вопрос: что она мне, опора или же камень на шее?

— Я все понял,— кивнул полководец.

— Я скажу вам еще понятней,— продолжал Дамфо.— Если при наших беседах присутствует кто-то, при ком вы о чем-то хотели бы умолчать, беседы будут неискренние.

— Я же сказал, что вас понял,— повторил Асамоа Нкванта. Он еще долго смотрел на Дамфо, но никто в этот день не прибавил ни слова.

В день второй беседы Асамоа Нкванта пришел один. Великий воин, властелин решающих мгновений, победитель в сотнях боев, ужас врагов Асанте — казался развалиной. Плоть его тела погибла, кожа свисала. Лицо, казалось, когда-то было во много раз больше, такие длинные и глубокие были на нем морщины. Было ясно, что человек этот много страдал — от той боли, которая приходит изнутри. Сильные люди способны вынести боль, ко-

торая приходит извне. Но против боли, источник которой скрыт в них самих, они беззащитней, чем слабые, потому что боль обращает им же во вред их огромную силу. Тело Асамоа Нкванты носило следы ужасной борьбы, а глаза показывали, что борьба эта не завершилась.

Глаза Асамоа Нкванты утратили свою природную окраску. Злой ядовитый красный цвет взял в них верх над черным и белым. Полководец, казалось, месяц не ведал сна и весь месяц неустанно жевал колу, так что тусклая коричневая краснота ее выступила не только на губах, но и на ноздрях и на веках.

Краснота ярче и напряженнее тонкими вздутыми жилками в тридцати извилистых направлениях багровела в его глазных яблоках — словно полчища красных муравьев прошныряли по дальнему полю и на нем остались неизгладимые их следы. Глаза казались еще страшней из-за полной сухости, точно боль, съевшая плоть Асамоа Нкванты, вытянула из него все соки.

Дамфо долго всматривался в него, по Асамоа Нкванта недвижно сидел, уставясь в пространство. Так недвижно, что он, казалось, не дышит, и глаза его не моргали. Дамфо заговорил с ним легко, словно продолжая вчерашнее. Он сказал, что целитель всего лишь помощник, и то лишь в том случае, если сам Асамоа Нкванта решит искать путь в выздоровлению. Он готов обсудить с ним все горести жизни и даст ему лучшие из известных лекарств. Наконец, он просил Асамоа Нкванту не забывать, что лекарства бессильны, когда человек враждует со своим естеством.

В тот вечер Денсу отнес Асамоа Нкванте чашечку сока, приготовленного целителем. Страдающий воин выпил ее, не сказав ни слова.

Он мирно уснул, но после полуночи вновь утратил покой. Асамоа Нкванта не пробудился — он во сне вступил в мучительную борьбу с духами, населявшими его душу. Он дышал тяжело и с присвистом, как человек, полный решимости одолеть врагов, которые превосходят его силой. Затем раздался безумный смех победителя, торжествующего победу и мечтающего об отдыхе. И вдруг он взмолился и застонал, обнаружив, что бой не закончен, что он только начался и разгорается все отчаянней. В его голосе торжество сменилось решимостью, решимость — страхом, страх — ужасом, в ужасе голос его

превратился в бесконечный, бессильный, однообразный вопль, потрясавший скорбью ночную тишь:

— Я иду! Я иду! Я иду!

Назавтра в полдень Дамфо велел Денсу постелить циновку под деревом одум. Асамоа Нкванта тотчас пришел к ним, словно так было условлено. Измученное лицо полководца выглядело свежее, чем накануне.

— Ваше лекарство мне помогло,— сказал Асамоа Нкванта.

— Вы хорошо спали?

— Лучше, чем когда-либо с того дня... с того дня, когда они убили его.

— Вы видели сны?

— Не сны, кошмары, как каждую ночь с того дня.

— Значит, вы спали плохо.

— Не плохо,— сказал Асамоа Нкванта.— Впервые они меня не разбудили.

— Кто?

— Кошмары.

— Они всегда вас будили?

Асамоа Нкванта кивнул.

— Почему? — спросил Дамфо.

— Потому что я всегда пытаюсь его спасти.

— Вашего племянника?

Из груди полководца вырвался вздох. Он кивнул.

— От кого вы хотите его спасти?

Боль исказила лицо Асамоа Нкванты.

— Это то, чего я не знаю. Я не могу рассмотреть лицо убийцы. Но я ощущаю удары, которыми он его рассекает. Не боль, а удары.

— Эти удары задевают и вас?

— Нет, я ощущаю руку убийцы.

— Он с вами борется?

— Нет, не борется.— В голосе Асамоа Нкванты слышалось нетерпенье.— Я не вижу его, я чувствую его руку в моей руке и знаю, что могу его удержать. Я пытаюсь его удержать.

— Вы ощущаете себя рядом с убийцей?

— Я ощущаю, что мы с ним — одно.

— Почему вы не можете удержать его?

— Не могу! — в отчаянье застонал полководец. Припасть прорвало плотину, преграждавшую путь словам, и чувства его хлынули быстрым потоком.— Я не могу ему

помочь. Это моя собственная рука, но я не могу ее удержать, я не могу обратить ее против себя самого. Я не могу обратить ее против убийцы. Я даже не вижу его. А мальчик глядит на меня, умоляет о помощи. И смотрю, как убийца его убивает, точно раба.

— Значит, его убийство — корень вашей болезни?

— Корень всех моих бед, — прохрипел полководец. — Они убили его, точно раба.

— Почему?

— Что значит — почему?

— Вам известна причина его смерти?

— Это обычай.

— Вы когда-нибудь размышляли над обычаем, который приводит к бессмысленному кровопролитью?

Изумление углубило морщины и тени на лице Асамоа Нкванты, глаза сузились, почти закрылись. Это было лицо человека, сиющегося усвоить новую для него мысль.

— Если бы у вас была власть, изменили бы вы этот обычай?

— Нет! — иступленно выкрикнул воин.

— Умер бы ваш племянник, если бы такого обычая не было?

— Я же сказал вам, его убил не обычай.

— Я вас слышал. Вы говорите, что это был несчастный случай, а не требование обычая.

— Да. Это был несчастный случай.

— Я хочу спросить вот о чем: нельзя ли предотвратить такие несчастные случаи, если...

Асамоа Нкванта закончил его мысль:

— Если обычай будет упразднен? — Глаза его смотрели устало. — Но что за мир будет тогда? Мир без рабов?

— Вот именно, — спокойно ответил Дамфо. — Мир без рабов.

Асамоа Нкванта задумался. Потом он взглянул в лицо Дамфо и невесело рассмеялся:

— Мир без рабов! Не хотите ли вы, чтобы мир был и без царей?

— Да, без рабов и без царей.

— Без рабов и без царей. — не веря своим ушам, повторил Асамоа Нкванта. — Кто же тогда останется?

— Народ. Люди, которые уважают друг друга.

Смех покинул лицо Асамоа Нкванты.

— Вы думаете о невозможном, целитель. Наш народ всегда имел царей и рабов.

— Не всегда,— возразил Дамфо.

— Когда у Асанте не было ни царей, ни рабов?

— Разве ваш народ — это только Асанте?

— Я вас не понимаю.

— Асанте всего лишь частица Акана. Акан в свою очередь произошел из чего-то большего.

Глаза Асамоа Нкванты зажглись светом, и он опустил голову. Когда он поднял ее, свет в них погас.

Много дней Асамоа Нкванта не поминал слова Дамфо о том, что Асанте всего лишь частица Акана, а Акан — лишь частица чего-то великого. Казалось, он вовсе забыл о них. Но однажды, без предисловий, он прямо сказал:

— Меня тревожат мысли об этом.

— О чем? — спросил Дамфо.

Асамоа Нкванта с удивленьем взглянул на Дамфо, словно Дамфо не помнил о том, что мгновенье назад сказал сам.

— О том, кто мы,— сказал он ворчливо.— О том, что Акан и все черные люди — одно целое.

— Почему мысли об этом тревожат вас? — спросил Дамфо.

— У меня тоже есть мысль об этом, но она ведет далеко в прошлое,— сказал Асамоа Нкванта,— так далеко, что ум может в нем заблудиться.

— Ум не может остаться в прошлом,— сказал Дамфо.— Ум находит истину в прошлом, возвращается в настоящее и глядит в будущее. В прошлом ум заблудиться не может. Наш ум, скорее всего, собьется с пути в настоящем — если мы позабудем о нашем прошлом и не будем думать о нашем будущем.

— Если я отпущу свой ум так далеко в прошлое, он собьется с пути,— сказал Асамоа Нкванта.— Когда-то Акан был одним народом. Все черные люди когда-то были единым целым. Но теперь это не так. Какая польза уму бегать за тем, чего нет?

— Если прошлое говорит вам, что в прошлом Акан и все черные люди были единым целым, быть может, прошлое также вам скажет, что наше сегодняшнее раз-

деленье отнюдь не вечно. В прошлом мы были одним целым. Может быть, будущее возвратит нам единство.

— Такие мысли лишают меня воли.— Асамоа Нкванта покачал головой.— Настоящее из-за них кажется жалким и невыносимым. Они отнимают все мои силы.

— Но если те же самые мысли направить в будущее, они могут придать нам новых сил для работы.

— Кто знает,— сказал Асамоа Нкванта.— Кто знает.

4. БЕСЕДЫ С ПОЛКОВОДЦЕМ

Четырнадцатый день.

— Я стараюсь, но не могу понять связь между дневными мыслями и ночными кошмарами,— сказал Асамоа Нкванта.

— А между ними должна быть связь? — спросил Дамфо.

— Я чувствую, что должна быть. Я не нахожу себе места от непониманья. Мне кажется, все во мне успокоится, как только я пойму эту связь.

— Расскажите мне ваши дневные мысли.

— Вы их знаете,— ответил Асамоа Нкванта.— Я думаю о разделенье. Я всю свою жизнь воевал для того, чтобы возвысить народ Асанте. Если прошлое было порой единства, должен ли я считать, что всю жизнь поступал неверно?

— Расскажите мне ваши сны.

— Их много,— проговорил Асамоа Нкванта,— и всегда я вижу одно и то же. Я иду из Кумасе по долине Субина. Я дохожу до болота Смерти, куда бросают тела казненных рабов. Никаких тел я не вижу. Я вижу лишь моего племянника. Он живой и веселый, он, кажется, может пройти по болоту и не утонуть. Он играет в те игры, которым я обучил его в детстве, в игры воина. Он умеет спрятаться за самым низеньким пнем. Он стреляет сразу из двух ружей, и обе пули его попадают в цель. Я стою на краю болота, удивляюсь и восхищаюсь и мечтаю о том, кем он станет, когда вырастет. И тут мой племянник начинает вращаться в землю, и я не могу понять почему. Я иду к нему, вытянув руки, а он тонет, и, хотя я спешу, я не могу до него добраться.

Асамоа Нкванта перевел дух. Взгляд его задержался на Денсу, точно он увидел его впервые. Опустив глаза, он продолжил рассказ:

— Я ползу по болоту. Я уже могу коснуться племянника кончиками пальцев — но не больше. Я бессильно смотрю, как он тонет в болоте Смерти. Оно поглощает его мучительно медленно. Вот скрылась шея, вот губы, ноздри, вот глаза, глядевшие на меня, вот брови, лоб, волосы. Он исчезает весь, и на поверхности ни следа.

— Вы не могли спасти его и поэтому вас мучит чувство вины? — спросил Дамфо.

— Трудно сказать, что я чувствую, — ответил Асамоа Нкванта. — Я бы спас его, если бы мог спасти, но откуда мне было знать, что такое с ним может случиться?

— Если людей убивают согласно обычаю, спасти его вам все равно бы не удалось. Так что вашей вины здесь нет, — сказал Дамфо.

— Но чувство бессилья страшней, чем чувство вины. Он был такой добрый, такой умный. Стрелял он так, будто родился с ружьем в руке. Он превзошел бы меня, но Боуче Асо его убил.

— Скажите, всегда ли память о смерти племянника уводит вас в прошлое? — спросил Дамфо.

— Да, — сказал Асамоа Нкванта.

— Прошлое только отнимет у вас силы, — сказал Дамфо.

— Не понимаю.

— Когда вы думаете об убийстве, ваш ум лишает вас сил.

— О чем же еще мне думать?

— О том, что сделало бы такое убийство невыносимым, — сказал Дамфо.

— Убийство уже произошло, — возразил Асамоа Нкванта.

— Убийство одного человека, вашего племянника. Но если все люди, кроме племянника, вам безразличны, ваша душа не выберется из мыслей о его гибели, о недавнем прошлом. Вы никогда не задумывались над будущим? Прошлое отнимает силы у вашей души потому, что оно вынуждает вас думать лишь об убийстве, которое вы не могли предотвратить. Будущее может придать вам сил, если вы найдете в нем способ предотвращения таких убийств.

Асамоа Нкванта не отвечал. Он выглядел утомленным, по глазам было видно, что мысли его далеко.

Тридцатый день.

— Вы кажетесь мне другим человеком, — начал Дамфо.

— Я — другой человек, — не задумываясь ответил Асамоа Нкванта.

— Хорошо это или плохо?

— Вам виднее, — сказал Асамоа Нкванта. — Вчерашние лекарства не только помогли мне выспаться. Из-за них я ел, как кабан.

— Как человек, — поправил Дамфо. — Когда вы сюда пришли, вы совсем не ели. Как призрак.

— Я не хотел есть, — сказал Асамоа Нкванта.

— Вы не хотели жить.

— Жизнь — тяжелая ноша.

— Но иногда вам хватает сил нести ее, — сказал Дамфо. — Вы не видели больше кошмаров?

Асамоа Нкванта покачал головой.

— Кошмар превратился в обычный сон. Очень странный.

— Он повторяется, точно кошмар?

— Пока что его я видел четыре раза.

— Он похож на кошмары?

— Отчасти, — сказал Асамоа Нкванта. — Я снова вижу болото и на нем трех мужчин. Они высокие и стройные, такие высокие, что головы их выше деревьев. Они шагают ко мне величественно, они идут так, что я понимаю: им нужен я. Но когда они подходят поближе, вдруг они поворачиваются, чтобы я не узнал их лиц.

Для людей, чьи головы выше деревьев, они говорят поразительно вежливо. Обращаются они ко мне, но не приказывают и не бранят — они задают мне вопрос, который я не могу понять: «Что тебе сделало войско?»

Я говорю им, что их вопрос чересчур трудный, что я не знаю, о чем они спрашивают. Они отвечают, что я бросил войско и наложил на него заклятье, от которого оно разучилось воевать. Я говорю, что не налагал никаких заклятий. Но они повторяют, словно поют песню:

Зачем ты оставил войско?
Разве войско и двор — одно?

И наконец они поворачиваются ко мне лицами. Они улыбаются. Я их всех узнаю. Справа — старик Квамен, он отдал себя для принесенья в жертву взамен убийцы Боуче Асо. В середине — сам Окомфо Аноче, он улыбается мне, улыбается. Слева стоит мой племянник.

Я не вижу, как они уходят. Они просто исчезают из виду. Но в ушах остались слова:

Что тебе сделало войско?
Разве войско и двор — одно?

— Вы привыкли жить рядом с желаньями вашей души. — Дамфо посмотрел на Асамоа Нкванту.

— Так было, — ответил воин. — Откуда вы это узнали?

— Мне об этом сказали сны, — объяснил Дамфо. — Когда люди строят свою жизнь рядом с желаньями души, их сны непосредственны, как ваши сны. Их кошмары тоже.

— Теперь я живу вдали от желаний, — сказал Асамоа Нкванта.

— Вы думали почему?

Асамоа Нкванта кивнул головой.

— Войско значило все в моей жизни. Я не помню ни одного несчастливого дня из поры, когда я был воином. Я хотел отдать всю мою жизнь на возвеличение Асанте и чтобы после меня мое дело продолжила моя кровь, мой племянник... — Асамоа Нкванта умолк.

— Что случилось с вашим стремлением? — спросил Дамфо. — Оно слишком сильное и не могло умереть.

— Оно и не умерло, — сказал Асамоа Нкванта. — Во мне оно не могло умереть. Но от нового чувства воля моя словно оцепенела. Когда я думаю, что плоды всех моих трудов, лучшее, что есть во мне, всего лишь дают власть людям, которые злоупотребляют властью и жизнью, рука моя ослабевает и все силы жизни покидают меня.

— Вы не хотите служить царям?

— Служба царям никогда не была моей целью, — сказал Асамоа Нкванта. — Я люблю людей, которые умно думают и решительно действуют ради доброго дела.

Я уважаю таких людей. Если я нахожу их среди царей, я уважаю царей.

— Вы находите таких людей среди царей?— спросил Дамфо.

Асамоа Нкванта долго думал, пока не ответил:

— Таким человеком был Осеи Туту.

— Конечно,— сказал Дамфо.— А из сегодняшних царей?

— Они лишь наследники царской власти,— сказал Асамоа Нкванта.— Беда в том, что они не унаследовали дарованья и силы личности, которые делали их дядьев настоящими царями.

— Так что, по-вашему, раньше цари хорошо служили народу? — спросил Дамфо.

— Конечно. Я всегда скажу это про таких, как Осеи Туту и Обири Эбоа,— ответил Асамоа Нкванта.

— Может ли быть, что ваша воля оцепенела от знания, что цари больше не служат народу?

— В наши дни цари служат только самим себе,— грустно ответил полководец.

— Если это так, то каково же войско, которое значило все в вашей жизни? — спросил Дамфо.

— Ныне оно превратилось в игрушку царей,— спокойно сказал Асамоа Нкванта.

— Значит, вы знаете, что именно отняло у вас силы,— сказал Дамфо.

— Знаю, но не могу назвать.

— Разделенье,— предложил слово Дамфо.— Разделенье души. Вы живете в трудах ради войска. Вы не хотите, чтобы труды вашей жизни пропали даром. Но вы видите, что цари губят все. И вот вы не можете для себя решить, трудиться ли ради войска или оставить его. Ваш ум мечется между двумя решеньями. Вы в изнеможенье, хотя не сделали шага вперед.

— Быть может, я знаю причину моих бед, но не вижу способа с ними покончить.

— Изучили ли вы все возможности?

— Я пытался,— сказал Асамоа Нкванта.— Но всюду я вижу вопросы, а не возможности.

— Вдумайтесь глубже,— сказал Дамфо.— В первую очередь прислушайтесь к самому себе, к своей душе. Что вам говорит ваш дух?

— Мой дух всегда говорит одно, — сказал Асамоа Нкванта. — Воюй сам и учи воевать других. Трудись ради войска, ради народа.

— Прекрасно, — сказал Дамфо. — Всегда хорошо, когда дух говорит ясно. Вы не видите способа подчиниться голосу своего духа и в то же время не стать игрушкой царей?

— Именно этого я и не вижу, — сказал Асамоа Нкванта. — Иногда у меня бывает такое чувство, словно я вижу такой способ. Но когда я стараюсь вникнуть в чувство, оно улетает.

— Давайте начнем с чувства. Что это за чувство? Дайте мне хотя бы его образ.

— Образ его — война.

— Одна из тех войн, которые вы вели?

— Нет.

— Одна из тех войн, о которых вы слышали?

— Нет.

— Тогда я вас не понимаю.

— Впервые я испытал это чувство давным-давно. Десять лет назад мы услышали, что войско белых готовится к вторжению в Асанте. Цари неистовствовали. Я же почувствовал несомненное удовлетворенье.

— Отчего удовлетворенье? — спросил Дамфо. — Разве вы хотели, чтобы белые вторглись в вашу страну?

— Мне не терпелось сразиться с белыми. Я знаю белых, я знаю их силу. У них огромная сила оружия. В конце концов, откуда мы сами берем вооруженье, как не от белых? Поэтому я и не помышлял на их оружие ответить оружием. Это было бы самоубийство. Я знаю их силу.

Но я также знаю их величайшую слабость. Воин обязан знать, в чем слабость врага. Я узнал слабость белых. Это не военная слабость, но слабость духа, души. Белые не умеют дружить с природой. Они ведут против нее настоящую войну. Возьмите, к примеру, лес: если они остаются надолго в лесу, они умирают. Или они вырубают лес и тем самым его убивают, или лес убивает их. Жить в дружбе с лесом они не умеют.

Поэтому я решил воевать с войском белых не ружьями, а природой. Я бы заставил их зайти глубоко в лес, так чтобы лес окружил их и выпил из них жизнь!

Дамфо подался вперед на циновке и взглянул в глаза Асамоа Нкванты.

— Это самая светлая мысль, какую я слышал за долгое время, — сказал он.

— А цари бы с ней не согласились, — сказал Асамоа Нкванта.

— Почему?

— Потому что мой замысел привел бы к долгой войне. Очень долгой. И у себя дома.

— Разве это так важно? — спросил Дамфо.

— Я вижу, что мне придется вам объяснить сущность войны, — сказал Асамоа Нкванта. — Что такое царь?

— Вождь народа, — улыбнулся Дамфо.

— Вот именно, — сказал Асамоа Нкванта. — Его можно звать какими угодно именами, но суть в том, что он вождь народа. Что такое военачальник?

— Вождь войска, — ответил Дамфо.

— Разве вы сами не видите возможности столкновения между царем и военачальником?

— Вижу, — ответил Дамфо.

— Для царя удобны войны вдали от дома. Они удаляют военачальника от народа. Его власть не приходит в столкновение с властью царя. Но все цари боятся войны, которая приходит домой. Это не просто страх перед вторжением врага и неизбежными разрушениями. Такой страх ничто по сравнению со страхом царя перед своим войском и полководцем.

Это я и имел в виду, когда сказал, что мне придется вам объяснить сущность войны. Вот она: когда война приходит домой, весь народ превращается в поле битвы. Говоря иначе, весь народ становится войском. А вождь войска — военачальник. Если весь народ превращается в войско, военачальник делается вождем всего народа. Понимаете?

— Я понимаю, что понимает ваша душа, Асамоа Нкванта.

Воин ответил ему быстрым взглядом, сверкнувшим, как лезвие сабли.

Дамфо долго смотрел в глаза Асамоа Нкванте.

— Выходит дело, не так уж невозможно — подчиниться голосу своего духа и не стать игрушкой царей?

— Если будет нашествие белых — да. Но в мелких

войнах черных народов с черными войско только игрушка царей.

— Нашествие белых может скоро начаться,— сказал Дамфо.— Об этом уже поговаривают на берегу.

— Я давно ничего не знаю,— сказал Асамоа Нкванта.— В былые времена верный человек присылал мне надежные сведения из Огуаа. Мне необходимо знать, что происходит на берегу у белых и их черных помощников. Но ныне я не представляю, как раздобыть сведенья.

— Как-нибудь мы их добудем,— пообещал ему Дамфо.

5. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Аджоа первой заметила перемену. Был вечер. Она только что дала Арабе Джесиве ночное лекарство. Дамфо, Денсу и Нианеба после ужина пришли побыть с безмолвной Джесивой. Немного поговорив, они сидели в молчанье.

В этом полном молчанье один за другим они вдруг увидели, что Аджоа плачет. Взглянув на нее, Дамфо и Нианеба не произнесли ни слова и отвернулись. Денсу не мог отвести от нее глаз. Она плакала — но не так, как обычно плачут. Глаза ее ярко сверкали в сгущавшемся сумраке. Очертанья губ выражали не горе.

Денсу хотел спросить ее, что случилось, но вдруг понял, что означает противоречье между слезами и счастливым лицом. Аджоа радостно рассмеялась, но вдруг голос ее задрожал, как от глубокого горя.

— Что случилось, Аджоа? — не выдержал Денсу. Она потрясла головой и вытерла слезы.

— Ты сам не слышишь?

— Что? — спросил Денсу.

— Ее,— сквозь слезы сказала Аджоа.— Слушай ее! Денсу, Дамфо и Нианеба затаили дыханье, но ничего не услышали.

— Я ничего не слышу,— сказал Денсу.

— Ты не слушаешь.— В голосе Аджоа звучало отчаянье.

— Я слушал,— Аджоа,— сказал Денсу,— но я ничего не услышал.

— Она говорит,— сказала Аджоа.— Весь вечер она пытается что-то сказать.

Дамфо посмотрел на Денсу, потом на Нианебу. Втроем они посмотрели на Аджоа.

— Ты слышишь ее слова? — спросил Дамфо.

— Не слова.— Она покачала головой.— Только звуки. Как она может сразу заговорить словами?

— Хороший признак,— сказал Дамфо.— Ягненок с переломанными ногами давно прыгает. Стало быть, кости Арабы Джесивы тоже срослись. Если к ней возвращается голос, это для нас долгожданная добрая весть.

Почти неделю голос Арабы Джесивы не мог расслышать никто, кроме Аджоа. Но однажды ночью резкие хриплые крики разрушили сон целителей. Крики начались перед рассветом и не прекращались до восхода солнца. Кричала Араба Джесива. Дамфо, Денсу и Нианеба поспешили в ее дом. Рядом с ней сидела Аджоа. По лицу Джесивы струился пот. В ее сознание происходила страшная мучительная борьба, отразившаяся и на теле. Глиняный панцирь на правом колене ее треснул.

— Пора снимать глину,— сказал Дамфо.— Теперь ее руки и ноги достаточно крепкие.

На каждом панцире Дамфо сделал по несколько глубоких надрезов. В надрезы он стал лить воду, которая размягчала глину и ткань панциря. Он работал медленно и осторожно, чтобы не потревожить ни тело, ни ум Джесивы. К вечеру глина размокла, и он ее снял, оставив на руках и ногах только повязки. Кровать с больной вынесли и поставили так, чтобы лучи солнца касались тела, а голова оставалась в прохладной тени.

На третий день Дамфо снял и повязки. Кожа под ними была бледная, бело-серая, как намоченный пепел. Но за несколько дней солнечный свет вернул ее рукам и ногам цвет жизни.

Она была теперь в состоянии есть кашу и нежные плоды, вроде папайи или бананов, и даже пюре из ямса со шпинатом на пальмовом масле. Вкус мяса вызывал у нее рвоту.

К Асамоа Нкванте вернулись силы. Бездействие томило дух воина, и очень скоро он начал выходить на охоту, с которой приносил столько добычи, что целители попросили его пожалеть животных.

Подолгу Асамоа Нкванта наблюдал за Денсу, просто сидел и смотрел.

— Он кого-нибудь вам напоминает? — однажды спросил его Дамфо.

Лицо воина потемнело, точно его застigli враспlock за каким-нибудь тайным делом. Он ничего не ответил, но позднее в этот же день сам заговорил о Денсу.

— Этот ваш Денсу, — нарочито небрежно спросил воин, — он когда-нибудь держал в руках ружье?

— Спросите его, — сказал Дамфо.

На нижней тропе под селеньем целителей Асамоа Нкванта указал рукой на апельсинное дерево. На нем созрел только один апельсин, висевший рядом с зеленой гроздью.

— Попробуй попасть, — сказал Асамоа Нкванта.

Денсу взял из его рук ружье, проверил заряд, прицелился и надавил на спуск. Зеленая гроздь дрогнула и успокоилась. Спелый апельсин исчез из виду.

Денсу положил ружье и пошел к дереву. Он вернулся и протянул Асамоа Нкванте спелый апельсин.

Удивленный воин смотрел то на плод, то на Денсу.

— Я думал, ты в него попадешь.

— Значит, я не выдержал испытанья.

Воин долго, судорожно хохотал, из правого глаза его текли слезы.

— Ты пойдешь со мной на охоту? — спросил он Денсу.

Асамоа Нкванта сказал, что он несколько раз подряд видел один и тот же сон — новый. Великий жрец Окомфо Аноче явился ему посредине огромного поля битвы. Кроме них, никого на поле не было, хотя оно простиралось во все стороны до горизонта.

Древний жрец явился в клубах порохового дыма — словно стреляли из большой крепостной пушки, только беззвучно.

Он взял полководца за руку и повел его в воздух, ветер понес их в небо, хотя у них не было крыльев. Жрец показал Асамоа Нкванте кости тридцати тысяч павших воинов. Одни кости, ни следа плоти, и все же, глядя на черепа, Асамоа Нкванта узнавал каждого из тридцати тысяч. Среди них он увидел бесплотные лица трехсот командиров, которых он сам обучал войне. Он не мог представить себе, что столько их полегло в одной битве и нигде не видно вражьиx костей. Но под ним было бес-

крайнее поле битвы, и на нем лежали кости знакомых воинов.

Голос позвал его. Он назвал его не обычным, а новым именем, сладчайшим из всех имен, которые Асамоа Нкванта слышал в жизни:

— Зрафо Кра! Душа Войска! Где ты? Где ты был?

Во сне Асамоа Нкванте не удалось ответить. Он озираясь, стараясь понять, откуда пришел голос. Но казалось, что голос исходил отовсюду. Жрец мягко взял его за правую руку, и вместе они опустились на землю, плавно, как листья. Жрец ушел.

— Еще один ясный сон,— сказал Дамфо.

— Что из него ясно? — спросил Асамоа Нкванта.

— Вы тоскуете по войску,— сказал Дамфо.

Асамоа Нкванта не выказал чувств.

— Вы вернетесь в войско,— продолжал Дамфо.— Если вы не вернетесь, вы оскорбите свой дух. Одного в вас я не могу понять.

Асамоа Нкванта долго боролся с собой, не выдержал и спросил:

— Чего вы не понимаете?

— Вы чего-то ждете,— ответил Дамфо.— И я хотел бы понять, чего именно.

6. ВЛАСТЕЛИН РЕШАЮЩИХ МГНОВЕНИЙ

Первыми за Асамоа Нквантой пришли три простых воина из войска Асанте. Безумнее, чем их глаза, был их рассказ о войске, погубившем себя из-за отсутствия предводителя. Асамоа Нкванта выслушал их, попросил накормить их и мягко, как только мог, выговорил им за уход из войска лишь для того, чтобы прийти к нему. Воины возвратились туда, откуда пришли.

Следующими пришли не простые воины — семь боевых командиров. Они рассказали подробнее о духе гибели и отчаянья, разложившем войско Асанте. Войско пересекло Пра и потоком огня устремилось на юг. Ничто до самого берега не могло удержать его. На берегу огненный поток остановился, попусту полаяя, съедая свои силы, губя себя до конца. Рассказ командиров был длинным перечнем бессмысленных злоключений, напрасных смертей, бесцельных и беспрестанных зверств. Никто как будто не знал точной причины несчастий, но все командиры

сходились на том, что несчастья начались, когда Асамоа Нкванта перестал быть вождем войска Асанте.

Ныне войско остановилось у берега, и военачальники не знают, что делать дальше. От бездействия войско гниет: не бой, а болезнь убивает в воинах боевой дух. Командиры не желали обсуждать своего теперешнего полководца, они лишь сказали, что никто ему не повинуется. Они были уверены, что единственное спасенье войска — в возврате того вождя, о котором мечтали воины. Они задали Асамоа Нкванте последний нетерпеливый вопрос:

— Когда?

Командиры видели, что Асамоа Нкванта взволнован. Глаза его покраснели, на скулах выступили желваки. Но ответил он им спокойно. Он напомнил командирам, что не их дело смещать или назначать главнокомандующего. Если царский совет считал бы, что войско нуждается в Асамоа Нкванте, он, без сомненья, нашел бы способ известить об этом Асамоа Нкванту. Если же царский совет не считает, что войско нуждается в Асамоа Нкванте, то сам Асамоа Нкванта не скажет, что он нужен войску, ибо это выглядело бы как притязанье на власть.

Семь боевых командиров ушли рассерженные, но к Асамоа Нкванте они испытывали только любовь. Они рассказали ему, что слышали о зловещих предзнаменованьях. Они боялись окончательного разложения войска. На берегу поговаривали и о том, что войско белых готовится к вторженью. Судя по некоторым признакам, шутить белые не собирались.

Сон Асамоа Нкванты о жреце Окомфо Аноче и бескрайнем поле битвы много раз повторялся и вдруг прекратился. Его сменило сознательное неудержимое стремление узнать обо всем, что происходит на берегу. Он сказал Дамфо, что ему необходимо выяснить, что замышляют белые. Дамфо передал его просьбу целителям.

— Нам самим это необходимо выяснить, — сказала Нианеба. — Если будет война, нам придется много поработать. Мы должны узнать намеренья белых.

— У нас есть кто-нибудь на Береговом Мысе? — спросил Квао Твенебоа.

— Ама Нкрома, — ответил Дамфо. — Но она уже старая.

— Я могу туда пойти,— вызвался Денсу.

— Это опасно,— сказала Аджоа.

— Может быть, и не опасно,— сказал Дамфо.— Ты узнаешь, что собираются делать белые. Остановиться ты можешь у Амы Нкромы. Она живет на лагуне, неподалеку от города.

— За кого мне там выдавать себя? — спросил Денсу.

— Лучше всего назваться тем, кто ты есть на самом деле,— сказал Дамфо.— Чем меньше вранья, тем проще. Не надо все время помнить о собственных вымыслах. И если перед тобой возникнет задача, ум твой будет свободен для ее решения.

— Я слишком мало смыслю в лекарствах.

— Вполне достаточно. Возьми с собой только то лекарство, которое у тебя, без сомнения, потребуют.

— Разве при царских дворах не требуют все лекарства на свете?

— Разумеется, требуют. Каждый хочет чего-то особенного. Невообразимого. Но из всех трав, из всей древесной коры, какая только бывает, они ценят одно лекарство. И его ты возьмешь с собой.

— У вас оно есть?

— Есть.

— Что это?

— Бедивона.

Удивленный Денсу рассмеялся:

— Это название или прозвание?

— Истинное название.— Дамфо тоже рассмеялся.— Это возбуждающее средство — и весьма сильно действует.

— Так что люди распаляются страстью к собственным матерям?

— Бывают же красивые матери.— Дамфо, смеясь, вышел. Вскоре он возвратился с маленьким запечатанным гершком. Он осторожно поставил его на пол, вскрыл и извлек из него кусок древесной коры пальца в три шириной и длиной раза в два больше. Дамфо подставил его под лучи солнца, входившие в дверь, так чтобы Денсу мог хорошо рассмотреть.

Кора была бугристая, в сероватых чешуйках, из-под которых просвечивала плотная коричневая основа. Что-то блеснуло на солнце, и Денсу дотронулся и понюхал.

— Это смола,— объяснил Дамфо.

— Пахнет, как масло,— задумчиво проговорил Денсу.— Как применяется это средство?

— Сначала надо его размолоть. Мне самому было некогда. Я даже думал, что вряд ли оно нам понадобится.

— И его принимают вовнутрь?

— Можно жевать кору, можно проглотить порошок, но это довольно рискованно. Лучше принимать его вместе с питьем или едой. Так всем и говори.

— Но как объявить о лекарстве?

— Громко кричать тебе не придется. У этого лекарства много названий. Поэтому шепни на ухо: средство для мужчин. Восстановитель мужественности. Спасенье для бессильного мужа. Утешенье для отчаявшейся жены. Говори это с самым серьезным видом. Что выйдет — увидишь. Те, кто тебе нужен, сами будут тебя искать — или пошлют за тобой. Будь осторожен. Если что-то случится, Ама Нкрома тебе поможет. Можешь ей доверять во всем. Она — целительница из Бакано, это напротив города, на лагуне.

Вечером Аджоа истолкла в ступке горсть коры, затем смолочила ее в тонкий порошок. Порошок она всыпала в кисет, затянула шнурком и отдала Денсу. Денсу лег спать рано.

Утром он связал в узел кисет, смену одежды и еду, которую Аджоа приготовила ему на дорогу. Аджоа с узлом и Дамфо проводили его к реке. На берегу Дамфо сказал:

— Когда пройдешь Мансо, Джукву, Абакрамну и Мпеасем, сойди с дороги и шагай на восток по первой тропинке. На пей ты увидишь знаки, которые приведут тебя к селенью целителей. Покажешь им это,— он снял с мизинца левой руки кольцо и надел его на мизинец Денсу.— Скажи им, что мы ждем их в Прасо, что здесь для всех есть работа.

— Береги себя,— сказала Аджоа.

Маленькая лодка ждала на реке. Аджоа развязала причальную веревку и бросила конец Денсу. Денсу взял одно из двух весел и на прощанье помахал им над головой. Лодка удалилась от берега.

— Возвращайся скорее! — кричала вдогонку Аджоа,

ЧАСТЬ VI

1. БЕРЕГОВОЙ МЫС

Усталость с дороги прошла лишь на вечер второго дня в Бакаю. Сначала он даже не подозревал, насколько он утомлен. Он хотел сразу же пойти в центр города, побродить возле крепости и постараться узнать что возможно. Его отговорила целительница Ама Нкрома, у которой он остановился.

— Передохни,— сказала она.— По молодости ты сам не знаешь, как ты устал. Кроме того, может быть, я могу рассказать тебе то, что ты хочешь увидеть. Вчера я была там все утро и большую часть дня до твоего прихода. Ты не поверишь, сколько может узнать в городе старая женщина. Там все время что-нибудь происходит.

— За последние дни приплывали туда корабли?

— Один.

— И много было на нем белых?

— Я видала, на берег сошло тридцать, может быть, сорок.

— А кто они были? Солдаты? Торговцы?

— Определенно солдаты. Один, без сомненья, командир. В честь его стреляли из пушек, и черные солдаты выстроились рядами, так что он, вероятно, большой командир. Но никто на берегу ничего точно не знал, а белые прямо направились в крепость. Смешно: туда собрались вожди, чтобы новый белый пожал им руки, а он даже не обратил на них вниманья. Так они и остались стоять, как дураки. Видал бы ты большого вождя Ату! Он весь день простоял там под красным зонтом. На обратном пути я слышала барабаны по всему городу и узнала, что они готовятся к большому собранию в шестой день недели.

— Завтра?

— Да, завтра. Новый белый явно торопится.

— Где будет собрание?

— Как всегда — на площади перед крепостью. Это недалеко отсюда. Легко дойти по берегу — если ты любишь морской ветер и не имеешь ничего против песка под ногами. Я бы пошла с тобой, но мне нужно встретить целителя, который ходил далеко на запад, в Нзему, и передать ему твое порученье от Дамфо. Когда вернешься, ты мне обо всем расскажешь.

Утро выдалось тихое. Ветерок подгонял Денсу в спину. У берега ветерок ослаб, дрогнул, и в воздухе утвердилась полная тишь.

Денсу шел левым краем лагуны. Зеленая гладь воды постоянно дробилась, как от предгрозовых капель дождя, только источник ряби был под водой. Временами оттуда выскальзывала серебристая рыбка и, блеснув, тотчас скрывалась в глубине.

Высокая бело-желтая дюна закрывала собой берег, и, когда Денсу взобрался на нее, он одновременно увидел и услышал солдат. Они шагали по берегу в колонне по одному. Темная кожа и темная форма резко выделялись на бледном песке под ногами и за спиной.

Денсу шел в прежнем ритме. Солдаты нагнали его и перегнали, и лишь немногие искоса и с любопытством взглянули в его сторону. Они пели простую однообразную песню. Сама ее простота и однообразие придавали колонне тяжелую, несокрушимую, тупую силу, которая заставляла взглянуть на показавшуюся вдалеке крепость. Солдаты пели:

Мы идем воевать,
Мы идем воевать.
Мы идем убивать,
Мы идем убивать.
Мы идем умирать,
Мы идем умирать.

И в конце оглушительный взвизг:

И-и-и! И-и-и!
Мы идем умирать!

Весело распевая о надвигающейся смерти, солдаты ушли вдоль лагуны на запад. Денсу надо было подождать, когда солнце встанет повыше, и он посидел, полюбовавшись морем.

Ходьба не утомляла, а, наоборот, освежала. Песок под ногами не успел раскалиться и был приятно теплый. Яркий солнечный свет, мешаясь с новорожденным ветерком, ласкал кожу. Весь мир казался свежевывытым, даже солнце в пебе. По мере приближенья белые очертанья крепости вырастали. Черные заплатки на белых

стенах превратились в бойницы с торчащими пушками. Издалека доносился стук барабанов и разноголосица царских труб.

Поросшие кустарником скалы закрывали вид вниз, на площадь у крепости. Денсу решил было обойти скалы слева, но, оглядев их, решил вскарабкаться вверх. Он нашел выступающий камень, обеими руками проверил его устойчивость, подтянулся и поставил ногу на уступ на половине человеческого роста от земли. После этого лезть было нетрудно: в скалах было множество выступов, выбоин и расселин.

Сначала он ничего не увидел из-за густых кустов. Но трубы и барабаны звучали совсем рядом. Денсу понял, что добрался до площади. Он прополз сквозь кусты, тщательно избегая острых шипов, и, отведя рукой ветку, увидел необычайное оживление.

В середине площади друг против друга стояли два больших навеса из ткани. Между ними на высоком белом шесте колыхался под ветром с моря флаг белых — красные, белые и синие полосы. Денсу не имел возможности выбрать место поудобнее — со своего места он не видел, что происходит под навесами. Громкое соревнованье царских барабанов и труб в середине площади было лишь отголоском опяняющего движенья, завихрявшегося вокруг палаток.

Со стороны крепости к ним направлялось торжественное шествие во главе с барабанщиками и трубачами. Издали шествие напоминало раскормленного питона: тонкие голова и хвост и толстое брюхо посередине — вокруг огромного, безумно вращавшегося красного зонта с золотой фигуркой сверху. Из-за вращения и блеска солнца Денсу не мог разглядеть, что это за фигурка. Слепленный, он невольно закрыл глаза, и под веками поплыли зеленые пятна.

Денсу открыл глаза и старался не смотреть на красный зонт, но это было невысказано. Он вращался, взлетал, вокруг него, привлекая взгляды, развевались золотистые кисти. Денсу превозмог искушение и под безумным красным зонтом увидел дикую толпу, разбухавшую по обе стороны шествия. По краям ее маленькие ребятишки, большей частью голые, плясали под музыку барабанов и, подчиняясь их ритмам, порой самозабвенно забегали вперед и закрывали дорогу шествию. Людей под красным

зонтом это явно сердило. При каждой такой остановке из-под зонта выбегал дюжий слуга и расталкивал в стороны плясавших ребят.

Один его вид, казалось бы, должен был их распугать. Он был до пояса голый, вся огромная грудь его поросла густым волосом. С бедер его до колен свисал кусок миткаля. Каждая икра была толщиной в хорошую тыкву.

Живот его выпирал вперед, ягодицы отклячивались назад. Мышцы мощных рук находились в постоянном напряжении. Запястья перетягивали темно-коричневые ремешки. Голова его была странной формы. Невысокая, она огромным лбом выступала вперед, а тяжелым затылком свисала назад, точно повторяя очертанья живота и ягодиц.

На половине пути к навесам произошла новая вынужденная задержка. То ли по указанию главного, то ли по собственной воле, барабанщики вдруг забили громче и возбужденней. Ребятишки в головокружительном плясе рванулись вперед и намертво остановили шествие.

Могучий слуга, чтобы расчистить дорогу, выбежал из-под зонта и бросился на ребятишек с длинной толстой дубиной. Он заносил ее с такой злобой, что, несомненно, хотел изувечить плясущих. Ребятишки заметили угрозу, но не перестали плясать. Они проворно расступались перед ним, так что он все время был в их кругу. Злоба довела его до позора. Он обрушил дубину на ближайшего мальчишку, но тот извернулся и почти ускользнул. Удар пришелся по задку. Мальчишка упал. Могучий слуга оказался над ним.

Товарищи упавшего нимало не испугались. Один из них ринулся на выручку, и, когда силач попробовал и его угостить дубиной, все остальные вцепились — не в силача, в дубину. Он рванул ее на себя — мальчишки подались на шаг-два. Но они держали дубину все крепче и, не выпуская ее, вдруг побежали назад. Несмотря на внушительный вес, могучий слуга не мог воспротивиться.

Мальчишки прибавляли бегу, силач отчаянно старался удержаться на ногах. С восторженным хохотом мальчишки рванули дубину, и могучий слуга оторвался ногами от земли и мгновенно висел в воздухе, как чудовищная бескрылая птица. Он упал животом на землю. Огромный живот смягчил паденье, пальцы ног коснулись земли, руки и голова остались в воздухе. Станным образом,

дубины из рук он не выпустил. Мальчишки тянули ее по-прежнему.

Казалось, они собираются за дубину протащить свою жертву вдоль всей площади. Но барабанщики и трубачи уже отложили свои инструменты и бежали спасать могучего слугу. Последним рывком мальчишки отняли у него дубину и разбежались во все стороны.

Музыканты помогли силачу встать на ноги. Он был подавлен. Он не сказал ни слова и пошел к красному зонту походкой побежденного, обессиленного человека. Прежний порядок восстановился, но музыканты больше не играли. Лишившееся мальчишек и оттого похudevшее шествие в молчанье медленно продолжало путь. Перед навесами красный зонт остановился. Одинокaя труба огласила хвалой воздух. Зонт вращался быстрее и быстрее, кисти высоко взметались и хлопали. Люди вокруг зонта постояли и, словно по некоему знаку, уселись на землю.

Другие толпы, другие шествия двигались по площади, направляясь к навесам. В каждом шествии был свой яркий зонт, свой гром барабанов, свое завыванье труб. Один зонт был синий с желтыми полосами и красными кистями. Другой — ярко-оранжевый с белой каймой. На площади виднелись зонты зеленые и с дюжину разноцветных.

Что до музыки, то воздух над площадью содрогался от мощи трехсот барабанов и сотни царских труб. Пространства между зонтами заполняли мужчины, женщины, толны детей.

Денсу решил, что пора выходить из укрытия. Красный зонт, первым привлекший его внимание, находился ближе других к палаткам. Он пошел к нему. В огромной толпе продвигаться было непросто. Под ногами все время путались ребятишки, взрослые спрашивали, какие у него есть лекарства. Он отвечал на приветствия, но не говорил о лекарствах.

От огромных толп пыль поднималась клубами, как пар. Становилось трудно дышать. Денсу старался выбраться из огромной кишачей толпы. Чем ближе к красному зонту, тем меньше пыли висело в воздухе. Под зонтом и вокруг него люди сидели на земле или спокойно стояли в ожиданье чего-то.

Денсу с трудом отыскал извилистый проход между сидевшими и, приблизившись к красному зонту, узнал

силача, только что проигравшего бой с ребятишками. Он стоял, понуро уставясь в землю перед собой. В огромной толпе он казался потеряннным, одиноким.

Прямо под красным зонтом мужчина — царь — восседал на троне. Резное сиденье трона поддерживал деревянный слон, стоявший на прямоугольном основании. Ноги царя в огромных сандалиях с узорчатыми раззолоченными шнурками покоились на леопардовой шкуре. Голова леопарда и после смерти продолжала яростно скалить желтоватые клыки. Перед царем на краю шкуры, скрестив ноги, сидел юноша с двумя церемониальными мечами. За правым плечом царя стоял седой старик с черным посохом, навершие которого изображало попугая с открытым клювом.

Глаза Денсу вернулись к могучему слуге в тот миг, когда силач оторвал сконфуженные глаза от земли. Взгляды их встретились. Денсу не отвернулся. Могучий слуга затоптался на месте, точно от неподвижности у него затекли ноги. Затем он злобно пошел на Денсу. Денсу не отступил.

— Эй ты, прочь с дороги! — заорал могучий слуга.

Денсу не сводил с него глаз. Силач поднял руку, чтобы толкнуть Денсу. Денсу отставил назад левую ногу. Силач толкнул его изо всех сил. Денсу не пошевелился. Солнце пекло все жарче, пот струился по лицу могучего слуги.

— Сказано тебе, уходи! — опять заорал он.

Денсу не произнес ни слова. Силач в отчаянье огляделся и, словно найдя спасительное решение, пошел назад, к царскому трону. Седой старик с попугаем на посохе, царский глашатай, вовремя встал между царем и могучим слугой.

— Что случилось, Коту? — медленно проговорил он.

— Там человек! — Силач ткнул рукой в сторону Денсу.

— Вижу. И что он сделал?

— Он, наверно, колдун.

— Быть может, Коту. Но что из этого?

— Я его не знаю.

— Ты не можешь знать всех лекарей в мире.

— Он пришел сюда, чтобы заколдовать царя, — сказал силач таким громким шепотом, что все вокруг услышали.

— Откуда ты знаешь? — улыбнулся глашатай.

— Я чувствую,— уверенно ответил могучий слуга и трижды ударил себя в грудь.— Он несет зло.

— Это мы увидим.— Глашатай вздохнул.— Передай ему, что царь хочет с ним говорить. Ступай!

Могучий слуга направился к Денсу с таким видом, словно ему приказали передать дурную весть.

— Эй ты, колдун. Подойди к царю.

Денсу спокойно направился к красному зонту. Его встретил глашатай.

— Молодой человек, ты пришел издалека? — спросил глашатай.

— Не слишком издалека,— ответил Денсу.

Глашатай вежливо улыбнулся.

— Что ты делаешь?

— Я лечу людей.

— Что в твоём мешочке?

— То, что нужно для работы.

— В таком маленьком мешочке?

— Сегодня у меня только одно лекарство.

— Что это за лекарство?

— Названье его я могу сказать только на ухо,— ответил Денсу.

Глаза седого старика блеснули.

— О-о! Названье, которое можно сказать только на ухо. Я должен его услышать.— Он придвинулся поближе и подставил левое ухо.— Этим ухом я слышу лучше,— сказал он.— А теперь говори.

Денсу наклонился к нему и, почти касаясь губами уха, прошептал:

— Бедивона.

Седой старик подскочил и, конечно, ударил бы темнем Денсу в лицо, если бы тот предусмотрительно не отпрянул. Глашатай глядел на Денсу и не мог поверить его словам. Он трижды моргнул, закрыл глаза и перевел дыхание. Открыв глаза, он спросил:

— Ты шутишь?

— Я целитель.

— И у тебя есть лекарство с этим названьем?

— Да.

— Я слышал это названье, но всегда считал, что оно лишь грубая шутка. Это правда?

— Что правда? — словно не понимая, спросил Денсу.

— Это лекарство правда помогает мужчине?

— Некоторым образом да. Конечно, силу всему дает природа. Но то, что есть у меня, помогает убрать те преграды, которые сдерживают прилив чувств.

— Ты удивляешь меня, молодой человек. Что-то мне говорит, что я не должен поспешно верить тебе.

— Вам вовсе не надо мне верить. Всегда есть способ узнать, что правда и что ложь.

— Ты советуешь мне попробовать твоё лекарство?

— Если ваш дух того хочет.

Глашатай прокашлялся.

— Непочтительный мальчик, ты видишь мою седину?

— Вижу. Она признак большого опыта и иногда мудрости.

Глашатай расхохотался — громко и от души, так что царь вопросительно посмотрел на него. Царь не сказал ни слова, но глаза его были достаточно красноречивы, и глашатай склонился, чтобы услышать царский шепот. Глашатай ответил царю тоже шепотом. Царь прикрылся левой рукой, но и из-под нее все равно было видно, как запылали его губы и увлажнились глаза. Он вповь зашептал глашатаю. Тот выпрямился и вернулся к Денсу.

— Никуда не уходи, молодой человек, — сказал он. — Царь хочет, чтобы ты остался.

— Царю нужно мое лекарство? — спросил Денсу.

На лице глашатая изобразилась строгость.

— Пойми, молодой человек, — сказал он, уставясь в землю, — царю не нужны никакие лекарства. У него силы достаточно, более чем достаточно. Твое лекарство нужно ему не для себя. Не для себя, а для несчастного друга.

— Понятно, — сказал Денсу.

Глашатай улыбнулся.

— Садись рядом со мной, — сказал он. — И скажи мне свое имя.

— Денсу. А как звать вас?

— Нсаако.

Денсу опустился на землю рядом со стоявшим глашатаем. Оглядевшись, он увидел поле, усеянное людьми, многоцветную пляску царских зонтов над толпами под небом, почти побелевшим от яростного солнца.

Постепенно музыка стихла. Ее сменил шепот, перешедший в гуденье и затем в крик. Денсу не сразу понял причину возбуждения. Люди сзади и впереди него при-

вставали на дыпочки и вытягивали шеи. К счастью, впереди людей было куда меньше, чем сзади.

Между рядами черных солдат с длинными ружьями появились белые люди. Их вождь был в тесных штанах и тесной красной куртке с золотыми шнурами и многочисленными блестящими монетками на груди. Чуть отстав от него, шагал высокий человек, одетый как вождь, но только с одним золотым шнуром. Лицо его было бледное, неуверенное, все изуродованное нарывами, точно у прокаженного. Под левой рукой он нес толстую книгу, в правой руке — папку с бумагами. За ними шло более трех десятков белых солдат в форме и человек десять одетых по-разному. Четверо из них тоже несли папки. Белые солдаты встали под один навес, их вождь с прокаженным и одетые не как солдаты взошли на помост под другим навесом и сели на стулья. Шествие замыкал черный в одежде белого. Он встал посередине перед помостом. В руках у него тоже были перо и бумага. Черные солдаты рядами со всех сторон отгородили навесы от толпы. Возбужденная появлением белых толпа удовлетворила свое любопытство и, угмонившись, приготовилась слушать вождя белых.

Он встал со стула и вышел вперед. Человек он был невысокий, но явно хотел, чтобы весь мир считал его великаном, который касается неба лбом. Прокаженный тоже поднялся и встал сзади вождя. Он подал ему бумаги, и вождь начал читать речь. Он читал ее не подряд, но прерываясь, чтобы в перерывах черный в одежде белого, стоя внизу, переводил слова господина.

— Вот слова могущественного белого полководца, которого вы видите перед собой, — говорил переводчик. — Это прославленный сэр Гарнет Вулсли, предводитель такого великого войска, какого никогда не видывали в нашей стране и во всех других странах. Слушайте его слова.

Каждый раз при словах белого человека толпа замирала. Когда переводчик объяснял смысл его слов, из толпы поднимался ропот, который замирал, когда белый вновь начинал говорить.

— Большой белый человек говорит, что он счастлив видеть здесь столько царей и важных людей и что все они — друзья англичан, самого великого белого народа. Большой белый человек прибыл сюда от великой белой

царицы, которая сильнее всех царей на земле. Эта царица — имя ее Виктория — слышит все, что происходит на свете, даже здесь. Она слышала, какие бедствия причинило нам на берегу войско Асанте. Поэтому она от полноты своей силы и доброты сердца прислала нам этого могущественного белого человека. Он поможет нам прогнать войско Асанте и разбить его так, чтобы оно никогда не оправилось.

Послышались возгласы недоверья, но переводчик остановился, и белый заговорил снова. Переводчик продолжил:

— Царица белых всемогуща, но, подобно Богу, она помогает только тем, кто сам помогает себе. Поэтому мы должны признать, что война против войска Асанте — наша война. Нам надо помнить: цари Асанте часто повторяли, что они воюют не с белыми, а с другими черными, такими, как мы.

Новая пауза. Толпа загудела вполголоса. Переводчик продолжал:

— Могущественный белый полководец говорит, что у белых есть укрепленья,— переводчик показал рукой на огромную крепость,— против которых бессильно любое войско Асанте, даже если в нем будет тысяча раз по тысяче тысяч воинов. Если бы белая царица заботилась лишь о себе, она позволила бы своим людям, не подвергаясь риску, отсидеться в таких крепостях. Но царица добрая и не хочет, чтобы страдали мы.

Громкие крики одобренья вылетели из-под нескольких зонтов.

— Поэтому она решила помочь нам. Она дает нам ружья и командиров, которые нас обучат искусству войны. Она даже дает нам еду. Но воевать за себя должны мы сами.

Толпа загудела, выражая неясно что.

— Могущественный белый человек хочет, чтобы каждый царь сказал ему, когда и сколько может выставить человек на войну. Он хочет, чтобы все наши воины собрались в Данкве. Каждый наш военачальник должен быть со своими воинами до окончания войны.

Толпа гудела, на этот раз с явным неодобреньем. Белый человек говорил быстро, переводчик говорил еще быстрее:

— Слушайте могущественного белого человека. Он говорит: ни один царь не должен бояться, что его труды пропадут даром. Могущественный белый человек будет давать огромную сумму в десять английских фунтов, десять английских фунтов, повторяю,— десять английских фунтов, настоящими деньгами белых людей,— могущественный белый человек будет давать такие деньги каждый месяц каждому царю, который приведет в Дашк-ву тысячу воинов.

Могущественный сэр Гарнет Вулсли дает каждому царю все ружья, весь порох и пули, какие могут понадобиться. Сверх того, каждый воин будет получать по пинте риса каждый день и по фунту прекрасного соленого мяса каждые четыре дня. Все это скоро прибудет в крепость из Англии. Пока же могущественный сэр Гарнет Вулсли будет из своего кармана платить каждому вождю по четыре с половиной пенса в день на каждого воина. Даже когда прибудет еда, каждый воин через царей и восначальников будет получать по три пенса.

Послышались возгласы одобренья.

— Чтобы обеспечить успех, могущественный сэр Гарнет Вулсли придает каждому царю одного из тех белых людей, которых вы видите здесь. Этот белый будет советником, ему надо повиноваться, ибо он будет давать советы только для нашего блага. Неповиновенье будет строго караться.

Радостное одобренье сменилось неясным ропотом.

— Могущественная белая царица слышит все, и она слыхала, что некоторые наши цари до сих пор убивают пленных и отрезают головы убитым в бою. Она велит прекратить это. Могущественный сэр Гарнет Вулсли — занятой человек, никто не должен беспокоить его жалобами и разговорами. Если он пожелает поговорить с кем-либо из царей, он сам пошлет за этим царем. Могущественный сэр Гарнет Вулсли безотлагательно должен знать, сколько воинов приведет каждый царь. Он предлагает царям обсудить этот вопрос и немедленно дать ответ.

Когда переводчик кончил излагать то, что сказал белый полководец сэр Гарнет Вулсли, на площади воцарилось молчанье. Не сразу люди начали говорить, осторожно спрашивать друг друга, возражать, но в конце концов шум над площадью поднялся, как в базарный день.

Но тут к помосту выступил глашатай из-под красного зонтика, и толпа снова затихла. Глашатай передал то, что ему велели сказать цари, а переводчик обратил его слова в английские для белых господ.

Глашатай сказал, что цари выслушали слова белого полководца. Это были самые сладкие слова, какие звучали со дня сотворенья мира. Это были такие сладкие слова, продолжал глашатай важно и веско, что, если бы все присутствующие здесь цари умерли столетия назад, они бы вышли из своих заросших травой могил единственно для того, чтобы изведать вкус этих слов. Поэтому пламенное желанье всех царей — изо всех сил помогать белому полководцу. Цари уповают лишь на одно: что во всех делах прославленный белый будет следовать по стопам мужественного и щедрого губернатора Маккарти, который геройски погиб в битве при Нсаманкоу пятьдесят лет назад.

При этом глашатай взглянул через плечо и улыбнулся кому-то под красным зонтом.

2. ЦАРИ

Снова внимательная тишина сменилась разноголосицей, разноголосица переросла во всеобщее оживление, и барабаны вновь заполнили воздух. Цари со свитами двинулись с поля каждый в свою сторону, но первым делом они пропустили красный зонт.

Возвращаясь под красный зонт, глашатай сказал Денсу:

— Ты должен пойти со мной во дворец. У царя есть важное дело. После него он будет с тобой говорить.

— До сумерек мне надо вернуться домой, — сказал Денсу.

— Куда это?

— Через лагуну.

— Это недалеко, — сказал глашатай. — Иди со мной.

Денсу зашагал рядом с глашатаем за царем, который для начала сделал несколько шагов пешком. Из-за плоских сандалий, непомерно широких и длинных, царь шел медленно и с трудом, высоко поднимая колени под богатым халатом. Поэтому, когда он погрузился в поданные ему носилки, на лице его изобразилось облегчение. Четыре воина поставили шесть носилок себе на плечи. Трубы

начали славить царя. Им вторили барабаны. Красный зонт вновь вознесся ввысь.

Толпа расступалась, давая дорогу шествию. Денсу не понимал, отчего шествие идет не прямым путем, а зигзагами.

— Мы проходим мимо других зонтов, — объяснил глашатай. — Царь должен приветствовать всех остальных царей и пригласить их к себе во дворец.

Шествие останавливалось у каждого зонта. Царь с носилок кивал царю под зонтом, из-под зонта выходил глашатай того царя и шептался с глашатаем под красным зонтом. Так повторялось у всех зонтов.

Все улицы до дворца были полны народа. Люди стояли даже на плоских крышах домов по колено в выросшей там траве. У ворот дворца большинство участников шествия разошлось по сторонам. Некоторых силой отеснили слуги. Царя поднесли к ступенькам самого большого дома внутри ограды. Он сошел с носилок и осторожно вошел в дом.

— Ты пойдешь со мной. — Не дожидаясь ответа, глашатай взял Денсу за руку и ввел его в обширную комнату.

Весь пол устилали красные циновки. Барабаны разных размеров и форм стояли вдоль стен. Середину комнаты занимали три тяжелых стола темно-красного дерева. На каждом столе было по два ящика простого белого дерева с рядами черных значков. По всей комнате неправильным кругом были расставлены большие сиденья.

В глубине комнаты, прямо против двери, сидел царь Ата. Похлопотав возле него, глашатай вернулся к двери. Денсу стоял рядом с ним. К воротам приблизилось новое шествие. Участников тоже не допустили во двор, а цари на носилках поднесли к ступенькам. Пожилой, почтенного вида, разряженный человек сошел на землю. Глашатай помог ему осилить все три ступеньки и ввел его в комнату. Гость сел по правую руку от хозяина.

— Это нана Эду из Манкесима, — объяснил глашатай Денсу. — Когда он узнает, что у тебя есть, он захочет забрать тебя насовсем.

Его хихиканью помешало одновременное прибытие двух царей. Один из них выглядел странно, он шел шатаясь, точно калека. На его голове неуверенно сидела корона из золоченых ракушек. В ярком свете солнца она

казалась особенно смехотворной. Ноги его были слабыми не от возраста, ибо он был много моложе глашатая. На втором шагу он резко подался в сторону и чуть не упал. Денсу бросился было на помощь, но второй из прибывших царей уже сошел с носилок — он со смехом поддерживал пошатнувшегося царя, который тоже весело рассмеялся, словно смеялись не над ним, а над кем-то другим. Денсу понял, отчего этот царь плохо держится на ногах: глаза его багровели свежей кровью, как у тех, кто неумеренно потребляет спиртное.

— Несчастный,— сказал глашатай.

— Кто он? — спросил Денсу.

— Нана Квеси Киеи, царь Денчиры. Войско Асанте лишило его трона, и он ищет забвенье горя в выпивке. Рядом с ним его лучший друг нана Амуну из Аномабо. Он делает для него все. Дважды он удерживал его от самоубийства. Но он все равно медленно, но верно убивает себя пьянством.

Цари прибывали так быстро, что глашатай успевал только называть Денсу их имена:

— Нана Тсибу из Ассена.

На ступеньки всходил пухлый человек с такими блестящими волосами и гладкой кожей, что он казался не взрослым мужчиной, а большим балованным младенцем.

Человек с плешью, окруженной полумесяцем седых волос, был царь Соломон из Доминасе.

— Это не наше имя,— сказал Денсу.

— Он взял это имя у белых. Такое теперь у царей поветрие. Смотри, вот Опанин Бентсир из Гомоа. Только сейчас он требует, чтобы его звали Бентил. Мистер Бентил, фельдмаршал. У белых это как будто большое звание.

На фельдмаршале была красная куртка, как на белых солдатах, но другого покроя. За ним шел великан нана Амфо Оту из Аборы. И затем пестрота невероятных имен: Блэнксон, Мур, Томпсон, Робертсон — и каждый из этих царей в подобье одежды белых.

Комната наполнилась царским смехом. Во дворе толпились принесшие царей слуги. Глашатай приказал подать всем воды. Затем он взял Денсу за руку и, встав рядом с царем, поставил Денсу сзади себя.

Один из царей, шаткий нана Квеси Киеи из Денчиры, попытался открыть деревянный ящик. Ему это не уда-

лось, он чуть не грохнул ящик об пол. Глашатай вежливо уговорил его подождать, когда ящик откроет сильный и умелый слуга.

— Позови Бунтуи,— сказал глашатай Денсу.

Денсу быстро скрыл изумление. Он вышел во двор и, сложив ладони у рта, громко прокричал имя Бунтуи.

Крик еще не замолк, как, топя веселым буйволом, прибежал Бунтуи. Он пел песню. Бывают на свете голоса приятней, зато Бунтуи пел громко и с чувством. Эту песню Денсу уже слышал — сегодняшним утром. Черные новобранцы пели ее, однообразную, непобедимо тупую. Правда, Бунтуи достало ума переделать слова так, что песня стала про него одного:

Я иду восвать,
Я иду восвать.
Я иду убивать,
Я иду убивать.
Я иду умирать,
Я иду умирать.
И-и-и! И-и-и!
Я иду умирать!
Буи-и, буи-и!
Я иду умирать!

С этой песней он и вбежал в комнату. Глашатай унял его:

— Заткнись, Бунтуи! Хоть на миг прекрати свою дурацкую песню.— Глашатай покачал головой.— Трудно его научить чему-нибудь и еще труднее выбить из его башки то, что он зазубрил.

Гигант перестал петь и, улыбаясь, встал перед глашатаем.

— Открой ящики,— приказал глашатай.

Бунтуи был словно рожден для этого дела. Он подошел к тому ящику, который не сумел открыть шаткий царь, сунул палец в щель между досками и вырвал одну доску. Действуя ею как рычагом, он сорвал все верхние доски.

Смеявшиеся неудачной попытке своего красноглазого брата цари теперь приумолкли. Блестящие зеленые бутылки появлялись одна за другой, так что царский

смех превратился в напряженное дыхание и затем в оживленное обсуждение содержимого этих бутылок.

Царь Денчиры снова рванулся вперед, схватил бутылку и бросил ее переводчику. С видом великой учености переводчик изучил надпись на белом ярлыке, в поисках дальнейших сведений перевернул бутылку, потом снова уставился в надпись и стал шевелить губами, безуспешно пытаясь произнести название.

Пока он мычал, царь Денчиры схватил вторую бутылку и, не в состоянии сдержать жажду, с размаху ударил о край стола горлышком. Дерево было твердое, осколки посыпались на пол. Не обращая на них внимания, царь Квеси Киеи припал к бутылке, и красные сонные глаза его оживились от радости.

— Джин! — торжественно возвестил он. — И крепкий!

Он снова поднес бутылку к губам. Он сосал ее, как голодный младенец материнскую грудь. Когда он во второй раз опустил бутылку, по подбородку его сбежала струйка. Он небрежно утерся левой ладонью и вдруг, взглянув на ладонь, выпустил из правой руки бутылку, которая разлетелась на сотни осколков.

Царь Квеси Киеи увидел на ладони свою царскую кровь.

— Братья, я ранен! — завопил он. Ужас исказил его лицо, от резкого движения легкая корона свалилась на пол и, вихляясь, покатилась к двери. Царь Квеси Киеи бросился за ней.

Царь Амуну из Аномабо поймал корону, возложил ее на голову царю Квеси Киеи и, поддерживая его под локоть и за плечо, отвел своего друга на место.

— Рана твоя неглубокая, — утешал он.

— Теперь они хотят, чтобы я истек кровью до смерти, — плакался царь Денчиры. — Они забрали мои земли, и этого им не достаточно.

— Это не смертельно, — утешал его царь Амуну. — Только порез.

— У нас есть целитель, — громко заявил глашатай.

— Давай его сюда! — приказал Амуну.

Денсу выступил вперед. Его попросили осмотреть рану. Он сказал улыбающимся царям, что беспокоиться не о чем,

— Дайте мне чистой воды, и я промою рану. После этого в качестве лекарства царю понадобятся только соль и перец, которые он ест.

Все, кроме хмурого царя Денчиры, расхохотались.

Денсу старался понять, узнал ли его Бунтуи. Сначала тот избегал его взглядов, а потом стал в него всматриваться. Сомнение медленно омрачало его лицо. Уверенность боролась в нем с недоверчивостью. Напряженные мысли быстро истощило ум Бунтуи, и он все внимать обратил на оставшиеся ящики.

Десять бутылок — серьезное дело. Добродушие, с которым цари занимали места, исчезло бесследно. На смену ему пришла ожесточенная торговля.

— Сосчитаем бутылки и разделим их поровну. — Царь Робертсон встал и с важным видом сунул руки в карманы своей европейской куртки.

— Хе-хе, — сквозь распухшие губы захрипел царь Денчиры. — Это не мудро. Все мы цари, но есть цари и цари, хе-хе.

Воцарилась странная тишина. Никто не решался выговорить ни слова. И тогда царь Эду, старик из Манкесима, прочистил горло.

— Слушайте, что скажет старый человек из Манкесима, — объявил глашатай. Все повернулись к царю Эду.

— Это верно, что есть цари и цари. — Он самодовольно улыбнулся. — Но давайте подумаем о нашем гостеприимном хозяине.

В знак согласия цари закивали и начали по двое, по трое перешептываться. Царь Ата срочно подозвал глашатая и что-то ему шепнул. Глашатай быстро пошел от группы к группе, всем что-то говорил и всех выслушивал. Он встал в середине комнаты и объявил:

— Здесь всего двенадцать царей. Бутылок же сто сорок четыре.

— Теперь уже сто сорок три, — со смехом поправил его молодой царь Амуну из Аномабо.

— Итак, предстоит разделить сто сорок три бутылки на двенадцать царей. Мудрейшие предлагают дать каждому царю по десять бутылок. Остается двадцать три бутылки. Мудрейшие предлагают прибавить из них десять бутылок отцу царей, царю Манкесима, чтобы у него было двадцать. Остается тринадцать бутылок. Двенадцать из них надлежит отдать хозяину этого

дома... — слышались недовольные возгласы, которые, казалось, только помогли глашатаю гладко закруглить речь, — хозяину этого дома, который, разумеется, воспользуется ими для угощения своих сегодняшних гостей.

Недовольство сменилось всеобщим одобрением.

— Тринадцатая бутылка пойдет на возлиянье царям прошлого, — сказал глашатай.

— И будущего, — напомнил царь Манкесима.

Глашатай улыбнулся, кивнул и прибавил:

— И царям будущего.

Собравшиеся цари подтвердили, что подарок белого полководца разделен между ними справедливо. Слуги на больших медных подносах внесли чашки. Каждую чашку наполнили до краев.

Все цари подняли чашки, и тогда глашатай с откупоренной тринадцатой бутылкой торжественно вышел на середину комнаты и опрокинул бутылку. Блестящий белый овал жидкости выплеснулся из горлышка.

— Нананом, — возгласил он далеким голосом.

Нананом,
дети Обурума Анкомы славят тебя,
дети Одапы Джана славят тебя,
дети Осона славят тебя.

Закрытые глаза глашатая были устремлены куда-то вперед, словно там он закрытыми глазами видел усопших, к которым обращался с песней. Несколько блестящих овалов джина сменились тонкой светлой струей, текущей из горлышка на пол.

Нананом,
этот праздник посвящен тебе.
Трудное время пришло,
мы о помощи зываем к тебе.
Враги Ойоко,
Асанте, которым
война заменяет любовь,
встали, как тучи,
идут на твоих сыновей
опять.

Мы, как прежде, взываем к тебе
в трудное время —
ты нам всегда помогал.
Ты нам помогал всей своей мощью,
которую дал тебе
самый могучий,
самый надежный
наш исцелитель,
наш охранитель,
владелец тысяч наших похвал.
Ты нам всегда помогал своей мощью,
и, хотя врага мы не победили,
мы выстояли под его огнем.

Нананом,
враги Ойоко,
колючие иглы дикобраза, Асанте,
которым война заменяет любовь,
идут на твоих сыновей
опять.

На этот раз
ты послал нам на помощь
белых чужеземцев
из-за морей,
из-за дальних далей.
Помоги им помочь нам всем,
Нананом.
Помоги нам прогнать тучи Асанте
с наших земель
в их собственные земли,
и пусть у нас будет мир.

Нананом,
попроси за нас,
попроси за нас всемогущего
творца всех существ,
несгибаемое древо жизни,
начало всех начал,
конец всех концов.

Глашатай с закрытыми глазами вылил все содержи-
мое бутылки на пол. Когда он открыл глаза, они были

красные и в слезах. Он приказал Бунтуи поставить по десять бутылок за сиденьем каждого царя. Цари приступили к выпивке. Царь из Денчиры был, несомненно, первым среди них. Он осушил свою чашку одним героическим залпом и оповестил об этом рыганием, громким, как пушечный выстрел в ночи.

— Полегче, брат,— сказал ему молодой царь Амуна,— полегче.

— Десять фунтов! — заявил лысый царь Соломон из Домипасе.— Это хорошие деньги.— Он хихикнул.

— Не такие уж хорошие,— возразил царь в красной куртке.— Подумайте, что нам надо за них сделать! Десять фунтов за тысячу воинов! Это мало. Я, Бентил, фельдмаршал из Гомоа, знаю, как трудно собрать даже сто воинов. Тысячу! Этот белый безумец. За каждую тысячу человек, которых мы уговорим воевать, нам полагаются по сто фунтов.

— Но эти десять фунтов целиком и полностью наши. Белые дают воинам еду и платят им,— сказал большой тихий царь Амфо Оту из Аборы.— Если вся еда, плата и оружие пойдут через нас, то, может быть, мы найдем способ в конце концов получить больше, чем по десять фунтов.

— Да,— согласился хозяин.— По-моему, мудро принять эти десять фунтов, по крайности для начала.

Фельдмаршал из Гомоа не унимался:

— Вы сосчитали, сколько солдат привез с собой белый полководец? Человек тридцать.

— Пятьдесят,— поправил переводчик.

— Пусть пятьдесят. Зачем нам пятьдесят белых солдат? Что могут сделать они против тридцатитысячного войска Асанте?

— Белые здесь для того, чтобы помогать нам оружием, едой, деньгами и советами,— объяснил переводчик.

— Этого мало! — с чувством возразил фельдмаршал.— Они всегда помогали нам всем этим, и нас всегда били.

— Не всегда! — возмутился огромный Амфо Оту.

— Почти всегда.— Фельдмаршал не сдавался. Говоря, он теребил пальцами блестящие желтые пуговицы на своей красной куртке.— Когда белые только дают нам советы, они не дают нам самые новые ружья. Что им до того, что тысяча черных погибнет? Но если бы здесь

сражались сами белые, они привезли бы с собой самые лучшие ружья в мире. Только войско белых сумеет разбить войско Асанте.

— Мы не можем заставить их привезти сюда целое войско, — сказал царь Соломон. — Белые боятся.

— Чего они боятся? У них ружья лучше, чем у Асанте.

— Дело не только в Асанте. Белые боятся леса. Долго в лесу они не выдерживают. На них нападает лихорадка, и они умирают.

— Даже если бы они не боялись, этот сэр Гарнет Вулсли не такой уж могущественный. У него нет власти послать отсюда за белыми солдатами.

Лицо переводчика изобразило крайнее недовольство.

— Прошу прощенья, но только что сказанное не совсем верно. — Он прочистил горло и, с подозреньем осмотревшись, все же решил, что без вреда может продолжить начатое. — Благодаря моей работе я слышу многое, что белые говорят друг другу. Человек, которому я служу, могущественный человек. Большее могущество в мире только у английской царицы. А судя по тому, что я слышал, он и царица — вот так! — Он сцепил сложенные крючками указательные пальцы и развел локти в стороны, чтобы показать, как неразлучны царица и полководец. — Человек, которому я служу, может получить из Англии все, что захочет. Так вот, я слышал, как он спрашивал старого губернатора сэра Харли и других белых, удастся ли собрать такое большое черное войско, чтобы завоевать Кумасе. Они все считают, что нет.

— Прекрасно, — сказал хозяин. — По крайней мере белые знают, что мы не дураки и не самоубийцы и не пойдем просто так умирать.

— Человек, которому я служу, сэр Гарнет Вулсли, тогда объявил белым, что он обладает властью призвать сюда две тысячи белых солдат — но только в случае, если война будет окончена до прихода дождей.

Словно сговорившись, цари одновременно ахнули. Наступило молчанье.

— Это значит, что им осталось всего шесть месяцев, — сказал царь Тсибу.

— Пять, — поправил его фельдмаршал.

— Белые боятся дождей больше, чем они боятся войска Асанте, — сказал царь Ата.

— Их нельзя осуждать. Здесь они умирают довольно быстро, а ведь мы живем не в лесу. Вспомните, что произошло десять лет назад. Они послали войско в Прасо против царя Асанте. Вернулась всего половина войска. А ведь белые тогда не вступали ни в один бой. Они воевали только с дождем и болезнями. У белых есть все основанья бояться.

— Но если они могут продержаться всего несколько месяцев, почему они не привезут сюда большое войско? — спросил Амуну.

Ему ответил пьяный царь из Денчиры:

— Белых мало. Ты что, не знаешь? Белым женщинам трудно рожать. Они этого не любят.

— Откуда ты знаешь? У тебя были белые женщины? — спросил его фельдмаршал из Гомоа.

— Белых женщин у меня не было, но я знаю, — ответил царь из Денчиры.

— Двух тысяч белых солдат не хватит для войны против Асанте, — настаивал на своем Амуну. — И если они действительно хотят захватить Кумасе...

— Ты видел ружья, которые будут у этих двух тысяч? — спросил Амфо Оту.

— Никто их не видел, — сказал царь Ата.

— Я видел, — сказал Амфа Оту. — Я видел, как из такого ружья стреляли. Пули из него летят вдвое дальше, чем пули из ружей Асанте. И чаще. И это не все. Мне открыли тайну, что белые привезут ружье, которое выпускает по тысяче пуль в минуту.

— А это возможно? — спросил царь Соломон.

— Это не только возможно, это существует на деле. — В голосе переводчика звучала такая уверенность, что царям оставалось лишь слушать. — Все это в должное время вы увидите своими глазами. Кроме того, я могу зас заверить в том, что на Кумасе пойдут не только эти две тысячи.

— Что, прибудет еще белое войско? — спросил царь Соломон.

— Откуда оно пойдет? — спросил фельдмаршал.

— Нет, никакое другое белое войско на Кумасе не пойдет, — важно сказал переводчик. — Белый человек, почти такой же великий, как мой хозяин, сэр Гарнет Вулсли, собирает войско на востоке, на правом берегу реки Фироу. Я даже могу сказать вам, что этого белого

человека зовут Гловер. Белый полководец Гловер собирает огромное войско к востоку от нас из народов экуапем, крепи, га, авона, ада, даже из Дагомеи, из Бонни, Алата и Опобо.

— И когда это огромное войско должно выступить в поход на Кумасе? — спросил фельдмаршал.

— Я еще не слышал об определенном сроке, — сказал переводчик. — Известно только, что война должна кончиться до прихода дождей.

Разговор царей превратился в самодовольное жужжанье, прерываемое звоном бутылок. Переводчик снова откашлялся.

— Простите, но я должен напомнить вам, что полководец Вулсли ожидает от вас письма, подтверждающего ваше согласие с его замыслами. Также позвольте напомнить, что вы должны известить обо всем царей, которые сегодня отсутствовали.

— Это нетрудно, — сказал царь Ата. — Пиши письмо. Мы согласны. Мы известим всех царей. Только мы надеемся, что столь могущественный и богатый белый полководец будет щедрым, когда придет время раздачи наград.

Переводчик долго, морщась, писал письмо. Глашатай подозвал Бунтуу, который с отсутствующим видом стоял у пустых ящичков. Он осмотрел руки Бунтуу. Они оказались грязными. Глашатай приказал Бунтуу вымыть руки в воде, которой Денсу смывал кровь с губ пьяного царя. Бунтуу вытер руки насухо и глашатай, взяв письмо у переводчика, отдал его Бунтуу.

— Беги бегом в крепость. Передашь это белому человеку и тотчас же возвращайся. Вечером ты понесешь посланье в Эсуано.

Слова эти как будто озадачили Бунтуу. Он посмотрел на глашатая, словно ища поддержки.

— Перед уходом у тебя будет время отдохнуть, — успокоил его глашатай. — Ты отправишься, когда после наступленья темноты в крепости выстрелит первая пушка.

Бунтуу облегченно вздохнул. Он взял письмо и резко повернулся к выходу. Денсу отступил в тень, так чтобы яркий солнечный свет из дверей не бил в лицо, и отвернулся. У порога Бунтуу помедлил, пытаясь рассмотреть Денсу.

— Чего ты ждешь? — крикнул ему глашатай.

Бунтуи перепрыгнул три ступеньки и оказался во дворе. Еще один рывок, и он скрылся из виду.

— Хороший гонец, — качая головой, сказал ему вслед глашатай. — Ему бы родиться с умом побольше. Он очень сильный и сделает все, что ты ему скажешь, — если не забудет. Родом он из Эсуано.

— Давно он здесь? — спросил Денсу.

— Он то приходит, то уходит. Хозяин присылает его сюда, когда сам не нуждается в нем. Он часто попадает в беду, вероятно потому, что у него слишком много силы и слишком мало разума. С тех пор как его хозяин Абабио стал царем Эсуано, он здесь постоянно. Нам это очень удобно. Он прекрасный гонец. Не боится идти куда угодно, даже ночью. Это не удивительно. Он может за себя постоять. Кто захочет напасть на такого гиганта? Он любому сломает шею.

Цари равнодушно ждали возвращения гонца.

— Не надо нам было так быстро соглашаться, — фельдмаршал проговорил тихо, словно самому себе. — Белые уважают того, кто умеет торговаться.

— Мы поступили мудро, — возразил царь Ата, — мы могли бы обидеть его. В конце концов, мы еще его не знаем.

— Ата прав. Мы еще не знаем сэра Гарнета Вулсли. Быть может, он и в самом деле поможет нам, — задумчиво проговорил царь Эду.

— Только не так, как нам помогал Маккарти, — царь Квеси Кнеи расхохотался, — так помогал, что его самого убили.

— Я бы не стал смеяться над его памятью, — сказал царь Эду. — Мы помним его как честного белого человека.

— Может быть, поэтому они сами убили его, — сказал царь Амуну, явно испугав своими словами других царей.

— Разве его убили не Асанте? Они же отрубили ему голову и сделали из его черепа кубок для своего царя, — сказал фельдмаршал.

— Это верно, — сказал царь Эду. — Но Асанте нашли его мертвым. Он застрелился.

— Вопрос — почему? — сказал царь Амуну. — Когда он направился на Береговой Мыс, он не собирался кончать с собой.

— Не собирался,— подтвердил царь Эду.— Но что бы ты сделал, если бы в разгаре боя открыл бочку с порохом и обнаружил, что в ней не порох, а соленое мясо? Что бы ты сделал?

— Это колдовство Асанте,— проворчал Квеси Киеи.

— Никакого колдовства Асанте,— сказал царь Аму-пу.— Я слышал два объяснения того, что случилось с честным губернатором. Первое: несмотря на свое могущество, белые настолько глупы, что могут делать такие ошибки. Может быть, это благодаря их могуществу, а не вопреки ему. Второе: белые не любят честных людей. Они посылают таких людей на верную гибель. Маккарти был честный человек. Слишком честный.

— По крайности мы можем выпить за его память,— сказал царь Квеси Киеи.

Явно никто больше не хотел говорить о покойном Маккарти. Цари молча выпили.

У ворот послышался громкий шум, и, прежде чем кто-то успел хоть что-то понять, Бунтуи ворвался в комнату.

— Послушай, нельзя врваться в дом, как ураган,— сказал глашатай.

Он взял из рук Бунтуи письмо и передал его переводчику. Переводчик прочел:

— Белый человек, которому я служу, благодарит вас и надеется вновь увидеть вас всех в первый день недели, то есть послезавтра, и он, конечно, должным образом возблагодарит ваше геройство в предстоящей войне — после ее окончания.

— Он говорит — после окончания войны,— огорчился царь Ата с Берегового Мыса.

Бунтуи стоял перед глашатаем и не сводил с него глаз. Глашатай положил руку ему на плечо и вывел его из комнаты. Денсу, как прежде, стоял в тени.

— Иди отдохни,— сказал глашатай Бунтуи.— Как только стемнеет, приходи сюда. С первой ночной пушкой ты понесешь письмо своему хозяину. Не попадайся никому на глаза и следи изо всех сил. Понял?

Бунтуи кивнул и скрылся так же внезапно и шумно, как и пришел.

От прежнего оживления в комнате не осталось следа. Царь Соломон из Доминесе судорожно икал. Квеси Киеи

храпел, привалившись к стене, рядом с ним лежали перевернутая кружка и пустая бутылка.

Глашатай оглядел их с неудовольствием и что-то прошептал царю Ате. Потом он подошел к Денсу и сказал:

— Царь хочет знать, как пользоваться твоим лекарством, — чтобы сказать другу.

Он подвел Денсу к царю.

— Все очень просто. — Большим и указательным пальцем Денсу достал из кисета щепотку порошка. — Можно посыпать им еду. Или выпить с водой. Не смешивайте со спиртным. Это опасно. И не принимайте больше щепотки. Ее достаточно. Больше количество не усилит действие, а может даже уменьшить. Это все.

Веки царя Аты смыкались. Глашатай тихо попросил у него разрешения проводить целителя и вышел с Денсу во двор.

— Ты должен зайти ко мне, — сказал он. — Я знаю, что ты торопишься, но мне хочется поговорить с тобой, а кроме того, я вижу, ты голоден.

— Это верно, — сказал Денсу, — но я спешу домой.

— Посишь в моем доме. Еда придаст тебе силы, и ты быстрее дойдешь до дому.

Дом глашатая стоял во дворцовой ограде возле ворот. В середине первой комнаты уже стояла миска с едой и рядом с ней — сиденье. Глашатай указал на другое сиденье в дальнем углу, и Денсу взял его. Словно тайно следившая за ними женщина принесла миску воды и поставила ее рядом с едой. Глашатай и Денсу вымыли в ней правую руку и приступили к еде.

— Ваша жена хорошо готовит, — сказал Денсу. — Фуфу был мягкий, а подливка — я дважды укусил свой язык.

— Да, Босома готовит хорошо, но она мне не жена. Она родственница моей покойной жены. Я потерял ее пятнадцать лет назад. Я не думал тогда, что останусь в живых. Но пятнадцать лет — долгий срок. — Он закрыл глаза. Понимая чувства своего нового знакомого, Денсу молчал. — Ладно, больше я тебя не удерживаю, — сказал глашатай. — Но каждый раз, когда ты окажешься в городе, ты должен приходить ко мне как гость — обещаешь?

— С радостью.

Глашатай вывел его через ворота в город.

— Когда ты вернешься, я расскажу тебе многое о многом, а ты мне расскажешь свою жизнь. Прощай.— Он снял руку с плеча Денсу, посмотрел ему в лицо и, покачав головой, удалился.

Денсу спешно прошел через город. Пока еще было светло, но сумрак уже надвигался, а Денсу требовалось хорошо подготовиться к предстоящей ночи. Когда он достиг лагуны, солнце на горизонте стало похоже на апельсин. Оно вовсе скрылось из виду, когда под кокосовыми пальмами он входил в дом Амы Нкромы.

— Долго же тебя не было,— сказала она вместо приветствия.— Удачно ходил?

— Удачнее, чем мог надеяться,— ответил Денсу.

— Но ты потерял кiset.

— Нет. Его со всем содержимым потребовал царь Ата.

— Когда он узнает, как действует это средство, он будет искать тебя по всей земле,— засмеялась Ама Нкрома.— Скажи, ты ел? Вот еда.

— Я ел. Я подружился с человеком. Это глашагай по имени Нсаако.

— А, значит, это Нсаако тебя нашел. Я бы хотела, чтобы ты мог говорить с ним целый день. У него мудрая голова и доброе сердце. Я всегда называю его целителем, притворяющимся глашатаем, а он всегда смеется. Он здоров?

— Здоров.

— Ты куда-то торопишься?

— Сегодня ночью мне надо быть на дороге в Эсуано. Есть дело.

— Ночью? Что за дело?

— Рассказывать долго. Когда я вернусь, все расскажу. Я должен спешить. У нас нет веревки?

Ама Нкрома потянула за конец моток, лежавший на крыше, Денсу ножом отрезал, сколько ему было нужно.

— Возьми с собой нож,— сказала Ама Нкрома.— Он может тебе пригодиться. Ты же совсем без оружия.

Нож был острый, хороший.

3. ВСТРЕЧА НА ДОРОГЕ

Денсу торопливо шагал в сгущавшемся мраке. Он не слышал пушечного выстрела из крепости и беспокоился. Ужасные предположения терзали его ум. Быть может,

Бунтуи не посылали в Эсуано. Быть может, он отправился в путь раньше. Сквозь подлесок Денсу пробирались на дорогу в Эсуано, так что слабые огни крепости оставались справа и сзади. Кусты разрастались в густую чащу, и вскоре огни пропали из виду. Выплыла блеклая луна.

Дорога сначала вела прямо от моря, на север. Потом она резко заворачивала налево и ныряла вниз по длинному спуску. Денсу отыскал два подходящих дерева по сторонам дороги. На высоте пупка он сделал на коре зарубку и от нее провел вокруг ствола желобок, который он накрепко обхватил концом веревки и трижды завязал ее мертвым узлом. С веревкой в руке он пересек дорогу и бросил ее под вторым деревом, в коре которого он тоже вырезал желобок.

Должен ли он натянуть веревку сейчас или следует подождать, пока он не убедится, что на дороге не кто иной, как Бунтуи? Но вряд ли кто-то ночью пойдет из города в Эсуано, и немыслимо, чтобы кто-то в такое время шел из Эсуано. Денсу натянул веревку, завязал ее трижды и укрепил узел палочкой. Затем в ожидание он сел в тени дерева, росшего у дороги на три шага ниже. Лиственный покров над головой почти полностью заграживал небо. Лишь кое-где пробивались тонкие лучи луны, похожие на далекие звезды. На земле, в густом мраке, на дороге и возле нее светились бледные светлячки. В лесу была тишь, не слышно ни человека, ни дикой твари. Неожиданный звук почтой пушки заполнил тихий воздух и медленно замер в неясной дали.

Денсу ждал. Он пытался представить себе, сколько времени потребуется Бунтуи, чтобы добежать до этого места. Вытесненное из сознания старое беспокойство вновь возвратилось. Что, если Бунтуи вообще не пойдет в Эсуано? Что, если он уже прошел? И новая тревожная мысль: что, если Бунтуи отправится в путь не один? Усиьем воли Денсу вновь освобождался от опасений. Он закрыл глаза, прислонился спиной и затылком к стволу дерева, приказал мышцам расслабиться. Он сделал глубокий вдох и с изумлением понял, что в лесном воздухе нет морской соли.

Послышались шаги. Тяжелые, быстрые. Шаги бегущего человека. Они приближались. Они гроыхали в ушах, словно бегущий каждым шагом хотел сокрушить

всю землю. К тяжелой поступи прибавилось подвигание: бегущий повторял и повторял песню черных новобранцев. Денсу приготовился. Вой стал громче, уже были слышны слова:

Я иду воевать, и-и!
Я иду убивать, и-и!
Я иду умирать, и-и!
И-и! Я иду умирать!

Пенье резко прервалось. Беззаботный голос пресекался на хриплом выдохе. Вперед в темноте вылетело что-то длинное и тяжелое, скорее слышное, чем видимое. Оно с силой ударилось о ствол дерева, отскочило назад на дорогу, звякнуло о камень и скользнуло к Денсу. Денсу схватил ружье, такое новенькое, что оно сияло даже в бледных лучах луны. Он никогда не держал в руках такого ружья — такими ружьями была вооружена только стража белого полководца.

За паденьем винтовки послышался новый грузный удар. Захрустел подлесок, раздался яростный вопль, и тяжелое тело рухнуло на твердую землю. Денсу выбежал из укрытия. С ружьем в руках он стоял перед распростертым телом. Голову упавшего в темноте он не видел. Тело было наполовину скрыто в изломанном кустарнике, ноги раскинулись врозь, икрами и пятками касаясь дороги.

Должно быть, он сильно ударился. Медленно и с трудом ему удалось встать на колени рядом с дорогой. Он переместился ближе к свету, на середину дороги, и в замешательстве смотрел исподлобья.

— Бунтуи,— позвал Денсу.

Голос Денсу как будто помог ему в один миг осознать, что перед ним человек и что этот человек — причина его паденья. Из его огромной глотки вырвался вопль звериной злобы. Гигант рванулся на Денсу. Денсу не ожидал нападения. Бунтуи выглядел таким ушибленным и ошарашенным, что, казалось, не мог даже сопротивляться, не то что нападать. Денсу едва успел вернуться. Он поднял ружейный приклад и обрушил его на нападавшего гиганта.

Денсу был застигнут врасплох, поэтому он ударил с большей, чем надо, силой. Удар усилился и оттого, что Бунтуи нарвался прямо на приклад. Так или иначе, он

снова рухнул на землю. Денсу склонился над ним и осмотрел его. Крови на голове не было, но гигант лежал без сознания. Денсу оттащил бесчувственное тело с дороги на полянку поблизости и уложил гиганта на траву. Он снял с его пояса подсумок с патронами, уселся рядом и стал ждать.

Бунтуи быстро пришел в себя. Резким движением он попытался подняться, но у него явно закружилась голова, и он беспомощно сел. Луна здесь светила ярче, и Денсу отчетливо видел Бунтуи.

— У меня твое ружье, — сказал Денсу. — Стрелять я не собираюсь. Но если ты меня вышудишь, я выстрелю. — Бунтуи молчал. — Я хочу задать тебе вопрос. Если ты ответишь, можешь идти дальше. Если нет, я продержу тебя здесь до тех пор, пока ты мне не ответишь.

— Чего тебе надо? — спросил Бунтуи.

— Ты знаешь, кто убил князя Аппию, — сказал Денсу.

Бунтуи молчал.

— Я знаю, что ты знаешь, — продолжал Денсу. — Как только правда станет известной, убийцу повесят.

Бунтуи громко глотнул, но не сказал ни слова.

— Убийца может спасти свою жизнь только в случае, если докажет, что действовал по чьему-то приказу.

— Зачем ты меня здесь держишь? — спросил Бунтуи. В голосе его была смесь вызова и жалкой мольбы.

— Ты знаешь, кто убил Аппию, — повторил Денсу.

— Я не знаю.

— А мне сказали, что это ты убил его.

— Кто... кто тебе сказал? — испугался Бунтуи.

— Абабио. Кто же еще?

— Тебе сказал Абабио?

— Мне сказал Абабио.

В наступившей тишине тяжелое прерывистое дыхание Бунтуи свидетельствовало о смятенье в его тусклом уме. Наконец он как будто примирился с пораженьем и перестал думать, как выбраться из беды. Он спросил то, что его действительно волновало:

— Почему он тебе сказал?

— Подумай, — спокойно ответил Денсу. — Убийцу повесят.

— Он меня заставил, — злобно сказал Бунтуи.

— Кто?

— Сам эджа Абабио.

— Он тебя не принуждал.

— Он приказал. Он сказал, что все власть имущие хотят, чтобы я это сделал, и что я получу вознаграждение.— Бунтуи помолчал и сказал с обидой: — А он даже не позволил мне взять драгоценности.

— Какие драгоценности?

— Драгоценности! — Страсть в голосе Бунтуи словно должна была послужить лучшим объяснением.— У нее были драгоценности.

— У кого были драгоценности?

— У нее. У матери князя. У нее были драгоценности, и я их взял, но хозяин их у меня отобрал.

— И что он с ними сделал?

— Он их спрятал.

— Куда?

— Он велел мне зарыть их. В его комнате.— Бунтуи вздохнул.

— Что случилось с матерью князя?

— Эджа Абабио про нее мне не говорил.— В лунном свете Бунтуи огорченно покачал головой.— Он сказал, что человек должен попасть в западню, а мне надо дождаться этого и убить человека. Я услышал, как человек попал в западню, и я вышел из засады и стал его убивать. Но тут на меня набросилась женщина. Мне показалось, что я борюсь с ведьмой.

— Что ты с ней сделал?

— Ничего. Сначала я сломал ей одну руку. Потом другую. Потом я сломал ей обе ноги. Она все время сопротивлялась. В общем, я ломал и ломал. Потом она утихла.

— Ты собирался ее убить?

— Нет. Хозяин ничего про нее не сказал. Я не знал, надо ли убивать ее, и сердился. Женщина не шевелилась и не кричала. Я оставил ее на месте. Мне надо было сказать хозяину, что я все сделал, и спросить его, что делать с женщиной. Но когда я ему рассказал, он разозлился и отобрал у меня драгоценности.

— Ты возвращался?

— Куда?

— Туда, где ты убил Анпию.

— Мы оба пошли туда,— сказал Бунтуи.— Это было страшно. Женщина улетела — могу поклясться на стопах

моего хозяина. Она ведьма. И ты знаешь, хозяин мне не поверил. Он так на меня кричал, как будто это я дал ведьме крылья, чтобы она улетела. Никогда не видел, чтобы он так сердился. И вот он послал меня в этот город. Не знаю зачем. Мне нравится в Эсуапо. Но здесь тоже неплохо.— Голос его зазвучал веселее. Он замолчал и стал вслушиваться. Денсу был так поглощен тем, что рассказывал Бунтуи, что не заметил, как в воздух проник посторонний звук. Звук приближался, и Бунтуи наконец узнал его. Пели низкие мужские голоса в ритме с тяжелым топотом солдатских ног:

Мы идем воевать,
Мы идем убивать,
Мы идем умирать,
И-и, мы идем умирать!

Бунтуи вскочил на ноги. Денсу показалось, что он различил на лице гиганта выражение дружеского приветия. И прежде, чем Денсу сумел опомниться, Бунтуи ринулся через кусты напрямик к дороге, к солдатской песне.

Денсу не стал стрелять. Ему даже не хотелось грозить счастливому дураку. Он просто ушел с полянки и двинулся лесом вдоль дороги, бесшумно и быстро. Остановился он лишь тогда, когда удостоверился, что никто его не слышал.

Гигант думать забыл о нем. Он мчался сквозь чащу не как человек, убегающий от опасности, но как тот, кто стремится к чему-то желанному.

Пенье смолкло. Топот тоже. Их сменили нестройные возгласы:

- Кай! Это зверь!
- Он привязал здесь веревку!
- Стреляй! — крикнуло несколько голосов сразу.
- Не стреляйте! — завопил Бунтуи. — Я не зверь.

Я Бунтуи. Квайю Бунтуи.

- Слышишь? Зверь заговорил!
- Стреляй в зверя! Стреляй в зверя!
- Не стреляйте! Я — Квайю Бунтуи.
- Лови его!
- Молчать! — приказал резкий голос.

Послышались удары, крики, стоны.

- Какой здоровенный зверь!

— Но это слабый зверь!

— Он не умеет драться.

— Пусть зверь говорит.

— Он что-то говорит. Слушайте!

— Молчать! — снова послышался резкий голос.

Молчапья не было.

— Когда я говорю — молчать, значит молчать, — сказал резкий голос.

Солдаты утомонились.

— Кто ты такой?

Ответ Бунтуи Денсу не слышал.

— Что ты тут делаешь?

Долгая тишина. И вдруг несколько человек рассмеялось и кто-то из солдат сказал:

— Зверь сумасшедший. Он говорит, что кто-то его только что поймал.

Раздался громкий смех.

— Молчать! — взвыл резкий голос. Смех прекратился. — Покажи нам, где этот незнакомый человек с ружьем! — приказал резкий голос. Послышался шум многих людей, продирающихся сквозь кусты, ломающих ветки руками и ногами.

— Зверь, где человек с ружьем? — спросил резкий голос.

Солдаты расхохотались опять.

— Этот зверь — лунатик, — выкрикнул кто-то. — Когда выходит луна, ему мерещатся незнакомые люди.

— Молчать! — приказал резкий голос. — Он не зверь. Он шпион.

— Я не шпион, — рассердился Бунтуи. — Пойдемте во дворец, там узнаете, шпион я или не шпион.

— Ладно, зверь, — сказал резкий голос. — Мы возьмем тебя с собой. И если ты шпион и пытаешься обмануть нас, пеняй на себя.

Послышался резкий приказ. Солдаты опять затаили песню. Топот снова сотряс землю. Солдаты продолжили путь по дороге от города.

Денсу дождался, когда голоса затихли вдали. Он поднял с земли ружье и перешел через дорогу. Углубившись в лес, насколько позволяла растительность, он стал ждать возвращения солдат. Очень скоро они выбежали на дорогу с новой песней, незнакомой, но такой же бодрой, как первая. Он дождался, когда они уйдут на

достаточное расстояние, и тогда вышел на дорогу и зашагал к дому Амы Нкромы.

Она его дожидалась.

— Где ты пропадал так долго? — спросила Ама Нкрома. — Я уже начала за тебя беспокоиться.

— Мне нужно было встретить врага, — сказал Денсу.

— Что за таинственность! И он подарил тебе ружье? Щедрый враг. Кто он?

— Парень по имени Бунтуи. Вы его не знаете.

— Но у тебя такой вид, как будто ты получил то, за чем ходил.

— Больше, — сказал Денсу.

— Ты, наверно, устал, — сказала Ама Нкрома. — Поешь перед сном.

— Я не могу есть ночью.

— Съешь какой-нибудь плод.

Ама Нкрома рассказывала жующему Денсу, что с запада только что пришел целитель Эзуа и что она сказала Эзуа о сборе целителей в Прасо и Эзуа обещал привести с собой еще одного целителя.

— Я бы сама пошла в Прасо, — сказала Ама Нкрома. — Но куда мне идти? Старость побеждает меня. А ты непременно вернешься сюда и наведишь меня. Обещай мне!

Денсу уснул глубоким сном без сновидений. Он проснулся с ощущением сладости во рту и бодрости в теле. Умывшись, он с ружьем удалился в лес. Охотился он недолго. Одинокая антилопа пришла к ручью пить, и Денсу свалил ее первым выстрелом. Все утро он обдирали шкуру, разрезал и коптил мясо для Амы Нкромы. Затем он прибрал в ее доме и возле дома. После этого он поел и отдохнул.

Когда зашло солнце, он отправился в обратный путь, в селенье целителей возле Прасо. Ама Нкрома снова взяла с него слово вернуться и послала приветы Дамфо, Нианебе и всем остальным целителям. Они расстались.

4. ПЕРЕМЕНЫ

Первым человеком, которого Денсу увидел по возвращенье в Прасо, была Араба Джесива. Светило юное утро, Араба Джесива сидела у дома, легко прислонясь

к стене. Денсу чуть не заговорил с ней, но удержался. Не замечая его, она смотрела прямо перед собой. Из дома выбежала Аджоа.

— Она уже ходит? — спросил Денсу.

— Пока нет, — сказала Аджоа. — Скоро будет ходить. Я рада тебя видеть. — Она взяла у Денсу его узел. — Кто дал тебе ружье? — спросила она.

— Я взял его у Бунтуи, — ответил Денсу.

При упоминанье Бунтуи Араба Джесива издала еле слышный стон и из глаз ее хлынули слезы. Казалось, они долго копились и не могли прорваться наружу. Она напрягала горло и губы, силясь что-то выговорить. Усилие это оказалось чрезмерным, и, потеряв сознание, она стала сползать вниз.

Денсу бросил ружье и подхватил Арабу Джесиву прежде, чем она упала на землю.

— Надо ее внести в дом, — сказала Аджоа. Они уложили Арабу Джесиву в постель. Аджоа приподняла ей голову и дала напиток. Вскоре больная мирно уснула.

Аджоа подала Денсу холодной воды и стала рассматривать его, точно он отсутствовал много лет.

— Я видела тебя во сне каждую ночь, — сказала она.

— Это кошмары, — сказал он.

— Это просто сны, — возразила Аджоа.

— Только меня? Или всех своих женихов?

— У меня нет других женихов, — сказала она. — Я о тебе все время тревожилась. Есть человек, который хочет отпять тебя у меня.

— Здесь нет ни одной другой женщины твоего возраста.

— А разве это обязательно должна быть женщина и моего возраста?

— Ты говоришь загадками.

— Это не загадка. Все уже знают. Полководец Асанте две ночи назад во сне произнес твое имя.

— Асамоа Нкванта?

— Да.

— Он говорил, что он видел во сне? — спросил Денсу.

— Может быть, он рассказал отцу, — ответила Аджоа.

Вечером после еды целители и Асамоа Нкванта собрались послушать известия, которые Денсу принес с берега. Он рассказал им все, что видел и слышал. Целители в раздумье молчали. Асамоа Нкванта задавал вопрос за вопросом. Особенно привлек его внимание белый военачальник Вулсли.

— Каков он на вид? — спросил Асамоа Нкванта. — Он что, выше всех белых?

— Нет, не выше, — ответил Денсу. — Роста он маленького. Но осанка у него гордая, и все белые, несомненно, уважают его и даже боятся.

— На вид он силен? — спросил Асамоа Нкванта.

— В каком смысле силен? — уточнил Денсу.

— В каком угодно смысле. Как он ходит, как он изъясняет свою волю, быстрый ли у него ум?

— Я не могу ничего сказать о его воле и уме, хотя я слышал, что он вел войны по всей земле и всегда побеждал, — сказал Денсу. — Тело у него не сильное. Может быть, он был сильный в юности, но сейчас он хромает. Он старается скрыть хромоту, но, когда он идет, все равно заметно.

— Расскажи о другом белом, том, который должен напасть с востока. Как его зовут? — спросил Асамоа Нкванта.

— Зовут его капитан Гловер, — ответил Денсу. — Я не слышал о нем ничего, кроме того, что уже рассказал: собирает большое черное войско в долине реки Фироу.

— Мне нужно знать, который из этих двух белых главнее, — сказал Асамоа Нкванта. — У кого больше власти. Это очень важно.

— Этого мне узнать не удалось, — сказал Денсу.

— Мне необходимо точно узнать, что намеревается предпринять другой белый, которого зовут Гловер. — Асамоа Нкванта повторил эту мысль несколько раз. Капельки пота выступили на его носу. — И у меня нет ни одного надежного человека в Фироу. — Он посмотрел прямо в лицо Денсу. В лице великого воина было что-то странно похожее на мольбу. — Ты когда-нибудь бывал на востоке, в Фироу?

— Пока нет, — ответил Денсу.

— Ты можешь... ты не хочешь сделать это ради меня? — спросил Асамоа Нкванта с необычным замеша-

тельством в голосе. Казалось, он всем сердцем боится услышать отказ.

— Я согласен, — сказал Денсу.

Ответ его словно был неожиданностью для полководца. Он повторил вопрос. Лишь когда Денсу подтвердил свое согласие, Асамоа Икванта убедился, что все верно слышал.

— Когда ты сможешь пойти? — спросил Асамоа Икванта.

— Наверно, через неделю-две.

5. ГАДАНИЕ НА ВОДЕ

В дни перед путешествием в Фироу Денсу начал гадать на воде. Он ничего не ел целый день и не выходил из дому. Дамфо поставил перед ним широкую глиняную чашу с водой, и Денсу упорно глядел в нее. Сначала он видел только чашу и воду. Он старался взглянуть глубже, но от напряжения из глаз текли слезы. Тем не менее к третьему дню он научился глядеть не моргая, и слез больше не было. Глаза привыкли.

Он увидел отраженье своего лица. Неясное отраженье. Он попытался выразить его суть словами, но это не удалось. От чувства досады он хотел даже на время перестать смотреть в воду. Он решил сказать Дамфо, что не в силах сегодня продолжить гаданье. Но Дамфо уже неслышно ушел, и Денсу был один в доме. Чуть позднее неясность собственного отраженья перестала смущать его. Он упрямо глядел на отраженье. Отраженье глядело на него — и вдруг оно стало таять и превращаться в мысли, словно вода в сосуде не стояла на месте, а вольно струилась. Он не мог бы сказать, видит он что-нибудь или придает зримые образы собственным мыслям.

Во-первых, он увидел в воде не лицо, а человека во весь рост. Человек этот был странно незавершенный и искал завершенность. Другие люди проплывали мимо него по воде. Они махали ему руками, звали к себе, в заранее приготовленные для него места. Но эти места не влекли его, ибо он точно знал, какое место ему нужно. Тихая вода задала Денсу вопрос: какое место он для себя ищет? И почему именно это, а не другое место?

Пришел ответ: поиски не закончатся, пока его нужда не получит удовлетворенья. А нуждается он не просто в отношениях с людьми, но в отношениях определенного рода, какие возможны только с теми, кто движется к той же цели. Существовала срочная необходимость определить разницу между окружающими его людьми и теми, к которым его влекло. Неясный страх нашептывал, что таких людей и не существует, но Денсу обдумывал действительность своей жизни, и страх не смог набрать силу. У него была Аджоа. У него был Дамфо. Раньше у него был Энан. Стало быть, нужные душе люди возможны, и это рождало надежду.

Конечно, было множество других людей. Их спокойствие и уверенность проистекали из приятья существующего порядка вещей. Но каким слепым надо быть, чтобы душа находила удовлетворенье в искаженной до уродства действительности! Эти люди видели в жизни лишь две задачи: как найти себе место в данном мире и как удержать за собой это место. Его же душа искала отношений с людьми, для которых существующий порядок вещей не был совершенным или хотя бы приемлемым. С людьми, для которых места в мире пока что не существовало, ибо их действительность должна была наступить лишь в будущем. С людьми, с которыми можно сообща трудиться.

Возникла мучительная мысль. Что, если поиски собственной завершенности — всего лишь болезнь? Другая мысль развеяла мучительность первой: как бы то ни было, поиски от этого не делаются менее естественными. В воде он видел мир, в котором многие, большинство, страдали одной и той же болезнью. Болезнь заключалась в стремление разделять все и всех. Эта болезнь приносила больным бесконечное удовлетворенье, ибо давала им власть. Находились люди с противоположной болезнью, стремившиеся объединять все и всех. Если это тоже болезнь, думал он, глядя в воду, пусть она называется как угодно. Ничто не помешает ему заболеть этой болезнью и, следуя ее природному течению, дойти до ее естественной цели.

Когда он отвел взгляд от воды, было уже далеко за полдень. Мир прогрелся. Денсу захотелось воды — воды в теле, воды вокруг, воды, обнимающей все его естество. Он пошел к ближайшей речке. Он оставил одежду на

скале, повисшей над заводью, и нырнул. Он не плыл, он просто позволил телу глубоко уйти под воду. Он закрыл глаза и позволил сознанию забыть, где дно, где поверхность, где берега.

Не открывая глаз, он выплыл, глубоко вздохнул и, лежа на воде, стал греться в лучах солнца. Через некоторое время лицо его запылало. Он открыл глаза, доплыл до нависшей скалы, подпрыгнул и, ухватившись за нее обеими руками, подтянулся и вылез из воды. Одежда его исчезла.

Никаких следов на скале не было, но там, где камень уходил в землю, трава была чуть примята. Он пошел по едва заметным следам — тот, кто шел по траве, шел легкой стопой. Перед свежей поляной следы неожиданно обрывались. Денсу не стал осматривать дерево, под которым кончались следы. Вместо этого он уселся под ним. Одежда мягко свалилась ему на голову и, раскрывшись, легла на лицо. Кто-то спрыгнул с дерева.

— Ты хорошо читаешь следы,— сказала Аджоа.

— Ты хорошая искусительница,— сказал Денсу.

— Я отдала тебе одежду,— сказала она.

— Я тебе тоже отдам.— Он потянул ее за пояс. Она отступила, но Денсу держал крепко, и пояс развязался. Она еще пыталась освободиться, поэтому он прижал ее к себе и, повалив, упал вместе с ней.

— Осторожней. Мне больно,— сказала она.

Он сам перевернулся на бок и положил на бок Аджоа. Расстелив на траве свой халат, он перенес ее над собой на халат. Свободной полкой он накрыл их обоих.

— Я думала, ты гадаешь по воде,— сказала она.

— Я и гадаю,— сказал он.

— Когда ты ищешь свою душу, ты не должен желать женщин,— сказала она.

— Вода мне этого не говорила.

— Что же она тебе сказала?

— Вода сказала, что иногда можно увидеть свою душу только в другом человеке,— сказал он.

— И этот другой человек — я? — спросила она.

— Спроси у воды,— сказал он.— Для меня это не вопрос, а ответ.

— Для меня то же самое,— сказала она.— Скажи честно, что ты увидел в воде?

— Тайну.

— Даже не собственной души? — Она рассмеялась.

— Раз ты хочешь знать, я скажу тебе. Когда я глядел в воду, я увидел голую Аджоа.

— Я всегда вижу, когда ты врешь, — сказала она. — Тебя выдает жилка на виске.

— Каким образом?

Аджоа не отвечала. Она даже не услышала его вопрос...

Потом, громко смеясь, они смывали с себя пот и загорали на теплой скале, нависшей над заводью. Послеполуденное солнце заглянуло им в лицо. Они закрыли глаза.

— Ты видишь, что вижу я? — спросила Аджоа.

— Не знаю, — ответил Денсу. — А что ты видишь?

— Какой цвет у тебя под веками?

— Шафранный. Он бледнеет, если я пытаюсь открыть глаза. А ты сквозь веки видишь радугу?

— Павлиньи перья, — сказала она. — Плотно закрой глаза и отвечай.

— Закрыл. Спрашивай.

— Смотри изо всех сил.

— С закрытыми глазами я ничего не вижу, — возразил он.

— Это тебе так кажется, — сказала она. — Постарайся.

Он постарался.

— Что ты видишь? — спросила она.

— Тот же шафранный цвет.

— А перед ним?

— Ничего.

— Смотри лучше.

— Да, вижу. Длинная прозрачная изогнутая нить. Она сохраняет форму, но все время меняет место. Она пытается скрыться под веком.

— Куда?

— Вниз.

— Погляди вверх — она тоже поднимется вверх. Верно?

— Верно. У тебя на ней есть узелки?

— Множество, — сказала она. — Мне казалось, что их можно сосчитать, но я вижу, это невозможно. Вся нить состоит из узелков. Маленькие прозрачные узелки.

Как слепая, па ощупь она потянулась за его рукой, нашла се и прижала к себе. Так молча они лежали, пока она не спросила:

— Что сделалось с солнцем?

— Огромный питон проглотил его — разве ты не слышала? Почему ты спрашиваешь? Ты больше не видишь его за веками?

Она стиснула его руку, на этот раз без игры, и он открыл глаза. Часть солнца скрывала лысая намавленная голова человека, стоявшего в шаге от них. С его шеи на золотой цепи свисала золотая пластинка. Незнакомец был не один. Его спутники стояли полукругом сзади него, как люди, только что вышедшие с узкой тропы на открытое место. Денсу посмотрел на Аджоа. Она уже была одета. Он встал, поправил на себе халат и приветствовал знакомого и его спутников. Спутники только кивнули в ответ. Но незнакомец с золотой пластинкой заговорил.

— Мы ищем дорогу к селенью целителей, — сказал он.

— Кто вам там нужен? — спросил Денсу.

Незнакомец указал на золотую пластинку.

— Ты видишь, мы — царские гонцы. Мы несем посланье царя из Кумасе полководцу Асамоа Нкванте.

Денсу и Аджоа проводили царских посланцев в селенье. Аджоа подала им воды напиться, а Денсу пошел докладывать Асамоа Нкванте о прибытии гонцов. Полководец нимало не удивился. Казалось, он с утра ждет гонцов.

— Веди их сюда, — сказал он Денсу, — и скажи Дамфо, чтобы он тоже пришел, если свободен.

6. ЗОВ

Встреча Асамоа Нкванты с царскими посланцами была краткой. Асамоа Нкванта спросил, какие вести они принесли. Посланцы сказали, что могут сообщить только одно: народ Асанте пуждается в Асамоа Нкванте, войско Асанте погибает без Асамоа Нкванты, царские рабы Асанте ищут совета Асамоа Нкванты. Они готовы выслушать любые его требованья, лишь бы он вновь встал во главе войска, которое он оставил, побежденный ужасным горем. Это все, сказали посланцы. Им велено возвращаться

в Кумасе, как только они услышат ответ Асамоа Нкванты.

Асамоа Нкванта не делал вид, что колеблется. Он сказал, что сам пойдет в Кумасе на царский совет. Посланцы даже не остались поесть. Убедившись, что они верно поняли Асамоа Нкванту, они тут же пустились в обратный путь, в Кумасе.

Асамоа Нкванта пошел к Дамфо и рассказал ему новости.

— Вы ведь на это надеялись? — спросил Дамфо.

— Я не думал, что это произойдет так быстро, — ответил Асамоа Нкванта.

— Они нуждаются в вас, — сказал Дамфо.

Асамоа Нкванта безуспешно пытался скрыть усмешку.

— У меня к вам просьба, — сказал он.

— Какая просьба?

— Когда я пойду в Кумасе, я бы хотел взять с собой Денсу, — сказал полководец.

— Зачем? — спросил целитель.

— Я думал, вы это уже заметили, — сказал Асамоа Нкванта. — Денсу на меня хорошо действует. Я не понимаю, в чем дело, но знаю, что он мне нужен. Когда они убили моего племянника, что-то ушло из меня. Как будто я зря потерял много крови. И вот я смотрю на Денсу, как он говорит, как движется, — все в нем напоминает племянника, но мне почему-то не больно. Вы понимаете?

Дамфо кивнул.

— И все-таки он не воин, — сказал он.

— Лишь потому, что он не желает стать воином, — сказал Асамоа Нкванта.

— Он сам должен решить, идти ему с вами или нет, — заключил Дамфо. — Вы ему ничего не говорили?

— Еще нет, — сказал Асамоа Нкванта.

ЧАСТЬ VII

1. ЕВНУХ

Денсу согласился идти с Асамоа Нквантой в Кумасе. Асамоа Нкванта так рассчитал путешествие, что они пришли в Кумасе после наступленья темноты. Возле города они обогнули затуманенную смердящую низину.

— Что это? — спросил Денсу.

— Субин, болото Смерти, — ответил Асамоа Нкванта. Весь остаток пути он не сказал больше ни слова.

Асамоа Нкванта вошел в город без почестей. На первой же улице два почных стража с дикими длинными космами замахали копьями перед лицами полководца и Денсу.

— Кто вы такие? — допытывались они.

Асамоа Нкванта не ответил. Он молча стоял на месте, пока стражи не рассмотрели его лицо. Их поведение сразу переменялось. Один отступил в сторону и обратил наконечник копья к земле. Другой вызвался проводить полководца до дому. Сухо рассмеявшись, Асамоа Нкванта сказал, что сам пойдет путь домой. Дом, к которому стремился Асамоа Нкванта, не принадлежал к числу больших домов в городе. Никто не вышел ему навстречу.

— Когда мне был нужен покой, а я не мог покинуть город, я приходил сюда, — сказал Асамоа Нкванта. — Здесь всего одна комната.

У дальней стены стояло несколько свернутых толстых циновок. Одну из них Денсу расстелил для Асамоа Нкванты. Сам он решил лечь во дворе. Долгий путь разгорячил его, а в сырости нежилого дома ему сделалось не по себе.

Из дома до Денсу доносилось беспокойное прерывистое дыхание Асамоа Нкванты. Иногда полководец откашливался, словно что-то ничтожное, но неотвязное не давало ему покоя. Шло время, в доме установилась полная тишина, и вскоре до Денсу донесся храп.

То, что испытывал Денсу, было волнение, а не возбуждение. Он чувствовал, что вступил в незнакомый мир. Он не знал, что откроется утром перед его глазами, но неведомое не огорчало его. Наоборот, он почти радостно предвкушал, что увидит и услышит то, чего до сих пор не видел и не слышал. И поэтому, хотя он не мог уснуть, тело его не испытывало ни малейшей усталости. Уже сейчас оно было сильным, добрым, заранее готовым ко всему, что принесет завтрашний день.

Вдруг внимание его привлек шорох. Он затаил дыхание и вслушался. Шорох исходил не из дома, он был где-то рядом, чуть ли не над лежащим Денсу. И тут Денсу увидел человека. Во мраке он понимал лишь то, что человек этот — великан. Он зловеще медленно

пробирался к двери дома, в котором спал Асамоа Нкванта. Чтобы пройти в дверь, великану нужно было перешагнуть через Денсу.

Денсу сполз со своей циновки и притаился. Великан явно его не заметил. Он крался медленно, в прежнем ритме.

Денсу не видел, есть ли у него оружие. Денсу лежал как мертвый. Великан ступил одной ногой на циновку, поднял другую ногу — и в это мгновение Денсу обеими руками изо всех сил рванул циновку из-под прищельца. Даже падая наземь, великан удержался от восклицаний. Судя по звуку падения, он не был вооружен. Денсу прыгнул на него и плотным замком обхватил его шею.

Великан пытался освободиться, но не всерьез. Денсу понял, что происходит нечто страшное. Его противник, вероятно, обладал огромной физической силой, но, несомненно, не стремился одержать верх над Денсу. Денсу хотел схватить его за руки, но сначала обнаружил только одну — и та не была сжата в кулак. Другую руку великан закрывал всем своим могучим телом. Денсу подумал было перевернуть его, но странное непотивление прищельца переменяло его намерения.

— Кто вы такой? — спросил он.

— Это я тебя должен спросить, — прошептал великан, и Денсу понял, что тот боится разоблачения.

— Вы должны сказать мне, кто вы такой и что тут делаете, — не отступал Денсу.

Прищелец помолчал, а потом сказал, тоже шепотом:

— Я к нему.

— К кому?

— К полководцу, — неохотно проговорил великан.

— Вы всегда ходите в гости тайком, по ночам?

— Что ты хочешь сказать?

— Что вы крадетесь, как вор или убийца.

Слова Денсу не развеселили прищельца. Гораздо громче, чем прежде, он прошептал:

— Мир кишит дураками вроде тебя.

Денсу не знал, что ответить, но тут послышался голос Асамоа Нкванты:

— Что за шум?

— Великан крался к вам — я его поймал, — сказал Денсу. — Он говорит, что пришел к вам в гости — почью.

Поверженный пришелец раздраженно свистнул сквозь зубы.

— А ваш сторож остряк, — сказал незнакомец.

— Неужели это Осоп? — В голосе Асамоа Нкванты было больше радости, чем удивленья.

— Он самый, — тихо ответил великан. — Но скажите вашему разбойнику, чтобы он перестал меня душить. Я пришел с миром.

— Не сомневаюсь, Осон, — сказал Асамоа Нкванта. — Денсу, отпусти его. Это друг, лучший друг. Иногда он поступает не как другие люди, но беды в этом нет. Введи его в дом!

Денсу отпустил поверженного великана и провел его к полководцу.

— Не надо зажигать свет, — попросил гость.

— Ладно, — сказал Асамоа Нкванта. — Что же тебя привело ко мне в середине ночи? Откуда ты знаешь, что я здесь? Если во дворце узнают, что ты у меня, они тебя убьют.

— Иногда мне кажется, что лучше бы меня убили, — вздохнул великан. — Я тороплюсь. О том, что вы здесь, сказал мне страж Амфом. Он друг. Я скучал по вас, осаджифо Асамоа.

— И ты решил рискнуть виселицей лишь для того, чтобы мне это сказать? — спросил Асамоа Нкванта.

— Я принес вам дар, — сказал Осон. Даже во мраке сомнений быть не могло: на левой ладони лежал камень, вбивавший в себя весь свет, который таился во тьме, и лучившийся этим светом.

— Алмаз, — удивился Асамоа Нкванта. — Что ты за человек ныне, Осон?

— Спокойствие, осаджифо, — сказал Осон. — Я то же, что был, несчастный евнух, которого вы спасли от смерти. Я и ныне евнух и не могу быть никем иным.

— Где ты его достал? — спросил Асамоа Нкванта.

— Спокойствие, — ответил Осон. — Я никогда ничего не крал и не буду красть. Я нашел алмаз у истока реки Тано. Когда вас здесь не было, я ходил туда со жрецами. Царице-матери было нужно о чем-то спросить реку.

— Ты знаешь закон, — сурово сказал Асамоа Нкванта. — Все найденные сокровища принадлежат царю.

— Я знаю закон, — согласился гость. — Но я услышал в себе голос. Осаджифо, как мог я отдать алмаз

комунибудь, кроме вас? Я давно мечтал принести вам не один дар, а целую вселенную даров. Разве вы забыли, что вы подарили мне? А я никогда не мог ничего дать вам взамен. Что может дать раб? А евнух ниже раба. У истока реки Тано я нашел этот драгоценный камень. Лишь я увидел его, душа моя, вся моя кровь закричала ваше имя. Я не мог пойти против моей души. Я пошел против закона. Я не знал, где вы. При дворе говорили, что вы сошли с ума и исчезли. Я был в отчаянье. Но я надеялся и хранил алмаз. Это было опасно. И когда я начал думать, что больше мне не удастся его утаить, я услышал, что вы вернулись. Теперь я вижу, душа верно советовала мне сберечь этот камень для вас. Возьмите его, осаджифо.

Асамоа Нкванта накрыл алмаз правой ладонью.

— Спасибо тебе, Осон,— сказал он.— Но впредь не рискуй жизнью ради того, чтобы доставить мне удовольствие.

Осон радостно рассмеялся.

— Могу ли я чем вам служить, осаджифо?

— Можешь. Во-первых, берегись, чтоб тебя не убили.

Если они узнают...

— Никто не узнает,— сказал Осон.— Даже слон ходит неслышно, когда у него есть это,— он постучал пальцем по голове.— Простите, что разбудил вас. Осаджифо, я должен спешить. Вероятно, я должен попрощаться и с вашим разбойником. Как его зовут?

— Денсу.

— Ладно. До свиданья, Денсу,— сказал Осон.— Если шея моя распухнет, знай, что это твоя вина.

И он скрылся в ночи так же тихо, как появился.

2. ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

На третий день после возвращения Асамоа Нкванты в Кумасе выслушать его собрался царский совет. Это был не полный совет. Многие цари не успели бы добраться до Кумасе, и царь Кофи Карикари заявил, что так даже лучше, ибо речь пойдет о больших тайнах.

Поэтому на совете присутствовали только нана Асафо Аджеи из Джубабена, нана Квабена Джумо из Мампонга, вождь Квамен Аджопонг, вождь Аманква Тия из Бантамы и его соперник Эду Бодо.

Последней в дом совета вошла царица-мать, Эфуа Кобри. Стройная, с нежной коричневой кожей, как у младенца, в пестрых шелках, сегодня она была с небольшой свитой — всего семь служанок и трое толстых мужчин, евнухи. В одном из них Денсу признал Осона так явственно, словно видел его раньше при свете дня. Однако здесь, в доме совета, Осон не подавал виду, что знает Денсу. Он не приветствовал даже самого Асамоа Нкванту.

Эфуа Кобри, царица-мать, уселась, и совет начался. Сначала царица-мать говорила о горе Асамоа Нкванты. Потом она говорила о горе всего народа Асанте. Она говорила искусно, красиво, суть ее слов была ясна: пусть Асамоа Нкванта забудет прошлое. Пусть требует какой угодно награды. Но пусть он вернется к войску Асанте, которое истекает кровью, пусть спасет войско и народ от гибели.

Говорили другие. Никто из них ни мыслью, ни изяществом слов ничего не прибавил к сказанному царицей-матерью. Настало время говорить Асамоа Нкванте. Великий воин был поразительно краток. Он сказал, что перед лицом народного горя готов забыть о своем горе, но прежде всего ему нужно знать, чего от него хотят.

Царица не успела как следует пошептаться, как Эфуа Кобри ответила Асамоа Нкванте:

— Осаджифо Асамоа Нкванта, спаси войско. Сейчас оно возвращается домой, но у него нет вождя, и оно погибает. Встань во главе войска!

— Это дело нетрудное, — сказал Асамоа Нкванта.

— Есть и другое дело, — сказала царица-мать. — Есть слухи и признаки, что войско белых готовит вторжение в Асанте. Кое-кто слышал, что белые мечтают завоевать даже Кумасе.

Один из вождей громко хихикнул. Другой обругал заносчивость белых. Остальные ограничились тем, что с деланным изумленьем покачали головами.

— Никто из нас, — продолжала царица-мать, — никто из нас не знает, как противостоять вторжению белых. Когда говорят об этом, люди только вздыхают: «Если бы Асамоа Нкванта был с нами! Если бы Асамоа Нкванта возглавил войско!» Теперь ты с нами. За то, что ты сделал для войска, ты уже заслужил звание осаджифо. Выше его только звание Зрафо Кра, Душа Войска.

Осаджифо, ты можешь заслужить и высшее звание. Протяни руку — и оно твое. Мы призываем тебя: вернись к войску! Верни нашим воинам боевой дух.

На этот призыв Асамоа Нкванта ответил согласием. Оставалось только вернуться к войску. Но перед этим следовало обсудить намеренья белых пойти войной на Асанте и захватить Кумасе.

— Я надеюсь, у них хватит смелости прийти сюда, — сказал Асамоа Нкванта.

При этих его словах у нескольких царей перехватило дыханье.

— Некоторые из нас не понимают, на что ты надеешься, — сказала царица-мать.

У Асамоа Нкванты был хорошо обдуманый план действий. Он объяснил его:

— Я видел, как наши братья на берегу, в Эдине, ловят рыбу. Во-первых, они не мешают движенью рыбы. Они расставляют сеть. Когда рыба в нее попадает, они вытаскивают ее на берег.

Поэтому пусть белые придут в Асанте. Я выберу для битвы самое удобное место. Когда белые дойдут до него, они будут как рыба в сети. В середине их удержат одни наши отряды. Другие отряды обойдут их сбоку и встанут сзади белых. Белое войско в лесу не продержится долго.

Ружья у белых лучше, чем у нас. Больше того, все ружья мы получаем от белых. Но белые боятся леса, потому что знают: в бою лес не на их стороне, а на нашей. Они могут готовиться к войне против Асанте, но они не могут приготовиться к долгой войне в наших лесах. Вернейший путь победить белых — заставить их надолго остаться в лесах и вести с ними долгую, долгую войну. Поэтому, когда мы поймаем их в сеть, нам останется только удерживать их и позволить лесу убить их всех.

За речью Асамоа Нкванты воцарилось молчанье. Молчанье это прервали слова хвалы. Цари состязались друг с другом в восхваленье великого воина. Он слушал их, немой, как стена.

Денсу посмотрел в лица царям. За показными восторгами он увидел опасенья и горечь. Лица царей Кофи Карикари и наны Асафо Аджеи из Джуабены выдавали глубокое разочарованье. Царица-мать сидела, окутанная холодным безмолвьем, как гробница. Лицо ее было не-проницаемо.

Царский совет без обсуждения одобрил план Асамоа Нкванты. И поручил ему командовать войском. Уходя, полководец и Денсу заметили, что из дома совета выгнали всех, кроме царей и трех внухов. В числе их был Осон.

Назад к реке Пра они дошли быстро. Асамоа Нкванта шагал с силой счастливого человека, передававшейся Денсу. У Прасо они переночевали в селенье целителей. Рано на следующее утро они простились с целителями и пересехали на левый берег реки. Асамоа Нкванта шел по еле заметной тропе вдоль течения. Тропа привела их к чему-то вроде лесного охотничьего шалаша. В нем их ждали семь человек, боевые командиры войска Асанте. Командиры приветствовали Асамоа Нкванту, а Денсу приветствовал командиров.

— Он мой помощник,— сказал командир Асамоа Нкванта.

Извилистым путем командиры привели их к только что расчищенной поляне, на которой стояли три дома. Командиры с Асамоа Нквантой и Денсу вошли в средний. Нагибаясь у низкой двери, Денсу вдруг увидел дрогнувшую ветку. Взглянув пристальней, он увидел на дереве часового с ружьем.

Не успев сесть, Асамоа задавал вопрос за вопросом. Он спросил у командиров, сколько солдат ушло с ними на войну и сколько осталось. Когда отступавшее войско должно было достигнуть реки Пра. Когда царские гонцы отозвали войско назад. Что сейчас мешает передвижению войска.

От услышанных ответов Асамоа Нкванта помрачнел. Большая часть войска уже вышла на берег Пра. Не было средств для переправы через реку.

Денсу посмотрел на полководца, тот понял его взгляд.

— Говори,— сказал Асамоа Нкванта.

— Разве у войска нет лодок для переправы? — спросил Денсу.

Озадаченные командиры переглянулись. Асамоа Нкванта посмотрел на них.

— Может быть, вы ответите? — тихо спросил он.

Один командир покачал головой, остальные молчали. Денсу задал еще один вопрос:

— Разве в войске нет мастеров, умеющих делать лодки?

Снова тот же командир покачал головой.

— Я знаком с этим ремеслом,— сказал Денсу.— Если мне доставят достаточное количество работников с инструментом, я берусь поставить войску все нужные лодки.

— Так и сделаем,— решил Асамоа Нкванта. Он посмотрел на командиров.— Кто из вас дает работников?

Один командир вызвался дать работников.

— Кто возьмется валить лес на постройку лодок?

Вызвался другой командир.

— А я пока что отправлюсь на юг и соберу отстающие отряды,— сказал Асамоа Нкванта.

Переправа возвращавшегося войска через реку Пра началась в четвертый день недели. Воины первого отряда были порывисты и нетерпеливы. Четыре их командира, сверкая глазами, заявили, что не намерены ждать, пока выдолбят лодки. Два из них с пятнадцатью воинами в старой лодке переправились на правый берег, два других со всем отрядом остались на левом.

Они решили, что повалят стоящие на разных берегах друг против друга два гигантских шерстяных дерева. Стволы упадут в реку, так что макушки встретятся в середине, и воины смогут перебраться по ним без лодок. Деревья свалили. Макушки почти встретились. Почти, но не совсем. С берега было трудно сказать, можно ли перепрыгнуть с одной на другую.

Один смелый воин пошел первым, и ему повезло. Он прыгнул, схватился за дрожащую ветку и по ней добрался до прочного ствола. Несколько воинов нетерпеливо рванулись вслед за ним. Мало кому удалось добраться до правого берега. Большинство из них не допрыгнули даже до верхних листиков кроны. Через некоторое время с ветвей обоих деревьев огромными странными плодами свисали безвольные людские тела.

Нетерпенье воинов сменилось признанием необходимости ждать и работать. Днем и ночью плотники высекали из огромных древесных стволов лодки. Вскоре нужное число их было готово, и переправа наладилась. По тридцать воинов возвращалось домой в каждой лодке.

Беда случилась всего однажды. Сорок воинов, предпочитая спешку безопасности, набились в одну лодку. Она перевернулась в середине течения. Плавать умели только гребцы.

Когда в шестой день недели тьма опустилась над миром, все воины войска Асанте вновь были дома.

Но каким невеселым было возвращенье войска! Какой ужасный исход войны видел народ! Шествие воинов двигалось по Кумасе, по Кумасе — исконной столице, Кумасе — непобедимой твердыне, Кумасе — вечнозеленому саду. Но это было не гордое шествие победителей. Вышедшие из домов, чтобы приветствовать возвратившихся, видели медленное унылое шествие уцелевших, чей каждый шаг повторял одно: в этой войне одержала победу только смерть.

Языки у певцов прилипли к гортани. Они не могли петь победные восхваленья. Кто бы сейчас стал их слушать? Жаждавшие жестоко потешаться над пленниками были разочарованы. Ни одного пленника, только свои, и отнюдь не все. Воины в цвете юности уходили на эту войну с сорока товарищами каждый. Теперь они возвращались одни с сиротливыми узлами, которые напоминали живущим о тех, кого смерть поглотила вдали от дома.

На улицу вынесли скелеты убитых врагов, чтобы показать доверчивым, что асанте — могучие воины. Уловка эта не могла скрыть лицо истины, она лишь пачкала его грязью. К какому еще обману прибегнут цари, чтобы объяснить народу, почему в числе возвратившихся нет трехсот гордых боевых командиров, которые у всех на виду уходили воевать? Каким новым обманом попытаются они облегчить горе тех, кто собирал дорожные узлы для семи братьев, а теперь встречал только двух?

Прикусите свои языки, царские певцы славословий. Вы сделали свое дело. Вы посылали тридцать тысяч на юг против забытых братьев — и вы лучше всех знали, что ваши песни веселья и гордости служат приготовленьем к долгой пляске смерти.

Смерть сделала свое дело. Настала пора для медленных песен прощанья. Дорогу плакальщикам! Пусть воздух будет прохладен и чист. Пусть его заполняют песни о тысячах, унесенных смертью. Если в середине похоронных песнопений у вас иссякнут слезы, молитесь, чтоб вам их послала полноводная Пра. Можете звать даже к

священной Тано. Они помогут вам достойно оплакать близких.

В Кумасе уцелевшие молча разошлись по домам. Их горе слезами нельзя было выразить. Что еще им оставалось? Когда они наконец смогли раскрыть рты, они мужественно старались говорить о чем угодно, только не о смерти. Они пересказывали все истории о знаменитых победах Асамоа Нкванты. Они рассказывали вновь и вновь, как Асамоа Нкванта услышал, что войско Асанте умирает от смертельных болезней, теснимое к берегу смертоносной реки Пра исполненными печалью и хорошо вооруженными братьями. Как Асамоа Нкванта услышал это, и позабыл о своей долгой скорби, и вновь занял свое место во главе своих учеников-полководцев. Как мудрость и труды Асамоа Нкванты помогли избежать полной гибели и благополучно переправиться через опасную реку Пра. И они заканчивали свои рассказы тем, что правители страны в неизреченной щедрости присвоили великому воину почетнейшее среди воинов звание — Зрафо Кра, Душа Войска.

И вот все гордые слова были исчерпаны, и от неожиданных утрат на душе народа открылись зияющие раны. А в умах людей воцарилась пугающая пустота, — пустота, которая толкает народ в объятья самых диких домыслов.

Неужели войско белых, войско призрачных солдат, на самом деле надвигается на Кумасе, неприступную столицу страны? На Кумасе, мать городов, Кумасе, зеленую красавицу. На Кумасе, на чью землю никогда еще не ступала вражеская нога. Неужели на этот раз слухи верны? Неужели сам царь в эти дни как игрушка раскачивается на веревочке между отчаяньем и надеждой?

А почему бы всему этому и не быть правдой? Настало время предзнаменований и странных рассказов. Поток злых вымыслов и нелепых происшествий затопил умы и чувства людей, слишком долго живших ожиданием беды. Рассказни были бредовые, но в дни страха их развелось слишком много; происшествия были невероятны, но рассказчикам быстро, охотно верили. О чем ни подумай, все было страшно, но теперь даже самым трусливым не удалось зажмурить глаза.

Настало время предзнаменований, и вот каким было первое предзнаменование. В сухое время года, до наступленья дождей, светлый день внезапно сменился ужасной

ночью. Огромные тучи заполнили небо и задушили воздух. Вспышки молний пронзали их, как злобные слуги смерти, ищущие, кого погубить. Что до грома, грохот его сотрясал дома, по сто лет выдерживавшие ливни и половодья. Весь остаток погибшего дня над землей недвижно висели грозные тучи. В полночь они зарычали, как взбесившийся великан, и, раздавшись, обрушили на изумленный мир не дождь, но твердые камни. Один камень пронзил крышу дома и пробил голову шестидневного младенца, возвратив его в мир предков.

Другой рассказ тайными шепотами долетел из Бантамы, священного царского кладбища. Царский евнух увидел, как площадь перед царской усыпальницей медленно переходит дикобраз, символ народа Асанте. Евнух позвал кладбищенских стражей полюбоваться священным зверем. Не успел дикобраз дойти до середины площади, как следом за ним выполз огромный серебристый питон. Дикобраз повернулся к питону мордой и выпустил длинные, острые иглы, позванивавшие друг о друга.

Как зачарованные, евнух и стражи смерти глядели на столкновение тварей. Питон по-прежнему полз на дикобраза. Он не попытался удушить его своими кольцами — он просто проглотил его вместе с иглами, а проглотив, свернулся грудой блестящих колец, положил голову на верхнее кольцо и уснул на семь дней.

Евнух и стража бросились искать жреца. Жрец опасался, что произойдет что-то ужасное, если кто-нибудь побеспокоит питона. Действительно, целую неделю, пока он спал, его обходили стороной даже земляные муравьи. Чудеса на этом не кончились. Когда прошла ровно неделя, питон изверг из себя одну за другой тридцать игол дикобраза. После этого он вдруг бесследно исчез.

Шептали, что в Кумасе обеспокоенный слухами царь попросил дворцовых жрецов истолковать смысл предзнаменования. Все они были сведущие люди, но ни один из них не открыл рта. В глазах их мелькали блуждающие огоньки опасного понимания. Кому не известно, что недобрые вести царям Асанте не сообщают?

Из Эджисо в Кумасе пришел рассказ о том, что год назад бесплодная женщина неожиданно зачала. Прошло девять месяцев, десять и одиннадцать. Беременность продолжалась. Когда истекло ровно двенадцать месяцев, в полночь она родила. В довершение чудес новорожденный

сразу же заговорил, заговорил как старик, съевший на своем веку бочки соли и перца:

— Мать, зачем ты меня родила в этот мир? И зачем ты меня родила в такое ужасное время? Мать, что мне делать здесь и сейчас? Я пришел сюда из мирного дома, и я туда возвращусь. Больше ты меня не увидишь.

С этими словами чудесный младенец исчез. Мать, измученная родами и ошеломленная невероятными речами, выползла из дома и стала звать и искать сына. Его нигде не было. В отчаянье она возвратилась в свой дом и не могла его узнать. За мгновенья ее отсутствия весь дом порос травой и кустами, словно никто не жил в нем два времени года.

Когда жрецов в Эджисо спросили, что это значит, они тоже не сказали ни слова.

Из Бекваи в Кумасе пришел рассказ о том, как три долгих дня по городу ходила готовая разродиться коза и громко, жалобно блеяла. Такая тяжесть была у нее во чреве, что тонкие ноги с трудом носили ее. Мальчишки швыряли в нее камнями. Коза не пыталась бежать от них. Она глядела им прямо в глаза, казалось, она жалеет их, как мать жалеет беспутных детей, обрехших себя на погибель. При всем народе она уронила наземь слезу и отвернулась. На маленького мальчишку, который бросил в нее больше всех камней, напал колотун, и он, как больной, продрожал три дня подряд.

Как только мальчишку заколотило, у козы начал рождаться козленок. Появились на свет две ноги, потом еще две, потом вместо головы еще две — всего шесть.

Зеваки говорили друг другу, что, наверное, это сдвоенное животное. Но козленок родился, и у него на шесть ног оказалась одна голова. Беспомощный, мокрый, он лежал на песке. Не успев обсохнуть, он поднялся на шести шатких ножках и пошел за матерью, медленно и спокойно.

Коза вела шестиногого козленка по середине Бекваи и заглядывала в глаза людям. Так они трижды обошли середину города. Потом, точно спохватившись, коза стала кормить своего чудовищного козленка. Напившись молока, козленок помчался в заросли. Коза побежала за ним. Никто их больше не видел.

Из Мампонга в Кумасе пришел рассказ о том, как жена одного человека понесла в седьмой раз. Когда жена его беременела, он терял к ней влечение до родов и на

сто дней позже. На этот раз он потерял не только влечение, но и сочувствие.

Жена, как всегда, кротко и терпеливо переносила вынашиваемое на ее долю испытание. Но муж ни на миг не оставлял ее в покое. Каждый день с утра до ночи он осыпал ее незаслуженными оскорблениями. Он смотрел на ее живот и злобно плевался. Женщина старалась не обращать на это внимания и занималась обычными хозяйственными делами. Ее спокойствие лишь раздражало мужа. Никто не просил его объяснять, почему он вдруг стал испытывать отвращение к жене. Он сам нашел объяснение: ему казалось, что у нее некрасивый живот. Он стал рассуждать вслух, что такой большой живот не оттого, что в нем младенец, а от чрезмерного чревоугодия. Не потому ли она так часто сплевывает на землю? И он сам плевал от отвращения. И кроме того, кто добудет еду для всех этих детей, которых она рождает, словно свинья? И вообще, едва они подрастут, они обернут отца дочиста и уберут к дядьям.

Шесть месяцев жена выслушивала эти и другие оскорбления. В начале седьмого она сказала мужу, что устала от них и что он должен умолкнуть, не то...

— Не то что ты мне сделаешь? — глумливо спросил муж. Он задал ей этот вопрос тридцать раз, но она не прибавила к своей угрозе ни слова. Разъяренный, как юное пламя, муж ударил жену, он бил ее до потери сознания и, избив, ушел из дому, чтобы охладить злость пальмовым вином. Он не возвращался домой до конца месяца, седьмого месяца ее беременности.

Жена встретила его так, словно ничего и не произошло, словно муж выходил на улицу по нужде на какую-нибудь минуту. Он был голоден и много съел на ночь. Он принес с собой пальмового вина и все его выпил. Он уснул спокойным глубоким сном. Ему снилось, что жена стоит над ним, улыбается и просит помочь.

— Чем я могу тебе помочь? — спросил муж во сне.

— Подержи нашего ребенка, — сказала приснившаяся жена.

С этими словами она положила свой огромный живот на живот спавшего мужа — и вдруг улетела сквозь крышу.

Настало утро. Муж проснулся. Он хотел потянуться, но не смог. Что-то тяжелое мешало ему пошевелиться.

Он взглянул на свой живот и увидел гору плоти. Презравший беременную жену муж сам был беременным. Жена его, как улетела, так и не вернулась. Тайно муж послал за жрецами, он молил их о помощи. Помочь они не могли. Сами они, жрецы, которые должны отвечать на его вопросы, непрерывно спрашивали его:

— Что с нами будет? Что происходит в нашей стране?

Еще один рассказ в Кумасе пришел из Бонвире, дома царских ткачей. Женщина пошла на свое поле в лесу. На краю поля она пагнулась и стала выдергивать сорняки из грядки с ямсом. Вдруг она почувствовала, что сзади что-то в нее проникает. Она взглянула через плечо — сзади нее было только дерево. Она продолжала полоть грядку. Ощущенье сделалось несомненным. Она попыталась освободиться, но дерево крепко держало ее, но каким образом — потом она не могла объяснить. Она не теряла сознания. Ей не было больно. Наконец дерево само ее отпустило. Она взглянула на дерево и увидела, что дерево это — мужчина.

Женщина побежала домой в Бонвире и рассказала, что с ней случилось. Вместе со слугами она возвратилась на поле. Там не было ничего, даже следа зловещего дерева. Но все, слышавшие ее рассказ, клялись, что, по всем признакам, она говорила чистую правду.

В самом Кумасе впервые с сотворенья света родился белый ребенок. Это был сын белых пленников, приведенных полководцем Эду Бофо после бесплодного похода на восток против племени крепис. Родители были — священнослужитель белого Бога и его жена. Никто не знал, зачем Эду Бофо привел их в Кумасе. Говорили, что он сердился на неудачу похода и хотел сделать что-то такое, чего никогда не делал его соперник Аманква Тиа.

В припадке безумия он решил, что захват белых пленников посрамит Аманкву.

Но появление в Кумасе белых пленников вызвало лишь неуверенность и разногласья. Белые на берегу просили вернуть их. Цари не могли договориться между собой и предоставили решать Эду Бофо. Эду Бофо заявил, что в обмен на освобождение пленников хочет получить деньги. Белые поторговались, но в конце концов заплатили. Но Эду Бофо передумал, и пленники остались в Кумасе.

Белые пленники не теряли надежды. Рождение сына так явственно указывало на мощь белого Бога, что царскую семью в Кумасе охватил страх. Вспомнилось, как в древности, стоя лицом к северу, пророчествовал Моши:

— Когда первый белый появится в нашей стране, народ наш погибнет.

Теперь люди задавались вопросом: если появление первого белого человека означало гибель народа, не означает ли рождение первого белого человека поминки по погибшему народу?

И наконец, после всех рассказов и предзнаменований людям было дано еще одно предзнаменование.

Допустим, все рассказы и предзнаменования, какие приходили в Кумасе, — чистая выдумка. Но вот что случилось в самом Кумасе, столице Асанте, которую у дерева кум основал сам великий жрец Окомфо Аноче. То, что случилось в Кумасе, чистая правда. То, что случилось, видели все, так что сомненьям не было места. Дерево кум, посаженное при рождении народа, дерево, считавшееся нерушимым, великое дерево из деревьев — дерево кум вдруг упало.

В отдаленные времена, когда род ойоко еще не был самой грозной силой в Асанте, в те отдаленные времена, когда асанте еще не были самой грозной силой во всей стране, в те первоначальные дни основатели государства не знали, где заложить столицу государства, о котором они еще только мечтали. Они спросили об этом великого человека, жреца Окомфо Аноче. Он посоветовал им посадить по дереву в двух самых лучших местах. Так были посажены два дерева кум.

Одно из деревьев засохло. На месте его вырос маленький город, дом для многих асанте, но не дом домов для всего народа. Другое дерево выжило и превратилось в могучего великана с широко раскинувшимися ветвями — достойный символ могучей семьи Асанте.

Дерево стояло в середине столицы. Люди даже шепотом не осмеливались повторять ужасное пророчество, гласившее, что паденье дерева кум означает, что сила Асанте дошла до предначертанного свыше конца. И вот это самое дерево рухнуло на виду у всех жителей Кумасе — Кумасе, великой столицы, Кумасе, неприступной твердыни, Кумасе, зеленой красавицы.

Ничто не предвещало беды. Не засыхали сучья, не болели кора или корни. Великое дерево рухнуло неожиданно. Казалось, огромная невидимая рука выдернула его из земли и с размаху швырнула о каменистую почву. Дерево, поверженное самой сильной бурей, раскалывается в худшем случае на несколько частей. Одна ветвь обвивает саму себя, другая — раскалывается. Дерево кум унало не так. Великое дерево, рухнув, раскололось на тысячу тридцать маленьких щепочек, словно обрушившаяся на него злая сила хотела не просто повергнуть его на землю, но обратить в прах.

Люди слышали, что случилось, и не хотели верить. Они медленно шли на главную площадь и убеждались, что невероятное произошло. И языки прилипали к небу, и люди уходили прочь, ибо страх не позволял им подойти туда, где стояло дерево кум, и коснуться рукою его обломков.

Царь Асанте созвал всех жрецов Асанте. Он потребовал, чтобы они открыли ему правду и истолковали смысл предзнаменования, каким бы зловещим он ни был. Жрецы выслушали царя. Ни один из них не рискнул своими устами сказать царю то ужасное, что они уже были не в силах скрывать. Поэтому они нашли жестокий косвенный способ передать царю то, что они знали. Они потребовали, чтобы им дали двух рабов, предназначенных для принесенья в жертву.

Обреченные были совсем юные. Один из них отчаянно молил губителей о пощаде. Он взывал к царскому милосердию и заклинал царя именами всех предков-царей от Оти Акентена до Кваку Дуа. Он обращался к материнским чувствам царицы-матери. Чтобы заставить его умолкнуть, палач пронзил его левую щеку и язык стрелкой с колючками, так что острый конец ее вышел через правую щеку.

Второй обреченный знал, что надеяться не на что. Он прекрасно понимал намеренья палачей и никого ни о чем не умолял. Он не издал ни звука, когда щеки его пронзила стрелка с колючками.

Жрецы объявили царю, что будущее народа зависит от того, когда умрут эти рабы. Если они умрут быстро, за одни сутки, значит, предки с радостью приняли жертвоприношение и войско Асанте одержит над белыми захватчиками великую победу. Если обреченные будут умирать

долго, скажем, трое суток, значит, настало время всему народу заучивать долгую заунывную песнь поражения.

И жертв отвели в лес рядом с болотом Смерти, накрепко привязали к деревьям и оставили умирать.

Прошли одни сутки. Оба обреченных были живы. Прошли вторые сутки. Оба обреченных были живы. Больше того, в глазах второго, гордого, который не молил палачей о пощаде, появилась усмешка, — усмешка, наводившая страх на жрецов, каждый день приходивших в надежде увидеть его мертвым.

Первый умер лишь на шестой день. Второй, спокойный и гордый, был жив на седьмой день и на восьмой. Он спокойно скончался лишь на девятый.

В Кумасе Денсу отдыхал три дня. На четвертый он отправился в Аду. Он взял с собой еды на десять дней: вяленой рыбы, соленого мяса, кенкея и на первые два дня немного сушеных бананов. Путь он прошел быстрее, чем предполагал. Устав, он не принуждал себя шагать дальше, зато с наступлением темноты спал не больше, чем требовалось для восстановления сил. Он шел целый день и, выспавшись, как правило, пускался в дорогу вскоре после полуночи. Местность быстро менялась. Он никогда не был так далеко на востоке и никогда еще не видел такой гористой страны с острыми скалами и огромными валунами. За день до того, как он вышел к великой реке Фироу, ему пришлось взобраться на такую крутую и высокую гору, что в ушах зазвенело и голова закружилась. С вершины ему показалось, что он видит впереди широкую реку, но, как только он начал спускаться по прохладному каменистому склону, река скрылась из глаз, и он увидел ее вновь лишь назавтра.

Он встретил мало путников на своей дороге, но все, кого он встречал, знали, как пройти в Аду, и говорили, что он выбрал не легкий, но верный путь.

— Когда доберешься до города, не входи в него, — наставлял его Дамфо накануне путешествия. — Отыщи самый высокий холм слева от города, вверх по течению. Обогни холм и ступай к реке. Там увидишь деревню Атикке. Это даже не деревня, а всего несколько домов. Там живут только целители. Спроси Дуоду. Сделай знаки условные знаки и скажи ему, что ты отсюда. Передай ему

наш поклон и объясни, зачем ты пришел. Он друг соседнего царя Сакити, поэтому он хорошо знает, что происходит, и они вдвоем сделают для тебя все, что нужно.

Денсу без труда отыскал дома у реки. Целитель Дуоду был дома. Несмотря на болезнь, он радостно приветствовал Денсу и слабым голосом задал ему тысячу вопросов о жизни целителей на реке Пра. Денсу объяснил ему, зачем он пришел. Дуоду внимательно выслушал его и задумался.

— Сакити мог бы помочь во всем.— Он покачал головой.— Дамфо говорил верно. Не ты не найдешь Сакити. Его посадили в белую тюрьму в Аккре. Он не сумел сдержать себя на встрече с белым по имени Гловер. Должно быть, у этого Гловера много денег, спиртного и ружей, и он щедро раздает это добро всем царям, которые обещают выступить против Асанте. У царей нет ни малейшего желанья идти в поход на Кумасе, но им нравится выпивка Гловера, его деньги и ружья. Поэтому они охотно обещают все, о чем он их просит, и получают его подарки. Когда придет время, они оставят его наедине с его мечтами. Один Сакити сказал, что так поступают только дети, лжецы и трусы. Он всегда говорит правду. Он отказался присягать в верности Гловеру. Он сказал, что ничего не должен белым и не собирается клясться в верности. Разумеется, остальные царя испугались, что из-за него потеряют все, что им дал Гловер. Они хотели убить Сакити. Гловер посадил его в тюрьму. Будучи белым, он, конечно, сказал, что, сажая Сакити в тюрьму, он лишь спасает его от гнева его же черных братьев.

— Кто еще может помочь? — спросил Денсу.— Есть еще кто-нибудь, кроме Сакити?

— Боюсь, никого нет,— ответил Дуоду.— Этот Сакити — самый страшный человек в мире. Представь себе царя, дорожающего собственными словами. Твой Дамфо говорил, что Сакити — целитель, который делает вид, что он царь. А Сакити уважает Дамфо больше всех на свете. Не без оснований. Дамфо спасал его от безумья. И не однажды. Дважды.

— Значит, помочь мне некому.

Дуоду помял лоб, но память не подсказала ему ни одного имени.

— Некому,— решительно сказал он.— Тебе придется избрать другой путь. Ты говоришь на языке белых?

Денсу кивнул.

— Тогда ты сам пойдешь к Гловеру. Как солдат и слуга.

— Лучше как слуга. Я всегда буду рядом с ним. И он не попросит меня убивать черных для белых.

— Сам я не знаю этого Гловера, — сказал Дуоду. — Но все о нем говорят. Из того, что я слышал, главное его свойство — тщеславие. Этот дурак думает, что все черные должны его любить. Что мы для него готовы на все. Он в восторге, когда его зовут великий белый отец чернокожих, друг и защитник. Он глуп, как царь, и, как царь, любит хвалебные имена. Самая широкая дорога к его сердцу лежит через его тщеславье.

Денсу кивнул и улыбнулся.

— Я вижу, ты не мальчик, — улыбнулся в ответ Дуоду. — Когда ты будешь готов?

— Хоть завтра.

— Какой сегодня день недели? Третий. Гловера в Аде нет. В седьмой день он поплыл вверх по течению. Пока он не возвратился. Мы сразу узнаем, когда он вернется. Дело в том, что лодки его при движении шумят. А пока что ты отдохни, я покажу тебе наши края, а ты мне сможешь набрать нужных трав и расскажешь еще о Дамфо и других целителях в Прасо.

Белый человек Гловер не вернулся в Аду ни в третий, ни в четвертый день недели. На пятый день на реке показались две большие лодки. Как неуверенные в себе чудовища, они тыкались вправо и влево, в мелкой реке выискивая дорогу поглубже.

Дуоду услышал их еще до того, как они показались из-за поворота.

— Ты можешь понять, что на них написано? — спросил Дуоду.

Денсу подождал, чтобы лодки подплыли поближе.

— Я думаю, это пазванья. На первой написано «Морская дева». На другой, должно быть, человеческое имя — «Гертруда».

— Оно что-нибудь значит?

— Не знаю. Я никогда не слышал этого имени, — сказал Денсу.

С высоты холма они смотрели, как лодки медленно причаливают к дощатому помосту у берега. Не успели они причалить, как из них посыпались люди с большими узлами и тяжелыми корзинами — на берег спрыгнуло трое белых. На таком расстоянии было невозможно разглядеть их лица.

Дуоду и Денсу ничего не ели с утра. Тела их требовали еды и отдыха. Они спустились в Атике, умылись, поели и до наступления ночи говорили о Гловере. Спать легли они рано. Денсу проснулся перед восходом солнца. Он лежал в темноте и обдумывал, что ему сделать за предстоящий день. Он почувствовал возбуждение и постарался его подавить, ибо прежде, чем приступить к действию, необходимо обрести нерушимый покой. Когда взошло солнце, он умылся и, взойдя на холм, посмотрел, что творится у реки. Город Ада уже проснулся, в лагере Гловера кипела работа. Денсу спустился в Атике.

— Ты готов? — спросил Дуоду.

— Да.

Денсу снял свой халат и вместо него надел рваную набедренную повязку. Он попрощался с Дуоду.

— Может быть, для того чтобы выяснить все, что нужно, тебе придется прожить там долгое время, — сказал Дуоду. — Есть какой-то предельный срок, когда ты должен вернуться домой?

— Я должен оставаться там столько, сколько будет нужно, но, как только я получу то, за чем пошел, я сейчас же вернусь.

— Может быть, тебе придется прожить там много месяцев, — сказал Дуоду.

— Надеюсь, что не придется, — ответил Денсу.

Он дважды обежал вокруг основания холма, так что пот ручьями потек с него. Потом длинными размеренными шагами он побежал к лагерю белых в Аде.

Минуя последний холм перед лагерем, он ясно увидел, куда направляться. Тратя больше сил, чем кто-либо из работавших, по лагерю взад и вперед сновал единственный белый человек. Он подходил к группе черных работников, вбивавших в землю колья, выхватывал у одного из них молот и показывал всем, как вбивать кол в землю. После этого он спешил к носильщикам и учил их переносить камни. Вот он увидел, что работники вырубают кусты. Он не мог не дать наставление и им. Гловер

был всюду. Он занимался самыми ничтожными мелочами и поучал всех.

Белый человек в действии, Гловер божественный, Гловер, сошедший к черным людям, чтобы творить чудеса. В это утро седьмого дня недели он казался вполне счастливым. А почему бы и нет? Здесь он был богом, настоящим богом среди простых людей, возлюбленный бог-отец среди людей-младенцев.

Вот он, белый человек, про которого известно, что он путешествовал на востоке вдоль реки более великой, чем великая река Фироу, по долине бесконечной, привольной реки Кварры. Вот он, человек, прошедший вдоль таинственной Кварры и сделавший то, чего не мечтал до него сделать ни один белый, даже если бы у этого белого были тысячи поклонников. Вот он, маг и чародей во всем, что касается натравливанья одних черных людей на других — для пользы белых. Вот он, единственный белый, способный похвастаться тем, что черные люди из чистой любви к нему, Гловеру, по первому его знаку мгновенно сделают любое, даже самое трудное дело. Вот он, Гловер, отец воинов хауса, защитник любящих его рабов. Вот он, Гловер, одного слова которого достаточно, чтобы тридцать тысяч черных самозабвенно бросились в зияющую пасть смерти. Вот он, Гловер, хвастливый, прославленный Гловер, чей девиз: «На каждые пять черных, которых привлечет на нашу сторону любой другой белый, я берусь привлечь многие тысячи». Вот он, великий белый человек. Ищущий его не должен утомлять себя поисками. В это утро седьмого дня недели Гловер у всех на виду, как солнце.

Что там, до сих пор выгружают корзины с лодок? Гловер, словно оса, летел между берегом реки и серединой лагеря и следил, чтобы все в точности соответствовало его фантастическим замыслам. Что там, ставят палатки по внешнему кругу лагеря? Гловер мчался туда, как молния, и указывал, как натянуть каждую веревку. Что там, с реки на головах люди несут узлы? Гловер распоряжался, какой узел нести в какую палатку. Гловер был всюду. Гловер, великий белый отец, Гловер, вездесущий, всемогущий бог.

В далекой от реки, плоской части лагеря работники длинными тесаками вырубали кустарник. Гловер поспешил к ним, и они остановились, чтобы выслушать его

вою. Он шагами измерил и показал им, какую площадку надо расчистить.

За спиной у Гловера человек сто в синих куртках и синих коротких штанах, повинуюсь командиру, обучались ружейным приемам. Гловер несколько минут наблюдал за муштрой, затем, стремительно рванувшись, выхватил у командира ружье и показал, как полагается его держать на плече и к ноге, как делать выпад и отступать, как поворачиваться налево, направо и кругом. Другой на его месте, затрачивая столько сил, утомился бы, но Гловера напряженная суета, казалось, только бодрила.

Сделав что-нибудь, Гловер оглядывался, точно выскивая новое поле деятельности. Ему явно нравилось обнаруживать недостатки и своими силами исправлять их.

Он уже направлялся в свою палатку, когда худой, мускулистый юноша со всех ног вбежал в лагерь. Не сбавляя скорости, он направлялся прямо к Гловеру.

Несколько человек постоянно увивалось вокруг Гловера. Одни из них ждали приказов. Другие держались с ним рядом, ибо составляли его стражу. Третьи, по-видимому, собирались что-то ему сообщить.

И эти окружавшие Гловера люди вдруг увидели юношу и, насторожась, бросились наперерез ему, незнакомцу, устремляющемуся к белому солнцу, великому богу, средоточью их жизней. Однако бегущий их обманул. По всему было видно, что он забирает вправо, и окружавшие Гловера тоже ринулись вправо — но в последний момент юноша резко подался влево, так что между ним и Гловером не было никого.

Лицо Гловера, красное от усилий утра, сделалось белым. Он отступил на шаг, и рука его стала что-то искать у пояса. Но в это прекрасное утро Гловер вышел из своей палатки, самоуверенно не захватив с собой ни шпаги, ни пистолета.

Но ему нечего было бояться преждевременного краха своих великих замыслов. Ничего воинственного и зловещего в юноше не было. В шаге от Гловера он бросился на колени и вытянул вперед руки, пытаясь достать пальцами до сапог белого военачальника.

Белый человек Гловер не принадлежал к числу высоких людей. Но при виде стоящего на коленях он повел себя так, словно он — Асебу Амамфи, великан, который в кашу себе подсыпал камешки, чтобы тратить избыток

сил на разжевывание еды. Краска вновь прилила к его щекам.

Пытавшиеся перехватить юношу уже опомнились, осознание униженности вызвало в них злобу. Колено-преклоненного они схватили под мышки и поволокли прочь. Но сам Гловер, вновь уверенный в себе Гловер, Гловер милосердный, Гловер — отец всех черных племен, Гловер — бог, — Гловер приказал им не трогать просителя и дать ему высказаться. Пресмыкавшийся у его ног юноша уже что-то говорил. Один из черных слуг Гловера начал переводить.

Что юноша говорил Гловеру?

Он пел белому человеку хвалебную песнь. Когда приближенные Гловера отпустили его, он возвел благодарные очи на полководца. Первым делом он назвал Гловера спасителем поработенных, надеждой угнетенных и верным другом несчастных. При переводе каждого хвалебного имени Гловер важно кивал головой.

Перечислив хвалебные имена Гловера, юноша заговорил о себе. Он сказал, что он несчастная тварь, бездомный беглец, которому удалось сбежать от жестокого хозяина из Асанте. Он давно прослышал про Гловера — да и кто на свете не слышал этого имени? Он давно хотел разыскать Гловера. И наконец ему удалось бежать, и он много дней и ночей бежал по лесам к спасителю.

Гловер выслушал юношу, пока тот не задохнулся от слов и чувств. Тогда он приказал переводчику спросить, чего именно юноша от него хочет. Ответ был скор и прост:

— Позвольте мне быть вашим слугой. Позвольте мне каждый день и миг видеть ваше лицо. Позвольте мне делать все, что вам нужно. Тогда я буду счастлив.

Гловер тщетно пытался придать своему лицу подобающую суровость. Ничто не могло удержать улыбку радости, заигравшую на его губах. Он принял еще более важную позу: выставил левую ногу на полшага вперед, левую руку упер в бок, правую заложил за борт мушкетера между пуговицами, поближе к сердцу. Гловер, без сомнения, был счастлив, что обвинявший его сапог проситель хочет стать его верным слугой.

Через переводчика Гловер спросил, как зовут юношу.

— Денсу, — ответил беглец.

Гловер сурово взглянул в лицо Денсу. Денсу ответил ему робкой улыбкой.

— Ты говоришь по-английски? — с внезапной свирепостью спросил Гловер.

Робкая улыбка на лице Денсу не пропала. Переводчик расхохотался при мысли, что несчастный беглец может говорить по-английски. Он перевел вопрос. Денсу, казалось, был так озадачен невероятностью вопроса, что потерял дар речи.

— Ладно, ладно, Денсу, мой мальчик, — улыбнулся Гловер, — ты будешь моим слугой.

Денсу нарядили в новую одежду и назначили помощником главного слуги великого Гловера. Работа была нетрудная. Денсу следил за тем, чтобы после стирки белье Гловера хорошо отглаживали и хранили в чистоте. Он подметал палатку и подавал еду. Гловеру нравилось, как его новый слуга бежит. Иногда по вечерам он заставлял Денсу бегать наперегонки с наиболее быстрыми солдатами. Денсу всегда побеждал соперников, и Гловер хвалился победами слуги, как будто это были его собственные победы. Дни превращались в недели. С самого начала в присутствии Денсу Гловер не боялся говорить о чем угодно. Он рассказывал о своих замыслах — это были безумные замыслы — и о безумных способах осуществить безумные замыслы. Денсу видел в его руках больше денег, чем за всю свою жизнь, больше денег, спиртного и ружей.

Каждый день к Гловеру приходили цари. Они улыбались, пили и шутили с белым человеком, получали подарки и уходили восвояси. Подарки были щедрые: большие бутылки джина, часто целыми ящиками, блестящие новенькие ружья и к ним порох и пули и всегда монеты, заставлявшие радостно улыбаться даже самых сердитых царей.

Денсу неотступно наблюдал за белым хозяином, он слышал самые тайные его слова, но неделя сменялась неделей, а ему не удавалось узнать то, зачем он был здесь: кто главнее у белых, Гловер или Вулси? Кого из них кому подчиняется?

Но то, что Денсу узнал, удивляло его. Днем Гловер был шумным, деятельным человеком, ночью он становился брезгливым и яростно страдал от одиночества. Иногда он разговаривал с кем-нибудь из белых, но чаще он про-

сто пил, укрывшись в палатке. Тогда, не в силах сдерживать боль, он разражался злобными речами. Порой даже во сне он подолгу спорил с невидимыми людьми. Он доказывал им, что во всем прав и добьется успеха, если только они перестанут мешать каждому его шагу.

Своим собеседникам Гловер жаловался, что ему отпускают слишком мало денег на подарки царям. Он хвастался, что видит черных насквозь.

— Одарить черного, и его душа — твоя, — говорил он тощему белому командиру с черными блестящими усами. — Одарить его, и он вместе со своим народом пойдет за тебя на войну. Но подумайте, Сарторнус, откуда мне взять союзников, когда у меня так мало денег?

Гловер жаловался, что в Аккре такие же англичане, как он, обирают его. Он купил джина для раздачи царям, выставляющим воинов, и за ящики ценою четыре шиллинга каждый с него содрали по восемнадцать шиллингов.

Гловер жаловался, что он заказал четыре с половиной тысячи ружей и не получил ни одного. Для мелких подарков ему необходимы серебряные монеты, в них тоже ему отказали. Он купил несколько пушек, но к ним прислали ядра совсем для других пушек.

Гловер жаловался, что на тысячи воинов, готовящихся к вторжению в Асанте, у него всего один врач. Даже его лодка не в надлежащем порядке, что тоже мешало осуществлению его замыслов.

Чтобы получить от Гловера деньги, вышивку и ружья, цари наполняли его голову самыми щедрыми обещаниями. Они обещали привести к нему тысячи и тысячи сильных мужчин, готовых работать, сражаться и умирать за Гловера. Он готовил военный лагерь на четырнадцать тысяч воинов крепь — царь крепь обещал ему именно столько людей. Гловер готовил лагерь на двенадцать тысяч воинов с земель от Аккры до Ады, на семь тысяч из Экуапема и семь тысяч из Кробо. Из Акима должны были прийти по меньшей мере четыре тысячи воинов.

Иногда по ночам Гловер вслух называл эти тысячи, казалось, он ведет их в великие сраженья, которые всегда без труда выигрывал. Просыпаясь утром, он иногда вслух мечтал о том, как вернется домой с великой победой и вместе со своими командирами удостоится

небывалых наград. Он восхищался собственным умением заставлять черных восвать с черными ради белых.

Шли недели, и совещанья Гловера с царями учащались. Очень скоро он понял, что черные цари отнюдь не терпят умирать за него, что налицо не единство стремлений, но всего лишь коварные попытки всех и каждого извлечь выгоду для себя. Совещанья Гловера с царями стали встречами людей с огромными ртами и крохотными ушами.

— Мы должны выступить на Кумасе! — говорил Гловер.

— Сначала мы должны разбить наших врагов на том берегу реки, — говорили ему цари.

— Каких врагов? Разве мои враги — не ваши враги? — спрашивал хитрый Гловер.

— Да, да, — отвечали хитрые цари, — а наши враги — ваши враги.

— Мы выступаем на запад! — кричал Гловер.

— Мы выступаем на восток! — кричали цари.

Гловер продолжал мечтать. Он мечтал несколькими набегами на восток через реку удовлетворить притязанья царей и затем во главе огромного войска ликующих союзников выступить на Асанте. Гловер мечтал о великом победоносном наступлении на Кумасе, в конце которого будут петь хвалебные песни ему, победителю из победителей, благодаря мудрости которого белые завоюют огромное царство, не пролив ни капли своей крови.

Гловер продолжал мечтать до самого рокового дня. Между шестой и седьмой неделей пребывания Денсу в лагере действительность обратила мечты Гловера в прах. Их сладость превратилась в невыносимую горечь. Торжествующий герой пал с высот своей воображаемой славы и ударился о землю жалким шутом. Гловер великолепный, Гловер всезнающий, Гловер — отец воинов хауса, Гловер — спаситель рабов, Гловер, — чей девиз: «На каждые пять черных, которых привлечет на нашу сторону любой другой белый, я берусь привлечь многие тысячи», — за одну быструю неделю Гловер — белый спаситель в мыслях из великана превратился в карлика. Ночами его одолевала бессонница. В те несколько мгновений успокоительной тьмы, которые ему удавалось украсть у всечасной боли, незваные голоса называли его не хвалебными именами, но глумливыми кличками. Гловер пере-

стал быть великим белым человеком. Даже в своих глазах он сделался всего-навсего непристойным белым шутком.

Отчего же высокий человек пал так низко?

Денсу жил у Гловера третью неделю. Как принято у белых и их рабов, в седьмой день недели никто ничего не делал. В следующий за ним первый день надлежало отправить важное сообщение другому великому белому человеку, Вулсли, на Береговой Мыс. Гловер спешно созвал царей для решительного совещанья. Это был беспокойный день, день суеты, а не настоящего дела.

Зато второй день недели, день моря, был полон действия. Гловер безумствовал. Он снова созвал царей и, словно бог-громовержец, послал по небу на другой берег реки Фироу пылающие снаряды. Когда страна Авона запылаха, он направил через реку воинов под началом Сарториуса, высокого белого офицера с блестящими черными усами. Сарторнус быстро добился успеха, и к вечеру Гловер был счастливым человеком.

В третий день недели Гловер отдыхал. Но в четвертый его страсть к войне разгорелась вновь, и он отдался ей с такой силой, что весь пятый день он сам и его подчиненные изнемогали от утомленья. Именно в этот день пришли ужасные вести.

С Берегового Мыса от белого восначальника Вулсли прибыли гонцы. Они не застали Гловера в лагере, переправились через Фироу и нашли его на левом берегу. Принесенные ими вести погубили покой Гловера. С этого часа все его ночи ослеплял мучительный белый свет бессонницы.

В шестой день, великий день недели, Гловер, мечтавший без труда достичь многого, Гловер, великий белый отец, срочно созвал царей, которые за ружья, деньги и выпивку обещали ему выставить многие тысячи воинов, готовых сражаться и умереть за него. Он постарался не показать, какие сомненья терзают его, и твердым голосом сообщил царям, собравшимся в Адидоме, неприятную новость.

Сначала он напомнил им, что на Береговом Мысе есть еще один великий белый человек. Голос Гловера дрогнул, когда он стал объяснять, что по законам белых он, Гловер, обязан повиноваться тому другому великому белому человеку.

Тот белый, кому он обязан повиноваться, Вулсли, прислал приказ ему, Гловеру, вместе с воинами хауса, йоруба и всем тридцатитысячным войском, которое он, Гловер, обещал собрать, немедленно выступить против Асанте. Прежде чем пойти на Кумасе, два великих белых полководца, каждый со своим войском, должны встретиться в Прасо на берегу реки Пра.

В голосе Гловера слышались слезы. Он больше не говорил как уверенный в победе герой. Он заглядывал в лица царям и напоминал, что они клялись ему в верности. Он просил их вернуться за реку и вместе с обещанным войском выступить в сторону Пра и потом на Кумасе.

Трудно сказать, какое чувство испытывали цари, изумление, страх или возмущение. Не веря своим ушам, они спрашивали: зачем им прекращать войну на левом берегу Фирю? Зачем прекращать войну в то время, когда их исконные враги уже в их власти и осталось лишь до конца истребить народ Авоны? Зачем отказываться от полной победы и идти против Асанте, против чужих врагов?

Шестой день недели стал днем страшного унижения для Гловера. Он пытался уговорить царей подчиниться приказу. Но те лишь сыпали соль на его раны. Улыбаясь, они заявили, что с радостью пойдут за Гловером хоть на Асанте, хоть к самой середине земли, но не прежде, чем перебьют всех людей Авоны.

Настал седьмой день. Гловер не находил себе места. Вместо того чтобы насколько возможно готовиться к походу, Гловер в бешенстве бегал по своей палатке, рвал на себе волосы, проклинал Вулсли, называл его дикими именами: ничтожеством, завистником, трусом, предателем.

Все время, что великий белый человек бушевал, точно юная буря. Денсу сидел молчаливый, недвижный в палатке, у самого входа. Вновь Гловер призвал к себе гонцов. Казалось, он хотел проверить, действительно ли такпие ужасные вести они принесли. Он хотел расспросить всех о Береговом Мысе, гонцов и сопровождавших их солдат.

Первый гонец вошел в палатку и, взглянув влево, увидел неподвижную фигуру безмолвного Денсу. Вероятно, из-за резкого перехода с яркого солнца в полумрак палатки гонец принял Денсу не за слугу и, прежде чем направиться к Гловеру, почтительно поклонился юноше.

Подражая первому гонцу, поклонился второй. За ним третий.

За гонцами следовали шесть солдат. Они вошли колонной по одному. Самый малорослый шел первым, самый большой и высокий последним. Все они кланялись человеку у входа, что, естественно, рассмешило Денсу.

Палатка Гловера была изрядных размеров, но никак не рассчитана на толпу гонцов и солдат. Солдаты помещались в середине ее перед Гловером. Поэтому они стояли ближе к входу, а последний, самый огромный, стоял почти снаружи. От него до Денсу было буквально рукой подать.

Огромный солдат, как и все, не глядя, приветствовал Денсу неуклюжим жестом. Пыхтя, он остановился у входа. Он стоял на свету, и Денсу сразу узнал его и, глядя прямо перед собой, попытался успокоить сердце. Уголкем правого глаза он еще раз взглянул на гиганта — точно тому, что он уже увидел, требовалось подтверждение. Тяжелое тело, толстая широкая шея поднимается из плеч, как ствол дерева одан, маленькая плоская голова — все это Денсу узнал с первого взгляда. Последним среди вестников и солдат был не кто иной, как свирепый, безмозглый Бунтун из Эсуано.

Глаза Бунтун не скоро освоились с полумраком в палатке. За это время Гловер начал задавать вопросы и слушать ответы переводчиков. Гловер хотел знать, в каком настроении был Вулели, когда гонцы покидали Береговой Мыс. Он спрашивал; не помнит ли кто, каким тоном он отдавал приказанья. Смеялся ли он, когда вручал им посланье? Появились ли на Береговом Мысе за последнее время новые белые?

Вопросов Гловер задавал много, ответов получал мало. Не удовлетворившись расспросом гонцов, он перешел к солдатам. Чем меньше они говорили, тем яростнее бушевал его гнев. Чтобы успокоить его, переводчик объяснял, что это простые солдаты, что обычно они не подходят близко к белым командирам, что, во всяком случае, они не могут слышать, о чем между собой говорят белые. Кроме того, они не знают английского языка.

Стоявший последним Бунтун заметно обаялся от долгих разговоров и от нечего делать стал разглядывать все, что было в палатке. Он поглядел вверх, он поглядел

вперед, он поглядел направо и налево. Его глаза во второй раз проделали этот путь. Завершая его, они резко повернули влево и остановились.

Бунтуи, моргая, глядел на того, кто был от него слева. Он глядел и глядел. Любопытство на его лице медленно сменялось сомнением, сомнение уверенностью, уверенность страхом. Рот Бунтуи раскрылся от изумления. Из глотки гиганта непроизвольно вырвался дикий рев. От неожиданности Гловер выронил жезл, который вертел в руках. Он злобно поднял глаза на вонившего, но тот стоял против света, и Гловер ничего не увидел.

— Вон отсюда этого болвана! — приказал он.

Ошеломленные странным поведением Бунтуи, солдаты не сразу исполнили приказ Гловера. Жилы на шее Бунтуи вздулись от возбуждения, изо рта его тек такой быстрый поток слов, что никто даже не пытался его понять. Бунтуи докладывал белому человеку, что Денсу — из Эсуано, что он сбежал от испытанья напитком истины, что жизнь его заколдована, что Абабио называл его чародеем, разведчиком войска Асанте, сыном дьявола от жены дьявола и многими другими именами.

Белый человек Гловер не знал языка фантсе. Он видел только, что вход в палатку закрывает огромный урод, изо рта которого бешеным потоком вылетают дикие крики. Он повторил приказ. Бунтуи боялся вступить в борьбу с Денсу и лишь указывал на него обвинительным пальцем, а когда воины сообща навалились на крикуна, справиться со всеми ему не удалось.

— Вон его отсюда! — кричал взбешенный Гловер.

Воины вытащили Бунтуи из палатки. Судя по крикам, они стали его избивать, а он, воя, пытался напомнить им, что он их товарищ.

Шум, поднятый Бунтуи, еще больше испортил настроение Гловера, и без того омраченное неожиданным поворотом событий. Он с ненавистью оглядел всех и без всякой причины закричал переводчику и гошчам:

— Вот отсюда! Все вон отсюда!

Они вышли. В палатку вошел высокий белый офицер с блестящими черными усами. Гловер взглянул на Денсу. До сих пор он ни разу грубо не говорил с ним и даже теперь колебался — но только один миг.

— И ты тоже, — сказал он, — чего ты идешь?

Денсу не надо было повторять приказанье: наконец он узнал то, что хотел узнать. Теперь он снесил в Прасо. Быйдя из палатки, он направился прочь из лагеря.

В дальнем от реки углу лагеря, возле леса, пять вожнов, обступив Бунтуи, яростно хлестали его по голой спине концами веревок.

Денсу обошел их подалее. В палатке для прислуги он взял тыквенный кувшин и стал спускаться к реке. Один конец раздвигавшейся тропы вел прямо к воде. Денсу бросился по нему бегом. Брода не было, но река в этом месте казалась уже, чем где-либо на виду. Течение довольно быстро, но плавно стремилось влево, и на поверхности не было ни одного опасного завихренья. Денсу поставил кувшин на берег и, нагнувшись, вошел в реку.

Вода была мутная, но прохладная и освежающая. Денсу подчинился течению. Он поплыл к правому берегу, позволяя реке уносить его впиз сколько угодно.

На правом берегу он не стал дожидаться, пока солнце высушит его одежду. Перемежая ходьбу бегом, он быстро добрался до Атике. Целитель Дуоду был дома.

— Рад тебя видеть,— сказал он так спокойно, словно Денсу отсутствовал всего день или два. Он дал гостю напиться.— Ну как, успешно?

Денсу кивнул.

— Я хотел поблагодарить вас...— начал он.

— Прощаться со мной подожди,— перебил его старик.— Отдохни у меня несколько почей. Я еще не кончил задавать вопросы. Впрочем, я еще и не начал.

— Мне надо спешить,— сказал Денсу.— Белые люди собираются выступить на Кумасе через несколько недель.

— Понятно,— сказал Дуоду.— Но ты должен ко мне вернуться. Сам я уже стар, чтобы разгуливать по земле. Так ты меня навестишь? Обещай!

— При первой возможности,— заверил его Денсу.

Старый целитель накормил его и заставил отдохнуть после еды. Потом он проводил его на западную дорогу.

Аджоа, Дамфо, Нвансба и другие целители радостно встретили Денсу. Араба Джесива была для него счастливой неожиданностью: плавной походкой она гуляла в середине селенья целителей. Казалось даже, она узнает

его, потому что она остановилась и долго не сводила с него глаз. Но говорить она до сих пор не могла.

Аджоа принесла Денсу воды; он сказал ей, что еда может подождать. Целитель и Асамоа Нкванта собрались слушать принесенные Денсу известия. Умывшись, он предстал перед ними.

Молча они выслушали рассказ обо всем, что с ним приключилось, что он видел и слышал. Когда он кончил, Асамоа Нкванта потребовал подтверждения:

— Значит, этот Гловер получает приказы от Вулели?

— Да.

— И ему приказано выступить на Кумасе?

— Да, и этому он не рад. Он говорит, что его союзники не готовы. На самом деле они отказались идти вместе с ним на Кумасе.

— Если он подчинится приказу, какое войско пойдет с ним?

— Никакого войска у него нет, — ответил Денсу. — Самое большее у него тысяча воинов. Те, которых он привел с крайнего востока. Люди из Бонни и Опобо и рабы хауса.

— И они должны выйти к Пра в середине следующего месяца?

Денсу кивнул.

Счастливая улыбка смягчила лицо Асамоа Нкванты.

— Все будет замечательно, — задумчиво проговорил он. — Этот Гловер приведет с востока всего тысячу человек. Значит, Асафо Аджен не придется не спать почками и тревожиться за свою стоянку. Он может оставить себе для защиты Джуабена несколько тысяч воинов. Освобождается основная часть его войска. Она и захлопнет ловушку, в которую белое войско заведет этот калека, белый военачальник Вулели. Теперь самое главное — замедлить наступление белого войска. — Он повернулся к Дамфо. — Успешно ли осуществляется замысел целителей?

— Довольно успешно, — сказал Дамфо. — Так успешно, что белые теперь считают своей худшей бедой бегство черных работников и посыльщиков. Некоторых из наших людей им удалось схватить. Двух вы знаете — это Квао Твенебоа и Каджо Менса. Они были здесь совсем недавно.

— Как именно вам, целителям, удалось так напугать белых? — спросил Асамоа Нкванта. — Я не могу понять,

почему они боятся безоружных мужчин и женщин больше, чем они боятся нас, воинов?

— Войско белых тяжелое, — улыбнулся Дамфо. — Это войско вещей, оно зависит от веса и силы вещей. Белым самим ничего с места не сдвинуть. За ними всюду надо носить тяжелые пушки, еду, лекарства, даже воду. Они не могут обойтись без носильщиков. Так что от целителей требуется только поговорить с носильщиками. Мы приветствуем их и спрашиваем: «Брат, ради чего ты потеешь? Разве твой народ так жестоко рассорился с другим черным народом, что ты должен поэтому стать для белых выючным животным? Ты бы стал это делать по своей воле? Или ты так стараешься для того, чтобы какой-нибудь царь стал еще жирнее? Когда ты в последний раз отдыхал? Когда ты в последний раз ел? А обещанную плату ты получаешь?» Вот и все. Мы разговариваем с людьми. Мы напоминаем им, кто они. Мы открываем им глаза на то, что с ними делают. Иногда они молча швыряют на землю свои выюки и убегают. Часто. Существует только одна непобедимая трудность. Бывает, что носильщики соглашаются с нами, но спрашивают, что лучше, быть рабами царей Асанте или рабами белых. Целители не могут честно ответить на этот вопрос, потому что видят то же, что и другие люди: цари Асанте не желают единства черных людей в нашей стране. Они заботятся лишь о делах Асанте. О делах Эбибире они ничего не знают и знать не хотят. В этом наша беда.

— Хотел бы я знать, что замыслиют цари, — вздохнул Асамоа Нкванта. — При дворе у меня есть верный человек, Осон. Но вот уже несколько дней я не могу его разыскать. Остается только надеяться, что он жив и здоров.

Когда все вопросы были обсуждены, Дамфо обеими руками взял правую руку Асамоа Нкванты и пожелал ему успехов.

— Вы покидаете нас? — Голос полководца дрогнул. Дамфо кивнул.

— Вы совсем исцелились и мне пора возвращаться на юг. Араба Дикесива теперь может ходить пешком. Ей осталось только вернуть дар речи. В каком-то смысле это будет самая трудная часть излечения. Я осмотрел

ее тело. Теперь оно совершенно здорово. Неспособность разговаривать не от телесной слабости. Для того чтобы ей в конце концов удалось заговорить, нам придется немало поработать, и для этого потребуется самое полное спокойствие. А здесь становится все оживленнее. И многие из моих лекарств остались на юге.

Опечаленный воин не знал, что сказать. Наконец он нашел нужные слова и поблагодарил целителя:

— Если вам или другим целителям что-то понадобится, дайте мне знать.

— Хорошо, — сказал Дамфо. — А мы все желаем вам счастья и удачи во все дни вашей жизни.

Полководец медлил, и Дамфо спросил его, не хочет ли он что-то прибавить.

— Я бы очень хотел, чтобы в предстоящие дни со мной был Денсу, — сказал Асамоа Нквапта. — Я не умею выразить, что он делает для мира в моей душе. Он много больше, чем просто помощник.

— Так же как и для всех нас, — сказал Дамфо. — Но пусть он решает сам. Мне может помогать Аджоа. — Он взглянул на Денсу. — С кем ты пойдешь?

Денсу взглянул на Аджоа.

— Я тебя буду ждать, — улыбнулась она. — Только не пропадай слишком долго.

— Я скоро вернусь, — сказал Денсу.

Когда Асамоа Нквапта ушел, два целителя, испугав друг друга, в один голос спросили:

— Дамфо, вы уходите?

— Да, я ухожу, — ответил Дамфо.

— Почему?

— Я пришел в Прасо, чтобы исцелить Асамоа Нквапту. С этой работой кончено. Он здоров и занят делом, которое любит. Я возвращаюсь в Эсуано. Исцеление Арабы Джесивы не закончено, а я хочу его завершить.

— А мы, целители, не собьемся с пути?

— Каким образом? — спросил Дамфо.

— В нашу работу входит исцеление отдельных людей?

— Это меньшая часть нашей работы, — согласился

Дамфо.

— А другая часть нашей работы — исцеление всего черного народа?

— Это большая часть нашей работы, — сказал Дамфо.

— Мы надеялись, что в Прасо мы будем исполнять большую часть нашей работы.

— Верно,— согласился Дамфо.

— А теперь ты уходишь из Прасо,— вступила Нианеба,— не бросаешь ли ты большую часть работы ради меньшей?

— Хороший вопрос, Нианеба,— сказал Дамфо.— Я долго над этим думал. Часто я спрашивал себя: что, Асамоа Нкванта — просто больной человек, нуждающийся в излеченье, или нечто большее — сила для исцеленья всего народа? Пока я лечил Асамоа Нкванту, я все время к нему приглядывался. Я внимательно его выслушивал и, кажется, могу кое-что сказать о природе его души. Асамоа Нкванта — хороший человек. К тому же он очень ценный человек — из тех, кто в совершенстве постиг свое дело. Но все его хорошие свойства всегда растрачивались на служенье царям Асанте. Цари — это страшная болезнь черного народа. Кто служит царям, тот служит болезни, а не исцеленью. Он работает на разделение народа, а не на объединенье, о чем бы он сам при этом ни думал.

— Может ли слуга болезни, как Асамоа Нкванта, так измениться внутренне, что станет служить исцеленью?

— Давайте над этим поразмыслим,— предложил Дамфо.— Допустим, Асамоа Нкванта хочет исцелить наш народ и послужить объединенью черных людей. Он сможет делать это лишь с помощью царского войска и под началом царей. Мы знаем, что для царей исцеленье означает погибель, ибо вся сила их происходит от разделения между людьми. Так как же Асамоа Нкванта может служить исцеленью, оставаясь в числе тех, кто служит болезни?

— А не может он обратить войско против болезни?

— Он? Один? — медленно проговорил Дамфо.

— Да. Ведь он — Асамоа Нкванта.

— В возможность этого я не верю,— сказал Дамфо,— и даже не желаю об этом мечтать. Труд целителей не азартная игра. Для этого труда нужен вдохновитель, а не заправила. Если мы, целители, должны послужить воссоединенью всего народа, нам не следует забывать, что такую работу можно сделать лишь сообща. Один отдельный человек, каким бы героем он ни был, ничего не добьется. Тем более ничего не добьются люди, не

знающие, в чем состоит призвание целителя, — пусть это будут самые лучшие люди на свете. Целители, вдохновители должны сообща трудиться в течение многих поколений, пока среди всех племен не появятся такие целители, вдохновители, которые смогут воссоединить всех черных людей.

— Ты хочешь сказать, что наше время не пришло? — спросила Ннанеба.

— Я хочу сказать, что наше время — время посева и до жатвы еще далеко, — сказал Дамфо.

— Но нет ли в этом постоянного уклонения от власти? — спросил другой целитель. — Не может ли быть, что мы сами, целители, больны болезнью, которая называется боязнью власти и которая будет всегда обессиливать нас, ибо, даже когда нам хочет помочь такой человек, как Асамоа Нкванта, мы боимся использовать его власть и силу для наших благих целей?

Наступило тяжелое молчание. И когда заговорил Дамфо, голос его звучал приглушенно.

— Было бы великим несчастьем, если бы мы болели слепой боязнью власти, — сказал он. — Но я не считаю, что мы слепо боимся власти. Мы сознательно избегаем власти, пока эта власть — власть заправил. Есть такая власть, какую все мы приветствовали бы, какую мы должны утвердить на свете. Это та власть, какой мы пользуемся в повседневной работе. Власть вдохновителей. Власть, которая уважает дух каждой твари, каждой вещи и позволяет каждому живому существу оставаться верным своему духу. Целители должны приветствовать такую власть. Целители должны утверждать такую власть на свете. Но эту власть, власть вдохновителей, заправилы нам подарить не могут. Если мы, целители, увлечемся быстрыми успехами заправил, мы погубим себя и больше чем себя — наше призвание.

— Я выслушала тебя, — сказала Ннанеба. — Но я уже старая. Мое поколение уже завершает свой полукруг жизни, а надежды целителей ни на шаг не приблизились к осуществлению. Оставшиеся мне дни ничего для меня не стоят. За что бы я теперь ни взялась, все будет пустой тратой времени. И все-таки мне любопытно посмотреть, что выйдет из той возможности, которую нам предоставляет Асамоа Нкванта.

В конечном итоге мнения целителей разделились. Но все поняли, что имел в виду Дамфо, когда он спросил:

— Разве мы позабыли, что жизнь для целителей означает жизнь не отдельных людей, но всего народа?

Такой вопрос нельзя было пропустить мимо ушей. Все поняли Дамфо, но все сочувствовали Инанебе, и все понимали ее недовольство медлительностью работы.

Дамфо ушел на юг. Другие целители остались в Прасо. На что они надеялись? Вслух они не произносили ни слова, но им было трудно расстаться с надеждой, что Асамоа Нкванта станет верховным вождем Асанте. И если бы в решающий миг ему потребовалась их помощь...

В Кумасе надеялись, что белый человек Вулсли не сумеет довести белое войско до Кумасе. Надежда подверглась сомнению, когда стало известно, что Вулсли приказал проложить широкую дорогу на север от Берегового Мыса до самой Пра. Если бы белые переправились через реку, они оказались бы прямо в Адансе. А что такое Адансе, как не ворота в Асанте?

Для постройки дороги требовался долгий напряженный труд. Вулсли разослал белых командиров по всем городам собирать черных работников. Некто Хирл отправился в Денчпру, Филитер — в Думинасе, Кокрин — в Асабу, Поллард — в Данкву.

Белые люди приносили царям монеты и выпивку, и цари принимали подарки. Почти все цари повторяли щедрые обещания, но, когда доходило до выполнения обещаний, белые обнаруживали, что черные цари не меньше, чем они сами, владеют скользким искусством лжи.

Там, где не помогали монеты и выпивка, помогала грубая сила. Один белый командир даже прославился необычайной способностью к разрушению. Он рыскал по всей стране, жег по ночам деревни, угрожал городам разгромом, брал заложников и наводил страх всюду, где не мог набрать достаточного числа работников для прокладки белой дороги. Именем полковника Колли пугали детей.

На Береговом Мысе черные солдаты по приказу белых врываются в дома и уводят мужчин. Священники

вместо того, чтобы спастись души уверовавших в белого Бога, превращали свою паству в слуг белого человека. Самые доверчивые имели возможность лишний раз убедиться в том, что замыслы христианского Бога не так уж непостижимы. Белый Бог требовал того же, что требовали белые люди.

Дорогу на Пра прокладывали из-под палки. Но все же ее прокладывали. Даже на завершенной дороге то и дело обнаруживался гнев тех, кого заставляли ее строить. То по ночам на ней неожиданно вырастали кучи мусора. То не по воле природы на ней образовывались глубокие провалы.

Двести тридцать мостов вели через реки и ручьи, чтобы белый полководец Вулсли по пути на Кумасе не замочил ноги. Мосты эти растаскивались по бревнышку. Но белые заставляли других черных восстанавливать все, что разрушено. Стоило ружьям белых удалиться, как черные мужчины разбежались. Тогда белые пригоняли на их место их жен и детей. Дорога продвигалась вперед.

Дорога шириной в два с лишним больших человеческих роста продвигалась вперед мимо лагуны Фосу, Сивдов, Педу, Какомдо, Ннаме-Бечере, Кубе-Кора, и ни бегство строителей, ни разрушения не могли задержать или остановить ее. А строилась не одна только дорога. Вдоль нее на равных расстояниях друг от друга строились дома для белых солдат, чтобы они могли отдыхать в пути. Вдоль дороги работники вырубали лес. Там, где были маленькие деревни, возникали целые города.

Пот невольников поливал землю, и из земли вырастали просторные складские помещения. Спешно строили дома длиной в десять больших человеческих ростов и шириной в три. Издалека несли ветви тысячи взрослых нальм, чтобы покрыть ими крыши возведенных домов. Повсюду срезали и раскалывали вдоль стволы молодого бамбука на кровати в больших домах. Строились небольшие дома, всего на четыре кровати. И в каждом месте всегда был особый дом для Вулсли, великого белого полководца.

В Нквабеме объявили, что желающие работать на белой дороге будут получать по шиллингу в день, а их вожди — по два с половиной шиллинга. Люди не побежали записываться толпами. Почва была каменистой. И надо было не только строить дома, но и рыть колод-

цы и устанавливать громоздкую машину для очистки воды, ибо белые всегда боятся заразы.

В Экрофоре и Фантсе-Ньянкомасе история повторилась. Белые боялись леса. Они отказывались пить воду из самого чистого ручья.

В Мансо работать было труднее, чем в Нквабсеме, Экрофоре и Фантсе-Ньянкомасе, вместе взятых. В лесу расчистили огромную площадь и основательно ее утоптали. Дома там построили большие, чем в любом другом месте. В работе постоянно требовалась осмотрительность. Каждый дождь губил часть сделанного. По обеим сторонам дороги пришлось прорыть канавы для стока бушующих вод. Даже во время дождей работникам не позволяли почевать на месте работы. К дневной усталости белые прибавляли им неудобства ночью и награждали болезнями до конца жизни.

В Исуте было иначе. По красной скользкой почве туда не удалось доставить тяжелые машины для очистки воды. Однако белым требовалась очищенная вода, и работникам пришлось громоздить странные сита одно на другое.

В Ассене-Ньянкомасе белые остановились как зачарованные перед яркой красотой реки Субин, такой прозрачной реки, что на дне ее можно было рассмотреть каждую песчинку. В Ассене-Береку река Брупе также зачаровала белых, а Ассен-Береку был последней остановкой на пути в Прасо.

В Кумасе с берега пошли тревожные вести. Однажды в шестой день недели белый полководец Вулсли по новой дороге выехал с Берегового Мыса к реке Пра. Тревогу слегка развеял царский гонец Квамен Овусу, который уверенно заявил, что это ничего не значит. В шестой день недели ровно два месяца назад Вулсли уже выезжал с Берегового Мыса. Он не доехал ни до Кумасе, ни даже до Прасо. Безумье и лихорадка заставили его возвратиться на Береговой Мыс бессильного, как подыхающая собака. И на этот раз ему придется вернуться.

Беспечный Квамен Овусу оказался плохим пророком. Мазутчики приносили в Кумасе вести о продвижении Вулсли. Белый военачальник и не помышлял возвращаться. Он должен был выйти к реке Пра в пятый день недели. При дворе тревога переросла в настоящий ужас.

Невероятное — что войско противника вступит в Ку-масы — кое-кому не казалось теперь столь невероятным.

— Что-то надо предпринять — и немедленно, — мрачно шептали друг другу при царском дворе.

Но никто не знал, что следует предпринять, пока кто-то не высказал еще одно обнадеживающее суждение:

— Пока мы не придумаем, что надо делать, мы должны как-нибудь задержать белых на берегу Пра.

Посольство было отправлено в Прасо. В него вошли чистоголосый царский глашатай Осен Кваку, Коранче Сафо, Квамен Овусу и еще девять человек; четыре воина, четыре носильщика и полубелый с Берегового Мыса, переводчик, которого звали Роберт Доусон, хотя он был черный, как остальные черные люди.

В пятый день недели посольство добралось до северного берега реки Пра. Белый командир с солдатами переправился к ним и перевез их на другой берег в лагерь белого войска. Осен Кваку сказал белым, что он и его спутники должны передать посланье от царя белому полководцу Вулелли. Ответ был краток: белый полководец не желает говорить ни с кем, кроме самого царя или его ближайшего родственника. Осен Кваку пришлось примириться с тем, что посланье царя белому полководцу передали другие. Посольство дожидалось ответа.

Ожиданье выводило из себя Квамена Овусу.

— Мы должны заставить дерзкого белого дурака есть дерьмо, — говорил он.

— Успокойся, Квамен, и спрячь свой гнев, — говорил ему Осен Кваку.

Посланцы ядали. Наступил шестой день недели. Белые не говорили ни слова, дела посольства не продвигались ни на шаг. Но они увидели в лагере белых так много, что, хотя Квамен Овусу не перестал предсказывать их гибель, язык его ныне болтал много медленней.

В тот день в лагерь вступил новый отряд, двести солдат черных и двести белых. Таких странных белых солдат они никогда не видели. Эти солдаты шатались, как пьяные, они были багроволицы, как пьяные, и пели громко, тоже как пьяные. И все же было ясно, что они не пьяные: они шатались, но при этом шагали прямыми рядами, и даже в их неистовом пении была какая-то стройность.

Приход солдат повел к новому унижению посланцев. Их попросили освободить место для новоприбывших и перевели в маленький дом, где о них ни разу не вспомнили остаток дня и всю ночь.

И седьмой день недели не пришел долгожданного ответа. Посланцы тревожились, особенно Квамен Овусу. После полудня, однако, за ними прислали гонца, и они решили, что сейчас наконец им будет вручен ответ. Но встретившие их белые командиры даже не обмолвились об ответе. Не сдержавший ярости Квамен Овусу сам спросил про ответ.

Белые заверили, что волноваться не следует: когда ответ будет готов, полководец сам пошлет его с белым человеком в Кумасе. Услышав это, Квамен Овусу рассмеялся своим знаменитым презрительно-гордым смехом. Осей Кваку не удалось удержать его, и он уже злобно проговорил:

— Белый, который поедет в Кумасе, живым не вернется!

Коранче Сафо суровым взглядом заставил его замолчать, но сам ничего не сказал.

Белые люди призывали посланцев не ради пустой болтовни. Они хотели показать им маленькую игру. Игра эта оказалась приготовлением к пляске смерти.

В Прасо доставили новую пушку. Белые называли ее «гатлинг» и иногда «райт». Один человек не мог бы ее поднять, поэтому белые разбирали ее на части, и по частям ее несли сильные черные люди из племени хауса.

Самое трудное для белых и их помощников хауса было установить пушку для начала смертоносной игры. В конце концов они развернули ее так, что она смотрела вверх по реке. Белым не сразу удалось заставить ее стрелять. Квамен Овусу улыбался ехидной самодовольной улыбкой и повторял шутку о том, что на Береговом Мысе установили новую большую машину, которая возвращает пленных в Прасо, чтобы они пришли в Кумасе и рассказывали об удивительном могуществе белого человека.

— При подъеме на первый же холм за Береговым Мысом машина развалилась на части, — говорил Квамен Овусу. — Что белые понимают во власти? Они не умеют управлять даже собственными машинами. Как могут они мечтать о покоренье Асанте? — Он сплюнул. Коранче Сафо призвал его к спокойствию.

И вот все хлопоты, которые доставляла белым новая пушка, остались позади. Издав три пронзительных крика, они отбежали в сторону и стали хлопать по спине того, который, по-видимому, больше всех смыслил в пушке. Они радостно смеялись и громко выкрикивали его имя:

— Райт! Райт! Райт!

Пушка стала стрелять. Бедный Квамэн Овусу, какое ужасное мученье для тебя было видеть, как новое, чудовищное орудие власти победоносно сеяло разрушение, каково тебе было сознавать, что оно служит отнюдь не тебе и твоим друзьям, но направлено против тебя и твоего обожаемого царя! Как далеко могло забросить семя смерти самое могущественное ружье в войске Асанте? На три сотни человеческих ростов? На четыре? На пять сотен? А эта ужасная новая пушка посылала смертоносный металл на тысячу человеческих ростов и более. Доля этого расстояния — и пуля из ружья Асанте теряла всякую силу. Но, даже пролетев все расстояние, металл из новой пушки был смертоносен. Квамэн Овусу, как в твоих жилах холодела кровь, когда ты видел, как пули из белой пушки впивались в воду, точно стремились убить саму вечную Пра! И пули эти летели не наугад, не куда попало. Стрелявший из пушки белый человек по имени Райт обладал искусством точно попадать в цель. Он позаботился о том, чтобы посланцы увидели, что он может пулями начертить на воде маленький кружок и затем большой круг. Он также умел измерять скорость, с какой смерть пронзала стонущий воздух. Именно это белые и хотели показать посланцам в седьмой день недели.

Посланцы и воины возвратились в отведенный им дом. Коранче Саффо грустно, без злобы сказал Квамену Овусу:

— Незачем тебе было пугать белых людей, Овусу. Кроме того, все, что ты сказал, неправда.

Квамэн Овусу сидел потрясенный. Казалось, он вдруг лишился своего достоинства. Он мог лишь, покачивая головой, признавать всю неправоту. Осей Кваку тоже долго глядел на Квамена Овусу. И он тоже не говорил о войне и невероятных словах.

— Я сам,— сказал Осей Кваку,— я сам часто смеялся при мысли, что белое войско может напасть на Ку-

массе. Но сегодня смеяться я не хочу. Да и как мне смеяться, когда я видел то, что мы видели все?

Над посланцами нависло безмолвье полного поражения. Настала ночь. Половина ее прошла, прежде чем последний из посланцев забылся сном.

Сон их прервался резко, в один миг. Близкий ружейный выстрел разбудил всех в доме. Не только гром выстрела, но и сила взрыва разбудила всех спящих. Люди бросились к двери, чтобы узнать, что случилось. Стоявшие на страже солдаты, испугавшись, загоняли их назад. Принесли свет. При свете ламп стало ясно, что разбудивший всех выстрел раздался не на улице, а в самом доме.

Стрелял Квамен Овусу — не во врага, в самого себя. Он приставил дуло своего длинного ружья к своему подбородку и нажал на спуск большим пальцем ноги. Выстрелом ему снесло полголовы. Стена зади него была забрызгана кровью и мозгом.

Несколько человек белых пришли посмотреть. При свете ламп было видно, что на лицах их не удивление, но предвкушение чего-то огромного и прекрасного в будущем. Они были чересчур возбуждены, чтобы пытаться скрыть свою радость.

Настал первый день недели. Со стороны Кумассе вошел сильный прохладный харматтан. Черные люди на ветру задрожали, белые облегченно вздохнули. Квамена Овусу положили в гроб. Днем его тело перевезли на лодке на правый берег Пра, ближе к Кумассе, и там похоронили. Проводившие его сотоварищи бросили на гроб по прощальной горсти земли. На обратном пути в лагерь белых Коранче Сафо в лодке посмотрел на Осен Кваку и покачал головой.

— Плохо так умереть, — сказал он.

Всю ночь лил дождь. И всю ночь было слышно, как солдаты с хриплыми песнями валили лес на постройку моста через реку Пра.

Пришло утро. Посланцам наконец вручили посланье белого полковника. На обратном пути им не пришлось плыть через реку. Они перешли ее по крепким сухим доскам. Белые люди успели построить мост. Мало того, на глазах у посольства они переправили по этому мосту часть войска, выступившего на Кумассе. Посланцам пришлось пройти мимо солдат, десятки которых продолжали

шагать вперед, десятки строили лагерь, а десятки просто валялись и отдыхали.

Когда посольство вернулось в Кумасе, посланцам, видевшим новый мост у Прасо, видевшим то, что сломило дух Квамена Овусу, Кумасе показался не тем городом, из которого они уходили с царским посланьем. Выслушать их собрались цари, и, несмотря на все самообладанье и долгую выучку, ни Коранче Сафо, ни Осси Кваку не сумели скрыть от них правду: они говорили, и их голоса дрожали.

Вернувшись из Прасо, посланцы принесли посланье от Вулели. Стараясь сдерживать чувства, Коранче Сафо и Осси Кваку рассказали царям обо всем, что они видели у белых. Пока посланцы рассказывали, цари сидели немые, как камни. Молчал Кофи Карикари, царь Асанте. Молчал упрямый Асафо Аджен из Джуабена. Квабена Обен, царь Абанса, не пришел на совет и прислал посланье, яростное, как его нрав. Он заявил царям, что мужчинам пришло время воевать, а женщины и дети могут, как прежде, чесать языки. Он прибавлял в заключение, что если другим царям не хватает силы и мужества для войны с наступающим белым войском, то у него, Квабены Обена, в избытке того и другого. Из Мамаонга пришел Квабена Джумо. Пришли цари из Бантамы, Хеманга, Кокофу, Эджису. На совете, конечно, присутствовала Эфуа Кобри, царица-мать.

Когда посланцы кончили рассказывать, Кофи Карикари отпустил их. Он приказал привести белого человека Доусона и белых пленников. Доусон прочитал и перевел посланье Вулели. Белый полководец объявлял в нем, что посылает против Асанте и на Кумасе не одно, не два, не три, а целых четыре войска. С самомнишнем безусловного победителя он указывал, что первое войско пойдет с запада по дороге от Вассы, второе пойдет с юга по дороге от Ассена-Прасо, третье — с юго-востока по дороге от Акима-Прасо, четвертое — с востока через Бегоро в восточном Акиме, мимо Джуабена и выйдет на встречу с первыми тремя у Кумасе. Белый полководец заявлял, что посылает войска не ради переговоров, а для того, чтобы заставить царей подчиниться белым людям и их заморской белой царице.

После чтения и перевода воцарилось молчанье, молчанье заброшенных кладбищ. Карикари велел белым пленникам прочесть посланье и сказать, верно ли Доусон передал его смысл. Как всегда говорившие медленно, священники Куне и Рамзайер подтвердили все, что перевел Доусон. Царь отослал прочь Доусона и белых пленников.

При посторонних цари безмолствовали. Стоило посторонним выйти, как страшная ноша услышанного сломала величественное молчанье.

Карикари, царь Асанте, беспокойно вглядывался в лица царей, ища в них опоры и надежды. Сначала он посмотрел на мать, Эфуа Кобри, потом осмотрел всех царей и опять посмотрел на мать. Того, что он искал, не было ни на одном лице. Поэтому за поддержкой он обратился в единственную безопасную сторону — в прошлое.

— Со времен Окомфо Аноче и Осей Туту, с самых начальных времен, ни один враг — ни черный человек, ни белый человек, ни чудовищный зверь — не ступал на землю Кумасе. С тех пор мы не покорялись никому на свете.

Слова его должны были вдохновить царей, но голос Кофи Карикари предательски дрожал. Даже его мать видела страх на его лице.

— То, что ты сказал, вероятно, правда, — грустно проговорила она. — Увы, сейчас не времена Осей Туту, и Окомфо Аноче умер давным-давно. Сейчас не начальные времена. Сейчас... — Цари с тревогой смотрели на Эфуа Кобри, а она, погруженная в свои мысли, смотрела себе под ноги. Она не продолжила нить речи с того места, где эта нить порвалась. — С самых начальных времен мы полагались не только на свою силу, но и на помощь бога всего творенья Одоманкомы Кваме. Когда правда была на нашей стороне, он давал нам победу. Но ради какой правды мы вели войны в последние годы? Мы сделали все, чтобы навлечь на наши головы божье проклятье, и бог нас карает. Скажите, зачем Эду Бофо повел войска на восток? Неужели он воевал там так долго для того, чтобы привести с собой несчастных белых пленников? Какая нам от них польза?

Белые пытались их выкупить. Эду Бофо назначил сумму, и белые заплатили. Но пленников он не отпустил.

Зачем Аманква Тиа повел такое множество воинов к морю? Кажется, он говорил, что собирается раз и навсегда покорить народ фантсе и принести мир и процветанье. Чем кончился этот поход? Войско его не дошло до Берегового Мыса. Воины сражались с обычным мужеством, но это не помогло. Войско побежало не от ружей. Не люди разгромили его, но сам бог. Как иначе объяснить гибель стольких тысяч людей от болезней? Даже Пра, священная дочь бога, отнимала жизни воинов и при выступлении в поход, и при возвращении. Бог послал нам предзнаменования. Он указывал, что мы творим зло. Я уже не говорю о зле, причиненном Нкванте. Быть может, нам удастся спасти свои жизни. Но давайте сначала вернем белых пленников белым. Их присутствие среди нас приносило нам беды. Слишком много предзнаменований мы видели в последние дни. И все это были дурные предзнаменования.

Царица-мать говорила не зло, но печально. Ясные слова ее породили новое кладбищенское молчанье. Заговорил царь Асанте:

— Может быть, нам пора вернуть заложников? Вы знаете, что их здесь удерживали не по моему велению.

— Может быть, их надо вернуть,— сказал Квабена Джумо.— Но только осторожно. Если люди узнают об этом, они потеряют голову. Они скажут, что царь испугался белых.

Царь Асанте хотел что-то сказать, но не сказал ни слова.

— Мы должны собраться с силами и остановить войско белых,— сказал Асафо Аджен.— Кто сказал, что нам надо кого-то бояться? Кумапем Асанте! У нас достаточно воинов, которые умеют сражаться!

— Когда Аманква Тиа бросил пьянствовать, он собрал остатки нашего войска, а Асамоа Нкванта привел его сюда,— сказала Эфуа Кобри.— Наши воины разошлись по домам.

— Их можно собрать снова,— сказал Асафо Аджен.

— Я сейчас же отправлю гонцов ко всем военачальникам,— сказал царь Асанте.

— Какими пулями наши воины будут стрелять? — грустно спросила Эфуа Кобри.— В напрасных войнах мы истратили все пули.

— Мы можем купить новые,— сказал Асафо Аджен.

— На что? — спросила Эфуа Кроби.— Из Кумасе все время уходило золото к царям и вождям, но почему-то назад оно не возвращается. Хотела бы я знать, почему? Да если бы у нас и было достаточно золота, кто бы нам продал пули или хотя бы свинец? Белые люди на берегу?

— Рабы могут делать пули из железной руды,— сказал Квабена Джумо.

— Я сейчас же отправлю гонцов во все большие дома, чтобы рабы в них приступили к работе,— сказал царь Асанте.

— Где мы соберем наше войско? — спросил Асафо Аджеп.

— Здесь,— сказал царь Асанте.— Где же еще?

— Меня это не радует,— помолчав, сказал Асафо Аджеп.— Белое войско пойдет на Джуабен. Если все воины соберутся на защиту Кумасе, что станет с другими городами?

Встал Асамоа Нкванта:

— Я посылая на восток человека разведать, есть ли правда в угрозе белого полководца направить сюда с востока еще одно войско. И вот что он узнал: это войско существует лишь в болезненном воображении белого человека по имени Гловер. С востока бояться нам некого. Нам следует только привести в исполнение наш замысел. Мы позволим войску белых с юга дойти до Кумасе — но медленно. Когда придет время для нанесенья удара, войско из Джуабена под водительством наны Асафо Аджеп выйдет в тыл белым и отрезет им путь к отступлению. Мы разрушим мосты и заставим их остаться и воевать в лесу. Белые боятся леса. Им не уцелеть — если мы осуществим наш замысел.

В Кумасе во всех больших домах по приказу царя рабы изготовляли пули из железной руды. Царские гонцы с золотыми пластинками на цепи поспешили из столицы ко всем царям страны, чтобы скликать воинов на войну.

Царь решил отпустить первого белого заложника, больного священника Куне. Ему вручили царские подарки: мешочек золотого песка и дорогую шелковую одежду. Чтобы не вызывать кривотолков, священника отпустили во мраке ночи. Даже ночью, когда на улицах нет никого, кроме длинноволосых стражей с острыми

кошьями, белого плепника сначала тайно доставили в царскую деревню Каасе. Там к нему явился сам царь и попросил напомнить белому полководцу, что Асапте воюет лишь с черными народами и не желает вовлекать в эту войну белых. Из Каасе четыре носильщика понесли белого священника в гамаке к Пра. Священник имел при себе посланье, в котором царь умолял белого полководца Вулели не наступать далее и перейти к мирным переговорам.

Каждый раз, отправив посланье с просьбой о мире, царь Асапте ждал, остановится ли белый военачальник. Белый военачальник не останавливался. Каждое посланье лишний раз убеждало Вулели в том, что настал час для сокрушения власти Асапте, и он решительней направлял войска на Кумасе.

В отчаянье цари спрашивали жрецов, могут ли духи помочь народу Асапте в час опасности. Жрецы отвечали, что духи первым делом требуют крови — крови животных и щедро пролитой человеческой крови.

Чего только не предпринимали жрецы для того, чтобы остановить неотвратимое продвижение белой силы — силы, которую они были не в состоянии понять! Известно, что от Берегового Мыса до Пра белые на столбах протянули проволоку. Жрецы объяснили, что это не что иное, как могущественное колдовство. Они знали, как заставить белое чародейство служить целям Асапте: они приказали протянуть на деревьях от Квисы до Фомены белый шнурок. Теперь, сказали жрецы, наступление белого войска прекратится.

Но белое войско по-прежнему продвигалось к Кумасе.

Торжественно и с уверенностью жрецы провозгласили, что открыли могущественное заклинание против белых захватчиков. Вся сила белых заключается только в силе их ружей. Жрецы приказали вырезать из дерева изображение ружей. В деревянные изображения ружей вонзили ножи, настоящие ножи. Жрецы объяснили, что это безошибочный способ отнять силу у наступающего войска белых, ибо эта сила заключается только в силе ружей. Деревянные ружья с вонзенными пожами дулом вперед разложили вдоль дороги, по которой двигалось белое войско, — у Квисы, у Фомены, у Дампоасе Нкванты, у Боджаве, у Квамана, у Эдпивасе, у Амоафо и Беквае. Жрецы объяснили, что, лишившись силы, войско бе-

лых повернется и уйдет за реку Пра, туда, откуда пришло.

И все же белое войско по-прежнему продвигалось к Кумасе.

Но скольким людям пришлось погибнуть до срока, чтобы насытить духов, которым служили жрецы!

— Не убивайте слабых, не убивайте больших и детей! — возглашали жрецы. — Духи требуют самых молодых, самых здоровых, самых сильных. Приносите им в жертву лучших!

Тела припесенных в жертву изувечивались. Жрецы объясняли, что это не для того, чтобы умиротворить духов, которые жаждали только крови, но для того, чтобы испугать наступающих белых солдат и повернуть их вспять. Изуродованные тела разложили вдоль дороги, на каждом перекрестке, за каждым поворотом.

И все же белое войско по-прежнему продвигалось к Кумасе.

На следующий день после того, как цари встретились и поклялись воевать с захватчиками до самой смерти, у Фомены увидели белых разведчиков. Это был седьмой день недели. А на второй день следующей недели рано утром белый военачальник сам перешел Пра и возглавил войска, наступающие на Кумасе. В третий день новые отряды белых перешли Пра. В четвертый и пятый — новые и новые.

Цари опять попытались задержать продвижение Вулси словами и запоздалыми знаками миролюбия. Царь Асанте направил белому полководцу послание за посланием. Он отпустил всех белых пленников: торговца Бонната, священника Рамзайера и его жену с сыном. Царские посланцы делали все, что им было приказано. Из всех сил они старались заверить белых, что их царь воюет не с белыми людьми, а только с черными.

И все же белое войско по-прежнему продвигалось к Кумасе.

В оставшиеся до сраженья дни Асамоа Пквапта готовил к войне тех воинов, которые откликнулись и явились на царский призыв. Время и отчаяние замедлили их движение, но очень скоро они восстановили свою обычную

ловкость и вновь могли быстро, невидимо и неслышно скользнуть меж деревьями леса.

Способ ведения боя был старый, испытанный и одобренный. С каждой стороны воины выстраивались в три ряда. Первый ряд стрелял. Второй, после того как первый ряд выстрелит, занимал его место. Третий ряд заряжал ружья.

Бессчетное число раз Асамоа Нкванта заставлял воинов повторять маневр: первый ряд стреляет и отступает на место последнего, второй выбегает вперед на место первого, третий заряжает ружья и становится на место второго — и так далее до бесконечности.

Асамоа Нкванта осмотрел хорошо знакомую ему местность и между Эдинвасе и Амоафо выбрал прекрасное место для битвы.

К северу от Эдинвасе дорога спускалась в широкую долину, по которой один из рукавов Арпаронга струился на запад к Данкранангу, который потом впадает в Оду. Дальше дорога поднимается к Амоафо и проходит под полукольцом холмов, с которых она видна как на ладони. На этих холмах Асамоа Нкванта и расположил средние полки войска Асапте.

Войско белых появилось утром шестого дня недели. Это был мрачный день. Тяжелые серые тучи закрывали солнце. Казалось, вот-вот пойдет дождь.

Первые белые солдаты спустились в долину и со странной завывающей песней стали взбираться на холмы.

Когда они оказались достаточно близко, Асамоа Нкванта отдал приказ, и войско Асапте обрушило на врагов грома и молнии. Грохот не смолкал долго. Последний ряд становился вторым, второй первым, первый последним — и так круг за кругом в течение всего утра. Долина, лес и холмы дрожали. Пули, точно топоры, обрубали ветки деревьев. От многих тысяч ружей поднимались неразвенвающиеся клубы дыма, утро, так и не став днем и вечером, перешло в ночь.

В намеренья Асамоа Нкванты не входило давать решительный бой здесь, под Амоафо. Все утро он ожидал вестей из тыла белых. Воины из Джуабена под командованием Асафо Аджеи должны были обойти войско белых и захлопнуть за ним ловушку. Именно признаков этого все утро ждал Асамоа Нкванта.

Но с юга, из тыла неприятеля, в это утро шестого дня недели доносилось мрачное молчанье вселенной, безразличной к его надеждам. Он ждал, он мечтал, чтобы его опасенья оказались безосновательными. Но из-за белого войска не долетало ни одного обнадеживающего звука, и глаз не видел ни одного обнадеживающего знака.

Наоборот, Асамоа Нкванта видел самое худшее, чего мог опасаться. Большие новые пушки белых стали сеять смерть на холмах. Какой быстрый и страшный урожай смерти собрали белые в этот шестой день недели. Только что здесь был ряд воинов, заряжавших ружья, и вот лежат мертвые тела, окровавленные кости, вырванные куски плоти, кровь залила опаленную траву и забрызгала ветки.

До того как стали стрелять большие новые пушки, белым не удалось продвинуться ни на шаг. Теперь же войско Асанте могло найти спасенье в одном отступлении. Пушки, которые довели заносчивого Квамена Овусу до самоубийства, говорили жестоким языком и расчищали для белых солдат путь вперед. К середине странного бессолнечного дня, в разгар кровавой бани, белые прошли по бесчисленным телам воинов Асанте и захватили Амоафо.

Асамоа Нкванта не считал, что битва при Амоафо должна быть последней битвой войны. Отступающие воины должны были стать сетью, привлекающей белых захватчиков в глубь лесов Асанте. Сеть эта должна была закрыться за войском белых и отрезать его от всего мира.

После Амоафо Асамоа Нкванта еще мог надеяться, что произошла какая-то ошибка. Он пытался выяснить у царей, почему Асафо Аджеи с воинами из Джуабена не выполнил то, что было условлено. В ответ он слышал лишь нелепые рассказы о том, что огромное войско белых якобы напало на Джуабен.

Асамоа Нкванта приказал отступать к Одасо. Там тоже было благоприятное место для боя — если бы на помощь пришел Асафо Аджеи. Асамоа Нкванта как безумный искал известий об Асафо Аджеи, но не мог услышать ничего вразумительного.

Без Асафо Аджеи и войска из Джуабена Асамоа Нкванта должен был изменить свой тщательно обдуманый и одобренный царями замысел. Цель его оставалась прежней — держать войско белых в лесу до тех пор,

пока время, дожди и сила самого леса не уничтожат захватчиков до единого. Изменились лишь средства для достижения цели.

Он хорошо знал местность, но обследовал край между Одасо и Кумасе как посторонний, впервые в жизни видящий каждый холм. Он шагал стремительно; казалось, в каждом шаге его — избыток сил, казалось, ноги его не успевают за движением ума и ему нужно что-то куда более быстрое, чем человеческие ноги. К полудню он созвал командиров и указал им их места в битве, которую он намечал на следующий день.

Асамоа Нкванта объяснил им свой замысел. Убедившись, что командиры поняли его до мелочей, он наконец обрел равновесие духа. Тревогу сменил бездонный покой. На лице полководца был мир, он улыбался.

После полудня лазутчики принесли вести: англичане вышли к реке Оде и строят через нее мост. Лазутчики еще не кончили свой рассказ, а из дали по ветерку долетел звон топоров, врубавшихся в древесину. Шум падающих деревьев и изредка перекличка голосов доносились до самой ночи.

Весь день светило солнце, но ночью пошел затяжной дождь. Из-за реки воины Асанта слышали, как проклинают погоду белые солдаты. Асамоа Нкванта поблагодарил тучи и пожелал, чтобы они не рассеивались множеством дней.

Войско белых не спало всю ночь и промокло до нитки. На второй день недели, прежде чем сделать шаг вперед, напуганные солдаты подолгу стреляли из больших новых пушек.

Утром у Асамоа Нкванты еще оставались крупинцы надежды. Быть может, войско из Джуабена вчера просто запаздывало. Быть может, сейчас оно подойдет. Но час шел за часом. Большие пушки белых без устали посылали смерть на дорогу к Кумасе. Асамоа Нкванта, чтобы не давать лишней пищи стервятникам, отзывал воинов даже из самых надежных засад.

Он созвал своих лучших помощников-командиров. Он спросил их, что, по их мнению, надо делать и каким путем отправить людей за вестями о войске из Джуабена,

когда на дороге из Кумаса показались три замысловатых гонца.

Они сразу узнали Асамоа Нкванту. Им не пришлось говорить, что они царские гонцы. На груди одного из них висела на цепи золотая пластинка. Другой просто подбежал к Асамоа Нкванте и без слов положил ему на руку браслет из бус — знак того, что совет парей гребует, чтобы войско Асанте прекратило сопротивление и отступило.

— Что это значит? — спросил Асамоа Нкванта, его глаза метали молнии. Он прекрасно знал, что это значит.

— Мое дело — только передать посланье, — сказал гонец. — Не мне знать, что это может значить.

— Ты прав, — сказал Асамоа Нкванта. — Ты сделал все, что от тебя требовали. Ступай назад.

Асамоа Нкванта пошел к переднему ряду воинов. Он с отчаяньем думал, что завел белых в ловушку, которую некому захлопнуть. Нет больше сети для белого войска, рухнули все его планы. Но что же произошло?

Он обошел боевых командиров и каждому отдал ценный приказ:

— Прекратить огонь!

Он не задержался, чтобы объяснять то, чего не понимал сам. Он искал Денсу, которого нигде не было видно. Некоторые командиры кричали ему вслед:

— Мы хотим воевать дальше!

Он пропускал их слова мимо ушей и лишь однажды резко ответил:

— Не хотите ли вы сами перебить друг друга?

Яркий блик на миг ослепил его. Он увидел, что внизу, в долине, царский вестник с золотой пластинкой на груди направляется в сторону англичан. Рядом с ним шагал другой вестник с большим белым флагом в правой руке. В левой у него было что-то вроде посланья. Первый вестник заушывно выкрикивал призывы к миру. Прислушавшись, Асамоа Нкванта узнал хорошо поставленный голос Осси Кваку.

Вокруг полководца стояла такая тишь, что шаги по траве показались ему громом. Он оглянулся и увидел бегущего к нему Денсу, хмурящегося и улыбающегося одновременно. Дуло его ружья еще дымилось.

— Делается что-то странное,— задыхаясь, на бегу кричал Денсу.— Белые наступают, а наши на них только смотрят.

— Твои глаза лучше моих,— ответил Асамоа Нкванта.

— Что случилось? — спросил Денсу.

— Я не знаю.

— Кто же тогда знает?

— И этого я не знаю.— Асамоа Нкванта говорил со злобой.— Неожиданно от царей пришел приказ прекратить сопротивление и отступить. Мне надо спешить в столицу и узнать, что происходит.

— Можно я пойду с вами? — спросил Денсу.

Асамоа Нкванта молча взял его за руку, и оба они зашагали по направлению к Кумасе.

3. ГИБЕЛЬ

Асамоа Нкванта и Денсу достигли Кумасе еще до наступления вечера. Полководец прямо направился во дворец. На улицах встречались воины, и, несмотря на то что полководец шагал с яростной быстротой, многие подходили к нему и спрашивали, почему он отдал приказ прекратить сопротивление. Он ни разу никому не ответил. Задававшие вопросы в недоуменье покачивали головами и глядели ему вслед.

Асамоа Нкванта шагал прямо во дворец. Он прошел все внутренние двери, он обошел все комнаты в поисках кого-нибудь, с кем было бы можно поговорить. Везде было пусто. По дворцу разгуливали одни кошки, любимцы царя Асанте.

Неожиданно появились дворцовые слуги. Они принялись спешно собирать драгоценности, ткани и прочее царское имущество.

— Где царь? — спросил Асамоа Нкванта главного слугу. Тот в ужасе посмотрел на полководца, потом на Денсу, но не мог открыть рот. Другие слуги старались от них отворачиваться и спешили кончить работу.

Когда Асамоа Нкванта увидел, что происходит во дворце, силы, подгонявшие его на быстром пути в Кумасе, сразу пропали. Он молчал, но в глазах его появилась краснота, как на похоронах. Он ушел из дворца слабыми, неуверенными шагами. В одном месте он, как ста-

рик, споткнулся о камень и упал бы, но его поддержал Денсу.

— Куда вы собираетесь идти? — спросил юноша.

— В дом, где мы были в прошлый раз, — ответил Асамоа Нкванта.

Маленький домик находился неподалеку. Асамоа Нкванта сам взял циновку, расстелил ее и грузно улегся.

— Принести для вас что-нибудь? — спросил Денсу.

— Нет, — сказал полководец. — Оставь меня в покое. Пойди погляди, что происходит в городе. Если можешь, найди Осона и приведи сюда.

Тьма нависала в воздухе. От прошедшего дня оставались лишь слабые блестки. По улицам города без цели, без смысла бродило множество народу. Казалось, все они просто вышли из домов и ожидают какого-то чрезвычайного события.

Чрезвычайным событием было вступление белых захватчиков в Кумасе, куда никогда еще не ступала вражеская нога. Когда солнце ушло на запад, в город въехал верхом на осле калека — белый полководец Вулсли, окруженный белыми командирами и краснолицыми разгоряченными солдатами. Денсу услышал знакомый голос: сладкозвучный глашатай Осей Кваку именем царя заклинал население в гневе не трогать ни одного белого человека.

Белые шагали по главным улицам. Из дворца и домов вождей они выволокли ящики с джином, и вскоре воздух наполнился веселыми криками. В одном месте они трижды прокричали ура.

Быстро спустилась ночь. Денсу по всему городу разыскивал Осона, но великана-евнуха нигде не было видно. Подобно роям призраков, белые сновали во дворец и из дворца. Черные слуги волокли за ними узлы с вещами — шло разграбление. Узлы доставляли в дома, где остановились белые командиры. Вновь послышался голос Осей Кваку. На этот раз он объявлял, что уличенные в грабеже умрут мучительной смертью. Рядом с Денсу в тени кто-то рассмеялся:

— Чудные люди эти белые. Сами грабят, а нам говорят, что это преступление, за которое полагается смерть.

В дом напротив под водительством белого командира вошла группа солдат. Двое из них несли факелы, и в их

пляшущем свете Денсу вдруг различил знакомые очертанья. В доме солдаты не задержались долго. С ящиками на головах они вышли назад на улицу. Знакомого среди них Денсу не обнаружил.

Он подождал, пока солдаты уйдут подальше, и затем неслышно вошел в дом. Он миновал двор и передние комнаты. В дальней комнате он услышал шорох. В темноте он долго всматривался в человека и наконец убедился, что это тот, кто ему нужен.

— Бунтуи,— тихо позвал он.

Гигант, взвизгнув, подпрыгнул.

— Не кричи,— сказал Денсу.

— Ты кто? Я ничего не сделал! — неистово зашептал Бунтуи.

— Может быть, ты ничего не сделал. Но белые будут тебя искать. На твоём месте я бы здесь не остался.

— Кто ты?

— Денсу.

Гигант улыбнулся. Слышно было, как тяжело и неровно он дышит.

— Я тебя встречаю везде,— сказал он.

— Я тебя тоже,— усмехнулся Денсу.

— Чего тебе надо? — спросил Бунтуи.

— Поговорить с тобой,— ответил Денсу.

— О чем?

— О будущем.

— Каким будущем? — спросил гигант.

— Ты что, решил умереть за Абабию?

— Ты меня не пугай! — воскликнул гигант.

— Отвечай!

— Почему я должен умирать за Абабию?

— Потому что он так решил.

— Что я за него умру?

— Да.

— Почему?

— Подумай сам,— сказал Денсу.— Он приказал тебе кое-что сделать. Ты это сделал. Ты один знаешь, что он связан со злодеямь. Больше ему ты не нужен. Ты ему даже опасен. Если он сможет навсегда избавиться от тебя, он это сделает. Ему только надо, чтобы тебя судили за убийство.

Гигант молчал.

— Ты в этом уверен? — наконец спросил он.

— Уверен.

— Что мне делать?

— Это зависит от того, хочешь ли ты жить или умереть за Абабио.

— Я должен жить,— торжественно провозгласил гигант.

— Живи,— сказал Денсу.— Когда ты вернешься на берег, там будет суд. Ты расскажешь на нем правду, все, что ты знаешь. Это единственный способ спасти свою жизнь.

Гигант не отвечал.

— Подумай об этом,— сказал Денсу.— На твоём месте я бы все бросил и как можно скорее убрался из этого дома.

Уходя, Денсу слышал радостное хихиканье Бунтуи...

Денсу заметил, как за тайный дом Асамоа Нкванты во тьме метнулась тень человека. Нарочито громкими шагами Денсу приблизился к двери и бесшумно, на цыпочках поспешил за дом. Столкнувшись с Осоном, он тотчас узнал его.

— Осон, это я,— сказал Денсу.

— Ты, наверно, родился, чтобы пугать меня до смерти,— проворчал евнух.— Где он?

— В доме,— ответил Денсу.

Они вошли. Асамоа Нкванта не спал — но он не сказал им ни слова. Осон разрыдался:

— Я давно хотел пойти к вам, осаджифо. Я так давно хотел к вам. Но как я мог вас разыскать, когда с меня не спускали глаз? Я так хотел вам рассказать...

— Рассказать о чем? — спросил Асамоа Нкванта.

— Обо всем, осаджифо,— проговорил евнух дрожащим от слез голосом.— В тот день, когда вы сообщили совету царей свой замысел, когда рассказали, как собираетесь воевать против белых...

— Все цари со мной согласились,— сказал Асамоа Нкванта.

— Пока вы были там,— сказал Осон.— Пока вы были там, осаджифо. Но потом вы ушли, и остались только цари и евнухи, и цари сказали, что они думают на самом деле. Если бы вы только знали! Осаджифо, я не мог побежать к вам, потому что за мной присматривали днем и ночью.

— Что там произошло? Что они говорили?

— Когда вы ушли, царица-мать сказала царю и нане Асафо Аджеи, что они не дети и не должны верить, что вы, Асамоа Нкванта, простили их. Она сказала, что ваш замысел войны против белых очень хитрый, потому что это также замысел мести всему царскому дому.

Царь спросил царицу-мать, думает ли она, что вы собираетесь не только спасти Кумасе от белых. Она ответила, что не сомневается в этом, и сама спросила царя, что он предпочитает, быть царем в царстве, подвластном белым, или же стать никем в независимой стране.

Да, она прямо так и спросила. Она сказала, что, если Асанте последует замыслу Асамоа Нкванты и победит белых, ничто не сможет помешать Асамоа Нкванте объявить себя царем независимой страны. Она сказала, что мудрость царя состоит в том, чтобы всегда знать, как остаться царем. И что лучше уступить часть власти белым, чем отдавать ее целиком какому-то полководцу.

Асамоа Нкванта охнул.

— А что Асафо Аджеи? Что он говорил?

— Он подтверждал мудрость всего, что говорила царица-мать,— ответил Осон.— Это он спросил, что надо делать. Царица-мать сказала: «Пусть Асамоа Нкванта устраивает для белых ловушку, пусть он их ловит в сеть. Его успех зависит от того, захлопнешь ли ты, Асафо Аджеи, эту ловушку. Хочешь ли ты помочь Асамоа Нкванте взойти на престол Асанте?» — «Что надо делать?» — «На твоём месте,— сказала царица-мать,— я бы со своим войском защищала свой собственный престол. Ступай назад в Джуабен и предоставь Асамоа Нкванте ловить рыбу половинкой сети».

Евнух вытер слезы.

— Осаджифо, вы меня слышали?— спросил он.

— Я тебя слышал, Осон,— хрипло ответил Асамоа Нкванта и, помолчав, попросил: — Денсу, оставь нас вдвоем.

Денсу вышел из дому в мир, сошедший с ума. Как ураган, мимо него к дворцу пронесся человек, от которого несло джином. В правой руке, отведенной назад, чтобы не опалиться, он держал полыхающий факел. Он подбежал к дому рядом с дворцом, швырнул факел в распахнутую дверь и побежал назад с воем, как одержимый духами.

Почти все дома на главных улицах были в огне. Пламя освещало небо и придавало почти жуткое желтоватое свечение. Денсу подошел к еще не подожженному дворцу и завернул за угол.

Навстречу ему по направлению к главной площади двигалось несколько человек. У шедшего в середине была веревка на шее. Черный солдат держал свободный конец этой длинной веревки. Четыре солдата прикладами ружей подталкивали пленника. Шестой солдат сзади катил бочку. Денсу хотел подойти поближе, но тут человек с веревкой на шее издал громкий жалобный рев, как ведомый на бойню бык. Этот голос нельзя было спутать ни с чьим. Солдаты вели вешать Бунтуу.

Денсу неожиданно ощутил приступ боли. Он не понимал себя. Никогда ничем Бунтуу не вызывал в нем сочувствия. И все же нельзя было видеть без сострадания, как человека ведут на убой, точно животное. Бунтуу громко, отчаянно заклинал своих стражей:

— Не убивайте меня! Я ничего не взял. Я все вернул!

В ответ солдаты лишь подталкивали его прикладами. На главной площади солдаты с быстро выросшей толпой зевак остановились под огромным деревом вава с могучими раскидистыми ветвями. Первый солдат с концом веревки в зубах влез на дерево и уселся на толстый сук. Шестой солдат подкатил бочку прямо под сук. Четыре солдата поставили Бунтуу на бочку. На шее его была петля.

Бунтуу отчаянно сопротивлялся, но этих четырех солдат явно отбирали из числа самых сильных, и они грубо ослипли обреченного. Первый солдат натянул веревку, несколько раз обмотал ею сук и крикнул:

— Давай!

Четыре солдата выбили бочку из-под Бунтуу. Тело гиганта дрыгнулось на веревке. Чудовищный вопль вырвался из сдавленной глотки:

— Не убивайте!

Солдаты захохотали, они передразнивали его жалкие крики:

— Спасите! Помогите!

Солдаты веселились от всей души.

Точно поняв, что он один и никто ему не поможет, Бунтуу обеими руками схватил веревку над головой и

изо всей силы дернул ее. Потля на шее немного расширилась. Солдаты перестали смеяться. Освободив глотку, Бунтуи вновь продолжал молебь:

— Не убивайте меня! Помогите мне кто-нибудь! Я умираю! Помогите!

Первый солдат развязал узел на суку и отпустил веревку. Бунтуи с размаху рухнул на землю. Он тотчас же вскочил на ноги и попытался сорвать петлю с шеи.

Это ему не удалось. Четыре солдата снова его осилили.

Стрезав кусок веревки, они связали его руки за спиной и швырнули свободный конец первому солдату, который опять обхватил им сук, когда они водрузили Бунтуи на бочку. Снова бочка вылетела из-под ног. Бунтуи раскрыл рот, чтобы крикнуть о помощи, но с губ его сорвался всего один резкий, хриплый звук. Настало молчанье. Слышно было только, как посмеивается первый солдат на суку.

Вскоре площадь опустела. Денсу подошел к повешенному и осторожно снял с его руки единственное записье.

4. ОХОТА НА ВЕДЬМ

Когда Денсу вернулся в тайный дом Асамоа Икванты, Осон уже ушел.

— Что значит этот шум? — спросил Асамоа Икванта.

— Умер один мой знакомый. Он служил стражем на Береговом Мысе. Белые приказали его повесить.

— Что он сделал?

— Он подражал белым и крад имущество бежавших царей Асанте, — сказал Денсу.

Асамоа Икванта вздохнул. При свете пожара, проникавшем сквозь все щели, Денсу увидел искаженное лицо полководца.

— Осон сказал мне то, о чем я не подозревал, — сказал Асамоа Икванта. Словно колеблясь он помедлил, но все же закончил мысль: — Денсу, тебе надо вернуться к целителям.

— Когда?

— Как только ты отдохнешь. Ты можешь пойти завтра?

— Да, — ответил Денсу. — Но что случилось?

— Цари решили, что вы, целители, уловили мою душу, околдовали меня и старались с моей помощью лишить их власти. Они думают, что вы, целители, сами надумали стать царями.— Асамоа Нкванта сухо рассмеялся.— Представляю себе, как Дамфо разгуливает по городу в царских одеждах.— Больше он не смеялся.— Понимаешь, времени даром тратить нельзя.

— Вы думаете, цари решили напасть на целителей? — спросил Денсу.

— В этом я убежден,— сказал Асамоа Нкванта.— Потому целителей надо предупредить.

— Я должен идти сейчас же,— сказал Денсу.

— Сначала отдохни,— сказал Асамоа Нкванта.— Ты сегодня ни минуты не отдыхал. Осон принес нам еды. Поешь. Потом я тебе передам кое-что для Дамфо и других целителей.

Когда Денсу поел, Асамоа Нкванта положил на его ладонь камешек.

— Погляди хорошенько,— сказал он.

Денсу узнал алмаз, который Осон принес полководцу.

— Это же было подарено вам,— сказал он.

— Я не могу оставить его у себя. Если они узнают, они убьют Осона. И я хочу что-то дать Дамфо на память. Скажи ему, что со временем он мне понадобится и я его отыщу. А сейчас дела мои здесь.

— Вам ничего не угрожает? — спросил Денсу.

— Ничего, пока у меня есть силы и воля к жизни.

Больше до утра Асамоа Нкванта не сказал ни единого слова.

Проливной дождь лил все утро, но Денсу и не собирався переждать его. Путь от Кумасе до Прасо занял больше времени, чем обычно. Вдоль дороги группами бродили остатки рассеявшегося войска Асанте. Кое-где постреливали. Денсу все время должен был обходить людей, поэтому он добрался до Прасо лишь к ночи.

Он шагал по полям к дому, в котором когда-то жил, и вдруг, несмотря на тьму, увидел, как тень человека мелькнула в кустах впереди него. Денсу прижался к стене дома и замер. В кустах мелькнула вторая тень, третья.

Быстро и бесшумно Денсу скользнул в дом. Без света он сразу нашел, что искал. Прислоненные к левой стене, стояли три ружья. Он зарядил их и выскользнул наружу. Необходимо было поднять всех целителей. Но навстречу ему уже бежал человек с двумя полыхающими факелами.

Он швырнул факел на крышу дома, в котором жил Денсу, и перекидывал другой факел из левой руки в правую, когда Денсу прицелился и выстрелил. Человек упал на пылающий факел. Пламя с шипеньем погасло. Но поджигатель был не один. Из кустов выбегали все новые тени — каждая с двумя факелами. По упорядоченности их действий было ясно, что они поделили между собой селенье целителей. Но трое они подбегали к каждому дому и забрасывали факелы на крышу. С жутким криком «гори-и-ни! гори-и-и-ни!» они убегали назад в кусты.

Денсу прицелился и выстрелил из второго ружья. Один из поджигателей беззвучно рухнул в кустах. Денсу выстрелил в третий раз. Раздался вопль: «Я ранен!»

Прячась за стену дома, Денсу стал на колени и перезарядил ружья. Выстрелы, шум и огонь разбудили целителей. В поисках спасенья они выбегали из горевших домов. На фоне пожара их было слишком хорошо видно.

— Берегись! — кричал Денсу.

Но было уже поздно. Или поджигатели превратились в стрелков, или в кустах с самого начала сидели стрелки, но в полыхающем мраке защелкали выстрелы. Для спрятавшихся охотников целители были удобной мишенью. Укрыться им было некуда. За спиной бушевал пожар, спереди, справа и слева свистели пули.

Нианеба, шатаясь, вышла из дома. Денсу отчаянно кричал, чтобы она легла наземь и отползла в сторону. Но она, казалось, ничего не слыхала. Как во сне, она шла к другим горящим домам и попала в целую тучу пуль. Она упала не сразу, сначала она села и повернулась лицом к двери, из которой только что вышла.

Сколько целителей погибло, не выходя из домов? Сколько разорвали на части пули невидимых убийц?

Денсу понял, что спасти никого не сумеет. Ползком, со всеми тремя ружьями он добрался до кустов. Осмотревшись, он увидел человека с ружьем, прицелился и выстрелил.

Человек упал. Стрелков было много, и, когда один из них упал, Денсу увидел, как заметались остальные. Он переменял место и вновь выстрелил.

Кто-то испуганно закричал:

— Мы убили их всех. Какой-то дух убивает нас!

— Пошли назад! — откликнулся кто-то один, потом все.

Денсу хотел было их преследовать, но неотложная мысль заставила его переменить намеренье. Он обошел тела целителей и убедился, что в живых никого не осталось. Оставшиеся в домах превратились в пепел. Выбежавшие наружу были прострелены по множеству раз. Помочь им никто бы не мог.

Уходя из сожженной деревни, он вдруг услышал стон. Неподалеку от своего дома Денсу увидел лежавшего и подошел к нему. Лицо его было чем-то знакомо, но Денсу узнал его далеко не сразу. Умиравший был жрец, сопровождавший Асамоа Нкванту, когда полководец впервые пришел к целителям. Сначала Денсу подумал, что жрец узнал его и зовет, но тот только просил воды.

— Зачем? — с трудом произнес Денсу.

Жрец понял его.

— Эти целители, — из последних сил проговорил он, — эти целители околдовали моего осаджифо. Они обратили его против меня и других жрецов. Все они должны умереть. Все до одного. Все! Воды. Дай мне воды.

Жрец умирал. Пуля попала ему в голову. Договорив слова ненависти, он не мог уже оторвать голову от земли. Денсу встал и пошел прочь.

5. ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Дорога на юг была усеяна брошенными селеньями и выгоревшими домами. На местах бывших полей и рощ торчали пни и лежали мертвые листья. Над дорогой стоял смрад от непогребенных тел. Душа Денсу была опустошена зрелищем непоправимой разрухи, ум терял осознание цели, и путник порой сбивался с пути. Он добрался до восточного леса только через неделю. Он брел по тропинке, как заблудившийся чужестранец. Аджоа увидела его и привела домой.

Когда Денсу наконец понял, где он находится, он рассказал Аджоа, Арабе Джесиве и Дамфо все, что

произошло: о надежде Кумасе, об отчаянье Асамоа Икванты, об избытке целителей в Прасо. Дамфо не прятал слез. Аджоа рыдала. Хотя Араба Джесива еще не заговорила, Дамфо знал, что она поняла все, потому что слезы заливали ее лицо.

Последовавшие дни были днями тоски и болезни. Иногда Денсу чувствовал, что ничто больше не привязывает его к жизни. Но его окружали любовь и забота, и со временем к крови в его жилах стала возвращаться сила. В теченье всей болезни он слышал в душе своей зов, могущественный и непрестанный, как бьенье сердца, как дыхание легких. Он не мог противиться или не противиться этому зову. Он видел слишком много горького и несправедливого.

— А Джесива до сих пор не поправилась, — не рассеянно говорил он Дамфо.

Хотя силы Денсу восстанавливались, пережившая столько душа его более не сопротивлялась чему-то похожему на отчаянье, что звало его назад, к местам, дням и страданиям, которые отдалились во времени и пространстве, но так и не были изжиты внутри него.

— Почему Джесива не говорит? — спросил он Дамфо.

— Я не знаю, — ответил Дамфо.

— У нее невредимо горло?

— Тело ее совершенно здорово, — сказал Дамфо. — Для того чтобы заговорить, необходимо такое сильное желание, которое победило бы страх, сковывающий ее с той минуты, когда она увидела убийство князя Аннии. Однажды Денсу даже подумал, не остановит ли страх и его. Но, шагая в одиночестве по дороге в Эсуано, он вдруг с пронзительной ясностью понял, что давно привык жить вне страха.

Он вошел в Эсуано ночью. Город несколько не переменялся. Почему он ожидал найти в нем что-то невиданное? Он шагал мимо домов, в которых бывал мальчишкой, мимо дома Эпаца, мимо дома, в котором жила белая торговка Коалице, а после — его соотечественник, христианский священник Уорнер. Так он дошел до дворца.

Страж у ворот, не узнав, остановил его. Денсу протянул ему запястье, которое он сиял в Кумасе с повешенного Бунтун.

— Передай это эдже Абабио, — сказал он.

— Нане Абабио, — поправил его страж. — Он царь.

— С каких пор? — спросил Денсу.

— С тех пор, как умер папа Канта, — ответил страж. — Чего тебе надо ночью от царя? Подожди до утра.

— Покажи ему это зайястье, — спокойно сказал Денсу. — Скажи ему, что тот, кто принес зайястье, принес один и принес важное известие. Он тебе не простит, если ты заставишь его ждать до утра.

Слова Денсу убедили стража, и он пошел во дворец. Вскоре он возвратился с другим стражем, великаном, который ни разу не раскрыл рот. Немой великан провел Денсу к Абабио, в главную комнату дворца.

Абабио лежал, развалившись, на большой бронзовой кровати под красным шелковым пологом. Он еще растолстел, кожа лоснилась сильнее, казалось, он даже сильнее облысел, если только лысый может стать более лысым. В ногах кровати стояло большое зеркало. Комнату освещало несколько факелов. Немой великан оставил Денсу в середине комнаты и отошел в сторону. Абабио долго, с недоумением глядел на гостя и в конце концов внезапно расхохотался.

— Я думал, это Бунтуи, — сказал он.

— Бунтуи умер в Кумасе несколько недель назад, — сказал Денсу.

Смех Абабио звучал теперь весело.

— Кажется, вы довольны, — сказал Денсу.

— Доволен, — сказал Абабио. — Очень доволен. — Он снова уставился на Денсу, словно только теперь осознал, кто стоит перед ним. — Я бы не смог тебя понять, даже если бы прожил тридцать тысяч лет. Убежавший от смерти олень сам возвращается в западню. Почему?

— Что почему? — спросил Денсу.

Большим пальцем через плечо Абабио показал на великана-телохранителя:

— Он ничего не слышит. А если бы даже слышал, ничего бы не мог никому сказать. У него отрезан язык. Потому побереги слюну. Не задавай умных вопросов, так чтобы я проболтался, а он стал твоим свидетелем. В этом большом новом мире, Денсу, ты один. Совсем один.

— Вам незачем беспокоиться, — сказал Денсу. — Сюда меня привела не надежда.

— Это ясно, как дождевая вода, — улыбнулся Абабио. — Что же тебя привело сюда?

— Я думал, вы сами поймете.

— Гордость, наверно,— сказал Абабио.— И любопытство.

— Давайте остановимся на любопытстве,— сказал Денсу.

— Что же тебе любопытно узнать? — спросил Абабио.

— Почему вы убили Аппию?

Абабио рассмеялся неподдельно счастливым смехом. И все-таки он понизил голос:

— Ты хочешь сказать, что сам до сих пор не понял? — Он вытянулся на кровати, запрокинул голову и, глядя на потолок, продолжал: — Ты всегда плохо понимал действительность. Позволь, я тебе кое-что объясню для твоего же блага. В нашей стране настал новый день. Белые стали хозяевами. Они признают тех, кто оказывает им помощь. Они признали меня, Абабио, царем Эсуано. Кто идет против меня, идет против белых. Они меня защищают. Они обо мне заботятся. Чего бы я ни пожелал, я могу у них попросить и наверняка получу.

— Стоило ради этого убивать родственника? — спросил Денсу.

— По-настоящему Аппия не был моим родственником,— ответил Абабио.— Тебе следовало бы знать, как устроены царские дома. Твой отец это знал — и к несчастью для себя, так хорошо, что прекратил всякое общение с ними. Это его и погубило. Всякий, кто удаляется от власти, причиняет себе ущерб.

Если ты раньше не знал этого, то узнай сейчас. Каждая царская семья — также семья рабов. Царей без рабов не бывает. Как и рабов без царей. Моя семья была частью царской семьи — сначала ее низшей частью, семьей рабов.

Мой дед был рабом в Кумассе. Чудо, что там его не оскотили. Он служил у царицы-матери. Говорят, он был такой верный, что царь доверял ему во всем. Говорят, он был такой уродливый, что ни одному мужчине в голову бы не пришло опасаться за своих женщин. Говорят, он всегда был так тих и обходителен, что его сочли лишенным мужской силы. По крайней мере царь оставил мошонку деда в покое.

Мой дед был благодарным рабом. Он верно служил своему царю. В награду за это его отдали как подарок

белому человеку. Ты знаешь, как поступают цари. Белый человек не знал, что с ним делать. Он в свою очередь подарил его тогдашнему царю Эсуано.

Навыки, усвоенные при большом дворе в Кумассе, весьма помогли моему деду здесь. Он знал, как, когда и что говорить, и никому не говорил, что думает. Он использовал свое красноречье с выгодой, он всегда льстил власть имущим. Он никогда не задавал вопросов, и верность его никогда не ставилась под вопрос. Отец рассказывал мне, что дед однажды при всем народе лег перед царем на землю и провозгласил: «Царь, будь добр, плюнь мне в рот, чтобы мне передалась частица твоей несказанной мудрости!»

Абабио рассмеялся — смех его был тверд, как металл. — Царь принял предложенье. Он плюнул. Должно быть, он хорошо прицелился, потому что плевок целиком попал деду в рот. И дед проглотил его. К его вечной славе и бесконечной выгоде для его потомков, деда не вырвало.

Нужно ли мне еще доказывать тебе, что я знаю все о дорогах, ведущих к власти? Это знание смешалось с кровью бабки и матери и передалось мне от деда. И вот самый быстрый путь к власти — слепое повиновение тому, у кого верховная власть.

Вскоре после того, как мой дед геройски проглотил царский плевок, никто не мог попасть к царю, минував моего деда. И я спрошу тебя, Денсу, может ли быть более прочное основание для власти?

Мой дед начал долгое восхождение от безвластия к власти. Погляди на меня и скажи: разве я предал его мечты? Или, может быть, я недостойный внук? Кто посмеет теперь назвать Абабио рабом? Абабио сидит на престоле. Абабио царь.

— И убийца, — тихо добавил Денсу.

— Поразмысли получше. — Абабио почти мурлыкал. — Денсу, скажи мне, как может царь быть убийцей? Если царю надо, чтобы кого-то убили, этого человека объявляют изменником. А изменников не убивают. Их казнят — на благо народа.

— Бунтуи сказал мне... — начал Денсу.

— Бунтуи мертв, — оборвал его Абабио. — Мертвых свидетелей не выслушивают. — Абабио сел на кровати и свесил ноги на пол. — Как жаль, что мы не сумели

тогда закончить суд над тобой. Это было захватывающее зрелище. Кстати, что случилось с твоим другом? Энан всегда был такой, как ты.

Денсу не ответил.

— Теперь мы устроим новый суд,— продолжил Абабио.— Это будет совсем другой суд. Культурный суд. Белые постоянно твердят нам, что в прошлом мы жили, как во сне. Теперь, они говорят, что открыли нам глаза. Теперь мы стали культурные. Испытанье напитком истины отошло в прошлое. Мы устроим настоящий суд. С Берегового Мыса придет белый человек. Он позаботится, чтобы все было сделано как следует, культурно, по-новому. Ты получишь возможность говорить в свою защиту. А потом мы тебя повесим.

Абабио поднял руку. Великан-телохранитель вышел вперед. Уходя, Денсу сказал Абабио:

— Не опасайтесь ничего. У меня больше нет желания бежать.

Суд устроили во дворце. Из приемного зала вынесли барабаны, сиденья, звериные шкуры. К дальней стене поставили высокий стул, как у белых, привезенный с Берегового Мыса. Для зрителей соорудили длинные скамьи. Перед началом суда десять вест-индских солдат вошли в зал и встали в два ряда по обе стороны стула.

Судья был старый белый человек с белыми волосами, красным лицом и багровым носом. Он удобно уселся на высокий стул, но все время судебного разбирательства ему, несомненно, было не по себе. Каждый раз, когда раздражение брало в нем верх над терпением, он отхлебывал какой-то жидкости из большой темно-серебристой фляги. Неизвестно, что в ней содержалось, но настроение судьи немедленно улучшалось, по крайней мере на несколько минут.

Денсу посадили на открытое место между судьей и зрителями и тотчас же объявили заседание открытым. Переводчик с Берегового Мыса изложил судье суть дела: Денсу подозревается в убийстве князя Аппии, наследника эсуанского престола. Доказательства его вины многочисленны. Во-первых, Денсу и убитый князь были непримиримыми соперниками. В играх прошлого года Аппия взял верх над Денсу. Денсу в них оказался вторым.

Другое доказательство. У убитого князя, явно для колдовских целей, были вырезаны глаза и полоски кожи

с рук и ног. Спрашивается, почему колдуну понадобилось именно это, а не что-то иное? Нельзя забывать, что Аппия превзошел Денсу в стрельбе, то есть искусстве глаз. Аппия должен был победить в борьбе и только по доброте своей отказался от легкой победы. Не потому ли у него вырезали полоски кожи с рук? Аппия победил в коротких забегах — сила его ног была всем известна. Больше того, после окончания игр Аппию чествовали как победителя, на Денсу же не обращали никакого внимания. Все время торжество он бродил в сумрачном одиночестве, избегая людей.

Призвали свидетелей. Они рассказали, что знали, что видели и что слышали. Основным свидетелем был Абабио.

Абабио с чувством напомнил суду, что он в течение многих лет был опекуном Денсу. С самых первых дней его тревожили две главные черты характера подопечного: заносчивость и завистливость.

Заносчивость не позволяла Денсу признать чье-либо, даже самое очевидное превосходство над собой. Поэтому он всегда яростно завидовал тем, кто превосходил его. Он не мог не завидовать Аппии. Зависть переросла в ненависть. Ненависть довела до убийства.

Тут печаль одолела Абабио, и он прервал свой рассказ, чтобы смахнуть слезу. Он молчал долго и выразительно, так что за это время судья успел хорошенько хлебнуть из серебряной фляжки. До этого Абабио глядел в сторону переводчика, теперь он взглянул прямо в лицо судье. Голос его задрожал от сильного чувства:

— Прежде чем продолжать, я хотел бы, чтобы призвали другого свидетеля. Он тоже хорошо знает преступника.

Этим свидетелем был Эсуман, эсуанский придворный жрец.

Эсуман рассказал потрясающую историю. Накануне убийства князя Аппии Денсу пришел к нему и задал странный вопрос. Денсу спросил, верно ли, что человек может приобрести некоторые свойства, если съесть нужные части тела того существа, которое обладает этими свойствами в высшей степени.

— Я ответил ему, что это верно,— сказал жрец Эсуман.— Тогда Денсу захотел уточнить, произойдет ли то же самое действие, если имеющееся в виду существо —

человек. Удивленный и обеспокоенный, я спросил Денсу, не собирается ли он есть части человеческого тела. В ответ юноша рассмеялся безумным смехом и спросил, как следует приготовить для еды добытые части тела. Я объяснил, что приготовить их может только такой жрец, как я.

Назавтра после убийства князя Аппни Денсу снова пришел ко мне. Вот что он мне принес.— Эсуман вынул из-под халата мешочек, измазанный белой глиной. Из него он извлек один за другим два высохших человеческих глаза и четыре полоски свернувшейся кожи.— Все то взято у убитого князя Аппни. Это принес мне Денсу. Прибавить мне больше нечего.

Жрец Эсуман опустил голову и отошел в сторону. Было видно, что он не в силах выдержать такой бездны зла.

Абабио добавил всего одну фразу:

— Я знаю о преступлении Денсу не со слов Эсумана — сам юный злодей в смятении духа пришел ко мне и во всем признался.

Денсу оглядел зал суда. Белый судья на высоком стуле отхлебнул из фляжки, чтобы победить скуку. Абабио и Эсуман стояли мрачные и величественные. На скамьях сидели зрители. Между ним и всеми остальными, казалось, было огромное расстояние, и поэтому все люди казались маленькими, как на большом удалении.

В притихшем от ужаса зале снова раздался голос Абабио:

— Денсу пришел ко мне и во всем признался. Он сказал, что был не в силах сдержать себя. Он сказал, что не собирался убивать Арабу Джесиву, мать князя. Но когда ее сын попал в западню и на него набросился убийца, несчастная женщина попыталась спасти князя Аппню. Денсу рассказал мне, что она билась с ним, словно разъяренный леопард до тех пор, пока он не переломал ей все кости, и она умерла.

Выслушав перевод, краснолицый судья спросил:

— Обвиняемый в самом деле признался вам, что он убил князя и его мать?

— Клянусь, он признался в убийстве обоих!— воскликнул Абабио.— Я только не сумел выведать у него, куда он дел тело матери.

Терпенье судьи явно иссякало. Фляжка его почти опустела.

— Вы кончили? — резко спросил он.

Нет, Абабио отнюдь не кончил.

— Сегодняшний подсудимый много лет был моим воспитанником. Мне мучительно говорить, но чувство ответственности, ответственности царя перед народом, лишает меня возможности промолчать. Это опасный человек. Непосытная жажда власти толкает его на злодеянья. Если он будет свободно разгуливать по земле, совершенные им преступления покажутся шуткой по сравнению с теми, которые он совершит в будущем.

— Довольно,— прервал его судья.— Обвиненье мы выслушали. Что имеет сказать обвиняемый в свою защиту?

Два вест-индских солдата поставили перед судьей Денсу, закованного в кандалы. Судья повторил вопрос. Переводчик снова его перевел. Денсу не произнес ни слова.

— Что, этот болван оглох? — зашипел судья и, неловко взмахнув рукой, опрокинул фляжку. Последние капли жидкости вылились на пол. Судья злобно взглянул на фляжку и пробормотал что-то себе под нос.

Абабио выскочил вперед с ответом:

— Преступник прекрасно слышит. Чувство вины мешает ему говорить.

— Не чувство вины мешает ему говорить, Абабио,— раздался голос у входа в зал. Голос слегка дрожал, он был негромкий и хрипловатый. Но это был голос такой сладкий для слуха, такой прекрасный, что бесконечное расстояние, отделявшее Денсу от присутствующих, мгновенно пропало.— Нет, не чувство вины. Ему мешает говорить чувство изумленья. Он изумлен тем, что его собственный опекун клеветает на него и хочет, чтобы его убили.

Говорила женщина. Она медленно, словно невозможная мученья, вышла на середину зала, опираясь на другую женщину, почти девочку. Араба Джесива и Аджоа теперь были в середине зала. В дверях стоял Дамфо.

Завидев Арабу Джесиву все в зале окаменели на несколько долгих мгновений. Оглушительный шипок вдруг прервал тишину — словно все одновременно узнали невозможную правду. И снова настала мертвая тишина.

Судья пожелтел от злобы, потом снова побагровел. Он яростно молотил кулаком по ручке высокого стула.

— Кто это, черт возьми? Кто эта женщина?

Словно обязанный повиноваться зомби, переводчик перевел вопрос судьи. Ответили зрители, многие из них выкрикнули одновременно:

— Это сама Араба Джесива! Мать убитого князя!

Так велик был шум в зале, что переводчику пришлось проговорить ответ прямо в ухо судье. Слова его произвели неожиданное действие. Судья словно проснулся, происходящее ему стало явно небезразлично.

— Бог ты мой! — воскликнул судья. — Впервые слышу, как говорят с того света. Черт возьми, дайте слово даме!

Араба Джесива заговорила. Слезы потоком лились по ее щекам, и она их не вытирала.

Она рассказала о своей бесконечной благодарности целителю Дамфо. Она рассказала, как отправилась к Дамфо со своим драгоценным сыном. Затем она рассказала, как ловушка неожиданно оторвала Аппию от земли и лишила силы. Как жестокий гигант Бунтуи выбежал из-за дерева и набросился на ее сына и как сын ее был мгновенно убит. Она пыталась помочь сыну. Но она не умела бороться, беда застигла ее врасплох, и она оцепенела от страха. Что могла она сделать?

— Гигант Бунтуи переломал мне все кости. Я до сих пор помню, с каким страхом глядел он на меня, поверженную, изувеченную. Он не знал, что со мной делать. Боль победила меня, и я потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, я была в незнакомом месте. Кругом стояла полная тьма. Я даже подумала, что ослепла. Я не могла пошевелиться. Мне было трудно дышать. Но слышала я хорошо. Я услышала топанье ног и злобные крики.

Я узнала голоса. Абабио кричал на Бунтуи за то, что он бросил меня в лесу и я исчезла. Он кричал, что Бунтуи все погубил. Он заставил Бунтуи обыскать всю окрестность. Но уже светало, и Абабио боялся, что в лес придут люди. Поэтому им вдвоем пришлось уйти в Эсуано, не разыскав меня. Так я лежала какое-то время, а потом снова лишилась чувств.

Я думаю, прошло несколько часов, когда меня пробудил знакомый приветливый голос, его голос, — Араба

Джесива указала на Дамфо.— Он дал мне напиток, который унес боль и снова погрузил меня в сон. Я спала долгие века и не видела сновидений и проснулась в восточном лесу, в селенье целителей. Я очень нескоро смогла понять, жива я или мертва. Но целители ухаживали за мной. Постепенно они изгнали дух смерти из моего тела. И вот я стою перед вами.

Я знаю, кто убил моего сына и почти убил меня: это Бунтуи. Я также знаю, кто заставил Бунтуи совершить убийство: это Абабио.

Не скрывая любопытства, белый судья повернулся к Абабио, новому царю. Абабио обливался потом, он, казалось, сделался меньше ростом. Его друг Эсуман так дрожал, что едва держался на ногах. Не ожидая вопросов, он начал оправдываться:

— Я не хотел ничего говорить. Это он заставил меня лгать,— Эсуман указал на Абабио.— Я ничего не знал ни про Денсу, ни про глаза и кожу. Мне их принес Абабио. Я тут ни при чем.

Происходившее явно забавляло белого судью.

— Черт побери, кажется, мы судим не того туземца,— сказал он.— Освободите немого парня, а этих двух мы заберем на Береговой Мыс.— И он громко повторил: — Освободите подсудимого!

Вест-индский солдат снял с пояса связку ключей и, отомкнув кандалы на Денсу, отдал честь белому судье.

— Можешь идти,—сказал судья Денсу.

Прежде чем переводчик успел вымолвить слово, Денсу повернулся и пошел.

— Черт возьми! — воскликнул судья.— Этот немой парень не глухой. И он понимает по-английски. Черт побери! — Всю его злость и усталость словно рукой сняло. Он поднялся с высокого стула, весело посмеиваясь.

6. НОВЫЙ ТАНЕЦ

Толпа окружила Дамфо, Арабу Джесиву, Аджоа и Денсу. Еще недавно на лицах людей было одно безразличье. Теперь все они выражали облегчение, благожелательство, восторг. Все теперь были готовы отпраздновать освобождение узника.

Араба Джесива первой выбралась из толпы. За ней последовали Аджоа, Дамфо и Денсу. Грустно кивая,

Джесива обошла знакомый и переименованный дворец. Она посетила комнаты — могилы Канто и старой царицы-матери Эси Аманнвы. Она посетила собственную комнату — могилу Аннии.

Выйдя во двор, она увидела, что люди собираются принести ягненка в очистительную жертву.

— Пусть он живет, — остановила она жертвоприношение. — Кровью ягненка не отмоешь грязные души людей.

Перед дворцом поставили угощение, и все четверо поели и после еды выпили. Вечером старейшины Эсуано пришли к Джесиве. Они умоляли ее простить город.

— За что? — спросила Араба Джесива. — Вы ничего не сделали.

— Именно за это, — ответил человек, говоривший от имени всех старейшин. — Мы ничего не сделали в то время, когда мы должны были что-то сделать.

— Незачем теперь просить за это прощение, — сказала Джесива. — Вы просто хотели покоя. Я сама хочу вам того же.

Старейшины не решались прямо задать важный вопрос. Окольными путями они наконец добрались до него. Это было ошеломляющее предложение, обращенное к Денсу. Не согласится ли он стать царем Эсуано?

Денсу грустно посмотрел на них и покачал головой. Слова ему не понадобились.

Суд над Абабио должен был состояться в четвертый день недели в крепости на Береговом Мысе.

Дамфо, Араба Джесива, Аджоа и Денсу дошли до Бакано к вечеру второго дня. Они остановились у Амы Нкромы.

Утром она спросила, хорошо ли спали гости.

— Говорят, белый полководец сегодня уезжает, — сказала она. — Может быть, вам будет приятно поглядеть на его отъезд?

Она повела их вдоль лагуны на восток. Возле крепости она повернула налево, а в городе направо и снова направо, так что они вышли к бухте с восточной стороны крепости.

В море ждал корабль. На границе моря и суши лежало десять больших шлюпок. Перед каждой наготове стояло по три десятка голых по пояс гребцов.

Шум толпы возвестил о появлении белого полководца. Четыре силача принесли его в покоившемся на длинных шестах плетеном кресле, так что он сошел в первую шлюпку, не коснувшись ногами песка. Под красным зонтом стоял Ата, царь Берегового Мыса. Возле бухты виднелись и другие зонты царей. Царские трубы пронзали воздух. Полководец заговорил, резко взмахивая рукой. Его окружали вест-индские солдаты с ружьями и музыкальными инструментами. Когда полководец Вулсли закончил речь, гребцы вывели лодку в бурный прибой и яростными усилиями рассекли последнюю высокую волну, за которой царил покой открытого моря. За первой лодкой последовали остальные. Гребцы пели хвалу белому завоевателю.

Полководца Вулсли подняли на корабль. В мгновение ока корабль, отвозивший счастливого победителя на родину, умчался в неуловимую даль моря.

Прощаясь с белым военачальником, вест-индцы играли торжественную музыку. Но только корабль исчез, их музыка изменилась. Негибкие, прямолинейные, грубые ритмы музыки белых сменились новыми, изощренными, странно сплетавшимися счастливыми ритмами танца: на обратном пути солдаты плясали, а не маршировали. Толны присоединялись к их танцу. Танцующие мпновали крепость, прошли направо по большой площади и растеклись по улицам Берегового Мыса.

Танцевали люди всех племен, набранные в солдаты белыми. Не танцевали одни белые, они глядели на ликующую толпу, покачивая головами, и хохотали, когда замысловатые прыжки и фигуры поражали их воображение.

Здесь были войны опобо с востока, они старались держаться подальше от своих соседей из Бонни. Здесь были войны хауса, приведенные Гловером с земель Кварры. В толпе перемешались люди из Дагомеи, Анечо, Атакнаме, Ады, Га и Экуапема. Здесь было несколько человек из Эфуту и множество стражников-фантсе в новых пелесых мундирах. Здесь были суровые закаленные кру с запада, люди маңде и темпе с далекого запада и воинственные суссу, которые никогда не расстаются с мечом.

И все они слышали, как вест-индцы превратили белую музыку смерти в музыку танца и радости. Все они умели и хотели танцевать под эту музыку, и огромная, пестрая, немислимс разнообразная толпа весело струилась по улицам города, и за ней тянулася длинный безумный хвост лентяев, зевак и детей.

— Это новый танец,— покачала головой Аджоа. Ее грусть была отраженьем грусти Дамфо, Арабы Джесивы и Денсу.

А стоявшая рядом с ними старая Ама Нкрома тихоенько пошевеливалась от бесконечного счастья.

— Чему ты радуешься, странная целительница? — спросил Дамфо.— Может быть, на тебя папало прославленное безумье всех целителей?

Ама Нкрома не такла веселья.

— Да, это новый танец,— сказала она.— И это нелепый танец. Но посмотрите на всех этих черных людей, которых сюда привели белые. Мы, целители, ломаем голову, как соединить черные племена в единый народ. Белые, наоборот, стараются нас разобщить. Разве вас не радует то, что, стараясь разобщить черных, белые, сами того не ведая, помогают нам работать во имя будущего? Только взгляните!

Ама Нкрома смеялась, и из глаз ее текли слезы.

ИБ № 10992

Редактор А. А. Файнгар
Художник А. С. Зайцев
Художественный редактор А. П. Купцов
Технический редактор В. А. Павлова
Корректор Н. И. Мороз

Сдано в набор 8.07.81. Подписано в печать 26.02.82. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать
высокая. Условн. печ. л. 17,22. Уч.-изд. л. 17,96. Тираж
100 000 экз. Заказ № 1221. Цена 2 р. 10 к. Изд. № 34128

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена
Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Тех-
ническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, 11-52,
Измайловский проспект, 29.

2 р.10к.